

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА
БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

БИЛЕТ
НА ЛАДЬЮ
ХАРОНА

ЭКСМО

2003

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

- Звягинцев В. Д.
3 45 Билет на ладью Харона: Фантастический роман. —
М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 512 с. (Серия «РусФ»).

ISBN 5-699-03376-9

Ответ «черного интернационала» на захват Сергеем Тархановым изобретателя «Гнева Аллаха» профессора Маштакова не заставил себя ждать. Полномасштабная войсковая операция в Пятигорске подтвердила: отныне игры со временем и научные эксперименты переходят в фазу создания супероружия, что приведет к войне за мировое господство. Победит в ней тот, кто первым рискнет шагнуть за грань. Куда? В прошлое? В будущее? В чужую реальность, однажды увиденную Тархановым и почему-то показавшуюся странно знакомой?.. Однако не обернется ли это еще большей бедой как для самих участников «похода за пределы», так и для мира в целом?

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

— О Боже, — вскричал я в тревоге, — что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?

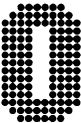
*Н. Гумилев
Ставрополь, 2003*

Мы пришли в этот мир на битву,
А не на праздник.

Н. В. Гоголь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

●●● ставив на степной дороге автобус с группой захвата, пленным профессором и его лабораторией, Сергей Тарханов (для окружающих — полковник Арсений Неверов) пересел в свой «Мерседес». Лихо, с писком покрышек и веером песка из-под колес, развернулся. Впереди его ждал Пятигорск, Татьяна и две недели безмятежного отпуска.

Слева, из-за гряды поросших гривками жидкого леса холмов, поднималось солнце.

Тарханов привычно взглянул на часы. Ровно пять¹.

Ехать ранним утром по южной степи в открытой машине — совершенно особенное удовольствие, которое трудно объяснить тому, кто не испытал этого наяву. Ну как передать все это: мягкий гул мощного мотора, свист срывающегося с рамы лобового стекла встречного ветра, рокот покрышек по не слишком гладкому асфальту, изумительные оттенки неба, пока еще ярко-голубого, с легкой зеленцой, а на западе вообще густо-си-

¹ См.: Звягинцев В. «Дырка для ордена».

него, но на глазах выцветающего под лучами набирающего силу солнца.

Солнце, как дуга электросварки, отчетливо дающее понять, что часов после девяти оно покажет в полную силу, что такое настоящая жара, но и сейчас уже припекающее вполне прилично.

Само собой — запахи степных трав. Они растут по холмам и ложбинам, очень разные, то гуще, то реже, оттого вдруг накидывает на тебя то тревожный запах полыни, то отцветающего чабреца, шалфея, зверобоя, еще каких-то разноцветных, неизвестных по названию столбиков и метелок. Блеснет у обочины болотце или ерик — и тут уже мгновенный всплеск пахнущей камышом и гниющей травой сырости.

И снова бьет в лицо сухой и горячий ветер.

На спидометре — девяносто километров в час, больше и не нужно, спешить некуда и незачем, да и думать на отвлеченные темы на такой скорости удобнее, чтобы не улететь невзначай с дороги на внезапном повороте или поздно замеченной выбоине, которые здесь, увы, встречаются часто и бессистемно.

Пятигорский радиопроцентр, как и много лет назад, по утрам передавал классическую музыку, и слушать «Послание к Элизе» Моцарта было приятно и не отвлекало ни от мыслей, ни от управления машиной.

А подумать Сергею было о чем.

Это ведь не просто так — выслушал то ли бредовые, то ли вполне достоверные рассуждения господина Маштакова и забыл о них, перейдя к текущим проблемам жизни.

Профессиональная составляющая случившегося минувшей ночью Сергея сейчас интересовала мало. Порученное ему дело практически сделано, объект акции задержан вместе со всем своим имуществом и следует по назначению с надежной охраной. А вот вброшенное им сомнение действует сейчас на мозг Тарханова, как

азотная кислота на проволочку во взрывателе замедленного действия.

Сказано, будто и между прочим, что он (а возможно, и Ляхов тоже) вследствие контузии, вызванной срабатыванием придуманного сумасшедшим изобретателем устройства для очищения территории Палестины от евреев, приобрел какие-то совершенно неожиданные свойства. И вступил в какие-то новые отношения с тем, что принято называть временем. Которое просто и понятно, но ровно до тех пор, пока не начинаешь задумываться, что же оно на самом деле такое.

Полный ведь бред слова господина Маштакова, при здоровом рассмотрении и думать бы об этом не стоило, если бы...

Если бы он не увидел на несколько минут совсем другой мир. Безлюдный, но совершенно реальный. Тарханов не мог объяснить даже сам себе, в чем тут дело, но он мгновенно ощутил его несомненную подлинность. Чуждую ему, но безусловную. Примерно таким образом нормальный человек всегда в состоянии понять разницу между явью и самым достоверным и убедительным сном.

Несмотря на то что совершенно ему непонятен был и «пионерский» лагерь, и приветственные слова в адрес шестнадцатого по счету съезда какого-то ВЛКСМ.

И что это все значит?

Если столь реальным оказался (или показался) тот мир, значит, здешний мир для него — сон?

И для Вадима Ляхова тоже?

(Вадим, кстати, тоже, без всякой связи со словами Маштакова и ничего о нем не зная, говорил о некоторых странностях жизни, начавшейся после боя на перевале.)

Ну а если вообразить, что хоть в чем-то Маштаков прав, что как-то они оба связаны с совершенно другой жизнью? Или вообще всегда жили там, а здесь оказа-

лись волей случая, или сумасшедшего профессора, что в принципе одно и то же? При всей абсурдности допущения, если его все-таки принять как рабочую гипотезу, возникает вопрос, вытекающий уже из внутренней логики ситуации, — откуда же и у него, Тарханова, и у Ляхова абсолютно полный комплект воспоминаний и о здешней жизни тоже?

Да вот хотя бы — Елена у Вадима, Татьяна здесь, в Пятигорске, у него? Они ведь не просто показались им на кого-то похожими, узнавание ведь было мгновенным и взаимным.

Сергей еще раз постарался оживить в памяти воспоминания об учебе в Ставрополе, о поездках в увольнение в Пятигорск, о знакомстве с Татьяной и все, что было именно тогда.

Ни малейших сомнений, никаких провалов в памяти. Он может точно назвать число и день недели, к примеру, того случая, когда они с Татьяной поехали в Железноводск, поднялись на вершину горы по терренкуру, а обратно решили спуститься по дикому склону и забрели в душные заросли полудикой малины и ели ее горстями, со смехом обсуждая, что будет, если из кустов вдруг вылезет горный медведь и предъявит свои претензии на ягоду.

А потом они вылезли из электрички в Пятигорске, сели в открытый прицепной вагончик трамвая, и их накрыл на полпути жутчайший ливень. Прибежали они в гостиницу ну уж такие мокрые...

Такое разве придумаешь?

Не проще ли в очередной раз прибегнуть к пресловутому принципу Оккама, принять за факт, что все-таки это Маштаков псих (да и похож), а сам он в полном порядке, и забыть обо всем, благо других забот выше крыши.

Тарханов остановил машину, достал из холодильника под спинкой правого сиденья бутылку покрытого ис-

паринной ставропольского пива «Антон Груби», выпил залпом половину, после чего присел на заросшую густой травой обочину и закурил.

Нет, это действительно самое лучшее решение — забыть пока обо всем об этом до возвращения в Москву, вместе с Вадимом все обсудить, еще раз (или сколько потребуется) побеседовать с господином Маштаковым, а уж потом...

Тем более с нуля часов сегодняшнего дня он испросил у руководства двухнедельный отпуск, и следует воспользоваться им с полным удовольствием.

Вообще Тарханов по своему характеру был мало склонен к рефлексиям. Пусть и закончил он весьма привилегированное военное училище, где преподавали и педагогику, и психологию, и логику с основами философии, выдавали по выпуску диплом, равноценный по статусу диплому гражданских университетов. Все равно он ощущал себя прежде всего офицером. Как шутили они, общаясь со студентами и студентками на балах в ставропольских и пятигорских институтах, рисуясь своей формой и демонстративной аполитичностью: «Наше дело — стрелять и помирать, когда прикажут. А за что и почему — господин полковник знает».

И далеко не всякий (всякая) из штатских приятелей умели понять, где рисовка, а где — подлинная суть этих крепких, с обветренными лицами, уверенных в себе парней.

По крайней мере, наиболее эффектные девушки из «хороших семей» к юнкерам относились не слишком доброжелательно. Называли между собой «сапогами». Что, естественно, вызывало ответные настроения.

Может быть, и с Татьяной у него не сложилось, потому что она перед своими друзьями и подругами стеснялась этого знакомства.

Сергей подумал, что окажись сейчас на его месте Вадим, настоящий интеллигент и аристократ, вот тот бы

попсиховал на предложенную тему. Тарханову же — плевать. Поскольку его роль в этой экзистенции совсем другая. Он не задумывается о причинах объективного существования проблем, а действует оптимальным образом в предлагаемых обстоятельствах. Для чего и существует в этом мире, каким бы тот ни был. И получает за это внутреннее удовлетворение, а извне — чины и ордена.

Радио в машине вдруг замолчало.

Просто сразу и напроць. Только треск атмосферного фона в динамиках.

Бывает и такое. Внезапная поломка на станции. Или — непрохождение радиоволн через линию грозового фронта. Вон он, кстати, завиднелся на горизонте. Слева и немного сзади по-прежнему припекает высоко уже поднявшееся солнце, а спереди наползает стена серо-синих кучевых облаков. И вроде бы даже погромыживает отдаленный гром.

Вставать ради того, чтобы перенастроить приемник, Сергею было лень. Он только что избавился от одной проблемы, и затеваться с новой, пусть и несравненно меньшего масштаба, не было ни малейшего желания.

Уж больно хорошо сиделось — на обочине абсолютной пустой дороги, где, сколько хватает взгляда, ни одной машины, ни попутной, ни встречной. Оно и понятно, слишком еще раннее утро. Зачем и куда в этот час ехать жителям Благодарного и Воронцово-Александровки, между каковыми селами он в данный момент находился? Вот начнется уборка урожая, тогда и ночью будут мотаться груженные зерном машины между полями, токами, железнодорожными станциями, а пока — тишина и сонный покой.

Как ни растягивал Сергей удовольствие, бутылка пива все же закончилась. Отставив ее в сторону — вдруг кому-то и пригодится, — Тарханов с сожалением посмотрел на догоревшую до мундштука папиросу, вда-

вил окурок в щепень на обочине. Что ни говори, еще один мелкий, но приятный эпизод в жизни закончился.

Отряхнул сзади брюки и снова сел за руль.

Пятигорская станция по-прежнему молчала, и он перенастроился на Ставрополь. Вот же черт, как специально, тамошние ребята поставили старую-престарую пластинку:

Скоро осень, за окнами август,
За окном пожелтели листья,
И я знаю, что я тебе нравлюсь,
Как когда-то мне нравился ты...

Садизм какой-то. Именно эту вещь исполнял маленький оркестрик в кафе «Крутозор» в тот вечер, когда Тарханов навсегда, как ему представлялось, попрощался с Татьяной.

Горечь ситуации несколько смягчалась только тем, что их за столиком было аж три пары, поэтому до душещипательных и совершенно тупиковых тем разговоры не доходили. Все присутствующие бодрились и веселились почти естественно.

А если бы он вдруг сказал тогда Татьяне: «Плюнь на все, выходи за меня замуж, и поедем вместе на Сахалин», — что бы из всего этого вышло?

Попал бы тогда неизвестно какому времени принадлежащий капитан Тарханов на горный перевал вместе с отчаянным доктором или мирно служил бы сейчас в очередном далеком гарнизоне, окруженный на досуге любящими женой и детьми, отнюдь не забывая себе голову всяческими глупостями из разряда ненаучной фантастики?

Сергей, на секунду бросив руль («Мерседес» отлично держал дорогу), сунул в рот очередную папиросу.

Кто бы мог подумать, что на мрачного внешне и резкого в поступках полковника могут так действовать вполне рядовые по художественным достоинствам песенки?

А вот действуют же, и настолько, что чуть сентиментальную слезу не вышибают.

Далеко впереди на дороге вдруг сверкнул яркий солнечный блик. Прямо в глаза.

Тарханов прищурился.

Встречная машина. Впервые за полчаса. Двигается навстречу очень медленно. Или вообще стоит. Инстинктивно он тоже сбросил скорость, пошел накатом. Вдруг помощь потребуется или еще что...

Еще полминуты, и стало видно, что это — очень старая «Волга», двадцатилетней, не меньше, давности. Буроватого какого-то цвета. От времени выцвела из кофейного или, наоборот, потемнел от ржавчины исходный бежевый?

Тянется еле-еле, километров пятнадцать в час, не больше. И сильно дымит. Кто за рулем, пока не разобрат. Но водитель еще тот, очевидно.

За сотню метров «Волга» замигала фарами и остановилась совсем.

Пока Тарханов тормозил, дверца встречной машины распахнулась, и на дорогу, несколько слишком резко, выпрыгнула девушка. Сергей даже присвистнул. Воистину, чудное видение, незнамо каким образом явившееся на глухой степной дороге.

Лет двадцати на вид, высокая, тоненькая, с коротко подстриженными светлыми волосами, одетая в узкий светло-синий костюмчик полувоенного покроя, только погон и петлиц не хватает. Юбка такая короткая, что открывает колени. Для здешних консервативных краев достаточно смело. Если даже и в крупном уездном центре, вроде Воронцовки, она в таком виде появится на улицах, вслед ей мужики наверняка будут оборачиваться, а почтенные старушки — отпускать нелестные эпитеты.

Само по себе нескромно так одеваться, а уж с ее вызывающе длинными ножками, обтянутыми алыми чул-

ками, — тем более. Здесь по селам и станицам до сих пор предпочитают видеть своих дочек и внучек одетыми более традиционно.

Приезжая, наверное. Несет веяния передовой столичной моды отсталым аборигенам.

Правая дверца открылась тоже, и появилась вторая девушка, очень похожая на первую, только постарше и одетая в летний сарафан нормальной длины.

И только тут Тарханов сообразил, что не только в ножках и юбках дело, и лица у девушек были очень привлекательные, но у младшей все же поинтереснее.

Словно боясь, что незнакомец сейчас вдруг даст по газам и умчится, девушки замахали руками, а водительница смело загородила «Мерседесу», и так уже остановившемуся, дорогу.

— Здравствуйте, девушки. Неужели я произвожу впечатление человека, способного оставить таких красавиц без помощи? Что у вас случилось? — Тарханов широко улыбнулся, опуская ногу на асфальт, и тут же понял, что дело тут совсем в другом.

Глаза и лица у девушек выражали отнюдь не страх перед тем, что незнакомец откажется помочь им, скорее они боялись за него.

— Вы в город? Не надо туда ехать, там... там что-то случилось! — выпалила первая, а вторая зачастила в унисон: — Бандиты, какие-то бандиты напали на город, в центре сильно стреляют, отец нам позвонил, он в полиции работает, сказал — быстро заводите машину и гоните в Воронцовку, там у нас бабушка живет, только по трассе не езжайте, а переулками, мимо тюрьмы и через Константиновку, я потом за вами приеду...

— И всех, кого по дороге встретите, — он еще сказал, — предупреждайте, чтобы не ехали, а в Воронцовке сразу в полицию, скажите там, большая банда с гор спустилась, мы в горотделе забаррикадировались, держимся, а связи у нас нет, пусть помощь шлют, — пере-

была сестру первая красавица, явно побойчее старшей, — только он это сказал, и телефон отключился. Мы сразу подхватились, хорошо, мотор завелся сразу, и поехали, я со страху чуть ворота не снесла. Только из города выбрались, и тут она поломалась... И еще никого не встретили, вы первый...

— Стоп, стоп, девочки, успокойтесь, сейчас все будет нормально. Не курите? — он протянул им коробку «Купеческих», которые предпочитал прочим сортам за мягкую крепость и аромат настоящего трапезундского табака, предупредительно откинул крышку.

Вторая мотнула головой отрицательно, а водительница папиросу взяла. Прикурила от зажигалки, выдохнула дым, не затянувшись, впрочем.

Все правильно, две сестры, только одна «провинциалочка», а вторая, наверное, учится в столицах, на каникулы приехала, демонстрирует родным и знакомым «передовую культуру».

По тревоге поднялись, собирались в панике, однако нарядиться успела, будто не в бега кинулась, а в ресторан или на концерт.

Точнее, все наоборот. Вчера она где-то там была, а по подъему натянула на себя то, что рядом с кроватью лежало...

Касательно же налета на город... Честно говоря, чего-то подобного он и ожидал.

Однако быстро ребята спохватились. За три-четыре часа поднять в ружье столько людей, чтобы захватить двухсоттысячный город! Батальон, не меньше. Что же за дела у них тут, на юге, творятся? Нет, правы, наверное, ляховские друзья. События могут начаться даже гораздо раньше, чем они рассчитывают.

Взяли мы Маштакова с его оборудованием, и вот вам ответ! Значит, серьезная группировка у них здесь развернута, и серьезные люди ею командуют. Только получили информацию от тех, кто присматривал за

особняком, и с ходу, наверняка без согласования с какими-то забуторными центрами и штабами, решение приняли, за час ударную группу сформировали и на город бросили, не считаясь с последствиями!

Это ведь объявление войны, по большому счету, после столь наглой акции ответ последует сокрушительный, не могут они этого не понимать! И раз рискнули — профессор с его машинкой для них важнее всей военной инфраструктуры в этом регионе.

А ведь готовили ее тщательно, не один год, наверное, и сумели до последнего сохранить все в тайне. Ради такого дня?

Вот вам и всемирный джихад, акт второй, картина первая. Крепко, выходит, мы им хвост прищемили! Только неужели ж посчитали, что Маштаков и сейчас где-то в подвалах МГБ или в «Белом лебеде» сидит? А почему бы, кстати, им именно так и не подумать? Если спецслужбы ночью кого-то арестовывают, куда его везут обычно? Правильно, во внутреннюю тюрьму или в городскую. Куда ж еще? Вряд ли их вожди и шейхи настолько в курсе наших российско-московских заморочек. Были бы в курсе, играли бы совсем по-другому.

— Дяденька, что же нам делать-то? — как-то совершенно по-деревенски, со слезами в голосе вдруг спросила старшая из сестер. — Отец там, в горотделе, у них же и оружия никакого, кроме пистолетов, а когда мы еще доедем, сообщим, когда помощь придет...

— Спокойно, девочки, спокойно. Во-первых, в отделе не только пистолеты, там и автоматы, и пулеметы есть, стены у них каменные, метровые, окна с решетками, бывал, знаю, и сутки просидят, если что. Охрана тюрьмы, тоже сотни две солдат, могут поддержать. Давайте по порядку. Вас как зовут?

— Света, — сказала младшая.

— Аня...

— Вот и хорошо, Света-Аня. С машиной что?

— Откуда я знаю, — ответила Света. — Водить я умею, а что там у нее внутри... Нормально ехали, потом тянуть перестала. Машина-то старенькая, дедова еще, отцу на новую все денег не хватает, но наш «олешек» все равно хороший...

В голосе ее прозвучала ревнивая нежность, готовность дать отпор незнакомцу, если вдруг он вздумает назвать машину, которая была членом семьи еще до того, как девушка родилась, «старой жестянкой» или еще как-нибудь.

— На третьей ехали, потом чихать начал, газ до полу, а не идет, сейчас вот и на второй даже двадцати не получается, стреляет, дергается...

— Все понятно, сейчас сделаем...

Тарханов откинул крышку капота, начал разбирать карбюратор, а сам продолжал расспрашивать Свету, которая явно мыслила четче сестрицы.

— Когда все началось в городе?

— Стрельба в центре началась около пяти. Сначала отдельные выстрелы, потом прямо как салют или фейерверк. Отец позвонил в половину шестого. Выехали мы где-то без десяти шесть. Как вы думаете, что произошло? Какие бандиты, с каких гор? До них вон сколько...

— Не так и далеко, на машине полчаса-час. А зачем? Вы же местные, к полиции отношение имеете... знаете, какие в горах обычаи и настроения. Может, в банк солидные деньги завезли. А у наших властей такая дурацкая политика, что от Ставрополя до Владикавказа здесь и войск-то порядочных нет.

Он куском тончайшей нихромовой проволоочки, которая имелаась на подобный случай в его инструментальной сумке, прочистил жиклеры карбюратора, забитые похожей на стеарин массой.

— Чем последний раз бак заправляли?

— Откуда я знаю, не мои это проблемы...

— Значит, папаша ваш по случаю дармовым само-

пальным бензинчиком разжился. А в итоге... Ваше счастье, что меня встретили. Сейчас я вам из своего запаса литров десять нормального бензина плесну, доедете в лучшем виде. Только вот что... Передадите это с первого же работающего телефона.

Его карманная рация до Ставрополя не доставала, а ехать обратно до ближайшего уездного городка сорок километров смысла не было.

На листке из командирской книжки он крупно написал неизменный вот уже двадцать пять лет номер оперативного дежурного Ставропольского горно-егерского училища и текст:

«Пятигорск захвачен одной или несколькими бандами неустановленной численности и принадлежности. Местные силы правопорядка ведут уличные бои. Проводной и радиосвязи нет. Советую срочно направить вертолетный десант и опергруппу не менее батальона на автомашинах. Сам буду действовать в городе по обстановке. Для подтверждения моих полномочий свяжитесь с Москвой, позывной такой-то. Со мной рация Р-17, рабочая частота 88—92. Выпускник нашего училища гвардии полковник Неверов».

Вроде бы, выражаясь по-латыни, «сапиенти сат»¹. Если начальник училища и командование гарнизона отнесутся к сообщению всерьез, часа через два передовой отряд может уже высадиться в городе. Если начнутся согласования и дискуссии... Думать о таком варианте не хотелось, но и не учитывать его нельзя.

— Езжайте, Света. Дай бог удачи. Кстати, вашего отца как фамилия? Постараюсь его разыскать. И вот еще что. Вы где в Питере² живете? Машину у вас во дворе можно поставить?

Света уже успела прочесть записку, взгляд ее, когда

¹ Умному достаточно (лат.).

² П и т е р — местное просторечное название Пятигорска.

она подняла глаза на Сергея, был полон уважения и надежды.

— Конечно, можно. Улица Нижняя, 6. Это сразу от моста налево. Возьмите ключи. Ворота у нас железные, синие, и забор высокий. В холодильнике борщ есть, яйца... Ешьте, не стесняйтесь.

— Спасибо, только я в дом заходить и не собираюсь. Мне бы машину спрятать, а уж там...

Не успели девушки тронуться с места, как Тарханов услышал со стороны почти полностью уже укрытого густой шапкой туч Машука отдаленный, но характерный звук.

— «Полет шмеля» из оперы «Сказка о царе Салтане», — машинально состриг Сергей, а тело уже начало действовать само, как учили. — Девчата, с дороги в сторону! Бегом, хотя бы вон до тех кустов. Лечь и не высываться, пока я не разрешу!

Не понимая еще, в чем дело, девушки тем не менее послушно направились в сторону густых зарослей боярышника, с уже прихваченными первой предосенней ржавчиной листьями. Но — не слишком торопясь.

— Бегом, я сказал, бегом, в бога мать! — необходимая эмоциональная добавка, чтобы внушить мысль о серьезности положения.

Подействовало.

Сам же он в это время успел отпереть кодовый замок автомобильного багажника, переднее отделение которого являло собой хорошо замаскированный и надежно бронированный сейф для оружия и спецтехники, необходимых в беспокойной профессии «странствующего рыцаря».

Из того, что там имелось, не задумываясь, выдернул автоматическую снайперскую винтовку калибра 12,7 мм, «предназначенную для поражения целей, расположенных под прикрытием противопульной брони, в дерево-земляных огневых точках и иных промышлен-

ных и гражданских строениях на расстояние до 1000 метров».

Например, если вражеский снайпер ведет огонь из окна обычного кирпичного или панельного дома, пуля, пущенная под подоконник, не только пройдет стену насквозь, но и вынесет за собой внутрь комнаты конус щебня и прочих обломков, с полметра диаметром. С соответствующими последствиями. Ничуть не хуже, чем пушечный выстрел картечью.

В искусстве снайперской стрельбы Сергей, конечно, с Ляховым равняться не собирался, но попасть, куда нужно и вовремя, он вполне надеялся.

Вертолет приближался, нестрашное поначалу гудение превращалось в довольно грозный рокот. И хоть была это не одна из моделей многочисленного класса армейских вертолетов Сикорского, а всего лишь гражданский четырехместный аппаратик туристского класса, довольно аляповато раскрашенный, опасность от него исходила нешуточная. Тем большая, что он именно гражданский. Военный еще мог бы оказаться своим, а этот явно вражеский, поскольку летит не по прямой, как безусловно поступил бы пилот, бегущий из захваченного города, а очевидно — патрулирует окрестности.

И наверняка вооружен, хотя бы ручным пулеметом, а то и многоствольным гранатометом.

Рядом с машиной Тарханов бросил запасное колесо, кусок брезента, домкрат. Тут же, под порогом «Мерседеса», положил взведенную винтовку.

Ну, поломался в пути человек, колесо меняет, что же, сразу в него стрелять начнут? Должны бы с первого захода сначала присмотреться, потом уже принимать решение.

Однако их должно насторожить, что вторая машина шла из Пятигорска, каким-то образом миновав заградительные посты на главных выездах, которых не могло не быть, если полковник хоть что-то понимает в тактике.

На это и расчет.

От момента, когда Тарханов услышал гул мотора, прошло ровно две минуты.

И тут же ему пришла в голову новая идея, рискованная, конечно, но и сулящая гораздо больше шансов на успех.

Пока еще грохот мотора не стал нестерпимо громким, он успел крикнуть:

— Света, иди сюда!

Девушка услышала, встала из-под раскидистых ветвей, машинально одернула юбку, направилась обратно к дороге.

Все выглядит со стороны очень естественно и убедительно.

Главное, его план великолепно учитывает психологию «джигитов». Роскошный и очень дорогой автомобиль на пустой дороге, какой-то русский «лох» рядом с ним и, вдобавок, красивая девчонка. Отчего бы не отогнать «Мерседес» в родной аул или куда подальше, а заодно и позабавиться...

Вильнув хвостом, вертолет вышел строго на осевую линию шоссе, на секунду завис метрах в пятистах от машин, потом, опустив лобастый, сплошь остекленный фюзеляж, медленно двинулся вперед.

Скорость — километров сорок в час, не больше.

Изображая естественную заинтересованность, полковник, стоя на коленях, всматривался в винтокрылую машину, приложив левую ладонь козырьком ко лбу.

Стала видна яркая алая надпись вдоль корпуса «Пятигорскинтуруслуги» и какая-то эмблема.

«Татьянина фирма, — подумал Сергей, — где ж они машинку захватили?» Раньше он вертолетных стоянок в центре города не видел.

Боковые дверцы у вертолета были сняты, и, как и ожидал Тарханов, на самодельных консолях были пристроены два пулемета.

Он выдвинулся чуть вперед и вправо, чтобы оказаться между машиной и вертолетом, строго на линии огня. Захотят получить «Мерседес» целеньким, — стрелять не станут. Да и Света уже подходила.

— Зачем вы меня позвали? Это что, наши?

— Совсем наоборот. Главное, не бойся. Обойди машину сзади и стой там. С первым же выстрелом приседай. Багажник бронированный...

Вертолет снова завис, не долетев тридцати метров. Коснулся колесами асфальта. И выключил двигатель.

Ну, это вообще подарок судьбы.

— Эй, братан, иди сюда! Поговорить надо! — крикнул крупный рыжеватый парень в выгоревшей камуфляжной куртке, сидевший у левого пулемета. Махнул рукой и в подтверждение своих добрых намерений широко улыбнулся.

Второй, давно не бритый, смуглый и кудрявый брюнет, больше похожий на цыгана, а не на горца, с интересом пялился через его плечо на Светлану. Лиц пилота и его напарника Тарханов за блеском стекол рассмотреть не мог.

И куда бы в такой ситуации деваться нормальному человеку, собравшемуся нескучно провести время на Кавказских Минеральных Водах и встретившемуся вдруг с весьма подозрительными, хорошо вооруженными людьми?

Независимо от собственной крутизны и жизненного опыта. Даже имея он в кармане какой-нибудь пистолетик для самозащиты.

Идти вперед, обливаясь потом и глупо убеждая себя, что, может быть, все обойдется. Тем или иным образом...

— Иду...

Изображая попытку сохранить достоинство и спокойствие, Сергей вытер руки куском ветоши, бросил

тряпку на капот, потоптался на месте, будто не зная, что делать дальше. Обернулся к Светлане.

— Быстрее, быстрее... — донеслось от вертолета. Окончательно убедившись, что ситуация под контролем, рыжий прыгнул на дорогу.

— Ложись! — рывкнул Тарханов девушке, присев, подхватил с асфальта винтовку и, даже не слишком торопясь (запас времени секунд пять, не меньше), выстрелил от бедра.

Горца швырнуло назад с такой силой, что от удара загудел корпус винтокрылой машины. Тут уже не оставивающее, а отбрасывающее действие пули.

Сергей, с трудом удержав в руках винтовку, вскинул ее к плечу. Успел увидеть медленно проявляющееся на лице второго бандита удивление и, как в тире, выстрелил еще четыре раза. Четвертый раз — по инерции.

Тут он просчитался, конечно. Собирался стрелять по летящему вертолету с соответствующей дистанции, а пришлось — почти в упор. Но так уж сложилось, а в результате и машина исковеркана, и о «языках» не может быть и речи.

Но что сделано, то сделано.

— Вот и все, Света. Можешь вставать...

Девушка с ужасом смотрела на продырявленный корпус вертолета, зияющий пролом в переднем блистере, застрявший между стойками шасси труп с широко разбросанными руками, второй, повисший вниз головой на пороге, плюхающиеся на асфальт откуда-то из кабины крупные капли и сгустки крови, быстро собирающиеся в глянцево блестящую лужицу.

— Вот примерно таким образом. Спасибо за помощь. Не можешь — не смотри. И уезжайте отсюда поскорее. Дальше уже мои дела.

Света согнулась пополам, и ее начало рвать особен-

но мучительно, потому что нечем было, кроме желчи. Позавтракать она явно не успела.

— Привыкай, — чересчур, может быть, резко сказал Тарханов. — Их приятели сейчас, наверное, вашего отца убить пытаются. А эти уже отвоевались.

Чтобы не смущать девушку, он отвернулся и пошел к вертолету. Сами с сестрой как-нибудь разберутся. А ему работать надо.

Все-таки стрелять по людям пятилинейной пулей с тридцати шагов — варварство. Хотя и эффективное.

И на вертолете полетать уже не удастся. Если бы даже разворотившая грудь пилота пуля не разнесла предварительно приборный щиток, слишком долго пришлось бы тут все отмывать...

Летчик, кстати, оказался европейцем, светлым блондином, хотя национальность установить не представлялось возможным. Документов у него, как и у трех остальных, не было. Зато все было сверх меры вооружены и по карманам рассована уйма денег. Считать было некогда, но навскидку, исходя из толщины пачек пятидесяти- и сторублевых, — не один десяток тысяч.

Аванс за работу или — уже в городе успели взять отделение банка.

Деньги Тарханов, разумеется, реквизировал. Если из банка — вернет, если нет — посчитаем законным трофеем. Мельком подумал, что последнее время ему стало уж что-то слишком везти в финансовом плане. Полжизни прожил полунцим, а с прошлого декабря уж так поперло! Теперь бы только уцелеть, а о прочем горевать не придется.

За спиной взревел мотор «Волги». Света, кое-как оправившись, с места вдавила педаль газа до пола. Машина прыгнула и стала стремительно набирать скорость.

Тарханов запоздало махнул вслед девушкам рукой. Доведется ли еще встретиться? Он вспомнил, что не спросил девушек, куда положить ключи от ворот и дома.

Да ладно, соседям отдаст, или если их отца повезет живым увидеть...

«А мотор потянул хорошо, — попутно еще подумал Сергей, — умею, если захочу...»

Оба пулемета (один дегтяревский, другой немецкий «МГ-54»), два автомата, немецкий же и американский, и шесть пистолетов он перегрузил в свой багажник. Может сложиться ситуация, когда придется вербовать волонтеров и вооружать их. Вертолет со всем содержимым он так и бросил на дороге. Разберутся, кому надо.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Со стороны станицы Константиновской и восточных отрогов Машука Пятигорск отнюдь не походил на блестящий курортный город. Словно бы обычная станица с рядами одноэтажных кирпичных и из местного ракушечника домиков, прячущихся то за оплетенными вьющимися растениями штакетниками, то за глухими каменными заборами. Вдоль улиц и переулков ряды тополей и акаций, во дворах фруктовые сады.

Тут и обычно-то утром и днем немногочисленно, а сейчас жителей на улицах совсем почти что нет, прячутся за обманчиво неприступными заборами и воротами, только кое-где на перекрестках толпятся мужики группками по несколько человек, дымят папиросами, смотрят в сторону центра, обмениваются впечатлениями и слухами, вслушиваются в слабое, издалека совсем нестрашное потрескивание выстрелов.

Значит, бой еще продолжается и полиция, скорее всего, держится.

Честно говоря, замысла налетчиков Тарханов так себе и не представил. Ну чего они хотят добиться? Найти, вручить Маштакова? С налету, без разведки?

Где и как? Рискуя, что пока они штурмуют довольно неприступный тюремный замок, сложенный полтора века назад из метровых каменных блоков, его вполне могут пристрелить, чтобы ни вам, ни нам.

Захватить отделение МГБ и пытками выяснить у сотрудников, куда его увезли? Так гораздо проще было бы сделать это оперативным путем. Или взять на квартирах все местное начальство, гражданское и военное, в заложники. Вернее было бы.

Если только не рассматривать ее как единственный организованный очаг сопротивления.

Разве что мыслят террористы нестандартно и их план заключается совсем в другом — вообще не искать конкретно Маштакова, а одним махом взять как можно больше заложников в городе, в санаториях и домах отдыха, а потом предъявить российским властям ультиматум. В истории страны таких случаев еще не было, на что и расчет. Если захваченная врасплох власть поддастся шантажу и панике, план вполне может сработать. Только вот никто не знает, что власти здесь вообще ни при чем.

Однако жертвам налета от этого легче не будет.

И откуда все же оказались вблизи города столь значительные силы? Не могли же они просто прятаться по землянкам и горным кошарам, заниматься боевой подготовкой в ожидании неизвестно чего, рискуя в любой момент быть обнаруженными хоть полицией, хоть лесными объездчиками, хоть простыми туристами.

Или их перебросили сюда буквально на днях из-за рубежа по воздуху. Парашютный или посадочный десант на альпийских лугах за Кисловодском. Теоретически в училище такие варианты рассматривались. В случае войны с Турцией, с Персией. Но сейчас-то — с какой целью? Разве что по той же причине, по какой шла в Израиль встреченная им с Ляховым банда. Взять Маш-

★ такова со всем оборудованием и учинить второе испытание «Гнева Аллаха» уже в Пятигорске?

И они вчера с Кедровым и Розенцвейгом успели опередить исламистов буквально на полсуток?

Очень бы сейчас пригодился «язык», причем — хорошо информированный.

Значит, нужно постараться его добыть.

Хотя, казалось бы, зачем это нужно именно ему? Войска сюда подойдут рано или поздно, кого-то из бандитов убьют, кого-то захватят в плен и добудут рано или поздно всю необходимую информацию.

Однако...

Во-первых, итоги лечения, сиречь — войсковой операции, могут оказаться хуже самой болезни, а во-вторых, Тарханов мыслил уже как начальник отдела спецопераций разведуправления штаба Гвардии и ныне случившееся воспринимал просто как очередную фазу операции «Кулибин», пусть и не предусмотренную исходным планом.

И вмешательство государственных (то есть петроградских) служб в операцию грозило не только ее срывом, но и гораздо более серьезными последствиями общероссийского масштаба.

И, значит, за оставшееся в его распоряжении время полковник должен принять все возможные меры для нейтрализации столь несвоевременного шага неприятеля, а заодно и недопущения кем-то просчитанных или могущих возникнуть спонтанно последствий.

В подобной ситуации замысел Тарханова выглядел ничуть не более безумным, чем любой другой, тщательно спланированный и соответствующим образом обеспеченный. И даже в чем-то более предпочтительным, поскольку в случае неуспеха обошелся бы неизмеримо меньшими жертвами.

Тарханов сожалел только о том, что несовершенство средств связи не позволяет ему обсудить этот план с Чекменевым.

За последние сорок минут погода незаметным образом изменилась. Сначала небо затянуло тусклой желтоватой мглой, порывистый ветер с юга принес низкие растрепанные тучи, следом потянулся зябкий клочковатый туман. После жаркого солнечного утра словно осень вдруг накатила.

Такие климатические аномалии на Кавминводах не редкость. В Ессентуках, наверное, уже вовсю льет дождь.

На «Мерседес» Тарханова аборигены внимания как бы и не обращали, отнюдь не предпринимали попыток остановить, предупредить об опасности или спросить, зачем он здесь и что ему нужно.

Тоже особенность местного характера. Ни к чему приставать к незнакомцу с непрошеными советами. Едет человек — и пусть едет, значит, знает куда и зачем. Захочет — сам остановится и сам спросит.

Подаренный Розенцвейгом «дезерт адлер», как обычно, прятался в подмышечной кобуре, штатный «воеводин» Тарханов положил на правое сиденье, прикрыв газетой. Десантный автомат «ППС» со сложенным прикладом он сунул под сиденье так, чтобы легко выхватить в нужный момент.

Того, что налетчики, занятые важными делами в центре, доберутся и до одной из окраинных улиц, ничем не примечательной, он не предполагал, но все же предпочитал быть наготове при любом развитии обстановки.

Буквально на днях ему довелось посмотреть по дальновизору «круглый стол» московских писателей и критиков. На передачу он попал не с начала и предыстории диспута не знал. Но и то, что он увидел, доставило ему массу удовольствия. Собравшиеся дружно топтали своего коллегу, автора приключенческих романов, за то, что герои его книг были людьми, с точки зрения Сергея, совершенно нормальными. То есть в острых ситуациях вели себя рассудительно и грамотно, умели предвидеть последствия своих действий и думать за против-

ника. Стреляли точно и по делу, выбравшись из переделок, не бились в истериках, не размазывали по щекам сопли и слезы, а, получив (или не получив) заслуженную награду (орден, деньги, любовь женщины и прочее), продолжали жить и исполнять свои обязанности.

Оппоненты же с нездоровым азартом и непонятной злобой доказывали, что правильно — когда все наоборот.

Герой должен быть слаб и несчастен, поступки его отнюдь не разумны и выверены, а как бог на душу положит. Желательно, поглупее и поистеричнее. Чтобы, совершив очередную глупость, а то и низость, персонаж потом долго и мучительно расхлебывал последствия своей некомпетентности, ну и так далее...

Как заявил один из критиков, аскетично худой, в толстых очках и с редкой бороденкой, «самое страшное — вашим героям нравится то, чем они занимаются, и они непреложно уверены в своей правоте. Убивать для них доблесть, а не тяжелейшее нервное потрясение».

— С последующим катарсисом, — усмехнувшись, бросил реплику избиваемый автор, отнюдь не выглядевший подавленным столь жестоким накатом.

Тарханову он понравился, и пришла мысль непременно почитать его книги. Сергей даже пожалел, что не имел возможности поучаствовать в дискуссии. Он бы непременно сказал, что...

Продолжить заочный диспут Сергей не успел. Машина подпрыгнула, пересекая трамвайную стрелку, улица круто пошла вниз и влево, на мост через Подкумок, а на уловом доме он увидел табличку с названием нужной улицы. Притормозил и тут же увидел крупную цифру «6» на синих, как и было обещано, воротах.

Да, это был дом, идеально характеризующий своего хозяина, провинциального полицейского небольших чинов, но со средствами и склонностью к уверенно-спокойной жизни.

Радуюсь, что в поле зрения аборигенов и посторонних лиц не просматривается, Тарханов быстро загнал «Мерседес» во двор, на асфальтированную площадку перед крыльцом, густо затененную виноградными лозами на деревянных арках, запер за собой ворота.

Первая часть плана выполнена. Время на часах — без пятнадцати восемь.

Самое главное — Тарханов ощутил безопасность, пусть и на несколько минут или часов, неважно, но безопасность.

Стена высотой в два с половиной метра, запертые ворота. Случайно его здесь никто не тронет, а если специально — пусть еще попробуют. Так подобные дворы и строились.

Главное — никто с улицы представить не может, какой силой сопротивления обладает хозяин. Собака ли у него злая имеется, дробовик шестнадцатого калибра или пулемет «максим» еще от последней Гражданской войны. Поэтому даже и отряды горских джигитов предпочитают в такие окраинные улочки и переулки не соваться.

В центре города все проще и понятнее.

Тарханов не стал заходить в дом, хотя это ему и было разрешено хозяйками.

Закусил тем, что имелось в машине в качестве сухого пайка, покурил, размышляя о близком грядущем. Потом, готовясь к действию, еще раз просмотрел свои запасы.

Вроде необходимая достаточность имела место. С куда меньшими ресурсами люди завоевывали континенты и царства.

Что, к примеру, триста мушкетов Кортеса против его огневой мощи?

Выстрелы из центра города стали слышнее, но все равно не создавали впечатления жаркого боя. Скорее — беспокоящий огонь.

Обстановка по-прежнему оставалась неясна, и, значит, требуется рекогносцировка на местности.

В калитку осторожно постучали.

Тарханов выглянул в глазок.

За воротами стоял мужичок лет под пятьдесят, одетый по-домашнему, то есть в мятые, серые в полоску штаны и сиреневую майку, на босу ногу шлепанцы.

Сосед, по всей видимости.

Сергей открыл.

— Здравствуйте, — вроде бы и вежливо, но с некоторым напряжением в голосе сказал визитер. Глазами бдительно зыркал по сторонам и в глубь двора. — Николай меня зовут. Вы к Петру приехали?..

За паузой, вроде бы выражающей доброжелательное любопытство, крылся невысказанный, но более жесткий вопрос.

Кто их тут знает, местных жителей, может, у них договор о взаимной обороне и за спиной Николая прячется обрез с волчьей дробью?

— Точно, — стараясь, чтобы улыбка вышла как можно более непринужденной, ответил Тарханов. — Меня зовут Сергей. Приехал. Из Москвы. А тут у вас такое. Я Свету с Аней на выезде встретил, они мне все рассказали и ключ дали. А сами к бабке, в Воронцовку, двинулись. Отец им так приказал. Он еще не объявлялся, слушаем?

— Нет, — мотнул головой мужик. — Да и как ему появиться. Если даже и живой до сих пор, в форме по городу не пройдешь. Тут парни попробовали вверх переулками подняться, посмотреть, что и как, так дальше перекрестка Сорокина и Серноводской не прошли.

Возле трамвайного депо грузовик стоит и штук пять «этих» с автоматами. Никого не пускают, ни в центр, ни из центра.

— А «эти»-то — кто они? Разобрались? И чего хотят?

— Не, не разобрались. Что не карачаи — точно, и не

черкесы, и не кабардинцы. Этих мы сразу различим, и по разговору, и в лицо. А так, конечно, нерусь. Час назад по городской трансляции выступал какой-то из их главарей. Чисто говорил, почти совсем без акцента.

— И что сказал?

— Что отряды вооруженных сил... как это он назвал... в общем, имени какого-то шейха, Мансура вроде бы, переносят свои действия на территорию, исконно принадлежащую горским народам Кавказа.

Что ими, пока временно, заняты Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки. Что местных жителей-христиан просят не беспокоиться, но во избежание ненужных жертв на улицы не выходить. Попытки покинуть город или оказать какое-то сопротивление будут жестоко пресекаться.

Все представители государственных и частных вооруженных структур должны сложить оружие в местах своей дислокации и спокойно расходиться по домам. В этом случае вреда им причинено не будет. Если армейские части извне не предпримут попыток штурма, они покинут Пятигорск через некоторое время. В противном случае ответственность за последствия будут нести лица, отдавшие преступный приказ.

— Прямо наизусть затвердили, — несколько удивился Тарханов. — Неужели такими вот четкими терминами все и излагалось? Или вы на привычный вам язык переложили?

Николай снова глянул на него настороженно.

— Да они это дело раз десять повторили. Наверное, поставили на радиоузде заранее записанную пленку и крутят. Черт его знает, кто такие. Никогда раньше не слышал. Ну, пошаливали время от времени в предгорьях абреки, так они уже двести лет так пошаливают. А тут вдруг... Вы-то сюда зачем? В гости? — внезапно сменил он тему.

— Можно сказать, и в гости. А скорее по делу...

— Сейчас только дела и делать, — хмыкнул мужик, непонятно в каком смысле. — Может, винца желаете выпить? Домашнего. У меня есть.

— Обязательно выпьем, только чуть попозже. Курите?

— А чего ж? — Николай взял папиросу. — Только давай зайдем все же. Неуютно мне голой спиной к городу стоять. Еще залетит какая шальная...

«Мерседес» Николая, как всякого нормального мужика, заинтересовал. Он долго его осматривал, задавал достаточно квалифицированные вопросы, проверил качество амортизаторов, несколько раз нажав на заднее крыло.

— Вещь, — заключил он наконец. — А ты, Сергей, по какой части будешь? Тоже полиция?

— Нет. Я скорее по торговой...

— Ага. Сейчас самая торговля. Мы с ребятами тут прикидывали, если бандюки действительно сами вскорости не уйдут, а наши войска подтянут, такое начнется...

— Ну, мы-то здесь, в низинке, пересидим?

— Может, и пересидим. А если по центру из пушек или минометов садить начнут, как раз все перелеты — наши...

В тактической грамотности Николаю не откажешь. Впрочем, не слишком сложный вывод для любого, послужившего в армии, а здесь, на окраине курортного города, считай, каждый третий частный дом отставникам принадлежит. Любят они, свой четвертак по дальним гарнизонам оттянув, под старость в теплых да изобильных краях оседать.

На полковника или даже капитана Николай не тянет, но на сверхсрочного унтера — вполне.

Так он и спросил.

— Абсолютно в точку. Старший фельдфебель. Бывший начальник огневого склада в артиллерийской бригаде. Так что соображаю, что почем. В общем, пока дела

не прояснятся, предлагаю: садимся поближе к погребу и начинаем мою «Изабеллу» дегустировать, поскольку делать все равно больше нечего.

— Еще раз спасибо за приглашение. Только сейчас — не могу. Мне одного человека отыскать нужно, и срочно. А он как раз где-то в центре обретається. Примерно в районе Цветника. Так что придется мне туда пробираться.

— Надумал, — неодобрительно скривил губы Николай. — Да там как раз самое опасное место сейчас. И полицейское управление поблизости, и банк, и телефонная станция. Все в одной куче. Не пройдешь ты там.

— Пройду не пройду, там видно будет, но — надо. С невестой у меня встреча назначена, и не прийти я, сам понимаешь, не могу...

Неожиданным для себя образом Тарханов говорил новому знакомому почти что чистую правду.

Разведка разведкой, а с Татьяной он действительно договорился о встрече именно сегодняшним утром. Как раз в девять часов у нее заканчивается суточное дежурство в туристическом бюро на третьем этаже гостиницы «Бристоль». Сергей сильно надеялся, что, если даже здание захвачено или блокировано бандитами, в лабиринте его коридоров, галерей, переходов и сотен номеров и служебных помещений знающим людям найдется где спрятаться.

А в то, что с момента вторжения у девушки и ее сослуживцев было достаточно времени, Тарханов не сомневался. С верхних этажей громадного здания весь центр города как на ладони, многочисленная охрана и собственная служба безопасности гостиницы укомплектована профессионалами с военным или полицейским опытом, которым не составит труда разобраться в обстановке и принять грамотные решения.

Если удастся туда пробраться, можно рассчитывать использовать их в своих целях.

Так что вся проблема — проникнуть в гостиницу, без лишнего шума и, уж разумеется, без потерь.

— Ежели невеста, тогда конечно, — вздохнул Николай, вроде бы соглашаясь, но всем своим видом показывая, что не считает причину достаточно серьезной. Мол, если все обстоит так, как передавали по радио, то с ней все в порядке, несколько часов свободно потерпит, тут главное — не высовываться, по улицам без дела не шастать, а если что, упаси бог, уже случилось, то чем ты ей поможешь? — И как же ты идти думаешь, напрямик-то в любом случае не получится...

— А вот и давай посоветуемся, ты-то коренной местный житель, а я город хоть и знаю, но — в общих чертах. И сюда добраться сумел, потому что девчата маршрут подсказали. Переулки там, проходные дворы и тому подобные скрытые подступы... На зады «Бристоль» мне выйти нужно.

— Ну, это почти свободно мы тебе сейчас нарисуем. Бумагу давай. Если им местные не прислуживают, сроду этих подходов им не угадать и не перекрыть, да и зачем перекрывать? Не военный объект, и постояльцев по одному смысла нет грабить, если весь город со складами да магазинами в их распоряжении. Я так думаю, что где-то в горах у них серьезные проблемы со снаряжением и снабжением возникли, вот они и решили... За день отсюда хоть тысячу машин с бараклом да продовольствием отправить можно. До темноты наши там, — он неопределенно покрутил рукой в воздухе, — не расчухаются, а за ночь сколько хочешь добра по пещерам и подвалам рассовать времени хватит.

В принципе, если бы Тарханов не догадывался об истинных целях операции, слова Николая могли показаться ему убедительными. Кроме того, одна цель ничуть не противоречила другой. Осуществимы параллельно. Да и не две, а три-четыре сразу. Было бы время и необходимость, он бы их расписал в деталях.

— Вполне логичное допущение. Из которого следует, что это, может быть, первый ход в большой Кавказской войне. Да и не только Кавказской. Но мне сейчас о другом думать надо...

— Хозяин — барин... — неопределенно ответил Николай и посмотрел на Тарханова хотя и искоса, но слишком внимательно. Начал, очевидно, догадываться, что не с коммерсантом, случайно попавшим в чужую заваруху, имеет дело. Сергея, впрочем, это не волновало. Пусть думает что хочет.

— А оружие у тебя какое-нибудь есть? — спросил он соседа, когда тот закончил набрасывать кроки. — Вдруг и до вашей улицы доберутся? И все ж таки пожелают пограбить или еще что... Обороняться с прочими соседскими мужиками собираетесь или как?

— Вопрос. Обсуждали уже. К общему мнению не пришли. Конечно, если во двор полезут, надо бы и обороняться, а с другой стороны... Сиди тихонько, глядишь, и пройдут мимо. А оружие — какое у нас оружие? Дробовики кое у кого есть, у меня после службы наган на память остался, «маузер» мелкокалиберный для форса держу, вещичка красивая, уток да зайцев когда-нибудь пострелять можно. Двоих-троих на крайний случай завалять сумею... — без особого энтузиазма ответил отставной фельдфебель.

— Хочешь, автомат дам? Подвернулся тут по случаю, и патронов — валом.

Отказаться от предложения старый оружейник явно не мог. Даже если и пользоваться автоматом не собирался, надежная огнестрельная машинка значительно успокаивает нервы.

Прекрасно понимая ход его мыслей, Тарханов, не дожидаясь ответа, приоткрыл крышку багажника, на ощупь вытащил изъятый у мертвых боевиков автомат «томпсон», старинный, лицензионно изготавливавшийся в России еще до того, как появились первые собст-

венные, дегтяревские. Но по-прежнему надежный, с великолепным боем. К нему — подсумок с четырьмя тяжелыми, прямыми магазинами на тридцать патронов сорок пятого калибра каждый.

— Подойдет?

Фельдфебель принял оружие, осмотрел наметанным взглядом.

— Со складов стратегического резерва. Из него и не стреляли ни разу. После перевооружения семидесятого года их миллиона два на долговременную консервацию заложили. У меня у самого на складе второго штата тысяча штук хранилась. А с этого даже смазку толком не удалили. Снаружи обтерли, и все. Навскидку, пожалуй, и не выстрелишь... — Николай с усилием оттянул рычаг затвора. — Видишь? — Направляющие пазы внутри ствольной коробки были покрыты толстым слоем застывшей за десятилетия смазки. — Долго чистить придется. С керосинчиком. Ну, да у меня есть. По случаю, говоришь?

— А как же иначе? Ты что, думаешь, я бы собственный автомат в таком виде возил?

— Резонно. Только я от Владикавказа до Ставрополя ни одного подходящего склада не знаю.

— А ты по номеру Главное артиллерийское управление запроси, откуда, мол, такая штука могла в Пятигорск попасть... — сострил Тарханов.

— А кстати, и можно, — неожиданно серьезно ответил Николай. — У меня как раз там приятель служит. Начинали срочную вместе, потом я на сверхсрочную, а он в училище. Теперь полковник...

— Тем более.

Разговор непозволительно затянулся, но в преддверии грядущих событий установить соответствующие отношения с неглупым и информированным местным жителем представлялось достаточно важным.

Поэтому лишь через несколько минут Тарханов закрутил беседу и проводил Николая в глубь двора.

— Я с этой пушкой на улицу высовываться не хочу. От греха... — И сноровисто полез через крышу сарайчика и заплетенный густыми побегами хмеля забор на свою территорию. — Как у нас говорят — чем выше забор, тем лучше сосед. Поддай-ка...

Сергей передал ему автомат и подсумки.

— Ну, бывай. За подарок спасибо. Живой вернешься — заходи. «Изабеллы» мы с тобой все-таки выпьем.

— Лучше — водки.

— И пива тоже...

* * *

Погода продолжала ухудшаться, и Тарханову это нравилось. Как-то ему представлялось неправильным воевать в курортном городе, освещенном ярким летним солнцем. Было в этом нечто неправильное. А так — совсем другое дело!

Морозящий туман опустился так низко, что уже третьи этажи домов были почти неразличимы. Вдоль улиц задувал и протяжно посвистывал пронзительный, совсем не августовский ветер.

Впрочем, здесь так бывает довольно часто. Сергей даже помнил, как два года подряд почти в одни и те же июньские дни на Кавминводах шел обильный, совершенно зимний снег, через несколько часов, впрочем, сходивший без следа.

Маршрут ему Николай проложил довольно грамотно. Он и сам бы выбрал почти такой же, но этот лучше учитывал топографию и рельеф местности.

Сначала узкими переулками к южному склону Горячей горы, густо заросшему труднопроходимым кустарником, потом позади Академической галереи, Золотой арфы в густой Эммануэлевский парк. Здесь тоже было безлюдно и тихо.

★ Под раскидистой сосной он покурил, прикидывая дальнейшие действия. Сквозь стекла маленького, помещающегося в кулаке, но сильного бинокля ничего подозрительного на прилегающих, круто карабкающихся в гору улочках он не заметил. Все сидят по домам, и прежде всего — обитатели многочисленных пансионатов и санаториев.

До центра города оптика не доставала, мешал туман. Где-то в районе Лермонтовского сквера вдруг вспыхнула жаркая, но короткая перестрелка. В ней участвовало, на слух, около десятка автоматных и винтовочных стволов. В сыром воздухе выстрелы звучали глухо.

Возможно, защитники полицейского управления отбили очередную разведку боем, или, напротив, бандиты пресекли чью-то попытку прорыва за кольцо окружения. А то и не пресекли, и несколько храбрецов пробились, мгновенно растворившись в лабиринте дворов Старого города. Гадать можно бесконечно, но бесполезно, а главное — незачем. На планы Тарханова перипетии уличных боев в центре пока не влияют.

Он наметил несколько рубежей на маршруте, перемещаясь между которыми практически без риска можно добраться до кухонного и хозяйственного дворов гостиницы.

Одет он был сообразно ситуации и так, чтобы не вызывать подозрения, даже попавшись случайно на глаза бандитскому патрулю, ежели он сюда забредет.

Рабочие джинсы, в которых он обычно возился с машиной, рубаха в клетку, серая куртка-ветровка. Через плечо сумка с принадлежностями, необходимыми для осуществления «последующей задачи», когда первая, то есть поиски Татьяны, будет выполнена.

Как обычно, один пистолет в плечевой кобуре под курткой, второй сзади за ремнем брюк. Настоящий финский нож, острый, как опасная бритва, в неприметном кармане под коленом.

Если на него не навалются внезапно из засады сразу десяток человек с аналогичной подготовкой — пробьется хоть в гостиницу, хоть в любое другое место.

Вначале инстинкт и тревога за судьбу Татьяны подсказывали ему идти по пути наименьшего сопротивления, то есть по-тихому, а уж если не выйдет, то с боем, проникнуть в «Бристоль» и дальше действовать по обстановке. Для егеря с его уровнем подготовки и стажем проблем почти что и не было.

Однако вовремя Тарханов вспомнил и другое. Он же сейчас не просто частное лицо, озабоченное лишь спасением своей подружки. Он офицер управления спецопераций. И не просто офицер даже, а целый начальник отдела. Следовательно, ему более пристала другая линия поведения. И другой взгляд на ситуацию.

Угнетало, конечно, что Татьяна, девушка почти что забытая и вдруг снова встреченная, пусть и в иной роли и качестве, находится сейчас, возможно, в смертельной опасности или уже стала игрушкой остервенелых террористов. Слишком уж хорошо помнилась Тарханову улыбочка, с которой рыжий боевик смотрел на красивую девушку Свету. Предвкушал классное развлечение, на мягких кожаных подушках шикарного «Мерседеса» или прямо на придорожной травке.

Но какой же ты старший командир, если готов изменить долг ради женщины?

А с другой стороны, в чем твой долг, полковник? Твое ли это занятие — воевать с очередной дикой бандой, ежели все это в прошлом и твоя служба теперь — другая.

Среди в изобилии покрывающих склон плоских камней Тарханов нашел подходящий, приподняв который можно было спрятать сумку с ненужным сейчас имуществом.

А остальное — вот оно.

Такие варианты они в отряде «Печенег» тоже проигрывали.

Короткие белые трубки свинтились в стандартную трость слепого, какие выдаются в соответствующих организациях. Правда, внутри ее рукоятки помещались пять спецпатронов солидного калибра, со страшным останавливающим действием.

Сергей надел очки, снаружи абсолютно черные, а изнутри вполне прозрачные, взял еще и плетеную сумочку-авоську с батонem хлеба, бутылкой молока, банкой рыбных консервов и пакетом корма для собаки. Все это было приготовлено еще в Москве, не на такой вот именно, но на соответствующий случай. Если бы вдруг пришлось выслеживать «Кулибина» не в удобно расположенной вилле, а на городских улицах или в институте.

И внешний вид предметов скромного рациона инвалида отнюдь не соответствовал содержанию. В случае чего пару танков или долговременную огневую точку взорвать можно.

Еще готовясь отправляться на Ближний Восток, Тарханов проштудировал литературу о нравах и обычаях тамошних обитателей.

В том числе и «Постановления Мухамедданского права относительно войны с неверными», составленные средневековым теоретиком ислама Кудури.

Как там было написано: «Неприлично мусульманам нарушать клятву, употреблять хитрость, уродовать людей, убивать женщин, стариков дряхлых, детей, слепых, хромых, если никто из них не будет участвовать в войне своими советами или если женщина не будет царицей. Непозволительно убивать безумных».

В данный момент он в войне не участвовал, даже советами, и, следовательно, вполне подпадал под указанные условия.

Если, конечно, его противники так же хорошо начитаны и считают данные правила сохраняющими силу в текущей исторической обстановке.

От Базарной площади, что было очень естественно,

мимо Гостиного Двора, он пошел вниз по Армянской улице, которая выводила к угловому зданию почтово-телеграфной конторы, наверняка захваченной террористами.

Повадки слепых Тарханов тоже осваивал на курсах, поскольку это очень удачная форма маскировки.

Здоровые люди не просто сочувствуют слепым, они их даже немножко боятся. Точнее — не их. Они боятся на них лишний раз посмотреть. Уж очень страшно вообразить себя в подобном положении. Без ног — пожалуйста, переживем. А вот слепым...

Почти что как прокаженным.

Сергей шел вниз по улице, вымощенной круглым, отполированным двумя веками булыжником, по которому в свое время наверняка ходили и ездили в экипажах Лермонтов, Бестужев-Марлинский, княжна Мери, доктор Вернер, майор Мартынов, генерал Верзилин со своими дочками и много-много других литературных и исторических персонажей. Да и сам Тарханов, помнится, ранним сентябрьским утром 1993 года катился здесь, притормаживая двигателем дешевенького мотоцикла.

Как тогда волнующе и тревожно пахло сжигаемыми на кострах осенними листьями... И тоже стелился между домами и заборами молочный туман.

Свернув направо, он пошел вдоль Царской улицы, постукивая тростью то по тротуару, то по стенкам домов.

В самый центр заварухи.

Одиночные выстрелы винтовок и карабинов явно звучали от квадрата массивных каменных зданий «Приуствий»: городской управы, госбанка, полиции.

Строились они в середине позапрошлого века и для обороны были приспособлены великолепно.

В этом и заключался просчет террористов. Напали они в самое неподходящее время. За полчаса до развода. Вечерняя смена охраны банка не успела уйти, а утренняя уже пришла. Соответственно и наряды патрульно-

постовой, дорожной, городской и участковой служб оказались на месте в двойном комплекте. И успели занять оборону.

На полчаса бы позже или раньше — начини отдежурившие и сдавшие оружие люди расходиться по домам, все сложилось бы совсем иначе.

А тут вышло так вот.

Кося глазом в сторону интересующих его зданий, Тарханов видел, что положение атакующих безнадежно.

Не более двадцати рассыпанных в цепь людей вяло постреливали по окнам и дверям домов, для штурма которых нужен был, как минимум, тяжелый танк с шестидюймовой пушкой. Танка здесь не было, зато вне зоны досягаемости огня из окон вдоль тротуара вытянулась колонна из семи грузовиков, оборудованных для перевозки людей.

Если они приехали сюда с полной загрузкой...

«Семью тридцать — двести десят, — прикинул Сергей. — Ну, пусть сто пятьдесят, если еще и оружие, и боеприпас везли. Где остальные?»

И тут же понял, что удивляться нечему. Имеет место очередная отвлекающая операция.

Ни один боевой командир не свяжет свои войска бессмысленной осадой, когда единственным вариантом является только штурм.

Значит, цель — не здесь. Одна блокирующая группа заперла все наличные вооруженные силы города в каменном мешке, другая, наверное, также демонстративно и бессмысленно осаждает следственный изолятор номер два, он же тюрьма, он же «Белый лебедь», а основная часть банды может действовать совершенно свободно.

Тогда — где главная цель? Ищут Маштакова? Допустим, тот, кто бросил сюда банду, надеялся, что сможет это сделать. Что его не вывезли стремительно, а спрятали в подвалах МГБ. Через час убедился, допросив того

же начальника ГБ, что птичка улетела и местная контр-разведка вообще ни при чем.

Дальнейшие действия?

По широкой красивой улице, где хорошо бы гулять летними вечерами с эффектными девушками, с женой и детьми на крайний случай или с приятелями круизить по кабакам, он шел, постукивая тросточкой, совершенно один.

Ни души до самой площади, где расходятся трамвайные пути, к вокзалу и вверх, к Лермонтовскому разъезду.

Первая пуля проныла над головой и ударила в стену на метр выше.

Слепой не понял, что происходит, начал недоуменно вертеть головой.

Но Тарханов видел, кто и откуда стреляет, и мог бы положить их в следующую же секунду. Однако стреляли явно без намерения убить, иначе не промахнулись бы так сильно. Забавлялись скорее всего.

От крыльца почтово-телеграфной конторы и городского радиоузла, которые захватить удалось сразу же, поскольку охрана там всегда была чисто номинальной (вахтер с нечищеным наганом на проходной), отделился совершенно местного вида карачаевец с автоматом «ППД» в руке, пересек трамвайные пути, остановился в трех шагах слева и сзади.

Как и положено, слепой прислушался, наклонив голову.

— Сударь, вы что-нибудь понимаете? Это здесь что, стреляют? Почему?

Лицо Тарханов постарался сделать именно таким — тупо-изумленным. И авоська у него в руках дрожала, позвякивая содержимым.

— Отец, — сказал карачаевец неожиданно мягким голосом, — ты где живешь?

Тарханов не думал, что черные очки настолько его старят. Впрочем, он и не брился со вчерашнего утра, а щетина у него отрастала быстро. Ну, тем лучше.

— Сынок, живу я там, за Казенным садом, за углом. А работаю в скорняжной мастерской, возле Торговых рядов. Вчера немножко выпили на дне рождения у товарища, я и заночевал. Утром проснулся — никого. Вот я и пошел домой. На улицах совсем людей нет, и слышу — стреляют. А почему стреляют?

— Иди, иди, папаша, если дорогу знаешь. Зачем стреляют, не твое дело. Радио сегодня что, не слушал?

— Нет у нас в мастерской радио. Хозяин не поставил. А что передавали? Ученья, да?

— Ученья. Гражданская оборона. Медленно иди, вот так, под стеночкой, потом за угол. Там тихо будет. Понял, нет?

— Понял, понял...

В последний раз оценив позиции захватчиков, Тарханов, выставив перед собой трость, пошел, куда сказано.

Цель рекогносцировки достигнута.

Работать будем в другом месте.

Скрывшись с глаз наблюдающего исламские установления горца, Сергей повернул не влево, а вправо.

В удаленных от центра событий улицах и переулках обыватели уже понемножку начали выходить из домов по своим неотложным делам. Но перемещались торопливо, в любую секунду готовые скрыться во дворах и подъездах. Мнениями обменивались тоже опасливо и только со знакомыми. Незвестных людей сторонились.

Вообще Пятигорск поражал своим безлюдьем. Жители оказались настолько дисциплинированными или просто напуганными, что не только не появлялись на улицах, но и в окна, кажется, старались не выглядывать, не говоря о том, чтобы на автомобилях разъезжать.

Знакомая Тарханову картина. Но дикая для давно забывших о войнах территорий коренной России.

Сергею приходилось бывать в городах за пределами Периметра, оказавшихся в зоне боевых действий, в том числе и оккупированных каким-нибудь противником. Там было совсем не так — в тех или иных формах жизнь продолжалась. Торговали лавки и базарчики, работали питейные заведения, водители автомобилей и мотоциклов ухитрялись проскакивать через простреливаемые зоны да потом еще гордились друг перед другом пулевыми пробоинами в стеклах и кузовах.

Здесь же город словно парализован страхом или заколдован. Нечто подобное Сергей видел, кажется, только в Джибути, там во время абиссинно-сомалийского конфликта практически все население бежало в горы, и две недели патрули мобильных сил Союза контролировали вымерший город, отражая попеременные попытки противоборствующих сторон завладеть спорной территорией.

Но и коренных жителей, и отдыхающих понять можно. Последний раз воевали здесь более восьмидесяти лет назад, когда войска 11-й армии красных заняли Ставропольскую губернию и области Кубанского и Терского казачьих войск, оттеснив Деникина к Нальчику, а потом командарм Сорокин, возмущенный политикой большевиков, поднял мятеж, расстрелял в полном составе Северо-Кавказский ЦИК и перешел на сторону белых, беззастенчиво нацепив на черкеску генеральские погоны. Деникин с этим согласился и утвердил его в чине, хотя в старой армии Иван Лукич был лишь подъесаулом. (Одна из центральных улиц Пятигорска с тех пор носит его имя.)

Даже и в приступе белой горячки вряд ли привиделось бы кому пробуждение в городе, захваченном хорошо вооруженной и тактически грамотно действующей бандой неизвестной принадлежности. И желаю-

ших подставлять головы под пули неизвестно ради чего не находилось. Продлись оккупация еще несколько дней, нужда заставит народ, конечно, приспособливаться, налаживать жизнь хоть под чертом, хоть под дьяволом. И сопротивление кое-какое появится, и коллаборационисты, само собой, а в первый день лучше не высываться.

В принципе такая ситуация Тарханова устраивала. С одной стороны — он, с другой — бандиты. И никто посторонний не путается под ногами.

Он испытывал некоторую тревогу за судьбу оставленного под камнем имущества. Вдруг кто-нибудь — да те же вездесущие пацаны, которым и война не война, — подсмотрел, как он тут его прятал.

Опасения, к счастью, оказались напрасными.

Снаряжение слепого и еще кое-какой лишний «инструментарий» Сергей прикопал на старом месте, с собой же взял только самое необходимое.

Через десять минут полковник достиг своей цели — темной подворотни ветхого двухэтажного дома, выходящей прямо на ограду заднего двора гостиницы.

На той стороне Елизаветинской улицы — высокие глухие ворота, через которые в обычное время то и дело въезжали и выезжали грузовики и фургоны, обеспечивающие бесперебойное функционирование многочисленных служб отеля и нескольких ресторанов, ежедневно предоставлявших пищу и кров чуть ли не тысяче гостей. Сейчас они были заперты. И по обе их стороны не наблюдалось никаких признаков жизни.

Что могло означать в лучшем случае, что обслуга и проживающие попрятались по номерам и служебным помещениям, где сидят тихо, как мыши, почувствовавшие присутствие кота поблизости, а в худшем — что «кот» уже проник внутрь похожего на французский замок XVIII века здания.

Впрочем, достоверно судить об обстановке можно будет только на месте.

Напротив глухого четырехэтажного брандмауэра Сергей перемахнул через забор, бесшумно приземлился в неправильной формы тупичке между мусорными контейнерами на вытертые временем до блеска каменные плиты.

Осмотрелся.

Выглянул из-за угла в первый внутренний двор самого старого, постройки еще 1904 года, корпуса. Насколько он представлял себе внутреннюю планировку здания, сюда выходили окна и двери только служебных помещений и, возможно, торцовые окна коридоров с самыми дешевыми и неудобными номерами. Именно в них Тарханов поселялся, когда случалось на пару дней врываться в Пятигорск в юнкерские еще времена.

С достаточной долей уверенности можно предположить, что его никто не заметит в те секунды, что он будет перебегать до черного хода ресторана.

Гораздо больший тактический выигрыш сулил другой путь — по пожарной лестнице на крышу и чердак, но здесь пришлось бы карабкаться не меньше двух минут, представляя собой в это время идеальную мишень даже для самого посредственного стрелка, окажись он возле одного из окон.

И тут же он увидел первые трупы. Один, в желтовато-зеленой униформе гостиничной охраны, лежал на боку, откинув одну руку и подвернув под себя другую, неподалеку от ворот. Очевидно, надеялся добежать до закрытой на кованый засов калитки. Но не успел, на несколько секунд и метров.

Второй, судя по белой куртке и черным брюкам с лампасами, официант, сидел, уронив голову на грудь, возле кирпичной стенки цокольного этажа. Этого, судя по месту и позе, просто расстреляли. Похоже, в назидание прочим возможным нарушителям приказа.

Сколько же их, захвативших здание, и где они расположились?

«Будем посмотреть».

Теперь по крайней мере начинается настоящая, привычная работа.

С пистолетом в левой, опущенной вдоль тела руке Тарханов проскользнул в дверь, по узкой и темной лестнице взлетел на площадку второго этажа. Отсюда короткий коридорчик вел к ресторанному залу, другой, подлиннее, — на склады и в кухню.

Дорогу через зал он знал, иногда приходилось поздними вечерами забегать сюда, взять в буфете вина или пива, расположения же прочих помещений не представлял.

Зато риск нежелательных и преждевременных встреч там гораздо меньше.

Он свернул налево.

В разделочном зале было пусто, а из-за двери собственно кухни слышались голоса.

Тарханов осторожно потянул на себя до блеска выдраенную сотнями рук дугообразную латунную ручку.

За длинным столом, в сером свете туманного утра, сидели несколько мужчин и женщин. Точнее — трое мужчин и четыре женщины. На столе тарелки с едой, водочные и винные бутылки. Выпивают и закусывают как ни в чем не бывало. Не рановато ли? А что еще делать людям в подобной ситуации? Тем более сотрудникам цеха, где ночь — это самый рабочий день. И наоборот — соответственно.

Сергей по-прежнему бесшумно переместился в центр обширного помещения, предостерегающе поднял пальцы к губам.

— Спокойно. Я — свой. Кто-нибудь еще здесь есть?

Мужчина лет за сорок, судя по одежде — повар, сидевший с краю, поставил на стол налитый до половины стакан, поднялся, избегая резких движений.

— Здесь — никого нет. Там, — он махнул рукой в сторону фасадной части здания, — там много... этих...

Подходящего термина он не подобрал или специально сохранял нейтральную неопределенность, не зная, с кем имеет дело.

— Кроме этой двери, есть еще выходы в зал?

— Есть. Через буфетную и бар. И еще одна к лифту, для спецобслуживания номеров люкс. Но они сейчас заперты.

— А вы кто будете?

— Я старший повар смены. Это — повар второй руки, он — официант. Женщины — кухарки. Мы Славу собрались помянуть. Убили его два часа назад...

— Я видел, там, во дворе. За что и кто?

— Эти ж самые, черные и убили. Нерусские. В смысле не наши, не местные. Говорят по-турецки, что ли, или я не знаю. И одеты в камуфляжи одинаковые, не нашего образца. Те, которые из местных горцев, попроще будут, держатся повежливее, словно как даже стесняются не-много.

А эти — чистые волки. Глазами по сторонам зырк-зырк, пальцы на спусках все время. Вот Слава и говорит мне, когда они первый раз сюда ввалились, потом ушли: «Я пойду». У него смена все равно кончилась. «В город я пойду, дома у меня карабин есть, — а он охотник был хороший и со службы только два года как уволился, — возьму карабин, узнают у меня эти гады...»

Повар говорил нервно и сбивчиво, выпитое уже слегка заплетало ему язык, и он будто заново переживал случившееся. Остальные сидели молча, кивали только довольно синхронно.

— Спокойнее, спокойнее. Вы присядьте, стакан свой допейте, легче будет.

Повар послушно выполнил указание.

— А они когда первый раз сюда вломились, не сюда,

а в зал, бутылок сразу нахватили в баре самых дорогих, закуски холодные, жрать сели.

Нам говорят — сидите и не высовывайтесь, и чтобы с кухни не ногой. Обед чтобы им приготовили, самый лучший. Но — без свинины. А потом, когда уходили, Юлю с собой забрали, официантку, красивая у нас самая, и со Славой у них симпатия была...

Ну вот он тогда и говорит мне: «Пойду я». Как там они с Петром сговорились, он охранник был второго этажа. И с оружием. Что там случилось, я не знаю, только стрельбу услышал, сначала на лестнице, потом во дворе. В окно я успел выглянуть. Петр из пистолета стрелял, а Слава у калитки засов дергал. От дверей из автоматов замолотили. Мне не видно было, но сразу из нескольких. Сначала Петр упал, потом Слава. Но его только ранили сначала, потом набежали, скрутили, человек пять или шесть, бить начали, и прикладами, и ногами, и тут же к стенке оттащили — и все...

Повар махнул рукой и налил себе еще. Женщины дружно принялись всхлипывать и вытирать глаза. Повар второй руки и официант, по-прежнему молча, тоже потянулись к стаканам.

— Помянете с нами раба божьего Вячеслава?

— Обязательно, только попозже. Дальше что было?

— Ничего не было. Мы думали, за нами тоже придут, да пока все тихо... Вот и поминаем, а то другого раза, может, и не будет.

Тарханов сочувственно кивнул:

— Только вы, боюсь, до того напоминаетесь, что обед приготовить не сможете. Вот тогда... — Он не стал говорить, что будет тогда. — Так что пока завязывайте. И — к делу. Кто тут у вас самый наблюдательный? Сколько всего человек видели, чем вооружены, где располагаются, еще какие подробности заметили?

В разговор вступил молчаливый официант с лицом человека, повидавшего жизнь с разных сторон. Ему бы

не простым официантом служить, а как минимум метрдотелем. Да мало ли он чем еще занимается, кроме прямых обязанностей.

— В семь часов утра в ресторан приходило до пятнадцати человек. У четырех или пяти были наши автоматы, у остальных — неизвестной мне конструкции. Андрей Глебыч правильно сказал: большинство не из России. Славу убили чуть позже восьми. До этого в буфет забегало еще три раза по два человека. Другие. Брали в основном пиво и сигареты. На этажах несколько раз слышны были выстрелы и крики. В основном — женские. Так что можно предположить, гостиницу захватили человек тридцать-сорок... Размещаются? Ну, скорее всего, блокируют все три парадных холла, перекрестки главных коридоров на этажах, в эркерах и балконах могут засесть, чтобы подходы с улицы прикрывать. Но это уже мои догадки...

— Молодцом, — искренне похвалил официанта Сергей. — В войсковой разведке служить не приходилось?

— И без разведки кой-чего соображаю. Попробуйте каждый день в голове по сотне заказов держать и не путать, кому из гостей что подать... А вы из каких? Не местный? Я тут пять лет работаю, а вашу личность ни разу не запомнил.

— Из приезжих я. В гости приехал, а у вас такие дела. Знакомую ищу, Любченко Татьяну Юрьевну. Она здесь в турагентстве работает. Не знаете?

— Как же не знаем! Видная женщина. Сегодня ночью дежурила, два раза кофе пить заходила. Должна была в восемь смениться, да уж вряд ли... А ну-ка, пойдете со мной.

В кабинете с табличкой «Метрдотель», обставленном побогаче, чем у иного предпринимателя средней руки, официант, так и не назвавший до сих пор своего имени, указал на один из трех телефонных аппаратов на приставном столике.

— Это — чисто наша, ресторанная связь. Станция здесь же, к гостиничному узлу не подключена. Попробуем. У нас на четвертом этаже малый банкетный зал прямо напротив турбюро. Может, и найдем кого...

— Звать-то вас как? — спросил Тарханов, проникаясь к официанту все большим уважением. На такого парня, пожалуй, можно рассчитывать.

— Вообще-то я Иосиф, но обычно зовут Эдиком.

— Погоняло¹, что ли?

— Зачем же? Иосифом никто не выговорит, будут Ёсей обзывать, а мне это не в жилу.

Он быстро прокрутил диск на три цифры, подержал трубку возле уха. Где-то после десятого гудка, когда Тарханов уже потерял надежду, с той стороны ответили.

— Марина, это ты, Мариночка? Здесь Эдик. Как у вас там? Все живы? Вот и молодцы, сидите, не высовывайтесь... Хотя как раз сейчас приложи ухо к двери, послушай, все тихо? Если тихо, выгляни в коридор осторожно. Девчонки в интуре, если на месте, Татьяну к телефону подзови... Работай.

Он опустил трубку.

— Вроде там порядок. Четвертый этаж, в самом углу, дверь банкетного обычная, без вывески. В турбюро табличка маленькая, да и на хрена бандюкам гида-переводчика нанимать?

— Резонно, — рассеянно ответил Сергей, веря и не веря, что сейчас может услышать в трубке Татьянин голос. Если она жива и в порядке, тогда у него и руки будут развязаны, и голова от лишних забот свободна.

— Держите, она вас слушает...

С непривычно екнувшим сердцем полковник взял трубку.

— Таня? Здравствуйте, Таня, это Арсений говорит...

¹ Погоняло — воровская кличка.

— Арсений? О боже! Откуда вы звоните, где вы? А у нас тут такой ужас...

— Отсюда и звоню, Марина знает, откуда. Я же обещал прийти. Ну, пришел чуть раньше, в связи с изменившимися обстоятельствами. У вас там как? По коридорам не ходили, в дверь не ломились?

— Нет, у нас на этаже пока тихо. Но здесь только разные конторы в основном, работают с девяти, так что все заперто. Только я с напарницей и девочки напротив. Арсений, скажите, что нам делать?

Голос у Татьяны хоть и не срывался на истерику, но ощутимо подрагивал.

— Секунду...

Обратился к Эдику:

— Спрашивает, что им делать. Отсюда туда можно аккуратно пробраться?

— Свободно. Лифтом, пожалуй, не стоит, но рядом с шахтой идет в отдельном стволе железная лестнка, аварийная как бы. И выходит рядом с дамским туалетом банкетного зала. Пройдете в лучшем виде. Практически без риска. И сразу сюда возвращайтесь. У нас, пожалуй, безопаснее всего будет. Ресторан и есть ресторан. Пожрать-попить завалятся — это свободно. А искать что-то или кого-то — зачем? Надо будет, в овощном складе спрячетесь или в посудомоечной, а то в санитарной комнате для женского персонала... Как у тещи за пазухой!

«Интересное сравнение», — подумал Тарханов.

— Таня, ждите, я сейчас за вами приду. Напарницу позовите и ждите. Минут через пять-десять буду. Да, вот что, вы у себя в конторе дверь оставьте открытой, бумажки там всякие по полу разбросайте, ящики столов, шкафы откройте, мебель переверните. Что зачем? После объясню, вы делайте, только совершенно без шума. До скорого...

— А вы, господин Арсений, в натуре, быстро сооб-

ражаете, — похвалил Тарханова Эдик, одновременно рисуясь и своей догадливостью. — Если, значит, появится на этаже кто, чтоб подумали, что шмон до них произведен и ловить больше нечего. Грамотно.

— А то, — в тон ему ответил полковник. Достал из сумки глушители, повернул на стволы обоих пистолетов. Взвел взрыватели имевшихся при нем гранат.

Эдик наблюдал за его работой с уважительным интересом.

— Серьезные у Татьяны друзья, — как бы в пространство промолвил он. — Заберете и уйдете или как?

— По обстановке. Проводите меня?

— Лестницу покажу, а там сами разберетесь. Вдруг опять гости пожалуют, следует на рабочем месте быть. Обратно пойдете — перезвоните для проверки. Только я вас умоляю — если что, за собой «хвоста» сюда не ведите. Прорывайтесь мимо нас. Ресторану и одного покойника сверхдостаточно.

Весь путь вверх Тарханов проделал бегом, на секунды приостанавливаясь на площадках, чтобы запереть ведущие на этажи двери. Так, на всякий случай, чтобы иметь прикрытый тыл.

А сам уже проигрывал в уме свои дальнейшие действия.

В трех соединенных переходами корпусах гостиницы, построенных с интервалами примерно в пятьдесят лет, должно быть много подобных внутренних коммуникаций, разобраться в которых и эффективно их заблокировать оккупанты по своей малочисленности и недостатку времени просто не могли. Даже если и привлекли на свою сторону угрозами или посулами кого-то из инженеров по эксплуатации.

От четырех до семи этажей, почти тысяча номеров, не меньше сотни технических помещений. Только в старом корпусе Сергей знал две лифтовые шахты, четыре сквозных лестничных пролета, этот, получается, пятый,

а возможно, есть и еще. В двух более обширных корпусах их наверняка еще больше.

А главное, бандиты ведь не рассчитывают вести в «Бристоле» полномасштабный внутренний бой. Заняли ключевые точки, чтобы в случае чего удерживать под контролем достаточное количество заложников — хватит. На самом же деле о вторжении извне они почти и не задумываются, не случайно же он проник в гостиницу без проблем. Не тот у них боевой опыт, не тот стиль мышления.

У входа в банкетный зал его встретила эффектная рыжеволосая девушка в форменном алом костюмчике, похожем на те, что носят в самолетах бортпроводницы. Та самая Марина. А потом ему на шею, не стесняясь, бросилась Татьяна. Станный, если разобраться, поступок. Их ведь еще ничего не связывало в этой жизни. Так, почти случайное знакомство при странных обстоятельствах.

Или ее опять переключило на воспоминание о прошлом знакомстве с его «двойником»? Там-то у них все было по полной программе, и расстались они без обиды, по взаимному, можно сказать, согласию.

С другой стороны, пережившие стресс и страх смерти люди бросаются на шею и совсем незнакомым спасителям.

Третья девушка, напарница Татьяны, по имени Аля, внешне похожая на армянку, держалась в сторонке и выглядела не то слишком флегматичной, не то перепуганной до заторможенности.

Зал был небольшой, но уютный, оборудованный для частных обедов и ужинов людей с достатком. Обтянутые узорчатой золотой парчой стены, резные, ручной работы кресла и столики, стилизованные под старину настольные лампы и бра. Мраморный камин с начищенным бронзовым прибором. Небольшой бар и со-

всем миниатюрная эстрада для выступления камерных ансамблей в углу.

Здесь можно было отдыхать и радоваться жизни, не смешиваясь с потребителями комплексных и диетических обедов.

Тарханов вдруг вспомнил, что он не спал больше суток и лишь чуть-чуть перекусил на ходу.

— А скажите, Марина, нельзя тут у вас передохнуть немного, кофейку чашечку выпить, а то и с коньячком...

Присел за ближний столик, из любопытства перелистнул книжку меню в тяжелом, как на антикварном Евангелии, переплете.

Хороший ассортимент, но цены, конечно, да, серьезные. В другом месте полный обед обошелся бы дешевле, чем здесь кофе с рюмкой коньяка. Впрочем, цены его всегда занимали мало, а уж сейчас...

— В общем, всем кофе, коньяк... или ликер? Закусить, соответственно. Решайте, девушки, угощаю всех!

Опыт ему подсказывал, что девушек надо развлечь, хотя бы даже так, изображая из себя этакого прожигателя жизни.

Ага, одна только неувязочка вышла. Он только сейчас сообразил и запахнул куртку, из-под лацкана которой слишком непринужденно торчала пистолетная рукоятка.

Поскольку совсем не касаться событий минувшего утра было нельзя, Сергей старался перевести тему и на строения своих новых знакомых в иную плоскость. Что, мол, случившееся — дело почти житейское, в других странах, за пределами «Свободного мира», спокон веку так живут. Вот, например, в Израиле, где он был недавно, или, скажем, на Филиппинах...

— Так мы-то не на Филиппинах, Арсений, в чем все и дело, — не приняв его легкого тона, ответила Татьяна. — Жили-жили сколько лет спокойно, а теперь что, привыкать, как там?

— Ну, это, конечно, ерунда. Не сегодня-завтра с бандой разделаются по законам военного времени, тогда и разберемся, кто, зачем и почему. И ответим так, что мало не покажется. Как писал Прутков, «не только оному лицу, но даже его самым отдаленным единомышленникам...».

— Хорошо бы, — кивнула Марина, подавшая на стол и присевшая рядом, — а до этого нам что прикажете делать?

— Вот это я и желал бы с вами обсудить. Вы девушки здешние, опытные, все места знаете... Как оно будет лучше — спуститься вниз, где Эдик обещал всех в подсобках ресторана спрятать, еще куда-нибудь переместиться или остаться здесь, в расчете, что если до сих пор не пришли, то и дальше не придут, поскольку у них скоро совсем другие заботы появятся? Кстати, насчет Эдика — кто он и что? Мне показался очень сообразительным молодым человеком.

— Еще бы, — коротко хохотнула Марина.

— То есть?

— Еще бы не сообразительный. Он в Кисловодске целую сеть игорных притонов держал, попался на чем-то, два года отсидел, дело его за это время растащили, вот и пришлось в официанты податься... Но надежды подняться снова не теряет.

— Ну, дай ему бог. Может, и поднимется, если снова не ошибется...

Слова его прозвучали несколько двусмысленно.

— Я бы предпочла остаться здесь, — ответила на первую часть вопроса Татьяна. — Уйти можно в любой момент, если возникнет опасность, но пока здесь, мне кажется, спокойнее. Двери зала очень прочные, просто так их не сломаешь, а пока будут ломать, мы успеем убежать. Тут есть еда, можно даже поспать, а там, внизу, я не знаю...

Аля кивнула.

— Значит, остаемся, — подвела итог краткого военного совета Марина, ощущавшая себя здесь хозяйкой, да и вообще выглядевшая девушкой смелой и решительной. Как, впрочем, свойственно большинству ее коллег по профессии.

И решения надо уметь принимать быстро, когда возникают острые ситуации, например, с подгулявшими гостями, и риска не бояться, и без стихийного знания психологии не обойдешься.

— Значит, договорились. Вы остаетесь здесь, сидите тихо, ни во что не вмешиваетесь, на провокации не поддаетесь. Дверь можно дополнительно забаррикадировать, хотя бы и этим сервантом, и диванами тоже. А для меня ваше убежище будет запасной оперативной базой...

— Что вы собираетесь делать, Арсений? — с тревогой спросила Татьяна.

— Вы же знаете мою профессию, Таня? Как же я могу отсиживаться вместе с женщинами, если враг захватил часть территории моей страны, защищать которую я присягу давал? Сейчас схожу на разведку, а уж дальше — по обстановке. Кстати, из вас кто-нибудь стрелять умеет?

— Я умею, — опять заявила о своей лидирующей роли Марина. — В институте занималась в стрелковой секции. Больших успехов не добилась, — самокритично призналась она, — но серебряный значок «Меткий стрелок» у меня есть.

— Оставить вам на всякий случай? — Тарханов протянул ей на ладони штатный армейский пистолет Воеводина, который, впрочем, за ним официально не числился.

— Оставьте. Из него я умею. Не отобьемся, так хоть застрелиться успеем. Я не чужда определенных занятий, но ежели меня вздумают насиловать полсотни грязных чурок — увольте...

— Не думаю, что у них вскоре появится время именно для таких развлечений. Держите, Марина, только прошу никому, кроме здесь присутствующих, его не передавать. И, будет время, поучите девушек, как с ним обращаться.

Он протянул Марине пистолет и запасной магазин на восемнадцать патронов.

— А я, пожалуй, пойду...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Из прихваченной с собой спортивной сумки, не вызывающей затрапезным видом ни любопытства, ни подозрений, он достал и в несколько секунд собрал штурмовой пистолет-пулемет «рапира», стреляющий совсем недавно разработанными и совершенно секретными бесшумными и беспламенными патронами. Ничего подобного на вооружении даже самых передовых иностранных армий пока еще не имелось. Жаль только, что снаряженных обойм у Тарханова имелось только три.

Еще он взял с собой в рейд шесть гранат. Две оборотные, в чугунных рубашках, с разлетом осколков до трехсот метров, две наступательные, безоболочечные, но снаряженные мощным тротильным зарядом, и еще две светошумовые, ослепляющего и шокирующего действия. На первый случай хватит, а потом он станет пользоваться трофеями.

Сомнений в успехе своей миссии полковник не испытывал, театр военных действий представлялся ему идеальным для бойца с его подготовкой и, соответственно, максимально неудобным для террористов.

В прихожей банкетного зала, перед тем как отпереть дверь, Марина, не обращая внимания на стоящую рядом Татьяну, улыбнулась совершенно не согласующимся с обстановкой образом.

— Возвращайтесь, Арсений, мы будем вас очень ждать...

После этого Татьяна, чувствуя себя несколько глупо, смогла только пожать Сергею руку и кивнула с несчастным и растерянным видом.

...Коридор четвертого этажа до первой лестничной площадки Тарханов прошел свободно.

Здесь позиция усложнялась.

Слева от него располагался небольшой холл, с раскидистой пальмой-хамеропс посередине, в который выходили двери трех номеров полулюксов, по имевшейся информации — ко вчерашнему вечеру незаселенных.

Вправо тянулся длинный, метров в пятьдесят, коридор одноместных и двухместных номеров невысокого класса.

Прямо и чуть сбоку двойная, сплошь остекленная дверь вела на широкую лестницу с перилами в стиле модерн.

Сергей, прислушавшись, скользнул за массивную дубовую бочку, из которой росла пальма, свешивавшая свои перистые листья чуть не до самого пола.

Отсюда на всю длину просматривался коридор, в самом его конце маячил на фоне торцового окна силуэт человека, вооруженного то ли штурмовым автоматом, то ли коротким карабином.

Постояльцы, очевидно, выполняя приказ террористов, сидели по номерам, ожидая решения своей участи.

Налетчики поступили грамотно, не став сгонять заложников в залы, холлы и тому подобные обширные помещения. Гораздо проще, технически и психологически, контролировать двери трех десятков номеров единственным постовым, способным пресечь любую попытку неповиновения, нежели постоянно держать на прицеле скупенную в одном месте массу людей.

И хоть как-то заниматься проблемой их жизнеобеспечения.

Попытки же отдельных смельчаков выбраться из гостиницы через окна были, во-первых, маловероятны, во-вторых, при общем числе заложников, принципиального значения не имели, и, наконец, в-третьих, несколько боевиков группы прикрытия, занявшие позиции снаружи здания, всегда могли подобную попытку пресечь. Быстро и эффективно.

Но эта же тактическая схема, в свою очередь, невероятно облегчала действия Тарханова.

«Язык» был ему действительно необходим, только вряд ли на его роль подходил придурок, поставленный охранять столь незначительный участок фронта. Серьезные люди должны решать более важные задачи.

В свой карманный бинокль Сергей не спеша рассматривал человека, жить которому оставались считанные секунды.

Юнец, лет двадцати от роду, скулы и подбородок покрывает редкая щетина, не успевшая превратиться в полноценную бороду. На голове войлочная сванская шапочка, нечто среднее между тубетейкой и ермолкой, винтовка «гаранд М-1» свисает вниз стволом с плеча. Полусидит боком на подоконнике, курит, болтая ногой в шнурованном высоком ботинке.

Чем-то неуловимо похож на тех первых трех боевиков с горной тропы в Палестине.

«Что ж, пацан, ты сам себе выбрал судьбу», — словно бы извиняясь перед кем-то или чем-то, подумал Тарханов.

Правда, пожить еще несколько минут отвела террористу судьба. Полковник не хотел стрелять именно сейчас: отброшенный пулей труп вполне может выбить стекла, произвести ненужный шум. Значит, придется подождать, когда он устанет сидеть и у него затекут ноги.

Нужный момент наступил скоро.

Докурив сигарету, боевик поискал глазами, куда бы бросить окурки, что выдавало в нем некоторую цивилизованность. На пол, затянутый ковровой дорожкой, ему было вроде и неудобно. Встал с подоконника и направился к ближайшей урне.

Трех его шагов Тарханову вполне хватило. Пенек мушки он подвел к солнечному сплетению клиента. Самое подходящее место — и нервный узел, и артерия, и вена, умрет мгновенно и без звука.

Выстрел прозвучал тише, чем хлопает извлеченная умелой рукой пробка из бутылки шампанского.

Девятимиллиметровая полуоболочечная пуля вошла точно туда, куда целился полковник.

Боевик дернулся, сделал попытку шагнуть вперед, но ноги у него подогнулись. Он грузно сел на пол и медленно опрокинулся на спину.

Никакого разведывательного интереса он и в самом деле не представлял. Винтовка, четыре подсумка на поясе, в карманах ничего, кроме пачки сигарет и незначительной суммы денег. Солдат-новобранец или же лагерная шестерка, как посмотреть.

Труп Тарханов оттащил в пустой номер, который вскрыл десантным ножом. Запер в туалете, затвор винтовки и патроны высыпал в унитаз. Ему они были ни к чему.

Бесшумно и стремительно скользя по переходам старого корпуса, почти аналогичным образом он ликвидировал еще троих боевиков, полностью очистив четвертый этаж. Но это было самой легкой задачей.

Тарханов предполагал, что переход в центральное здание, выстроенное в середине прошлого века в конструктивистском стиле а-ля Корбюзье, прикрывается гораздо серьезней.

Просто потому, что там имеется обширный холл, из которого лучами расходятся три широких коридора, а

по сквозному межэтажному стволу снизу доверху идут прозрачные шахты лифтов.

Сам бы он обязательно разместил там не меньше трех огневых точек.

Не лучше ли сначала пройтись сверху донизу здесь, где архитектура куда больше способствует атакующему, чем обороняющимся? В случае удачи он прихлопнет еще до десятка боевиков, а силы их и так ограничены.

При этом Тарханов понимал, что подсознательно пытается просто слегка оттянуть момент решительной схватки.

На третьем этаже он убил двух террористов, увлеченно игравших в нарды за столом дежурной. Эти его немного порадовали, потому что на вооружении у них имелся ручной пулемет «РПД-58» с двумя барабанными дисками на девяносто патронов каждый, а также целых семь немецких гранат с длинными деревянными ручками. Теперь огневая мощь боевой единицы полковника (единицы в буквальном смысле) значительно возросла.

Из застекленного шкафчика дежурной Сергей забрал висевшие там ключи с нумерованными жетонами. В случае чего пустые номера ему могут пригодиться.

И почти сразу же вмешалась, как любил выражаться боевой товарищ Ляхов, «неизбежная на море случайность».

Стоило Тарханову свернуть в очередной коридор, как в одном из номеров посередине распахнулась дверь и из него вывалились несколько порядочно пьяных боевиков. Дисциплина в захватившем Пятигорск отряде явно не стояла на должном уровне. В подобном случае — то есть если бы его бойцы начали веселиться и пьянствовать в процессе выполнения задачи — полковник не остановился бы и перед предельно жесткими мерами.

Бросив на пол металлически лязгнувший пулемет,

он едва успел вскинуть свою «рапиру». Стрелять пришлось практически не целясь и не считая патронов.

На полу образовался завал окровавленных тел. Но один, невредимый или раненый, метнулся назад. Прогремел нормальный, пистолетный выстрел, показавшийся, на фоне предыдущих, необыкновенно громким.

Тарханов выругался вслух. Случилось самое неприятное. Сейчас поднимется шум, и воевать придется всерьез, лицом к лицу.

Сергей уже готов был швырнуть в открытую дверь гранату, но в последнее мгновение сдержался. Непонятно почему. Интуиция, наверное.

В три длинных прыжка он преодолел отделявшее его от номера расстояние, прижался спиной к стене и вдруг услышал стоны и поскуливание, производимые явно женскими голосами.

Боевик стоял посреди просторной комнаты, представлявшей собой подходящую декорацию для фильма о развеселой жизни махновцев в годы Гражданской войны.

Круглый стол, заваленный грязными тарелками, ломаными буханками хлеба, объедками, пустыми и полными бутылками, пепельницами с горами воняющих окурков. Сам же террорист забился в угол между оставшейся от прошлых времен, ныне декоративной кафельной печью и массивным резным буфетом. Перед собой он выставил двух совершенно голых женщин, с явными следами насилия на телах и лицах.

Одна была молодая и совсем недавно, похоже, красивая. По крайней мере, фигура у нее соответствовала самым строгим стандартам. Второй было прилично за сорок, крупные груди давно потеряли форму, и живот без соответствующей поддержки слишком уж выдавался, но остатки былой привлекательности она еще сохраняла.

По ссадинам, кровоподтекам, засосам на груди и шее

видно было, что измывались над ними долго и изощренно. Возможно, это были мать и дочка, а может, просто случайные соседки по номеру, разбираться Сергеем было некогда.

Их платья и белье были разбросаны по всей комнате.

Ствол пистолета бандит держал у виска молодой, сам же прятался за обширным торсом и бедрами старшей.

— Не подходи, застрелю обеих, — сам дрожащий от страха, прошипел горец, которому в родном ауле возраст вряд ли позволил бы заниматься подобными играми.

Тарханов в ответ на эту угрозу только внутренне усмехнулся. Слышали, не раз слышали. А этот «герой» с кровоточащей пулевой ссадиной на лбу наверняка видел такие сцены только в заграничном кино.

— Застрелишь, — кивнул полковник, держа «рапиру» у бедра. — А потом? Тебе и так и так подышать. А ну, брось пушку...

— Убью, — севшим голосом повторил террорист. Акцент у него был, пожалуй, грузинский. — Они мои заложники. Я с ними сейчас пойду, а ты стой на месте...

— Канешна, — передразнивая, ответил Тарханов. — Иди, да...

Ствол автомата смотрел точно в лоб грузина.

— Убери, я уйду. Там отпущу женщин...

— Да, отпустите нас, — плаксиво-хриплым голосом повторила старшая. Молодая молчала, подкатывая глаза и явно готовясь упасть в обморок. По щекам ее непрерывно текли слезы.

— Отпускаю, идите, — кивнул Тарханов, делая шаг в сторону и открывая проход к двери.

— Брось автомат, — наглей, потребовал боевик.

— Уже, — ровным голосом ответил Тарханов, полагаясь на свою реакцию, выбросил руку вперед и с четырех шагов вогнал пулю точно между глаз бандита. Кровь

брызнула на женщин, а мозги — на кремовые с золотым тиснением обои.

Молодая тут же исполнила свое намерение и так хлопнулась в обморок, а старшая отскочила в сторону и, нисколько не стесняясь своей наготы (а чего теперь уже стесняться), начала стирать кровавые сгустки со щеки и груди.

Тарханов испытал мгновенное желание развернуться и выбежать из номера, потому что нечего ему теперь тут делать, а через минуту или через несколько минут на звук выстрела набегут остальные-прочие в достаточном количестве, и придется принимать безнадежный бой в тупиковом коридоре...

И все же...

Тем более заметил он кое-что, что могло помочь в дальнейшем.

Только бы времени хватило.

— Уходите отсюда, быстро. В любой номер, только подальше по коридору, вот ключи...

Он видел, что старшая женщина сохраняет достаточное самообладание, чтобы понять его слова.

— Только быстрее, бегом, бегом...

Сам он немедленно начал затаскивать из коридора в прихожую тела убитых боевиков.

Бросал, лишь бы поскорее, и в ванную, и просто на пол в комнате, и спешил за другими.

На женщину пришлось прикрикнуть еще раз:

— Да кончай ты своим бараклом заниматься! Накинь, что под руку попадется, и вон отсюда!

Молодая, получив от старшей пару хлестких пощечин, пришла в себя в достаточной мере, чтобы подняться на ноги.

— Проч-чь! — свирепо выкрикнул Тарханов в последний раз, и женщины исчезли, похватав с полу какие-то свои тряпки. Причем старшая не забыла в последний

момент приостановиться и забрать из стенного шкафа бархатную сумочку и какой-то баул.

Взять у убитых из оружия было нечего, полковник и так был обвешан им сверх всякой меры. Зато их одежда ему приглянулась.

Он просунул руки в рукава камуфляжной, похоже, турецкого образца куртки, натянул на уши вязаную шапку верблюжьей шерсти, сверху обернул ее зеленой лентой с черными арабскими закорючками.

Пойдет.

А главное, подхватил с подоконника забытый кем-то из женщин пышный каштановый парик. Он и привлек его внимание с самого начала.

Умело поставил поперек двери растяжку из трех немецких гранат, причем оставил полотнище слегка приоткрытым, да еще и вытянул наружу руку одного из покойников, в которую вложил его же пистолет.

А сам тоже метнулся через коридор в заранее приоткрытый номер наискось и напротив, рядом с очередной запасной лестницей, скрытой вполне не приметной дверью.

Успел, что называется, тик в тик.

Со стороны площадки главного холла слышался топот многих ног и бессвязные крики.

А Тарханов уже боялся, что случайный пистолетный выстрел мертвого боевика остался не услышанным.

Рвануло здорово! Так здорово, что со стены даже отдаленного метров на двадцать номера кусками посыпалась штукатурка. И звон высыпавшихся стекол тоже был хорошо слышен еще через две или три секунды после взрыва.

И перекрытия содрогнулись, но выдержали. Что значит старая постройка! Она же, со своими полутораметровыми стенами, хорошо усилила силу взрыва каких-то четырехсот граммов тротила, выплеснувшегося всей своей мощью в коридор, сметая неудачников.

Неудачник — это тот, кто оказался в неподходящее время в ненужном месте.

В номере, где сработала гранатная ловушка, вышибло не только двери, вылетели еще и порядочные куски старого, бурого от времени кирпича, но с яркими розовыми изломами. И несколько бандитов валялись на полу уже разделанные на фрагменты.

Воняло тротильным дымом, пылью, кровью и кое-чем похуже.

Однако живых осталось еще человека четыре, прилично контуженных, но живых, ползающих от стены к стене, подобно глотнувшим добрую дозу китайского порошка тараканам.

Тарханов добавил поперек затянутого сизым вонючим дымом коридора (поганая все-таки у немцев взрывчатка), из пулемета.

Вот теперь — все! Мизерекордиа¹, если угодно.

Еще не успели гильзы осыпаться на ковровую дорожку, а полковник уже стремительно рванул вниз по узкой запасной лестнице до самого первого этажа.

Шум теперь будет там, а здесь есть возможность перевести дух.

И, заскочив в женский (который оказался поближе) туалет, Тарханов принялся пристраивать к подбородку предусмотрительно прихваченный парик.

Борода, конечно, вышла так себе, но если издали, в полумраке коридоров, то сойдет. Вообще сам себе он в зеркале понравился. Абсолютный шахид, обвешанный оружием, как и следует, а уж если учесть, что десяток арабских фраз и слов он еще помнит, так и совсем хорошо. Пригодится усилить беспорядок и панику. А паника будет классная, в этом уж Тарханов не сомневался.

Сергей, закрыв дверь на внутреннюю защелку, ис-

¹ Милосердие (лат.) — название кинжала, которым добивали поверженных рыцарей.

пытывая великолепное чувство временной безопасности, сел на крышку унитаза и закурил.

Вот бы сюда тех самых литературных критиков.

Как, господа, дальше поступать-то будем?

Признаемся, что стрелять не умеем, и уметь приличному человеку это неприлично, и что грешно так вот убивать честных бандитов, отнюдь не рассчитывавших на подлое сопротивление злобного гяура?

Тарханов вздохнул.

В дикой стране жить приходится все-таки.

И он окончательно понял, что согласится на любые предложения наперсников Великого князя. Даже те, которые казались ему слишком уж радикальными в рассуждении восьмидесятилетней демократии.

Что бы там ни было впредь, хуже, чем есть, не будет.

А в ближайшие десять минут он устроит борцам за свободу такое...

Главное — взять хотя бы двух-трех толковых «языков», которые расскажут, что почем. Но как?

Убивать, кого придется, легко, а вот найти, захватить, оставив в живых именно тех, кто хоть что-то толковое знает, — как?

Тарханов докурил папиросу «до фабрики» и тут же запалил вторую.

В самое время, хотя и неожиданно, загудела в кармане рация.

Он и забыл уже о ней. И о том, что просил в своей записке связаться по указанной частоте.

— Слушаю...

— Назовите позывной, — спросил искаженный помехами, но все равно привыкший задавать вопросы голос.

— Горный егерь.

— Ты что, правда Неверов? — в голосе звучало изумление.

— А ты?

— Капитан Кабанец. Сейчас — командир учебно-тренировочной базы училища. Мне кажется, я тебя помню.

А вот Тарханов — нет. Так и сказал.

— Я двумя курсами младше учился. Вы в девяносто четвертом командой взяли первый приз на окружных по пятиборью. Нет?

Было такое. Причем в команде выступали одновременно и Тарханов, и Неверов. Так что, если придется встретиться, инкогнито, возможно, сохранить удастся.

А хрена ли сейчас в том инкогните?

Но капитан, летящий где-то там над ставропольскими степями в вертолете, желал еще каких-то подтверждений. Вполне естественное чувство. И так ситуация шоковая.

— А все же, чем еще подтвердишь, что это ты?

— Чтоб поверил, что я тот самый, — скажу. «Половая машина». Достаточно?

Собеседник хмыкнул. Действительно, тут любой вражеский агент отдыхать может. Начальник курса у них был полковник Пола, имевший редкостный по тем временам лимузин «Влтава». Вот его и называли юнкера тем самым экзотическим именем.

— Годится. Так я слышал, ты погиб вроде бы.

— Пропал без вести, а это разные вещи. Но хватит воспоминаний. Ты где?

— Получили твое сообщение, сейчас на подлете. Три вертолета, две роты. Идем над Александровкой. Что у вас с обстановкой?

Александровка — длинейшее село в мире, расположено между Ставрополем и Кавказскими Минеральными Водами. Протяженность по оси с севера на юг более тридцати километров, от Пятигорска по прямой — километров семьдесят, как раз на пределе работы радиции Тарханова.

Значит, над городом ребята будут минут через двадцать пять.

— Обстановка хреновая. Город захвачен примерно тремя сотнями боевиков закордонной ориентации! Какой? Да ты что, дурной? Шведско-исландской, разумеется! Не понял, потом сам увидишь. Блокированы въезды в город, центр, расположение властей и полиции. В качестве заложников захвачен гостиничный комплекс «Бристоль». В нем около пятисот постояльцев, полсотни террористов и я. В настоящее время веду бой. Штук двадцать уже шлепнул. Остальные пока не поняли, что почем...

— Ну-у, бой... — Даже сквозь треск помех стало слышно удивление подполковника. — По твоему голосу не скажешь. И стрельбы не слышно.

— У меня оперативная пауза, — то ли в шутку, то ли всерьез сообщил Тарханов. — Я тебя о чем попрошу: сразу заходи на город из-за Машука слева и выбрасывай десант у Павловского источника. Это примерно в полуверсте от задов отеля. Пусть наступают вниз до гостиницы переулками и берут ее в глухое кольцо. А вертолетами пройдишь на бреющем прямо вдоль Курортного проспекта и хорошенько врежь по всему, что напрасно шевелится.

Тарханов знал, что однокашник безусловно знает топографию Пятигорска и достаточно квалифицирован, чтобы не ошибиться в целях. Если увидит с двадцатиметровой высоты боевиков, обстреливающих полицейское управление, то уж не промахнется.

— Договорились, полковник.

У Тарханова камень упал с души. Подмога близка, и с этим ощущением он сумеет за двадцать минут навесить среди бандитов настоящий шорох. По крайней мере теперь боеприпасы можно не жалеть.

А сколько их, кстати? Полтора пулеметных бараба-

на, два магазина к автомату, ну и пистолет на крайний случай. Еще гранаты.

Хватит, поскольку в трофейном оружии его никто не ограничивает.

Зато теперь можно рассчитывать действие по времени.

Пулемет на ремне через левое плечо, автомат на правом.

И вдруг Сергей замялся.

Где-то по краю сознания скользнуло — а стоит ли? Он свое дело сделал там, в Ливанских горах, и здесь тоже сделал то, что далеко не всякому под силу. Убил немало бандитов, вызвал подмогу. Вот она уже летит. И прилетит, и сделает что положено. А он их поддержит огнем, когда придет время.

Сейчас же можно и подождать немного. Жизнь — это такая приятная штука. Что ни говори, ее всегда жалко. Всякую. У него же она на удивление ладно складывается. Вот и Татьяна встретил неожиданно.

Но ведь долг — выше? И честь — выше?

И твою работу за тебя никто не сделает. Потому что на это дело ты присягу принимал, и ты уже внутри здания, а те юнкера, что будут его штурмовать, — подойдут снаружи. Не слишком понимая, что это такое — идти на штурм дома с метровыми стенами, обороняемого многочисленным гарнизоном.

Значит — вперед!

Аппендикс нижнего коридора, ведущий от ненужных, а потому и неинтересных бандитам прачечной и бельевого склада к центральному холлу, был пуст, а вот там, и над головой, на гулких чутунных лестничных площадках, раздавался топот ног, бессвязные крики, заполошные выстрелы в никуда.

Пусть постреляют. А когда надоест и поймут, что стрелять-то не в кого, в лучшем случае — друг в друга...

Дождавшись паузы, еще по одной заранее присмотр-

ренной внутренней лестнице Тарханов взбежал на третий этаж.

Широкая галерея, с колоннами снизу доверху, с трех сторон окружала провал центрального вестибюля.

И видно все вниз и по сторонам было отлично. За коня какой-то Ричард или Генрих предлагал полцарства. А за такую позицию?

Несмотря на суматоху и панику, охватывающие «Бристоль», кое-кто здесь сохранял выдержку и боевую дисциплину.

Пулемет на треноге выдвинут в тамбур, чтобы держать под прицелом площадку перед гостиницей и аллеи Цветника. Еще три огневые точки на подоконниках витражных венецианских окон, обращенных вверх и вниз по Курортному проспекту, а также и внутрь здания, чтобы простреливать всю окружающую холл на уровне второго этажа галерею. И расчеты на месте, бдительно контролируют отведенные им секторы.

Зато все остальные вели себя удивительно непрофессионально. Человек десять бандитов ошарашенно озирались по сторонам, бессмысленно дергая затворы, какой-то курбаши, обосновавшийся за стойкой портье, кричал вперемешку по-русски и на экзотических языках, указывая руками сразу в несколько сторон, и вообще картинка напоминала пожар в борделе.

Да и то, расчет у них был на какое-то другое развитие событий. А тут вдруг бой начался внутри гостиницы, причем в самых вроде бы неугрожаемых местах.

У Сергея оставалось целых семь боевых гранат и еще две шумосветовые. Вот все он и бросил вниз с секундными интервалами, стараясь, чтобы легли они как можно более широким веером.

Не ударил еще первый разрыв, а он уже летел вниз, почти не касаясь подошвами ступенек.

Упершись плечом в литой чугунный столб арочного подпора, прикрывший его от разлета последних оскол-

ков, Тарханов едва дождался, пока осядет дым, известковая и кирпичная пыль, вскинул ствол пулемета и выжал спуск.

Черт с ним, со стволом, пусть плавится. Тут главное — погасить тех, кто еще сохранил способность шевелиться и сопротивляться.

Слева направо Тарханов вел стволом строго по периметру холла.

Силы в руке едва хватало, чтобы удерживать его на нужном уровне, не допускать увода вверх.

Гильзы звонко разлетались по мраморному полу, пули с чмоканьем входили в человеческие тела, а которые пролетали мимо, крушили мозаичные стеновые панели, уцелевшую с позапрошлого века голубую и золотистую кафельную плитку.

Пулемет последний раз лязгнул затвором и смолк. Как раз тогда, когда закончил свое дугообразно-плавное движение. То есть кончилась лента. Менять барабан было некогда.

Крики, которые Сергей не слышал из-за грохота пулемета и давнего звона в ушах, вдруг стали различаться. И крики эти были отнюдь не торжествующие, не боевые. Недавние герои верещали от боли и страха смерти, звали на помощь, кто-то, может быть, пытался собрать возле себя еще способных сражаться. Тарханов не вслушивался.

Он пробирался через лужи крови и растерзанные тела туда, где видел сквозь мглу вроде бы исправный станковый пулемет, сторожко вода вокруг «рапирой»

Постепенно становилось тише. Просто все меньше и меньше оставалось тех, кто еще был в состоянии кричать.

Да, «гочкис», развернутый из тамбура внутрь зала, был в порядке. Из приемника свешивалась довольно длинная лента, полная патронов. Рядом еще две зеленые коробки.

И успел припасть к его прикладу в самое время.

Теперь пришлось пройтись огневым шквалом по галерее и выходам из коридоров.

И эта лента кончилась слишком уж быстро, но зато и желающих проверить, есть ли еще патроны у неизвестно откуда взявшегося шайтана или внезапно сошедшего с ума боевого товарища, поблизости не осталось.

Уж больно все хорошо идет, мельком подумал Тарханов, не должно бы так везти второй раз подряд.

Сейчас бы не искушать судьбу, забиться в тихий угол и предоставить остальное бравым ставропольским егерям.

Или хотя бы глотнуть сотню граммов коньяку, чтобы разбавить избыток адреналина в крови.

Нет уж, ваше высокоблагородие, раз взялся, так взялся.

Пора бы уже и поддететь ребятам... Однако.

Он взглянул на часы. Черт возьми, всего восемнадцать минут прошло. Значит, минимум еще десять придется держаться.

А слева распахнутые стеклянные двери перехода в новый корпус. И оттуда в любую секунду может набежать еще неизвестно сколько чурок, простите за выражение.

Тарханов вдруг ощутил смертельную усталость. Он заметил это по тому, что с трудом сумел перетащить всего лишь тридцатикилограммовый пулемет от центральных дверей в нишу между шахтой лифта и глухой стеной. Вставил в приемник новую, полную ленту.

И сел на пол, вытирая пот со лба.

Да, плохи дела. Он ведь не спит уже вторые сутки, питается почти исключительно коньяком и папиросами, и убивает, убивает, убивает... А врагов... их становится меньше или они делятся, как амебы?

Однако даже и в этом состоянии нужно жить и исполнять свои обязанности.

Чужой, резко пахнувший духами парик не давал ему дышать, кожа на подбородке зудела, длинные волосы щекотали нос. Он отшвырнул его в сторону, а заодно и арабскую шапку. Теперь маскироваться уже и не зачем.

И Тарханов снова успел привалиться к плечевому упору «гочкиса» и какое-то время поливать огнем мелькающие вдали тени.

А потом словно бы потерял контроль над ситуацией. По крайней мере, пришлось сделать усилие, чтобы не перепутать ребят в знакомых ярко-зеленых кителях с погонами, обшитыми широким золотым басоном с надоевшими камуфляжами врагов.

И каким чудом двадцатилетние парни, вломившиеся с улицы сразу во все двери и окна первого этажа, удержали пальцы на спусках автоматов при виде всклокоченного, с грязным пятнистым лицом человека, остервенело палящего из пулемета, он тоже не сообразил. Значит, неплохо их все-таки учили.

— Полковник, это вы полковник Неверов? — тряс его за плечо какой-то поручик.

Сергей взял себя в руки. Мало ли, что воюет уже черт знает сколько со вчерашнего вечера и почти потерял самоконтроль. Перед младшими по чину расслабляться нельзя.

— Разумеется. Представьтесь, пожалуйста. И доложите обстановку.

Он выпрямился, приосанился, изобразил на лице соответствующее чину выражение. Нашарил в кармане изломанную коробку папирос.

— Поручик Иваненко, с вашего позволения. Командир первого взвода четвертой учебной роты. Здание гостиницы полностью окружено, сопротивление внутри подавлено. В этом корпусе живых бандитов нет. В девяти

тиэтажном взяли около десяти пленных. Остальные тоже убиты. Кажется, нам попались достаточно важные персоны. Потери в моем и втором взводе: трое убитых, шестеро раненых.

— Эх-х, вы, пацаны, — только и сказал Тарханов, торопливо глотая дым. — Как же не убереглись-то?

Поручик растерянно-виновато пожал плечами.

А что он мог сказать? Нарвались на автоматную очередь или несколько снайперских выстрелов из любого окна, вот и потери. Хорошо, хоть пленных взяли.

— Пошли, посмотрим, кого вы там прихватили. — Полковник раздавил окурок о стену и тряхнул головой.

Сначала допросить «языков», а потом и за Татьяной можно отправляться.

«...Что «языки» захвачены, это хорошо», — думал он, шагая по застекленному переходу между корпусами, половина стекол в котором была выбита пулями и осколками. Стекло хрустело под ногами, в пробоины и проломы задувал сырой ветер вместе с клочьями тумана. Дышать этим воздухом было необыкновенно приятно.

Вообще дышать, ибо вполне свободно он мог бы сейчас валяться в луже собственной крови, подобно тем боевикам, через трупы которых время от времени приходилось перешагивать.

Вдруг поручик у него за спиной приостановился.

— Что такое? — резко обернулся Сергей, привычно вскидывая автомат. Но никого, кроме них двоих, в коридоре не было. А Иваненко смотрел куда-то вниз.

— Я думал, господин полковник, что выражение «по колено в крови» — это просто метафора.

Тарханов тоже опустил глаза. Да, действительно! Его туфли и джинсы были вымазаны и забрызганы начинающей уже сворачиваться и темнеть кровью почти до колен.

«Это когда я прорывался через вестибюль», — подумал полковник.

— И что же вас так удивило, поручик? Советую запомнить: по колено в дерьме — гораздо хуже. Подождите, я сейчас.

Он зашел в ближайший гостиничный номер и под струей из крана вымыл туфли и, как мог, застирал штанины.

— Пойдемте.

Хотя Иваненко не сказал ничего плохого, скорее наоборот, он почувствовал к офицеру неприязнь. Как человек, которого застали за каким-то не совсем приличным занятием.

— Так что там у вас?

Едва поспевая за размашисто шагающим полковником, стараясь попадать в ногу и держаться строго на полшага позади, Иваненко сжато и довольно четко докладывал о действиях вверенного ему подразделения по захвату объекта.

Как раз это сейчас волновало Тарханова в наименьшей степени.

Он соображал, как бы устроить так, чтобы допросить пленных раньше, чем они попадут в руки того же капитана Кабанца, а тем более — местных или окружающих контрразведчиков.

Совершенно не нужно, чтобы кто-нибудь раньше времени узнал об истинном смысле проводимой исламистами операции. (Если вообще непосредственные участники рейда что-то об этом знают.)

Нет, кто-то из верхушки обязательно должен знать, ведь конечная-то цель в чем? Отыскать Маштакова и его оборудование или хотя бы узнать, куда он делся.

Поручик распорядился правильно. Его юнкера, рассыпавшись по этажам, точно так же не выпускали постояльцев из номеров, как до этого — бандиты. Что

будет, если сотни перепуганных людей заполнят сейчас холлы и коридоры?

Хотя для успокоения недавних заложников раскрывали двери, сообщали, что гостиница освобождена российскими войсками, спрашивали, нет ли нуждающихся в экстренной помощи. Но выходить наружу не разрешали, а возникающие там и тут попытки пресекали достаточно строго, но без излишней резкости.

Другие собирали трофейное оружие, стаскивали на первый этаж трупы убитых боевиков.

— Пришли, — сообщил поручик.

У широкой двери с бронзовой табличкой «Управляющий» с автоматами на изготовку покуривали двое старших юнкеров. Нарушение, конечно, устава карательной службы, но, с другой стороны, охрана пленных на поле боя уставом не регламентируется.

Зато экипированы они были в полном соответствии с боевыми уставами, которых в натуре придерживались только что в училище. Каски, бронежилеты, все положенные ремни, чехлы для магазинов, противогазы, лопатки, гранатные сумки.

Тяжеловато, конечно, но по смыслу — правильно.

Выброшенные по неясному приказу в неопределенную обстановку, бойцы и должны быть снаряжены в расчете на любое задание.

Внутри обширного, уставленного дорогой кожаной мебелью и устланного коврами кабинета еще четверо юнкеров, устроившись в креслах по углам, держали под прицелом около десятка боевиков, усаженных за длинный стол для совещаний. Руки ладонями вверх перед собой. Часть ранены и кое-как перевязаны. Многих при задержании от души обработали прикладами и просто кулаками.

Вид, как всегда в таких случаях, у недавних «героев» жалкий, внушающий более презрение, чем ненависть.

Тарханов такое отмечал не раз.

Бойцы, особенно иррегулярных подразделений, попадая в плен, буквально в считанные часы, а то и минуты теряли воинский вид. Из них словно выпускали воздух, форма обвисала, куда-то девались пуговицы, головные уборы. Из глаз исчезал живой блеск, и даже щетина, казалось, начинала расти вдесятеро быстрее.

Подобным образом перестает сохранять человеческий облик даже самый свежий труп.

Очевидно, все дело в душе. Покойник расстается со всей и сразу, пленный — медленнее, со значительной ее частью.

Тарханов мгновенно оценил обстановку. И принял решение. Снова вышел в коридор. Заметив, что один из юнкеров, невысокий коренастый парень с нашивками старшего унтер-офицера, вроде как подмигнул ему, когда один из пленников бросил короткую, гортанную, совершенно непонятную даже по принадлежности к языковым группам фразу.

— Значит, так, поручик. Боевую часть своей задачи я выполнил. Начинаю следующую. Оставьте в мое распоряжение отделение, одним взводом продолжайте наводить порядок в здании, второй немедленно направьте в центр города для поддержки основной ударной группы...

На лице офицера он уловил некоторое колебание. Вроде бы неизвестный полковник ему не начальник, но с другой стороны... После того как Иваненко увидел своими глазами, что здесь сумел совершить Неверов в одиночку, он не мог не проникнуться к нему глубочайшим уважением.

Идеальный горный егерь!

Поручик, до недавнего времени имевший о себе достаточно высокое мнение (не зря же его сделали командиром учебного взвода), самокритично признал, что до полковника ему еще тянуться и тянуться.

Зато его грела мысль, что они ведь одноклассники,

выпускники того же училища, независимо от года производства, и, по обычаю, после обязательного брудершафта в офицерском собрании могут перейти на «ты».

А что такая встреча может произойти, Иваненко отчего-то не сомневался.

Даже убежденные седины генералы находили возможность приехать на ежегодный праздник, пройтись по до боли родным дортуарам и, утирая глаза платочком после неприменной чарки, поделиться с молодежью историями собственных шалостей, которые были не в пример остроумнее и тоньше нынешних!

— Есть, господин полковник, одним взводом наводить порядок в здании, вторым выдвинуться для поддержки... Будет исполнено.

— Теперь — смените караул в комнате. Пусть юнкера выведут всех пленных сюда.

— Есть!

Юнкера вывели бандитов в коридор, поставили лицами к стене.

Движением пальца Тарханов подозвал к себе того, кто ему подмигивал. Унтер подошел, поправляя на плече автоматный ремень, — очень уверенный в себе юноша, глядя на которого Сергей подумал, что наверняка он занимается классической борьбой. Прищелкнул каблуками, вытянулся.

По-прежнему молча, Тарханов предложил следовать за собой.

Отошли за угол.

— Слушаю вас, юнкер. Вы мне хотели что-то сказать? Представьтесь.

Юнкер расцвел. Полковник сумел заметить слабое движение его века, сделанное практически без всякой надежды, что дойдет до высшего руководства. А вот ведь дошло.

Кстати, для будущей службы юнкера это значило

очень много. Он понял, что настоящие начальники знают и понимают все.

— Старший унтер-офицер Плиев. Господин полковник, я знаю курдский язык. Вот тот, что сидел слева, еще как только мы их туда завели и посадили, сказал: «Молчите, откуда пришли и кто ваш командир. Умрите как мужчины».

— Интересно. А откуда вы знаете по-курдски? Я даже с трудом вспомнил, что вообще такой язык существует.

* * *

— Позвольте доложить. Я осетин. Мой дед — академик Российской академии по отделению лингвистики. Может говорить на двадцати языках свободно. Читает на пятидесяти. Ну и я... Пять-шесть тоже знаю с детства. В основном — ближневосточные. Так вот тот сказал: «Молчите, кто командир и зачем сюда пришли. Иначе...»

— Что — иначе?

— Не знаю, господин полковник. Он не договорил. Но интонация была угрожающая. Я счел долгом доложить. Зовут его — Фарид-бек.

— Правильно, юнкер, вовремя доложили. По-курдски, значит? Ну-ну...

Курдского языка, само собой, Тарханов не знал и знать не мог. Зато соображал, кто такие курды в геополитическом смысле и чего от них стоит ждать.

— Сейчас мы вернемся, молча покажете мне на того, кто это сказал. Что при этом буду говорить я — для вас не имеет никакого значения. Главное, не позволяйте никому обернуться раньше времени... А вам, Плиев, после выпуска прямая дорога в разведуправление. Я позабочусь.

Дерьмо, — сказал Тарханов громко, когда они подошли к строю бандитов, упиравшихся руками в стену и расставивших ноги намного шире плеч. — Никчемная пехота. Разведывательная их ценность. — ноль. Можно расстрелять хоть сейчас, никто ничего от этого не потеряет...

А сам присматривался, стараясь угадать, на кого укажет Плиев. Вот те двое отличаются заметно. И камуфляжные костюмы на них намного лучшего качества, и лица, как он успел заметить еще в кабинете, достаточно интеллигентные, хоть и стараются они придать им такое же тупо-угнетенное выражение, как и у прочих.

Так и вышло. Юнкер показал на одного из них, стоявшего в строю третьим.

— Однако и поговорить тоже можно. Вдруг кто чего и сболтнет, — продолжал развлекаться Тарханов. — Как это в детской игре — на кого бог пошлет. Давайте начнем, хотя бы... — целых три раза он прошел вдоль строя, наконец принял решение.

— Пусть так. Этого и этого — ко мне. Прочих — на ваше усмотрение, юнкер. Обыскали их хорошо?

— Как учили...

— Значит, действуйте. А ты — за мной... — он ткнул пальцем в первого из отобранных им пленников.

Прошел в комнату отдыха, примыкающую к кабинету. Уютное помещение. Точнее — просто двухкомнатный номер люкс, только предназначенный для постоянного жилья.

Тарханов не представлял себе, сколько лет управляющему и как он выглядит, но уж точно — человек со вкусом и хорошо к себе относящийся. И перекусить, подремать часок посреди рабочего дня можно, и важного делового партнера в приватной обстановке принять, угостить, чем бог послал. Опять же и любовницу пригласить, не опасаясь внезапно нагрянувшей жены, к при-

меру, поскольку имеется еще один выход, ведущий, как сообразил Сергей, на другой этаж и совсем в другой коридор.

Умеют люди устраиваться. Да и то, управляющий курортной гостиницей такого класса наверняка зарабатывает раз в десять больше, чем верный государев слуга в полковничьем чине.

— Садись, — указал Тарханов рукой на резное деревянное кресло у противоположной окну и балконной двери стены. Сам подошел к бару, налил себе рюмку коньяку, о которой так долго мечтал, взял саморазогревающуюся банку черного кофе, искоса наблюдая за пленником.

Нет, безусловно, это человек с высшим, может быть даже, высшим военным образованием, форму носить умеет и держится с достоинством, насколько позволяет обстановка. Правильные черты лица, светлые, слегка рыжеватые волосы, но принадлежность к кавказской расе очевидна. Равно может быть и черкесом, и грузином, и азербайджанцем, а то и турком. Возраст едва за тридцать. А имя — что ж, имя, псевдоним, скорее всего.

— Курить разрешаю, — сказал наконец Тарханов, удобно устраиваясь на таком же жестком деревянном кресле. В мягкое он садиться не хотел: еще в сон клонить начнет. — Прочее — либо позже, либо никогда. Я понятно изъясняюсь?

— Вполне, — кивнул террорист. Акцент едва заметен.

— Как интересно, — изобразил искреннее удивление полковник. — Ткнул пальцем в первую попавшуюся спину и попал в образованного человека. Хотя я и не уверен, что бандит и подонок может считаться образованным человеком. Обратная теорема тоже верна. Но из этого ничего не следует. Никакие конвенции на вас не распространяются, — счел нужным пояснить Тарханов, — хоть вы и объявили себя какой-то там Армией,

для меня это не имеет значения. Я вижу перед собой бандита, взятого с оружием в процессе совершения уголовного преступления, карающегося по законам государства Российского смертной казнью. И вправе принимать решение, исходя из целесообразности. Это понятно?

— Понятно, — снова кивнул тот, — однако можно и поспорить...

— Спорить — только на том свете, с Аллахом или с уполномоченными им лицами. Мне — отвечать на вопросы, имея в виду, что решение о твоей дальнейшей участи буду принимать только я. Единолично. Итак, имя, должность, состав вторгшейся в город банды, цель рейда.

Пленник молчал, пока не докурил папиросу до конца. Тарханов не препятствовал его размышлениям. Пусть. Чем дольше человек размышляет о своем положении и отходит от горячки боя, тем сильнее ему хочется жить.

Как правило.

— А если я все же предпочту умереть, но не отвечать? У меня ведь могут быть соответствующие убеждения, ради которых я воюю?

— Могут, — не стал спорить Тарханов. — Только шли вы сегодня в Пятигорск не умирать за убеждения, а выполнить некое задание, которое представлялось вам не слишком рискованным, но прибыльным. Сейчас ситуация коренным образом изменилась. Но даже если ты собрался героически умереть, я не позволю.

Посмаковав последний глоток коньяка, Сергей размял папиросу.

— Героически умереть не позволю, — пояснил он, выдержав паузу. — Психологию вашу мусульманскую я знаю, обычаи тоже. Умрешь так, что на рай с гуриями рассчитывать не придется. Погано умрешь. — Заметил некое движение лицевых мышц пленника, тут же ответил на невысказанное: — А ежели скажешь, что ты — человек культурный, светский, турок, возможно, и в

такие сказки не веришь, то и это не беда. Смерть твою я сумею сделать настолько неприятной, что в какой-то момент говорить тебе непременно захочется, и расколешься ты до донышка... Так стоит ли провоцировать этот утомительный для всех процесс?

Пленник вздохнул, кривя губы в гримасе, смысл которой был Тарханову не вполне понятен.

— А как же... Вы же, судя по всему, тоже вполне цивилизованный человек. Неужели...

— Не тоже, а только! — резко оборвал его Тарханов. — Ты — свинячье дерьмо! Как все твои родственники, мать, отец, дети, поганые предки...

И, правильно рассчитав, поймал Фарид-бека в момент, когда тот попытался изобразить из себя взвизгивающего из кресла пружину.

Вытянутыми и твердыми, как гвозди, пальцами левой руки Тарханов ткнул террориста в печень, а кулаком правой от души засветил в глаз. И потом добрую минуту наблюдал, как недавний герой стонет, икает, сдерживая рвотные позывы, корчится на ковре.

— Нормально? Вставай, сволочь. Помнишь Чехова? «Эх, Каштанка, насекомое ты существо! Ты, собака, супротив человека, что плотник супротив столяра».

Налил себе еще рюмочку. Сделал глоток.

— Я тебя, падаль, замордую до того, что свою родную шлюху-мать рад будешь задушить, чтобы гяур-полковник, шарията не знающий, тебя больше не бил!

Просверк глаз «курда» ему не понравился, и еще одним рассчитанным ударом Тарханов заставил его снова повалиться на пол. Теперь уже того по-настоящему вырвало вонючей желчью.

— Так. Встать, утереться. Продолжим наши игры или будем разговаривать по делу? Водички хочешь?

Бандит, морщась и отводя глаза, кивнул, постанывая сквозь зубы.

Тарханов сунул ему в руку пластиковую бутылочку.

Сел в кресло, вытянул ноги так, чтобы в случае чего успеть ударить еще раз.

И начал рассуждать спокойным, менторским тоном:

— Ты же, придурок, с чего вдруг вообразил, будто имеешь дело с европейским гуманистом? Я — кавказский офицер. Двести лет мы рядом с вами живем и постоянно воюем. Кое-что друг о друге поняли. Сосуществуем, можно сказать.

И тут вдруг такие, как ты, появляются.

По Европам и Англиям ездили, Сандхерсты¹ закончили, разные книжки, не шевеля губами, читать научились, сопли рукавом публично не вытираете, бывает, даже зубы чистите. И вообразили, что если Толстой Лев Николаевич на старости лет «Хаджи Мурата» написал, так мы сразу прониклись.

Хрен вам. Вы, значит, при всей цивилизованности, за собой право на первобытно-общинные инстинкты оставляете, а мы с вами должны «эгалите, либерте, фратерните» соблюдать...

Сергей сбился с мысли, почувствовал, что поначалу сымитированная ярость охватывает его на самом деле.

Это, кажется, дошло и до бандита.

— Вот так-то, Фарид-бек. Сообразил, что почему? Или скажешь мне все, что я спрашивать буду, или...

Произнесенное имя, пожалуй, поразило террориста сильнее, чем физическое воздействие.

— Спрашивайте, — шумно дыша носом, ответил он, неверной рукой нашаривая кресло. — Только прошу все же иметь в виду, что ничего, выходящего за рамки, мы не совершили... Нормальная войсковая операция...

— Захват мирного города и полутысячи заложников — войсковая операция?

— Каких заложников? Мы захватили вражеский, в

¹ С а н д х е р с т — высшее военное училище в Англии, где традиционно обучались представители элиты аборигенов британских колоний.

нашем понимании, город, заняли эту гостиницу под свой штаб. Все. О заложниках речи не шло. Просто мы предложили постояльцам до поры не покидать свои комнаты... Для их же блага.

— Пусть так. А расстрелы?

— Не знаю ни о каких расстрелах. А если что и было — естественные эксцессы исполнителей. Можете наказывать их в обычном порядке.

— Брось, — доверительно сказал Тарханов. — Я не судья и не адвокат. У тебя единственный шанс сохранить жизнь, а то и свободу — ответить мне на все вопросы и подписать обязательство стать моим личным агентом. Знать об этом, естественно, будем только мы. Все остальные варианты... Запомни хорошенько, ваша Хиджра отсчитывается от седьмого века, кажется? Так вот степень моей европейской цивилизованности сейчас тоже примерно на этом уровне. Но она может возрастать в меру твоей сговорчивости... — Сергей демонстративно цыкнул зубом.

В дверь резко и громко постучали.

Тарханов выдернул из кобуры пистолет.

— К стене, живо!

Подошел к двери.

— Кто?

— Капитан Кабанец. Откройте, полковник.

Сергей повернул задвижку.

Нет, этого чернявого высокого офицера с висящим поперек груди автоматом он не помнил. Да и то, сколько лет прошло. Впрочем, Неверов, возможно, с ним и встречался.

И капитан наморщил лоб, вспоминая, с этим ли человеком он тренировался в одной команде.

Чтобы рассеять сомнения, Сергей сунул ему к глазам удостоверение. И фотография, и соответствующий текст.

— Так...

— Спокойно, ни слова. Позовите сюда бойца. Пусть посторожит вот этого. Но — оружие на изготовку, ближе шести шагов не подходить, в разговоры не вступать. Если нужно — бить безжалостно, но живым он должен остаться в любом случае. В любом...

— Понял, господин полковник.

В кабинете они отошли в уголок, где не могли их слышать отдыхающие юнкера.

— У вас ко мне вопросы? Кстати, чем все закончилось в городе?

— Нормально закончилось. Кто бежал — бежал, кто убит — убит.

Знакомое училищное присловье времен еще первой кавказской войны.

— На улицах полсотни трупов, два десятка пленных мы взяли, полиция удержала позицию, отделение МГБ разгромлено бандитами, из банка ценности вывезти они не успели. Но дело не в этом. В ближайшее время сюда должны прибыть регулярные войска и представители округа. Наверняка возникнут вопросы, что делаете здесь вы. Разве Северный Кавказ — зона ответственности Московской Гвардии?

— Разве эта тема — ваша компетенция? Я думаю — даже и не моя. Там, — он указал пальцем в небо, — разберутся.

— Вы меня не поняли, полковник. — Капитан даже ладонь прижал к сердцу. — Вы — не Неверов, что бы там ни было написано. Арсения я знал очень хорошо. Вы — Тарханов. Это старшие младших плохо помнят, а молодые на вас смотрели снизу вверх и запоминали ваши манеры, шутки, «подвиги»... Тем более — Арсений Неверов целых две недели муштровал нашу роту перед парадом в честь столетия училища. А я был старшиной линейных. Забыли?

«Да, не совсем ловко получилось, — подумал Сергей. — Ну а с другой-то стороны...»

— А если и так? Служба есть служба, не нам судить, что и зачем.

— Так ведь и я о том же! Я вас уважаю, я вами восхищен. И не хочу, чтобы у вас были неприятности. А если понаедет сейчас начальства да разборки начнутся... Знаете, как здесь к московским относятся?

— Догадываюсь. И что?

— Уходите, полковник. Всем лучше будет...

Тарханов понял ход мысли капитана.

Если он уйдет, вся слава достанется именно Кабанцу.

Кто же поверит, что один человек, был ли он или вообще не был, перебил полсотни боевиков, практически очистил гостиницу и преподнес юнкерам победу на блюдецке.

А так нормально, получив приказ, капитан двумя ротами уничтожил банду, освободил город...

— Что ж, может, так и лучше будет. Богу богово... При случае я вспомню твое ко мне доброе отношение. В Москве надежные парни пригодятся. Как?

— Да я бы... Надоело в училище, и перспектив мало.

— Договорились. Только того, кто там, я заберу с собой. Дашь бойца проводить до места?

— Какие вопросы. Забирайте. Хлопот меньше.

— А там, в городе, среди пленных ничего интересного?

Капитан развел руками:

— Хрен поймешь. По-моему — шелупонь. Если кто серьезный был, так только из тех, кто МГБ брал. А там мы никого не нашли. Не наших, ни тех...

— То есть?

— Какое «то есть»? Все перевернуто, шкафы и сейфы выпотрошены, подвальные камеры внутренней тюрьмы пустые. И — никого. Даже следов крови нет. Значит, цель была именно там. Кого им нужно, освободили и уехали, может, в первые же полчаса. А осталь-

ное — либо маскировка, либо просто автоматическое развитие процесса...

— Ну, может, и так, командир. В общем, вся слава тебе, а я забираю клиента, свою невесту и поехал.

— Какую невесту? — слегка оторопел капитан.

— Так ты что же думаешь, я тут вправду спецоперацию проводил? Я в отпуск приехал, невеста у меня в интюре работает. Вчера все нормально было, потом она в ночную смену заступила, я пообещал ее утром с работы встретить. А тут это...

Ну, и пришлось немного пострелять, чтобы девушку выручить.

— И?..

— Так выручил же! Хочешь, пойдем познакомлю.

— Что, только поэтому? — Кабанец выглядел совершенно ошарашенным.

— А ты думал? Я просто не люблю, когда мне поперек дороги становятся.

Капитан, кажется, поверил ему, только когда Тарханов действительно представил ему Татьяну. А также и буфетчицу Марину, в первую же секунду его покорившую. Да и странно было бы, если иначе. Капитан тут же начал за ней ухаживать в лучших традициях горноегерского корпуса.

Девушка вроде и не отвергала знаков внимания, но в коротких взглядах в свою сторону Тарханов улавливал нечто большее, чем благодарность человеку, сдержавшему слово.

Разумеется, немножко выпили коньяка из особого шкафчика.

— Пятидесятилетней выдержки. Изготовлен в Эривани в честь юбилея добровольного присоединения Армении к России. Называется — «Навеки вместе». Отпускается особо важным гостям по личному распоряжению хозяина. Но под это дело спешим...

Марина была сама любезность, и мимолетно Тарханов пожалел, что он сейчас вроде бы как не свободен...

Похоже, и Татьяна что-то такое чувствовала.

Пригубив действительно изумительный напиток, она начала расспрашивать Сергея (то есть Арсения, конечно) о подробностях случившегося.

— Когда поднялась настоящая стрельба и взрывы, мы тут вообще обмерли... Я, честно, думала, ну как один человек в такой заварухе выжить может... А ты вот сумел... Не представляю даже...

— Вы, Танечка, зря так думаете. Мы с господином полковником вместе учились. — Кабанец правильно делал, переводя разговор в плоскость гусарского трепа. — Для горного егеря полсотни абреков — тьфу! И не такое видали.

Он щедро плеснул себе и Тарханову юбилейного коньяка, словно бы это была обыкновенная водка.

— Нет, я больше не буду. Мне еще ехать. Далеко. Ты мне того юнкера, Плиева, в распоряжении пока оставь. Я его отпущу, когда за город выеду. Хорошо?

— Да какие вопросы. Хочешь, он тебя до Ставрополя сопроводит, а там ты его возле училища высадишь?

А что, хорошая мысль.

— Договорились. А из Москвы я тебе позвоню. Глядишь, что-нибудь и сладится.

Все-таки еще с полчаса они вместе посидели. Как-то не получалось расстаться сразу и, возможно, навсегда. У Марины с Татьяной, пусть и давно знакомых, возникли какие-то новые отношения, что и не удивительно, и капитан Кабанец будто боялся вдруг остаться с понравившейся ему девушкой наедине раньше, чем образуются настоящий контакт.

— Знаешь, Паша, — сказал ему Тарханов, когда все они выпили на брудершафт, — пошли-ка ты кого из ребят за моей машиной. Чего я буду по городу таскаться? Вот адрес, вот ключи. Если хозяин вернулся, пусть ска-

жут, что дочери его мне позволили остановиться. Те, что вам записку мою продиктовали. Если нет — сосед Николай наверняка нарисует. Ему тоже привет. «Мерседес» пусть к дверям подгонят, а мы потом спустимся...

И в полном приятствии они провели следующие полчаса.

Когда Татьяна вдруг встала, не то собираясь в туалет, а может быть, чтобы дать повод Тарханову выйти вслед за ней, Сергей поступил именно так.

— Тань, ты со мной поедешь? — спросил он, нервно разминая папиросу.

Она улыбнулась несколько растерянно.

— Куда, в каком качестве? Это ты мне руку и сердце, что ли, предлагаешь? Или — что?

Смешно, но Тарханов тоже не до конца понимал, что он делает.

Дружил с девушкой полтора года, точнее — по два дня в месяц на протяжении полутора лет. Им было хорошо. И гулять, и разговаривать, и в постели. Расстался десять лет назад.

Снова встретился с ней в другой совершенно роли.

Что она чувствует теперь, уставшая ждать рыцаря на белом коне и капитана на алых парусах?

Верит, что вправду встретилась с двойником старого друга? Или — делает вид, что верит?

Кабанец вот сразу его узнал.

— Знаете, Таня, — вновь перешел на «вы» Тарханов, — я предложил бы вам руку и сердце прямо сейчас, но...

— Но — боитесь, — подсказала Татьяна.

— Именно. Боюсь. Мне тридцать два года, я старый холостяк и человек не самой спокойной профессии. Вы это видели только что. Привык отвечать только за себя. Но вы мне очень нравитесь...

— Хорошо. Я, возможно, тоже сумасшедшая. Не

знаю почему, но я готова принять ваше предложение. И все же хотела бы знать, на что именно я соглашаюсь...

Так вдруг Тарханова потянуло напомнить ей хотя бы о об одном из вечеров далекого девяносто третьего года, но снова он сдержался. Потом, может быть, и скажет. Но не сейчас...

— Жалованье полковника. Доплаты за ордена и звание Героя России. Очень приличная квартира в Москве...

— Какой вы циник, Арсений. Ну хоть что-нибудь о чувствах вы могли бы сказать...

— Что — о чувствах... Какие у меня сейчас чувства? Пороховой дым и зола в душе...

Он обнял ее и поцеловал, впервые за два дня нового знакомства.

И, очевидно, получилось это у него хорошо, поскольку Татьяна сразу не только ответила на поцелуй, но и прижалась к нему всем телом так, что иных подтверждений больше и не требовалось.

Оторвавшись от губ Сергея, она снова посмотрела на него с сомнением. Но уже другого рода.

— Хорошо, Арсений. Пусть я дурой сейчас выгляжу, но я поеду с тобой. И будь что будет. Не сложится — будем считать, что на экскурсию в Москву съездила.

Они вернулись, и проникательная Марина, которая, наверное, тоже целовалась сейчас с капитаном, сказала:

— Договорились? Вот и слава богу. Желаю счастья, Танечка. А вы, Арсений, если вздумаете ее обидеть...

Совершенно идиллическая сцена из пьес девятнадцатого века.

— Тогда капитан Павел Кабанец вызовет меня на дуэль, — натянуто улыбаясь, поскольку улыбаться ему совсем не хотелось, ответил Тарханов.

— Непременно, — ответил капитан.

— Тебе не страшно? — спросила Татьяна, когда они спускались по лестнице к машине.

— Чего? — не понял Сергей.

— Всего. Нашей встречи, этого вот сражения. Сколько ты людей сегодня убил?

— Людей? Ни одного. Так, пострелял немного, бежали тут какие-то. Может, тебя сводить в один номерок, там мама с дочкой жили...

— Ох, ну извини, наверное, я и вправду не то говорю. А вот похожий на тебя юнкер, Сергей Тарханов, был очень милым мальчиком. Я даже сильно сомневалась, неужели из такого серьезный офицер получится.

И вдруг она неожиданно сильно схватила его за плечо, повернула к себе.

— Сергей, ну хватит дурака валять! Ты же Сергей! Твой друг проболтался. Сказал без задней мысли, что вы однокашники.

И что получается — один возраст, одно лицо, одно училище! Уж тот Сергей хоть раз бы, да упомянул, что вместе с ним двойник учится... Я понимаю, у вас могут быть свои служебные тайны. Но для меня-то... Неужели собираешься всю жизнь мне голову морочить?

— Все, Таня, все. Конечно, это я... Извини, так уж вышло. Не думал я, что встретимся. А увидел тебя и тут же по новой влюбился... Если б не то, что случилось, я б тебе признался, сегодня же. Посмеялись бы чуть... Понимаешь, работа у меня такая...

Татьяна снова припала к его груди. И целовала его уже по-другому.

— Наконец-то. Я и вправду не понимаю, что со мной происходит. Но теперь куда хочешь поеду. Но... Ты уверен, что это серьезно? А, да все равно... Только давай завернем ко мне, соберу кое-что...

...Торопливо бросая в дорожную сумку самые необходимые на первое время вещи (как бы уезжая в отпуск на неделю-другую), Татьяна все пыталась разобраться,

★ что она делает и зачем. Сказать, что так уж она воспы-
лала страстью к вновь встреченному другу, положила руку
на сердце, она не могла.

Да, конечно, сентиментальные воспоминания...

Приятные встречи раз в неделю, а то и реже, однаж-
ды поездка на целых десять дней в Москву. Не такие уж
бурные, но доставлявшие удовольствие и радость ночи.
Печаль и слезы при последнем прощании. Он ее замуж
не звал, да она бы и не согласилась, скорее всего.

В двадцать один год бросать яркий, праздничный Пя-
тигорск, институт, ради того чтобы отправиться в богом
забытый гарнизон на краю света? На такие подвиги
она себя готовой не считала.

А что случилось сейчас? Насиделась в девках, поте-
ряла всякую надежду устроить жизнь и кинулась в объ-
ятия бывшего любовника, стоило ему только намек-
нуть? Похоже, но не совсем.

Не зря ведь сердце защемило, как только она увиде-
ла его вечером в Цветнике. Всего только позавчера ве-
чером... И две ночи потом почти не спала, все думала,
получится с этим странным двойником что-то серьезнее
курортной интрижки или нет? Впрочем, на интрижку
она тоже была согласна. Хотя на несколько дней вновь
почувствовать себя женщиной. Слишком отличался
взгляд Сергея от того, каким обычно смотрели на нее
мужики, прикидывая, удастся ли без хлопот затащить
случайную знакомую в постель сегодня же...

И что, это достаточный повод, чтобы бросить все и
мчаться за ним очертя голову? И что потом? Понять через
неделю или месяц, что они совсем друг другу не подхо-
дят, и возвращаться домой навсегда разочарованной?

Да хоть бы и так! Если она сейчас передумает, оста-
нется дома (а эта мысль то и дело приходила ей в голо-
ву — остаться дома и обо всем забыть), то до конца дней
будет терзаться упущенным шансом.

Вечная дилемма — что хуже: ждать и не дожидаться или иметь и потерять?

Боясь передумать в последний момент, сняла трубку телефона. Станция уже вновь была включена. Набрала номер автоответчика в своей конторе и торопливо надиктовала заявление об отпуске. Мол, после всего пережитого не имею сил выйти завтра на работу, нуждаюсь в смене обстановки. Жалованье за отработанное время и отпускные прошу перечислить на банковский счет.

Вот и все. Она положила трубку на рычаг, в последний раз взглянула на себя в зеркало. Нет, она все-таки еще вполне ничего. И способна составить счастье мужчины, который этого заслуживает.

Потом позвонила матери, сказала, что у нее все в порядке, события ее не коснулись, а сейчас она на некоторое время уезжает. С друзьями, в Ставрополь, потом в Москву. Отдохнуть, развлечься.

Присела на дорожку и с решительным лицом направилась к выходу.

Тарханов ждал Татьяну около получаса, сидя в машине. Юнкер с автоматом, гордый возложенной на него миссией, а также и тем, что предстоит прокатиться на классном «Мерседесе» до Ставрополя, а потом минимум сутки оказаться вне внимания начальников, с доброй улыбкой прижимал кованым ботинком шею пленника к шерстяному коврику на полу.

Места между сиденьями не хватало, чтобы тот разместился там со всеми возможными в его положении удобствами.

— Юнкер, вас как зовут? — поинтересовался Тарханов.

— Исса Александрович.

— Фельдфебеля вы получите завтра же. Заслужили. Молодцом. Так и нужно начинать карьеру.

— Не совсем понял, — осторожно ответил Плиев.

— Чего же здесь понимать? У вас есть известные способности, возник определенный шанс, вы им мгновенно воспользовались, попали в поле зрения высших по отношению к вам и вашим непосредственным начальникам сил. Теперь...

— Спасибо, господин полковник, уже догадался.

— Господин полковник, может быть, вы и мне позволите сменить позу и разговаривать на равных? — раздался сдавленный голос из-под заднего сиденья.

— Свободно, — ответил Тарханов. Сейчас он был добрый. — Если ты, Фарид-бек, обещаешь себя вести скромно, то позволю. Юнкер, уберите ногу.

Турок, курд, а может быть, и англичанин (Лоуренса Тарханов забыть не мог), выполз вверх, разминая пальцами шею.

— Заметил, чем мы друг от друга отличаемся? — добродушно спросил Тарханов. На самом деле, думая о Татьяне, он сейчас был готов возлюбить и всех остальных.

— Господин полковник. Пусть я оказался в не совсем удобном положении, но все-таки два факультета я окончил с отличием.

— Да, молодец какой! — восхитился Тарханов. — Ну и продолжал бы дальше. Я, может, тупой солдафон и великодержавный шовинист, а вот считаю, что ежели выпало в Империи родиться, так и служи оной же. Неужто правда интересней быть мелким князьком в ничтожном ханстве, если, впрочем, твои амбиции простираются так далеко, или просто шестеркой при более удачливом авантюристе? Пусть и за хорошие, по твоему разумению, деньги. А мог бы стать имперским офицером или чиновником не из последних. Вспомни Багратиона, к примеру, или из нынешних, командующего Варшавским военным округом генерала князя Амилахвари...

— Не понимаете, — с сожалением сказал Фарид. —

Именно, мелким князьком быть лучше. Вот, ваш юнкер с автоматом, осетин, естественно, для меня он не человек...

И тут же получил чувствительный удар в бок.

— Зачем он живет? — даже не поморщился Фарида. — Потомок Нартов, предавший истинную веру, служит работодателям народов Кавказа и Закавказья. А мог бы...

— Если господин полковник разрешит, — с трудом сдерживаясь, сообщил Плиев, — когда выедем в степь, я забью твои слова тебе в глотку хоть прикладом, хоть кулаком.

— И что ты этим докажешь?

— Спокойно, юнкер, дискуссия с этим господином не входит в круг ваших нынешних обязанностей. Охраняйте его, как положено, а я на минутку выйду. Попробую до своего командования дозвониться, а то ведь переживают, наверное. Уприте ствол ему в бедро и при малейшем неловком движении стреляйте. Но только в бедро, не выше. Ясно?

— Так точно.

Хотя руки Фарида были в тугих наручниках, кто его знает... И Тарханов на всякий случай запер дверцы машины снаружи.

Татьяну он встретил на площадке. Она как раз вставляла ключ в замок.

— Таня, подожди. Не знаешь, телефон уже работает?

— Работает, я звонила только что.

— Я тоже позвоню...

Междугородняя связь тоже включилась, и дежурный по управлению тут же соединил его с Чекменевым. Тот уже знал о захвате города, но без подробностей. Информация зависла где-то на уровне округа. Да ведь и прошло всего около трех часов, как сообщение Тарханова было принято и осмыслено в Ставрополе. Это Сер-

гею они показались как минимум сутками, а для прочих время движется неспешно.

— Ты-то зачем там оказался? — осведомился Чекменев, выслушав краткий, но исчерпывающий рапорт. — Кедров мне доложил, что работа сделана и ты пересел в свою машину, а вот зачем ты снова в Пятигорск махнул?

— Вы же не забыли, я сего числа в отпуске? Дело сделали, и я надумал порешать кое-какие личные проблемы. А тут все вдруг так совпало...

— Решил?

— В основном. Но возникли новые. Я тут умыкнул у местных товарищей довольно ценного «языка». Везу его в сторону Ставрополя. Хватит у вас времени и возможностей принять у меня добычу? А то две тысячи верст в машине, без охраны...

— Минуточку...

С той стороны провода слышно было, как Чекменев с кем-то говорит по другому аппарату, только слов Тарханов не разбирал.

— Слушай, Сергей. Там недалеко от Ставрополя есть военный аэродром, в Холодногорском. Вези клиента туда. Я высылаю самолет. Если сильно гнать не будешь, он как раз к твоему приезду успеет. Кто-нибудь из наших будет тебя ждать на КПП. Успеха. И — поаккуратней, прошу...

Заботливый начальник, генерал Чекменев Игорь Викторович.

Тарханов положил трубку.

— Ну, все, Таня. Поехали...

И вдруг, глядя на нее, какую-то одновременно возбужденную предстоящей дорогой и покорную, с опущенным взглядом, Сергей испытал сильнейший приступ желания. Наверное, как реакцию на стресс и старательного подавляемый в предшествующие часы инстинкт самосохранения и страха смерти.

Совсем недавно он целовался с ней в гостинице, она

прижималась к нему грудью и животом, и это его не возбуждало. А вот сейчас...

Схватить девушку, сорвать с нее одежду, опрокинуть на тахту или прямо на покрывающий середину комнаты палас...

Но самообладания ему все же хватило, чтобы подавить безумный порыв.

Так ведь напугаешь ее до полусмерти, она ведь наверняка не готова. Вырвется, даст по морде, обзовет последними словами или разрыдается. И все... Навсегда.

Видно, лицо его изменилось так, что Татьяна непроизвольно сделала шаг назад.

Но — только один шаг.

Он обнял ее, стал жадно целовать лицо, глаза, шею, гладил плечи, спину под тонкой, почти невесомой тканью костюма, ощущал ладонями все, что на ней надето под ним, все ее застёжки, пряжки и резинки. От талии скользнул руками ниже.

Татьяна отвечала на его поцелуи и ласки задыхаясь и всхлипывая, то ли от собственного нарастающего возбуждения, то ли потому, что от его яростных поцелуев не успевала переводить дыхание.

Точно так же получилось у них после возвращения под страшнейшим ливнем от остановки трамвая до гостиницы.

До этого момента дальше поцелуев у них знакомство не продвинулось, но приближалось, пусть и неспешно, к логическому завершению.

Промокли они оба насквозь, и Тарханов соображал, как и во что можно переодеться (номер был крошечный, одноместный, а раздеваться при девушке ему казалось неудобным. Ей — тем более).

Наконец Татьяна решила сделать это, прячась за оконную штору. Узкое, облепившее тело платье снималось с трудом, от неловкого движения штора распахнулась, юнкер увидел длинные стройные ноги, обтянутые

зелеными чулками, тоже мокрые и от этого почти прозрачные трусики. Ну и, естественно, Сергей потерял голову. Почти как сейчас.

Только и он сейчас был другой, и время другое. А внизу ждет машина и юнкер с пленником, от которого можно ждать чего угодно.

С трудом отстранив от себя девушку, он вздохнул виновато:

— Ладно, извини. Что-то я не в себе...

Покуривая у окна, пока Татьяна наскоро приводила себя в порядок, Тарханов вспоминал — а ведь всего два дня назад, за полчаса до того, как она его окликнула, он, исходя из разговора с Ляховым, так и загадал.

Если, мол, мы такие необыкновенные, с экстрасенсорными способностями, так пусть сегодня случится со мной нечто невероятное, ну ни в какие ворота и в то же время приятное.

Ну вот вам и пожалуйста. И встреча с любимой, и захват Маштакова, и все последующее.

«Последующее», впрочем, слишком уж приятным не назовешь, но для него-то все закончилось хорошо и сулит впереди дополнительные радости, как в службе, так и в личной жизни.

— Позволительно мне будет осведомиться, куда вы меня везете? — спросил у Тарханова Фарид, по-прежнему зажатый между спинками переднего сиденья и весело пахнущими свежей ваксой ботинками юнкера, когда машина вылетела на загородное шоссе.

— Нет, ты неисправим. Для тебя все окружающие — неверные свиньи и быдло, к себе же требуешь европейского отношения. Не получится. Повезу, куда считаю нужным, и дальше буду поступать, исходя из собственных представлений. Сумеешь оказаться полезным — еще поживешь. Нет — в компостную яму. Хоть какая польза будет. А твоих двух факультетов как раз

хватит, чтобы здраво оценить собственное положение. Если тебя и там не зря учили.

Вам, Плиев, разрешаю курить и бить нашего гостя в зубы, если не прекратит надоедать белым людям своими дурацкими разговорами и мешать нам наслаждаться погодой и пейзажами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Последние два месяца обстановка в стране, точнее, отношения между Великим князем Олегом Константиновичем, Местоблюстителем Императорского престола, и российским правительством, размещавшимся в Петрограде, не слишком заметно для постороннего глаза, но очевидно для посвященных накалялись.

Виноваты в этом, пожалуй, были обе стороны. А еще точнее, сейчас просто задымила фитилем бомба, заложенная под фундамент государственности еще в далеком двадцатом году.

Парламентская республика согласно решению Учредительного собрания, закрепленному Конституцией, второпях и не слишком умело скопированной с британской, несла в себе означенную мину в виде института Местоблюстительства (в просторечии — регентства), представляющего собой странный компромисс между идеями Президентской республики, парламентской и конституционной монархии.

Больше семидесяти лет большого вреда от такого политического гибрида не чувствовалось, скорее всего потому, что в период восстановления политических структур России после кровопролитной и разрушительной Гражданской войны, бурного экономического роста 20—30-х годов, создания Тихо-Атлантического союза, почти двадцати лет локальных войн и миротворческих

операций по его периметру сам факт существования регентства почти никого не интересовал.

Ну, существует там, в Москве, что-то такое, никому не мешает, есть не просит, ну и бог с ним.

Однако, как нередко уже бывало в истории, в полном соответствии с принципом Питера, «если неприятность может произойти, рано или поздно она происходит».

Как-то так сложилось, что одновременно на постах Местоблюстителя и премьер-министра российского правительства оказались люди волевые, уверенные в себе, по-своему амбициозные. Причем инициативу конфликта взял на себя глава исполнительной власти, что объяснимо.

Олег Константинович принадлежал к династии, на свою должность был избран пожизненно, до определенного момента на какую-либо реальную власть за пределами вверенного ему Московского военного округа и Гвардейского корпуса не претендовал.

Господин же Каверзнев Владимир Дмитриевич, председатель победившей на выборах 1996 года партии социалистов-революционеров (правых), во-первых, лично был настроен крайне антимонархически, числя в своих учителях и предшественниках таких тираноборцев, как Борис Савинков, Михаил Бакунин и др. Во-вторых, в силу особенностей характера он с трудом скрывал раздражение при одной мысли о том, что в центре России имеется территория размером со среднее европейское государство, де-факто ему неподвластная. А в-третьих, господин Каверзнев лелеял мечту о преобразовании России в президентскую республику по французскому типу, а на посту президента видел, естественно, себя.

И вот тут-то фигура и должность Олега Константиновича возникала перед внутренним взором премьера во весь свой зловещий рост. Не только в буквальном смысле, хотя физический рост князя достигал двух метров и он внешне был удивительно похож на августейшего прапрадеда, Александра Второго Освободителя.

По замыслу членов Первого (и до сей поры последнего) Учредительного собрания, в случае попытки со стороны какой угодно политической структуры посягнуть на неизменность Конституции и государственного устройства державы Российской именно Местоблюститель во главе подчиненной ему Гвардии обязан был «такое посягательство со всей потребной быстротой и решительностью пресечь». Затем, после необходимых консультаций с «лояльными Конституции и российской государственности общественными силами», либо назначить новые выборы в Государственную думу, либо созвать Второе Учредительное собрание или даже — Земский собор.

А в таком случае, и это прекрасно понимал господин Каверзнев, вероятность восстановления в России полноценной монархии, может быть, даже и самодержавной, становилась до неприличия высока.

Вот и приходилось премьеру уже шестой год демонстрировать Великому князю свое полнейшее расположение и дружелюбие, все это время мучительно размышляя, как же из такой историко-правовой коллизии выбраться с полным для себя преферансом¹.

Не сразу, но суть происходящего стала ясна и князю. Он и сам был неплохим аналитиком, а в его ближнем окружении подобрались настоящие асы политических интриг, вроде того же генерала Чекменева, близкого личного друга и серого кардинала по совместительству, председателя военно-исторического клуба «Пересвет» генерала Агеева и многих других персон аналогичного калибра.

Все они старательно пытались довести до сознания своего сюзерена, что ждать, пока противник нанесет

¹ Игра слов. Преферанс — одновременно преимущество (*фр.*) и редкая комбинация в одноименной игре, когда получивший ее игрок практически «раздевает» партнеров. Аналог флеш-рояля в покере.

первый удар, — гибельно. Никто ведь пока не знает, каким этот удар может оказаться. Сил-то и политических возможностей у премьера намного больше.

Что стоит ему, например, спровоцировать парламентский кризис, предварительно (или одновременно) организовать крупные беспорядки в Москве, не оставившись перед террористическим актом против Его Императорского Высочества. А для маскировки устроить неудачное покушение и на себя тоже. И все!

Вводится чрезвычайное положение, объявляется о введении (разумеется, временном) диктатуры, а где-то через год-другой вполне можно будет уже диктатору Каверзневу созывать Учредительное собрание. И принять на нем какие угодно решения.

— И что же нам тогда, Олег Константинович, снова, как генералу Корнилову, с винтовкой и сумкой сухарей в очередной Ледяной поход отправляться? — говорил обычно Чекменев, если находил к тому хоть малейший повод. — Тот раз вышло, слава Создателю и русскому офицерству, а как сейчас сложится? Ни нам, ни России это не надо...

Психологический прием, на новом историческом этапе повторяющий хрестоматийную методику Катона Старшего. «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Этой фразой он заканчивал все свои выступления в Сенате, какого бы вопроса они ни касались.

Такие разговоры происходили у князя с его «ближним боярином» последний год с неизменной регулярностью. Олег Константинович поначалу посмеивался только, потом пытался эту тему пресекать с разной степенью решительности, а начиная с весны сам стал задумываться всерьез.

Известно ведь, что вода камень точит не силой, а долгим падением.

А группа агеевских «пересветов», в которую входили наиболее надежные и способные старшие офицеры

Гвардии и подчиненных Олегу Константиновичу военно-учебных заведений, тем временем заканчивала разработку теоретических обоснований необходимости «превентивного удара» и даже конкретных оперативно-тактических планов.

Вот и сейчас, закончив еженедельный доклад, Чекменев передал князю папку с документами, требующими рассмотрения, принял свободную позу, потянулся к палисандровому ларцу с сигарами.

Великий князь принимал Чекменева в картографическом кабинете, именуемом так потому, что все стены обширного, за сто квадратных метров площадью, помещения были завешаны картами материков, регионов и отдельных стран, на полках и столах лежали и стояли всевозможные атласы, справочники, лоции и тому подобная продукция, до которой Олег Константинович был большой охотник. Имелись также три громадных глобуса, один из которых был изготовлен еще в восемнадцатом веке для Петра Первого, а последний, трехметрового диаметра, не далее как год назад на основе цветных спутниковых снимков.

Другие собирают монеты, марки, картины и скульптуры, а князь обожал вот это. Были здесь карты обычные, многотиражные, на которых не жалко было рисовать всяческие значки и стрелки, проясняя для себя текущую политическую и военную обстановку, а были и уникамы, вроде подробнейших немецких, выполненных в масштабе пятьсот метров в сантиметре, а потом уменьшенных так, что целые государства помещались на стандартном листе, но с помощью лупы размером в тарелку открывали тайны всех своих «лугов, полей и рек».

— А вот я тут вчера позволил себе на рыбалку вырваться, — сообщил Чекменев, чтобы слегка отвлечь Олега Константиновича, дать ему расслабиться, стать

более восприимчивым к очередным судьбоносным идеям, которые генерал собирался до него донести. — Есть у меня неподалеку одно заветное местечко. Пока на поплавок смотришь, мысли разные интересные в голову приходят.

— Ну-ка, ну-ка, — в отличие от последних царствовавших Романовых Олег Константинович рыбалкой в спортивном или гастрономическом смысле не увлекался, но как способ медитации признавал.

Они с удовольствием порассуждали о сравнительных качествах снастей, о том, какая вода лучше успокаивает, стоячая или все же текучая, о способах быстрого копчения свежельвленной рыбы.

Князь был доволен, что наперсник¹ хоть сегодня не касается темы, которая, в общем-то, его пугала.

Словно Рок из древних мифов, своей неизбежностью и необратимостью. То есть, если начнется борьба за власть, то до окончательного результата, каким бы он ни был, на полпути не остановишься и назад не повернешь.

Олег Константинович наизусть цитировал куски из «Записок об ужении рыбы» Аксакова, вспоминал случаи из собственных географических экспедиций и вел дело к тому, что неплохо бы в ближайшие дни что-то такое организовать.

Тут в дверь заглянул адъютант и жестом пригласил Чекуменева выйти в приемную.

— Что такое? — недовольно вскинул голову князь. Он не любил, когда его перебивали. А генерал, напротив, предупредил поручика, что если последует вызов по определенной форме, то звать его к телефону невзирая ни на что. В его работе и минутное промедление может оказаться решающим.

¹ Наперсник — душевный друг сановника или правителя, доверенное лицо (неск. устар.).

Звонил Тарханов, назвавший дежурному по управлению пароль крайней срочности.

Услышав доклад полковника, генерал, честно сказать, обрадовался.

Конечно, то, что произошло, — для страны, правительства, простого обывателя, — шок и трагедия. Для него, разведчика и политика, все обстоит несколько сложнее. Столь масштабная вылазка неприятеля в глубоко тыловом районе подтверждает его проработанный и выстраданный прогноз — «черный интернационал» переходит в наступление по всему периметру Свободного мира. И этой своей сегодняшней акцией, сам того не понимая, сдал отличные козыри лично ему, генералу Чекменеву. В той игре, которую он ведет пока что против правительства собственной державы, но итогом которой станет победа над самим «интернационалом».

В это Чекменев верил несгибаемо. Иначе — зачем все?

Жертвы среди бойцов и местного населения — это, разумеется, плохо. Но они не так уж велики, вполне сравнимы со среднестатистическими жертвами от несчастных случаев всякого рода. Политический же выигрыш представлялся огромным.

Так он и доложил князю, возвратившись в кабинет.

Олег Константинович, если и был удивлен и взволнован сообщением, внешне этого никак не показал. Разве что лицо у него, только что благодушное и улыбчивое, посуровело.

Встав из-за стола, он безошибочно нашел на стеллаже для расходных карт нужные, прикрепил на демонстрационный щит.

План города Пятигорска с окрестностями и обзорные карты Северного Кавказа и Закавказья.

— Самое главное, — тоже подойдя к картам, продолжал Чекменев, — захвачен важный «язык». И захвачен

моими людьми, без ведома местного ГБ. Я уже распорядился послать за ним самолет. Часа через три-четыре буду иметь удовольствие с ним разговаривать. То есть мы здорово выигрываем во времени.

— Поговори, поговори... — Олег Константинович тоже начал просчитывать в уме расклад. — Сразу же доложишь результаты.

— Тут еще один пикантный момент.

Самое интересное Чекменев приберег на десерт.

— Прежде всего, вчера вечером успешно завершена операция «Кулибин». Там же, в Пятигорске. Конструктор «Гнева Аллаха» изъят вместе со всей своей «кухней» и в настоящее время тоже этапируется в Москву. К вечеру, надеюсь, будет здесь. Я не хотел докладывать, пока не увижу его своими глазами. Но раз уж так вышло...

Уверен, что захват города предпринят в целях его освобождения. Мы нечто подобное предвидели, почему и немедленно вывезли объект из Пятигорска, организовав соответствующую отвлекающую операцию. Она, очевидно, сработала. Но самое интересное даже не это. Опять отличился наш герой, Тарханов-Неверов...

И пересказал то, что успел услышать по телефону от самого Сергея.

— Надо же! — поразился князь. — Это какой-то особый талант — попадать в такие переделки.

— А главное — выходить из них с минимальными потерями и максимальным успехом. Сам жив, заложники освобождены, важный «язык» захвачен. Конечно, если бы юнкера не подоспели, все кончилось бы для него и для заложников куда печальнее.

— Так в этом и мастерство. Вовремя сориентировался, вызвал подмогу, продержался до ее прихода. И, как я понимаю, дезорганизовал негодяев настолько, что егеря освободили гостиницу почти без потерь, — воз-

разил Олег Константинович. — Снова придется награждать. Как считаешь?

— Ежели вашей властью, так единственно Георгием, но теперь уже третьей степени. А к государственным его представлять нет никакого смысла. Поскольку сейчас он в некотором роде поручик Кижэ, фигуры не имеющий.

— Кардинал Ришелье и король Людовик своих верных слуг вообще исключительно деньгами и перстнями награждали, — усмехнулся в бороду регент.

— Ну, деньги, что деньги. Они у меня и так ребята не бедные последнее время.

— Будь по-твоему, Георгий так Георгий, хотя третий — это уже генеральская награда.

— Не будем формалистами. А если требуются прецеденты, так государь император Павел Первый капитан-лейтенанта Белли за взятие десантом Неаполя ордена Андрея Первозванного удостоил, положенного лишь коронованным и особо высокопоставленным особам.

— Да-да, помню. «Ты меня, Белли, удивил, так теперь я тебя удивлю». Так дела пойдут, он скоро полным кавалером станет... Однако лучше бы таких возможностей ему больше не представлялось. Раз повезло, два повезло... Мне живые герои нужны!

Князь, внезапно задумавшись, отошел к окну. На половину сгоревшую сигару он подносил к губам так часто и затягивался так глубоко, будто это была обычная сигарета.

— Хотя вообще-то, — не оборачиваясь, заговорил он, — полковник Тарханов не только креста не заработал, а приличную ссылку как минимум, будь я самодержавным правителем.

— То есть? — осторожно поинтересовался Чекмев.

— Так сам посуди — что толку нам от его героических подвигов? Прямо Козьма Крючков времен войны че-

тырнадцатого года. Ну, убил он десяток немцев пикой и шашкой, так потом немецкая пропаганда четыре года своих граждан ужасами вторжения русских казаков пугала. И немало в том преуспела. Задумайтесь, генерал.

— Уже задумался, — кивнул Чекменев, начиная понимать ход княжеской мысли.

— Если бы местные бандиты или турецкий десант, какая разница, захватили Пятигорск, а то и весь район Кавминвод по-настоящему, да потом правительственные войска штурмовали его дня три, а я бы успел за это время кое с кем договориться, выбросить гвардейский корпус к Владикавказу якобы для прикрытия границ в условиях иностранной агрессии, сопряженной с внутренним мятежом!

Через месяц бы смог назначить тебя, скажем, наместником Кавказа. Со ставкой в Тифлисе и соответствующим парламентским кризисом в Петрограде. Как?

— Хорошо, Ваше Императорское Высочество. А это нам надо? Грубовато, на мой взгляд. И — торопливо.

Великий князь смотрел на «ближнего боярина» с усмешкой сквозь бороду. Намекая, что он все равно умнее.

— Значит, оставляем все как есть? Тарханову — орден, а нам что?

— Именно так. Тарханову орден, нам политический навар. Пусть на Кавказе происходит все, как происходит, а я ближе к ужину доложу про наши местные дела.

— Доложишь, конечно, доложишь...

Князь подошел к карте, начал водить карандашом, не касаясь, впрочем, бумаги, между Трапезундом, Эрзерумом и берегом озера Ван. Прекрасная оборонительная позиция на южных границах России, опирающаяся на три первоклассные крепости и пятикилометровую в глубину полосу дотов, надолбов и колючей проволоки. Одна беда — и по Черному, и по Каспийскому морям свободно ее можно обойти хоть на фелюгах, хоть на

подводных лодках и высадиться в любом месте, от Одессы до Астрахани. В чем смысл такой «госбезопасности»?

— И что говорят ваши информаторы и аналитики? Да я и без них знаю. Тренировочные лагеря и базы хранения боевой техники у исламистов, мечтающих о возвращении Ванского пашалыка¹ примерно здесь? — Князь ткнул острием карандаша в район Деярбакыра.

— И здесь, и там, и в любом другом конце света. Ваше Высочество, ну почему это вас так волнует? Да пусть, наконец, эта мировая война начнется сама собой, с любого направления, тогда у нас с вами хоть цель появится...

— Циник ты, Игорь, — с сожалением ответил князь, сломал в сильных пальцах карандаш и бросил его на пол. Его прадед Александр Третий Миротворец вообще умел разорвать пополам полную колоду карт и согнуть серебряный рубль. — А как могло бы здорово получиться! Воздушные десанты здесь, здесь и здесь. Черноморский флот атакует район Зонгулдака, Средиземноморский отряд может за сутки дойти до Мерсины. И — все. Большая часть текущих проблем была бы снята. Никто бы и не пикнул.

Лицо его приобрело мечтательное выражение.

Что ж, с точки зрения оперативного искусства такая операция не была бы слишком сложной и увенчалась бы успехом с минимально возможными потерями. А с точки зрения большой стратегии? Мы бы просто удлинili линию боевого соприкосновения с противником, ничего особенно не выиграв. Сухопутные границы никогда не могут быть обороняемы достаточно надежно. Вот если бы занять всю территорию Евразийского континента, повсеместно выйдя к береговой черте, тогда, может быть...

Но для этого нужно иметь примерно пятнадцатимиллионную кадровую армию. И кое-что еще.

¹ П а ш а л ы к — провинция, управляемая пашой (тур.).

Примерно так Чекменев князю и сказал.

— Вот уж и помечтать нельзя! А пока я, значит, должен ждать, пока вы...

— Совершенно верно. Вы не договорили, и правильно сделали. Когда (и если!) войне придется возникнуть, на то есть Генеральный штаб, правительство, союзы и коалиции. В общем, реалполитик. А пока я бы вам посоветовал заняться более насущными вещами.

— Ну, давай займемся, — одновременно с усталостью и облегчением ответил претендент на Российский престол.

Знал его Чекменев почти пятнадцать лет и все эти годы считал своим главным достоинством — вовремя догадываться, когда Олег Константинович говорит всерьез, а когда занимается «дипломатией».

Они, конечно, друзья, пусть не детства, а офицерской юности, и единомышленники, а все равно — должна же быть разница между простым смертным и коронованной особой. Совпал вовремя — ну и молодец. Нет — не взыщи.

Это даже к самым лучшим начальникам относится.

— По официальным каналам информация о захвате города еще не проходила?

— До нас, как видите, пока не дошла. А в военном министерстве и в правительстве — не знаю. Ежели обычным порядком — из Ставрополя в округ, оттуда в столицу, так примерно сейчас и должна дойти. Оперативная, я имею в виду, а так пока рапорты напишут все, кому положено, в общую докладную сведут, зашифруют, расшифруют — премьеру на стол не раньше чем к ночи попадет. А мы уже и пленного допросим, и от Тарханова объяснительную отберем. В темпе мы хорошо выигрываем...

— А журналисты?

— Там же вся связь с внешним миром отрублена была. Только вот сейчас и включилась, когда Тарханов

позвонил. Думаю, что в ближайшие минуты по радио и дальновидению что-то пойдет.

— Меня вот удивляет, как это за полдня никто из местных жителей из города не выбрался, тревогу не поднял. Там до Минеральных Вод, до Ессентуков за час пешком добежать можно...

— Не могу сказать. Не располагаю информацией. Может, желающих рисковать головой не нашлось, а может, и нашлись, да выходы из города хорошо перекрыты. Связь-то всех видов они обрубили грамотно. Очевидно, имели в городе разветвленную сеть. Мне вообще кажется, что произошло дикое совпадение по времени двух совершенно разных ситуаций. Захват города планировался независимо от нашей операции. Все было уже подготовлено, фигуранты расставлены по местам, предприняты меры по нейтрализации МГБ, полиции, гражданских властей, средств транспорта и связи. Дальней и ближней блокаде города. Но намечалось все не на сегодня, а на завтра-послезавтра. А тут Тарханов с Кедровым сработали. И у кого-то просто не выдержали нервы... Эх, пустили б меня туда, я бы плотненько поработал, — мечтательно закончил свою тираду Чекменев.

— Не пустят же, и нечего об этом говорить, — поморщился князь. — Скажи лучше, на повышенную готовность не пора Гвардию переводить?

— Не вижу необходимости. Батальон «печенегов» у меня всегда в полной боевой, а войска не стоит. Только гусей дразнить раньше времени.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Экзамены за первый курс Академии оказались трудными даже для Ляхова, поднаторевшего за шесть лет университета в сдаче весьма мудреных медицинских наук.

Там он, случилось, ухитрялся за три дня и ночи пробежать тысячестраничный учебник биохимии или психиатрии, после чего получал вполне приличную оценку. Здесь такие фокусы тоже проходили, но лишь на суто-бо теоретических дисциплинах, где можно было взять памятью и общей эрудицией. А в основном система подготовки дипломатов-разведчиков предполагала решение конкретных тактических и психологических вводных, дешифровка и переводы иностранных текстов без словаря, составление отчетов и рефератов на заранее неизвестную тему.

Потом еще месяц, проведенный в полевых учебно-тренировочных лагерях, и вот наконец-то у Вадима на руках выписка из приказа о переводе на следующий курс, отпускное свидетельство, положенные суточные, проездные, лечебные и прочие суммы.

Только теперь он ощутил себя совершенно свободным и почти счастливым. В отличие от нескольких неудачников, испытания не выдержавших и отчисленных в войска.

Сначала успех отпраздновали всем уцелевшим составом в ресторане с подходящим названием «Виктория». Кухня и интерьер понравились, почему и было решено отныне и впредь учредить традицию — «товарищеские обеды» по случаю радостных общекурсовых событий устраивать только здесь.

На следующий день, отоспавшись, забрав у портного свежестроенный штатский костюм, он наконец-то разыскал Майю и пригласил ее отметить избавление от бездны премудрости, а также обсудить дальнейшие планы.

Для этой цели был избран слывший весьма респектабельным плавучий ресторан «Утеха».

В отличие от других москворецких «поплавков» он не стоял на вечном приколе у набережной, а совершал

ежевечерне неторопливый шестичасовой круиз от Воробьевского моста до Звенигорода и обратно.

Хватит времени и поесть, и выпить, и потешить глаз окрестными пейзажами. Особенно если, как сегодня, ожидается полнолуние с заходом солнца в двадцать один час и восходом луны в 21.30.

Погоды этим летом в Москве стояли удивительно теплые, и Вадим заказал столик из самых дорогих, расположенный, выражаясь флотским языком, на шканцах, то есть в самом удобном и почетном месте корабля, на верхней палубе, между грот- и бизань-мачтами.

Здесь обдувал легкий ветерок, совершенно не достигали кухонные запахи, как во внутренних залах и кабинетах, и вид на московские набережные, а потом и на прибрежные леса и луга открывался великолепный.

Стилизованный под старину трехпалубный пароход деликатно дымил из высоких, начищенных медных труб, шлепал по воде плечами огромных гребных колес, выруливая на фарватер.

Заказ был Ляховым сделан заранее, закуски и напитки уже стояли на столе, огражденном с двух сторон полупрозрачными поляризованными экранами, заслонявшими и от нескромных взглядов соседей, и от почти горизонтальных лучей закатного солнца, глушащими чужие разговоры и не выпускающими за пределы оплаченного пространства собственные.

Музыка же струнного квартета, расположившегося на крыле кормового мостика, доносилась сюда беспрепятственно.

Что еще можно желать утомленному науками и службой офицеру, впервые после месяца разлуки встретившемуся со своей дамой? И глядящему на нее по этой причине жадно-восхищенным взглядом.

Майя выглядела великолепно, причем с минимальными собственными усилиями. Она принадлежала к тому типу женщин, которые умеют сохранять шарм и в

турпоходе, и сразу после сауны. Кремы же, помады, тушь и прочая косметика используются лишь для создания желаемого в каждый конкретный момент эффекта.

Сейчас ей, как в один из первых вечеров их знакомства, вновь захотелось выглядеть очаровательной юной девушкой, может быть, впервые оказавшейся в столь роскошном и неизвестно еще, достаточно ли приличном заведении.

Естественно-розовые, возможно, и нецелованные еще губки, большие удивленные глаза, в глубине которых таится настороженность и тревога, едва-едва (словно с опаской, не слишком ли нескромно получится?) взбитые золотистые волосы. Неброские золотые сережки с изумрудами, кулончик на тонкой цепочке — скорпион с изумрудными глазами. Очень ей подходящий знак Зодиака. Перстень, внешне неброский, но наметанный глаз отметит и старинную работу, и то, что камень печатки тянет не меньше чем на десяток каратов.

И платье цвета недозрелого лимона, вроде бы простого покроя, ненавязчиво подчеркивающее и обозначающее все, что нужно.

«Схема — девушка из хорошей семьи в день помолвки, — прикинул Вадим, вспоминая знания, полученные на одном из спецкурсов. — Кто ее не знает, непременно должен купиться».

Сам-то он тоже в свое время поймался, пусть и на другой, но тоже тщательно продуманный образ, и теперь эта девушка владеет его вниманием в гораздо большей мере, чем следовало бы.

Нормальные отношения с Еленой были гораздо логичнее, а вот не вышло. Не вышло в первый раз, не вышло и во второй. Не так давно он получил от нее спокойное, хорошее письмо, где она благодарила его за все, что Ляхов для нее сделал и в личном, и в финансовом смысле, и что ей очень жаль терять не только его, но и всех

его друзей, которые успели стать и ее друзьями. И все-таки...

«Может быть, когда там кончится война, я поеду в Аргентину, постараюсь найти место гибели Владислава, поставить ему памятник, если получится. А пока возвращаюсь в Петроград. Буду рада увидеть тебя. Желаю счастья».

Грустно было читать это, и одновременно он ощутил некоторое облегчение.

Пожалуй, и правда не стоит возвращаться по следам своим.

Зато с Майей ему было если и не просто, то всегда интересно.

Вот и сейчас.

— Я рада, что наконец нас никто не потревожит и при всем желании ты отсюда никуда не сбежишь до конца плавания, — сообщила девушка, ласково улыбаясь.

Возникший ниоткуда официант ровно секунду назад наполнил ее бокал шампанским и вопросительно посмотрел на Ляхова. Тот указал взглядом на графин с маслянистым, желтоватым хересом. Прогулка ожидается долгая, начинать сразу с водки неуместно по многим причинам.

— А что, опасения были? — в той же тональности спросил Вадим. Коснулся краем своего бочкообразного бокала ее — тонкого и высокого.

— Ну, со свиданьем!

— С ним. Не только были, но и остаются. Неужели за месяц не было возможности хоть на вечер выбраться ко мне?

— Верь не верь, а ведь и не было. Я сам поначалу удивлялся, Академия, офицеры высоких рангов, а дисциплинка строже, чем в Экспедиционном корпусе. В первый же развод было объявлено, что и самовольная отлучка, и употребление спиртных напитков относятся

к позиции «Ворон», влекущей за собой немедленное отчисление со сборов с последующим увольнением.

— Неужели? Беденький ты мой. И как?

— Один подзалетел, — лаконично ответил Ляхов. Рассказывать о том, как, уже после изгнания нерасчетливо нарушившего приказ товарища, они все же единожды распили, по неотложному поводу, бутылку в палатке, после отбоя, в темноте и под одеялами, а потом закапывали пустую посудину в вырытой штыком ямке под деревянным настилом, не хотелось. Было тут нечто унизительное для офицерской чести.

Вместо этого он поведал ей, что курсовое начальство, не вполне уверенное в истинности афоризма Бэкона «Знание само по себе есть сила», увлеченно заставляло эту самую силу и выносливость усиленно развивать. Ярko и доходчиво рассказал о ежеутренней пробежке по штурмовой полосе длиной в пятнадцать километров, где сверхсрочные фельдфебели из роты организации учебного процесса их гоняли, будто первогодков морской пехоты. О тренировках по всем видам рукопашного боя. О том, как после обеда из солдатского котла «военных аристократов», «мозг Гвардии», посылали на стрельбище, где мучили «большим стандартом»¹, или на манеж для верховой езды. И лишь перед ужином, будто вдруг вспомнив, с кем имеют дело, устраивали семинары на высоком, геополитическом, можно сказать, уровне.

— Зато ты поздоровел, загорел, стал еще интереснее, — сообщила Майя и погладила Вадима по руке. Ему показалось — искренне.

Больше всего Ляхову хотелось сейчас полностью отключиться от всего прошлого и будущего, на самом деле посвятить шесть часов прогулки наслаждению

¹ «Большой стандарт» — стрелковое упражнение — по 20 выстрелов из винтовки из положений лежа, с колена, стоя.

ужином, природой, общению с прекрасным и невинным во всех смыслах существом.

Так не выйдет же. Не та партнерша и не тот расклад. И не ошибся, конечно.

Разумеется, поговорили они и на приличествующие любовной встрече темы. Им было о чем поговорить. Майя намекала, что, если Вадим пригласит ее провести пару недель, исключительно вдвоем, в путешествии, скажем, на юг Франции или, на худой конец, в Крым, она не станет отказываться слишком настойчиво.

Ляхова подобная перспектива в принципе устраивала, слишком уж он соскучился по женскому обществу, но несколько беспокоила мысль, не придется ли сразу после этого — под венец? Если ей очень захочется, отвертеться будет совсем непросто. Поэтому он старался отвечать уклончиво, в том смысле, что, конечно, идея восхитительная, но сначала нужно ее обдумать поосновательнее, на свежую голову.

Мимо проплывали башни окраинных небоскребов с зимними садами на крышах. Верхние их этажи еще сверкали алыми бликами закатного солнца, а нижние уже растворялись в сумерках.

А потом пошли мачтовые сосны, вышедшие вплотную к береговому обрыву. Запахи нагретой летним жаром смолы нахлынули на палубу ресторан-парохода, медовых трав, разожженных на недалеких дачах костров.

— Горячее не прикажете подавать? — вновь возник в проходе официант в белой робе корабельного стюарда и капитанской фуражке.

— Избавьте, — отмахнулся Ляхов. — Еще и закуски не съели. Развернемся на обратный курс, тогда и подадите.

А до разворота было еще полных два часа.

На все времени хватит.

«Ну, давай, моя дорогая, давай. Ты ж наверняка за

★
месяц поднакопила эмоций и информации и не только о поездке на воды думала».

Эмоции Майя решила оставить до более подходящего времени, а к информации перешла немедленно.

— Папаша мой долго размышлял о твоей задачке. Ну, которая нам поначалу показалась вполне бессмысленной.

Ляхов ждал, что эта тема возникнет. Только — несколько позже. А задачка действительно была интересная. Насчет единственно приемлемой для России формы государственного устройства, сочетающей достоинства всех ранее существовавших режимов, но лишенной их недостатков. И о практических путях достижения этой, по определению, недостижимой цели.

— И что?

— Ему показалось, что ты не просто его эпатировал, а на самом деле знаешь нечто очень важное.

— Для кого? — изобразил наивность Ляхов.

— Для нас.

— В смысле — для государственной прокуратуры? Нет, в эти игры я не играю...

— Да что ж ты за такой невозможный человек! — Майя чуть не швырнула бутерброд с икрой ему в лицо. По крайней мере, такое желание выражение ее глаз продемонстрировало. Но, наверное, воспитание не позволило реализовать душевное движение. — Для нас! Для отца, для меня, для тебя...

— А я при чем?

Пожалуй, он переиграл.

Майя вскочила, оглянулась по сторонам, будто не зная, куда бежать. Был бы это городской ресторан, выскочила бы на улицу и бросилась в первое попавшееся такси. Но бутылкочно-зеленая речная вода за бортом к прыжку через леера не располагала.

Постукивая каблучками, походкой, которая мгновенно притянула взгляды абсолютно всех сидевших за

окрестными столиками мужчин, даже тех, кому гримаски спутниц не сулили ничего хорошего в ближайшем будущем, девушка дошла до кормового фальшборта, облокотилась на него локтями, замерла в позе немощного отчаяния.

При этом край платья сзади у нее приподнялся таким образом, что только неимоверное волевое усилие удерживало сильный пол от желания немедленно завязать шнурок на туфлях, к примеру, или уронить зажигалку и поднять ее, воровато косясь в известном направлении.

«Ладно, девушка, поиграйте, воля ваша», — подумал Ляхов, наконец-то избавленный от необходимости соблюдать светский тон, прихлебывая вино, и налил себе хорошую рюмку водки.

Слава богу, он сейчас Майе нужнее, чем наоборот.

Честно говоря, ему не очень хотелось именно сейчас валять дурака, проводя над ней психологические опыты. Она ведь в самом деле волновала его как женщина, и мысль о том, что вот две дюжины мужиков сейчас пускают слюни, пялясь на ее ножки, а к ней домой сегодня вечером поедет все-таки он, — радовала.

Так вольно же тебе, милая, изображать из себя Мату Хари именно сейчас!

Конечно, господин государственный прокурор Бельский был заинтригован еще в день их первой встречи. И странной способностью Вадима с первого взгляда определять степень искренности собеседника, его интеллектуальный уровень и эмоциональный настрой. И его намеками и полунемеками на то, что знает, как сформировать в России новую касту сверхнадежных и сверхкомпетентных управленцев. Тем, наконец, что не понимал Василий Кириллович причину, по которой безвестный офицер был вдруг приближен к высочайшей особе.

То есть, короче говоря, надеялся прокурор лично и через посредство дочери разобраться во всем происходящем. А там и определиться — следует ли употребить

власть для пресечения зреющего противоправительственного умысла или, напротив, вовремя оказаться на стороне, которая способна предложить ему нечто большее, чем не слишком уже далекий и не очень жирный пенсион.

А тут кандидат в зятья вдруг исчез на два месяца из поля зрения, оставив после себя недоумение и тревогу. Потерял, похоже, темп господин Бельский за время отсутствия Ляхова, любопытство его томит, и не только любопытство, наверное, раз его доченька так гонит лошадей.

В интуиции прокурору, конечно, не откажешь. Аппаратик доктора Максима Николаевича, названный «верископом», долженствующий обеспечить проведение придуманной лично Ляховым «кадровой революции», уже в апреле работал достаточно убедительно, а с тех пор был значительно усовершенствован. И мог быть запущен в серию хоть завтра.

Но тем не менее, понимая причины поведения по-други, Вадим так просто прощать не хотел. Хотя из приличия могла бы посвятить сегодняшний вечер и ночь исключительно интимному общению.

Как любили говорить в полку — война войной, а обед по расписанию. Так сейчас все происходит с точностью до наоборот.

Окликать Майю или подходить к ней, чтобы погладить по плечу, он не стал. Пусть полюбуется кильватерной струей. Не вредно. Не океан за бортом, но все же приятное для глаз и успокаивающее нервы зрелище...

Разумеется, через несколько минут она вернулась. А куда деваться?

Села за стол как ни в чем не бывало.

— Извиняться будешь?

— Буду, — с готовностью кивнул Ляхов. — И даже — уже. Простите дурака. Одик-с в казармах, тонкое обра-

щение стал забывать. Примите уверения и все такое прочее...

Со снисходительной улыбкой она досмотрела до конца процесс посыпания головы пеплом. Положила тонкую ладошку поверх его руки.

И, в полном соответствии с уже проведенным Вадимом анализом партии, начала объяснять, что отец очень ответственно относится к своей должности, но в то же время считает, что служит не какому-то конкретному правительству и даже не существующему государственному устройству, а России в широком смысле.

Что нынешнее положение полковника Половцева (его настоящей фамилии она так до сих пор и не знала), круг его общения, личное знакомство с князем, как бы он от него ни открещивался, и другие привходящие обстоятельства заставляют предположить, что тогдашние слова отнюдь не случайность и не шутка даже.

Что при определенных обстоятельствах Василий Кириллович мог бы взглянуть на вещи несколько шире, чем предполагает должность и даже нынешние убеждения. Но хотел бы принимать решения с бóльшим знанием дела.

— Что ты имел в виду, говоря об иной схеме власти? Если еще точнее, каким таким секретом ты владеешь, чтобы заявлять, что иная система власти возможна и будет намного эффективнее, чем любая другая. Отец так понял, что это дело уже чуть ли не в стадии практической реализации.

— Поверили, значит? — осведомился Вадим, подливая в бокалы вино. Рюмка водки поверх хереса принесла как раз нужное состояние духа. Еще не пьян, но кураж поднялся значительно.

— Не набивайся на комплименты. Что ты мужчина и собой недурен, и умом не обделен, сам знаешь, не хуже меня. В одночасье задурил бедной девушке голову и сорвал цветок невинности! Ладно, ладно, не буду

★ больше! Нет, Вадим, если без шуток... Кто бы стал с тобой дружить и общаться, если бы... Дураков и болтунов не награждают крестами и не берут из провинциальных гарнизонов в Гвардию и в Академию. Так что...

— Спасибо, тронут. Ну, если предположить, что мы сейчас продолжаем тему одного из наших академических семинаров... Только не смешно ли выйдет? С девушкой за ресторанным столиком, на фоне изумительной природы — и доклад о грядущих судьбах государства Российского?

— Отчего бы и нет? Если девушка не столь глупа, чтобы интересоваться только светскими сплетнями, сравнительными достоинствами и статьями возможных женихов, ценами на тряпки. А о чем ты предпочел бы со мной говорить? О нежных чувствах, которые я в тебе пробуждаю? О размерах моего приданого? Можем и об этом поговорить, только несколько позже. Согласен?

— Нет, ну можно еще о литературе, о живописи. Я даже несколько стихов наизусть помню. Как это там? «Я пригвожден к трактирной стойке, я пьян давно, мне все равно, а счастье мое на тройке в серебристый дым унесено...»

— Великолепно. Блок. В кружке чтецов-декламаторов занимался? Потом выгнали или сам бросил?

Ляхов изобразил смущение.

— Так что, милый, давай все-таки поговорим о том, что у тебя лучше получается.

— Ну, если ты так считаешь... А то я еще про живопись знаю. Недавно каталог выставки «Адольф Гитлер и его время» пролистал. Очень впечатляющие батальные полотна времен мировой войны. Не первого ряда художник, конечно, но есть в нем некая талантливая сумасшедшинка. Навроде Чюрлёниса...

Майя слушала его, наклонив голову, совершенно с тем выражением, что подходит для иллюстрации поголовки «Мели, Емеля...». И не перебивала.

Пришлось ему таки смолкнуть на полуслове, чтобы не заиграться в очередной раз. Ссориться с девушкой он решительно не хотел. И перейти к вполне серьезному тону.

Предварительно попросив Майю, чтобы она его какое-то время не перебивала, даже если возникнут вопросы. Лекция так лекция.

«Ты этого хотел, Жорж Данден!»

И начал вкратце пересказывать ей тезисы доклада одного из аналитиков «Пересвета», доктора философии и одновременно полковника Ивана Зернова.

— Как известно, в последние два века в цивилизованных странах конкурируют между собой только демократия и монархия. После мировой войны и большевистского переворота на монархию навесили массу ярлыков: отжившая форма власти, отсутствие свободы, произвол, мракобесие и тому подобное. Причем подлинной критики монархии, в нашем случае — русского самодержавия как такового, нигде и никогда не было. На самом же деле... Начнем с общеизвестного, но замалчиваемого.

Что есть монарх? Он обладает всей полнотой власти в государстве и осуществляет ее по единоличному усмотрению. Он принимает решающее участие в законодательстве, управлении и правосудии. Права его наследственны и длятся пожизненно. Царю не нужно думать, что его могут свергнуть. В этом отличие монархии от тирании.

Царя с раннего детства воспитывают лучшие учителя, готовя к государственному правлению. За его спиной — опыт отцов и дедов с их достижениями и ошибками. Монарх последователен, ибо продолжает дела своих предшественников, не претендуя на сиюминутный успех в предвидении грядущих через четыре года выборов. Царя не заботят деньги и награды. Деньги ему не нужны, а наградами распоряжается он сам. Для го-

сударства монархия дешевле демократии, хотя бы за счет экономии на бесконечных и бессмысленных выборах. По идее, царь всегда мудрее, опытнее, дальновиднее любого выборного лидера, поскольку мыслит категориями эпох, а не парламентских сроков.

Монарх не имеет над собой высшего властного органа и не отвечает ни перед кем из подданных за свои действия, он повинуеться только правовым нормам, которые сам утвердил. Значит, ему нет нужды их нарушать. В случае необходимости он может их изменить в том же узаконенном порядке. Следовательно, монархия царствует лишь тогда, когда все жизненные явления подчинены этике.

Далее, в отличие от демократии, монархическое сознание исходит из того, что люди от природы не равны между собой по причине воспитания, способностей, наследственности, отсюда вывод: высшая справедливость требует различного к ним отношения. И далее — примат индивидуального подхода к каждому человеку, а не обезличивающее «равенство».

Еще одна деталь — власть монарха есть не право, а обязанность, которая и наделяет его верховными правами. Соответственно, это распространяется и на подданных. Подданный в монархии имеет больше, чем политические права, он имеет политические обязанности.

Кроме того, очевидно, что в «правовом государстве» закон никогда не может предусмотреть всех ухищрений человеческого поведения, а в монархическом государстве воля государя, вера в него подданных поддерживает сознание, что высшая правда выше закона. Народ обращается к государю, когда требования законов расходятся с жизненными реалиями и царская prerogative — решать дела по закону нравственному.

И в то же время царь, как единоличный представитель верховной власти, не в состоянии исполнять государственные функции в полном объеме. Он должен

привлекать к управлению людей наиболее способных и подготовленных, отличающихся обостренными чувствами чести и долга. Перед народом и монархом. Их принято называть аристократией. Аристократия в случае необходимости призвана компенсировать личные недостатки монарха, ибо в ее составе всегда можно найти людей способнее самого царя, но отнюдь не претендующих, на этом основании, на право сменить его на престоле.

В монархии человек обладает обостренным чувством собственного достоинства и чести, легко принимает идею ранга, так как и ранг монарха, и ранг других людей измеряются одинаковыми критериями...

Верность монарху, исходящая из основ монархического сознания, принятая добровольно и невынуждаемо, и есть истинная свобода...

Майе хватило терпения и выдержки дослушать Вадима до конца. Только с мимикой ей не всегда удавалось совладать.

Ляхов замолчал, промочил горло вином.

— Спасибо за интересную лекцию. Вижу, тема тебя волнует и продумал ты ее глубоко. И, наверное, свой выбор сделал. Так? — спросила Майя совершенно серьезно.

Он пожал плечами.

— Чисто теоретически мне на данные положения нечего возразить. Кроме того, нарисованная картинка выглядит привлекательно и в эстетическом плане. А что касается практики... Я уже говорил твоему отцу, переворотов мы не затеваем.

— Но теория отработана, чего уж скромничать. Из одной только любви к философии десятки серьезных людей не стали бы время тратить. Считаю, что меня ты тоже убедил. Только вот хотелось бы узнать одно-единственное. Если Великого князя я еще могу представить себе рыцарем без страха и упрека, в духе твоего уче-

ния, где ты собираешься взять аристократов? Таких, как ты их тут разрисовал?

— А чем плохи хотя бы мы с Неверовым? — сказано было явно с эпатажной интонацией, но Майя и это приняла серьезно. Она вообще была настроена сегодня на серьезный разговор.

— Вы — неплохи. На роль верных величеству мелких баронов вполне годитесь. Замок или поместье в награду за труды, дружинка не слишком большая, с которой всегда явитесь по первому зову. Но ведь ни министрами, ни командующими армиями вас не сделают. Все равно таким, как ты, дорогу перебегут и более наглые, и более беспринципные...

— А вдруг да нет? Вдруг на те посты попадут как раз те, кто нужен, и по способностям, и по вере? Знаешь девиз ордена Святого Владимира — «Польза, честь и слава!»?

Умная Майя, которая все больше и больше ассоциировалась у него с миледи де Винтер в исполнении Милен Демонжо, из памятного только истинным любителям кино фильма шестидесятых годов прошлого века, ответила, мило улыбаясь:

— Опять к тому же и вернулись. Осталось выяснить, есть ли такой способ на самом деле, в чем он заключается и знаешь ли его ты?

Ляхов, медленно дотянув сигарету до середины, положил ее на край пепельницы. И сказал, практически не двигая губами:

— Вон там, сзади, справа от тебя, сидит парень. Что-то мне он сильно не нравится. Не оборачивайся.

И громко:

— Пойдем потанцуем. Музыка уж больно...

Музыка и вправду была хорошая.

Не нынешняя, атональная и неприятно рвущаяся в самых неподходящих местах, а грамотно аранжированное для исполнения скрипками, альтом и виолонче-

лью танго в аргентинском стиле. Снова, совсем не к месту, Вадиму вспомнилась Елена.

На площадке между кормовой рубкой и капитанским мостиком уже танцевали до десятка пар. Среди них очень легко было затеряться от враждебных глаз, а тем более — ушей.

— О чем ты? — спросила Майя, исполняя положенные танцем движения. — Что тебя так взволновало? Или — напугало?

— Парень, — повторил Ляхов. — С двумя девицами. За столиком, единственным, откуда можно наблюдать за нашим. Я слегка повернулся и поймал его взгляд. Смотрел он до чрезвычайности неприятно. Я только не успел уловить, на тебя или на меня. Если это не твой бывший любовник, то как бы не...

Сказать — «наемный убийца» он воздержался. Чтобы не выглядеть параноиком. Скоро уже исполнится год, как уехали они из Израиля, однако слов Розенцвейга о врагах, которые могут идти по следу годами, чтобы в конце концов отомстить, забыть не получалось. Да и зачем их забывать? Не в Израиле, а в Москве весной пытались их захватить или убить лжеполицейские. И даже не один раз.

Лицо, а особенно глаза, парня ему и вправду не понравилось. Ну не смотрят так на незнакомых людей, случайно оказавшихся за соседним столиком. Чтобы оценить его взгляд, хватало Вадиму и профессионального, и жизненного опыта.

Непонимающему так с ходу не объяснишь, но взгляд, на который он наткнулся мельком, был взглядом человека, уже готового на преступление, но колеблющегося на некоей неуловимой грани. Чтобы сделать решающий шаг, ему недостает только толчка. Внутреннего или внешнего.

С подаренным Розенцвейгом пистолетом Вадим не расставался почти никогда. С одной стороны, как со

средством самообороны, с другой — как с сувениром и наградой, с третьей же — как со своеобразной «пайцзой» батыевских времен. Если что, сказал ему в Хайфе майор, найди хоть в Израиле, хоть где любого авторитетного еврея, покажи табличку на рукоятке, и он тебе поможет. Проверить, так ли это, пока не довелось, но сама надежда на шанс успокаивала. Как наличие в полете парашюта.

Но сейчас-то чем пистолет ему поможет? Стрелять первым нет никаких оснований, а вторым — можно и не успеть. Вот если бы этот парень хоть немного походил на авторитетного еврея...

— Да что ты, Вадим? У меня — и вдруг такой любовник? Пусть даже и бывший. Но мне кажется, я его раньше видела... Дай-ка еще взгляну.

Майя легко взлетела по трапу на мостик, где стоял, облокотившись о леера, один из настоящих офицеров парохода. Ресторан-то он ресторан, но раз плывет по реке своим ходом, значит, кроме поваров и официантов, нуждается и в судоводителях с соответствующим дипломом.

— Простите, капитан, — нежно помурлыкала Майя, — не одолжите ли мне буквально на минутку ваш бинокль.

Отказать такой девушке штурман не мог.

Мельком поднеся к глазам окуляры, она еще раз улыбнулась.

— Спасибо, капитан. Премного вам обязана. — И так же грациозно спустилась вниз, оставив речника очарованным и слегка недоумевающим.

— Точно. Это же один из отцовских сотрудников. Сидит в общем кабинете на втором этаже. Аналитический сектор, кажется.

— Не мог отец послать его присматривать за тобой или прикрывать?

— От чего? От тебя? Смешно. Да и другие люди для таких целей используются. Ты там у себя не переучился? Ну, взгляды... Может, ему одна из девушек что-то такое сказала... Вот он и готов всех вокруг поубивать, фигурально выражаясь.

Умом Вадим понимал, что объяснение Майи ближе к истине, чем его ощущение опасности. Маловероятно также, чтобы на роль убийцы или простого филера выбрали сотрудника государственного прокурора и чтобы сел он буквально за соседний столик. И сам по себе парход-ресторан не лучшее место для убийства или похищения...

Хотя это еще как сказать!

Как раз потенциальной жертве сбежать отсюда некуда, даже если почует опасность, разве только действительно за борт. Кстати, за борт можно отправить и тело, сунув в укромном уголке шило под ребро. А если не убивать, так оглушить, связать и переправить на время подошедший катер. А укромных уголков на корабле сколько угодно...

И что теперь делать? Жаль, что Тарханова рядом нет, этот бы помог и советом, и делом.

На мгновение отвернувшись, он сунул руку под пиджак и сдвинул предохранитель «адлера».

— Слушай, а вдруг он просто в тебя тайно влюблен или даже не влюблен, а имел виды на дочку начальника, а тут застал тебя с кавалером, к которому ты явно относишься с обожанием, и вспыхнули в нем эмоции Яго? Имеется масса подобных примеров.

За наглость Ляхов был наказан чувствительным щипком. Однако для всех окружающих держалась Майя по-прежнему как и положено воспитанной и скромной девушке.

— Это было бы лучше всего, да?

— Пожалуй...

Тьфу ты, черт! Действительно, что с ним? Простей-

шие вещи стал забывать. У него же в кармане лежит замаскированный под пачку сигарет «Дюбек крепкий» радиотелефон оперативной связи, выданный ему в штабе Тарханова перед операцией «Клинок»¹. По делу пользоваться им пока не пришлось ни разу, но согласно инструкции, выходя из дома, всегда брал аппарат с собой.

Музыка смолкла, Вадим потянул Майю за руку в тень высокой и толстой трубы. Здесь вдоль планширя стояли деревянные скамейки, по-морскому — банки, на которых танцующие могли передохнуть.

— Твой отец где сейчас может находиться?

— Скорее всего — дома, в смысле — на даче. Обычно он на службе допоздна не засиживается.

— Номер телефона помнишь?

— Конечно, а в чем дело? Ты ему звонить собрался? Откуда, интересно?

— Говори номер...

Он нажал на пачку два раза в известном месте, поднес ее к лицу, будто пытаясь прочесть название при слабом свете.

— «Печенег три, дежурный, — услышал он тихий, но отчетливый голос. — Говорите, семнадцатый».

«Семнадцатый» — это был присвоенный «Половцеву» позывной.

— Мое место вы фиксируете? — спросил Вадим.

— Минутку, — очевидно, дежурный сверялся с каким-то справочным устройством или пеленгатором. — Да, место установлено. Требуется помощь?

— Пока нет, но вскоре, возможно. Вы можете переключить меня на городской номер телефона?

— Конечно, называйте.

Он продиктовал номер прокурора Бельского, понимая, что на той стороне немедленно выяснят, кому он

¹ См.: Звягинцев В. «Дырка для ордена».

принадлежит. Беды в этом Ляхов не видел, поскольку давно уже сообщил Тарханову о своем знакомстве. А значит, об этом наверняка знали все, кому положено.

Внутри пачки щелкнуло, и без всякого гудка через несколько секунд раздался узнаваемый, густой голос Василия Кирилловича:

— Я вас слушаю...

Он протянул прибор Майе, которая наблюдала за происходящим с искренним недоумением. Да и сам Вадим удивлялся, до чего далеко шагнула спецтехника. Простым смертным, даже таким высокопоставленным, как государственный прокурор, чтобы переговорить, требуются массивные телефонные аппараты, связанные друг с другом через станции тысячами проводов, или радиостанции, нуждающиеся в батареях, антеннах, настройке, постоянно включенные на прием-передачу или работающие по согласованным графикам связи.

А тут нажал неприметную кнопочку на помещающейся в ладони сигаретной пачке — и говори!

— Скажи, где ты и что происходит... Спроси...

Майя отмахнулась, мол, сама знаю.

— Папа, это я, мы с Милой, плывем на пароход по Москве-реке, тут такое дело...

— На пароход? А откуда звонишь?

— Неважно, потом. Слушай внимательно.

Она четко и кратко, что обычно не слишком свойственно красивым женщинам и достигается лишь соответствующей служебной подготовкой, изложила отцу обстановку.

— Нет, я никого не посылал. Мой сотрудник, говоришь? Где помещается? Опиши. А, это, наверное, Герасимов. Нет, в его обязанности это никак не входит. Ерунда. Скорее всего, просто отдыхает. Совпадение. Бывает. Но... Знаешь, а ты прямо подойди к нему и от моего имени попроси помощи. Да-да, помощи. Тебе по-

казалось, что за вами следят подозрительные люди, ткни пальцем в любых и попроси поддержать, если что...

— Спасибо, папа, мы разберемся...

Похоже, тревога передалась и прокурору. Просто потому, что его обычно самостоятельная и уверенная в себе дочь вдруг сочла необходимым обратиться к нему, вдобавок — совершенно непонятным способом.

— Если хочешь, я сейчас перезвоню в Звенигород, распоряджусь, чтобы вас там встретили на причале и отвезли в Москву...

— Не надо, папа, мы разберемся, — повторила она.

— Но ты мне обязательно позвони, когда в Москву вернешься, или приезжайте прямо сюда. Поговорим...

— Обязательно, папа...

Не зная, как отключиться, протянула «Дюбек» Ляхову.

Он снова нажал кнопку.

— Поговорили? — спросил дежурный.

— Спасибо. Тут небольшая проблема. Я оставляю аппарат включенным, Стрельников сказал, что...

— Разумеется.

— А на причале у Воробьевых можно организовать прикрытие?

— Можно и раньше. Какого уровня?

— Тогда — в Звенигороде. Пока что я обнаружил троих внушающих подозрение людей. Но их может быть и больше...

Ляхов вышел из связи, но прибор продолжал работать, передавая на КП отряда «Печенег» звуковую картинку происходящего в радиусе десяти метров и постоянный пеленг места.

Правда, теперь там будут слышать и все, о чем они будут разговаривать с Майей. Не слишком приятно, вечер, считай, испорчен, но, с другой стороны... Тарханов, Чекменев, Розенцвейг, а в особенности — события минувшей зимы сумели внушить Ляхову понимание

серьезности происходящего. С ним в частности и в мире вообще.

По крайней мере, если даже сейчас должно что-то нехорошее случиться, товарищи будут знать, что именно, и примут нужные меры.

Если же не случится ничего — сочтем происшедшее разумной перестраховкой. На войне как на войне.

На минутку отключив прибор, предупредил Майю, что теперь их будут слушать постоянно, по крайней мере — пока обстановка не прояснится, и следует ограничиваться самыми нейтральными темами.

— Что это за устройство все-таки и с кем ты говорил?

— Радиостанция нового типа. А там — мои друзья. И хватит об этом. Советом отца воспользуешься?

— Почему нет? Не самый глупый совет.

— Но и не самый умный, хотя и наиболее безопасный.

Вадим уже успел прокрутить в голове несколько сценариев. Естественно, если сейчас подсесть к Герасимову, завязать с ним дружелюбный разговор, выпить вместе и ни под каким предлогом не вставать из-за стола, свободно можно дотянуть до приезда опергруппы.

А что потом? Подозрения и останутся подозрениями, предъявить будет нечего. Конечно, в будущем что-нибудь возможно, и удастся раскопать в биографии господина Герасимова. А возможно, и нет.

Поспешная же эвакуация с парохода в сопровождении охраны непременно насторожит прокурорского помощника, и он тоже получит время и повод скрыться с концами. А сообщники просто затаятся. Рядом с прокурором и всеми государственными тайнами. Да и их с Майей в покое не оставят, будут ждать очередного случая.

Гораздо грамотнее — не дергаться и не высовываться. Позволить неприятелю сделать ход, который исклю-

чит все сомнения. В этом случае, правда, Ляхов рискует не только собой, но и Майей. Которая, впрочем, не девочка неразумная, а тоже разведчица и контрразведчица в одном лице. Профессиональный риск для нее входит в условия игры.

Так он ей и сказал.

— Значит, все же считаешь?.. — теперь уже без намека на улыбку спросила девушка.

— Процентом на семьдесят уверен. Физиогномика плюс интуиция.

— Тогда действуй. Послушай, а если совместить? Оба сценария.

— Поясни, — попросил Ляхов, хотя уже уловил ее замысел. Но пусть уточнит, понятнее станет, насколько она сама четко свой план представляет. Если нет — таких дров наломать можно.

Они вернулись к своему столику.

Прокурорский сотрудник Герасимов, перешедший в разряд подозреваемых, успешно продолжал веселиться со своими спутниками. Одна из них была вполне ничего, а вот другая...

Нельзя сказать, что выглядела она непристойно, но для человека со вкусом оказаться рядом с такой — нелегко. Среди москвичек, кстати, типаж распространенный — не то чтобы некрасивы, скорее антикрасивы. В то же время сами о себе крайне высокого мнения, богато одеваются и неумеренно красятся, «держат крутой понт», как говорили в детские годы Ляхова в лиговских переулках, и, что особенно поразительно, нередко ухитряются добиваться впечатляющих успехов в личной жизни.

Под предлогом посещения гальяна Ляхов, поручив Майе наблюдать за Герасимовым и его компанией, завернул в буфетную, нашел там своего официанта и, сопроводив просьбу мелкой купюрой, предложил ему на-

лить в бутылку от лучшего коньяка крепкого чая. И подать на стол вместе с горячим через пять минут.

Вообще-то официант привык к просьбам обратного характера. Не раз и не два приходилось доливать в бутылки сухого вина чистого спирта. От такого коктейля малопьющие молодые девушки очень быстро доходят до нужной кондиции, а на пароходе достаточно кают, сдаваемых на рейс.

Ляхов свою прихоть объяснил тем, что по определенным причинам ему нужно продемонстрировать умение пить что угодно и сколько угодно, не пьянея.

— Графинчик же с водкой подайте настоящий...

Официант, о котором нашивки над карманом пиджака сообщала, что зовут его Владимир, посмотрел на клиента с уважением.

Вадим, дождавшись, когда тот, принеся заказанное, удалится, налил спецконьяк из хрустальной бутылки с гравированными золотыми журавлями, дорогуший даже по здешним меркам, не себе, а Майе, и в дальнейшем повторял это регулярно.

А по поводу той самой девушки он процитировал к случаю пришедшую на ум фразу: «Она была такая страшная, что на нее все оглядывались. Вот и он обернулся, что за черт, мол, ан уже поздно было».

Майя залиvisto рассмеялась. Похоже, их услышали. На что Ляхов и рассчитывал. Играя в шахматы, он всегда любил рискованно обострять позицию.

Та, которой это касалось, наклонилась к соседке и сказала нечто такое, отчего та полыхнула на них взглядом, не уступающим первому, замеченному Ляховым, взгляду самого Герасимова.

«Да что ж это за люди такие, — подумал Вадим, — откуда столько неконтролируемой ярости? Вот бы кого на аппаратуре Максима прокрутить...»

— Не пора? — спросила Майя Ляхова.

Пожалуй, что и пора. До единственной пристани и

одновременно поворотной точки маршрута остается меньше часа.

Майя, которая согласно сценарию не рассчитала силы, увлекшись коварным из-за своей мягкости напитком, сначала перестала соразмерять громкость и тональность голоса, потом ее потянуло на общение.

Попытка Вадима ввести ее в рамки приличий успехом не увенчалась. Скорее наоборот. Он попытался удерживать девушку за руку, она вырвалась, произнесла что-то не совсем лестное в адрес кавалера, мешающего ей развлекаться, с блуждающей улыбкой не совсем верными шагами пересекла широкий проход и, качнувшись от якобы подбросивший паролод волны, почти что плюхнулась на свободный стул напротив Герасимова.

Не обращая внимания на удивленные взгляды, улыбнулась еще лучезарнее.

— А я вас знаю. Вы работаете у моего отца. И даже фамилию вашу, кажется, помню. Вы — Герасимов?

— Да, Майя Васильевна. Герасимов. Рад вас видеть...

Из его тона и выражения лица это отнюдь не следовало.

— Я тоже. Знаете, вы всегда были мне симпатичны. Удивительно, как это мы вместе попали на этот корабль...

В общем, слова ее можно было при желании принять за истину. Герасимов действительно был парень видный. На определенный вкус, конечно.

Его только удивило, отчего это вдруг дочка начальника, по табели — чрезвычайно высокого по отношению к нему, чиновнику 8-го класса, ранга, вдруг так повела себя, находясь в компании собственного кавалера.

А Майя продолжала:

— Знаете, я думала, такая прогулка будет интересной, а она — невыносимо скучная. Давайте объединимся. Сдвинем столики, будем разговаривать, танцевать, песни попеть можно. Под гитару. На паролоде наверня-

ка найдется. Шампанским я угощаю. Или коньяком. Вадим заказал изумительный коньяк. Познакомьте меня с вашими спутницами. Меня зовут Майя, — сообщила она девушкам, не дожидаясь представления и излучая предельное дружелюбие.

Тем волей-неволей тоже пришлось назваться. Та, что посимпатичнее, — Галина, ей подошла бы роль продавщицы дорогого магазина дамской конфекции. Вторая, даже выдавив улыбку, не попыталась скрыть злобного прищура.

— Саша, — сказала она, и прозвучало это почти как шипение кобры. У Майи по спине пробежали мурашки.

Господи, во что она влезла?!

И впервые не на словах, а от души признала правоту Вадима.

— А ваш спутник, он кто? — осторожно спросил Герасимов.

Майя пренебрежительно махнула рукой.

— Бывший одноклассник. Военным врачом служит. Приехал для соискания ученой степени.

Понизила голос до театрального шепота.

— Случайно встретились, решили вспомнить детство. А вышло скучно...

И степень ее опьянения, и мимика, и поведение отнюдь не позволяли усомниться в предельной искренности. Тем более что Герасимов наверняка был наслышан о взбалмошности Майи Васильевны.

И все же какие-то сомнения он испытывал, это чувствовалось. Если он честный человек, то ему просто не хочется нарушать атмосферу собственной компании ради сошедшей с нарезки прокурорской дочки. Да и возможных последствий опасается. По принципу — минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь.

Если же он действительно лелеет тайные замыслы, знает, кто такой Ляхов на самом деле, и задание имеет в отношении именно его, то явная ложь Майи непременно

но должна Герасимова насторожить. Впрочем, «полковник Половцев» совсем не обязан был раскрывать случайно встреченной знакомой свое истинное лицо.

В любом случае демарш девушки выбивает неприятеля из колеи, путает заранее согласованные сценарии, явно их нарушает. И, самое главное, дает Ляхову желанную фору.

После некоторых колебаний Герасимов сделал выбор:

— Что ж, будем рады. Только столики здесь сдвигать, по-моему, не принято. Позовите своего друга...

— Вадим, иди сюда! — тут же возопила Майя. — Это мои знакомые, приглашают.

Ляхов досадливо дернул плечом:

— Оставь людей в покое, Майя. Лучше сама вернись...

Должны были поверить внезапные знакомые, что он сейчас явно испытывает и неловкость, и более сильные чувства, кажется. Нет, ну, конечно, провинциал, вздумавший на свои солдатские деньги разок красиво кутнуть в Москве с одноклассницей, а сейчас увидевший, что начинается что-то не то.

— Да что ты, нас же приглашают, нам будут рады...

Вадим повторил свой жест, отвернулся к темной реке, где за грядой леса слабо светились огни какой-то деревни.

— Ну и как хочешь! А я тут посижу...

По-прежнему молча Ляхов налил себе половину фужера «коньяку» и залпом выпил.

Если все происходящее — плод его воображения, ничего страшного. Ну, расскажет чиновничек приятелям, как общался с наклюкавшейся Бельской-младшей, всех и делов. Глядишь, повысит свой статус.

Если нет — противник дезориентирован и какое-то время выиграно. Добраться бы до пристани...

А сейчас, пока Майя грузит внезапных знакомых

своей агрессивной непосредственностью, есть некоторое время поразмышлять спокойно.

Ну, предположим, этот Герасимов и его бабенки — на самом деле враги, агенты «черного интернационала». Что тогда?

Они убедились, что расшифрованы, не в том смысле, что «объекты» догадались об их роли и задаче, а просто опознаны. Следовательно — или отказ от акции, или перевод ее в форсированную фазу. Убийство, похищение — неважно. Важно, что в ближайший час, даже раньше — непременно произойдет нечто.

И все равно Вадиму трудно было представить, что вот сейчас, на палубе мирного ресторана для небедных людей, начнется похожее на то, что случилось с Тархановым в Нью-Йорке или с ними двоими — на лесной подмосковной дороге, при встрече с лжеполицейскими. Стрельба, крики, кровь, трупы.

Зато он сейчас чувствовал себя спокойно. Нет, пожалуй, не спокойно, а уверенно. В очередной раз убедившись, что в хорошей армии ничего зря не делается.

В начале второй недели лагерных сборов один весьма много понимавший о себе слушатель спросил, воспользовавшись неформальной обстановкой, у курсового офицера, тоже принадлежавшего к высшему свету:

— Граф, но это же бессмысленно. Если уж мы с вами дослужились до нынешних чинов и положения, зачем нам это опять? Я тоже учился в Николаевском кавалерийском, и муштровали нас по полной программе. А теперь я, капитан, снова должен ползать под горячей проволокой и вспоминать приемы фехтования саперной лопаткой. К чему?

На что граф Вадбольский, светский тонняга¹, голу-

¹ Тонняга — гвардеец, законодатель мод и стиля поведения в своем кругу. Кстати, именно упомянутым графом была возрождена манера являться на балы непременно в лаковых сапогах с серебряными шпорами (*гвард. жаргон*).

боглазый блондин с лицом театрального первого любовника, ответил весьма разумно:

— В вашем будущем арбатском кабинете это может и не понадобится. Но вдруг мне, из соседнего кабинета, потребуется послать вас в войска с легендой командира роты стратегической разведки? Боюсь, как бы не пришлось после этого в салоне нашей общей знакомой Людмилы Леонидовны мне пить шампанское без вас.

Под дружный смех офицеров, кое-что в подобных делах понимающих, еретик признал свою неправоту.

Для Ляхова тот разговор приобрел именно сейчас особую актуальность. И он чувствовал, что год соответствующих тренировок не прошел даром.

И очень скоро полученные навыки могут пригодиться, поскольку он не только вслушивался в разговор за соседним столиком, но и смотрел глазами, как говорил его ординарец и водитель ефрейтор Старовойтов.

Кроме лиц, у подружек Герасимова имелись еще и фигуры. Оч-чень тренированные. Что руки, что бедра, что спины свидетельствовали — эти барышни, пусть не в гвардейских казармах, свой курс подготовки тоже прошли. И не в длинные платья с кружевами и воланам они на эту прогулку приоделись, а в не стесняющие движений льняные костюмы, вроде и модные, но с такими разрезами на юбках, что делай ногами что хочешь. Вернее — что потребуется.

Что ж, чем быстрее, тем лучше.

Майя общалась с новыми знакомыми, забыв и думать о Ляхове, он, все более мрачней, не глядя в ее сторону, ковырял вилкой в тарелке с бефстрогановом, рюмку за рюмкой хлестал «коньяк». Курил, прикуривая папиросы одну от одной.

Ну, не удался вечер! Зря потрачены нелегкой службой скопленные рубли, подружка, на которую возлага-

лись определенные надежды, оказалась столичной вертикальностью. И что теперь делать?

Дойдя до кондиции, он тупо уставился на опустошенную бутылку, лицо его выражало мучительное размышление: что бы это значило?

Встал и, цепляясь за леерное ограждение, двинулся в сторону гальюнов, расположенных на второй палубе.

Держался он именно так, как следует выглядеть офицеру после полулитра крепкого. Почти без закуски.

И почти сразу за Вадимом, выждав от силы полминуты, покинула свое место пресловутая девушка Саша. Тоже ей потребовалось облегчиться.

Майя чуть было не дернулась следом, уж больно собранными и хищными были движения соседки по столу, но вовремя вспомнила главное — заранее согласованные планы должны соблюдаться в точности, если не последовало прямой команды об их изменении.

Значит — играть свою роль дальше и ждать. Жаль только, что не было у нее с собой даже плюгавенького дамского браунинга. Так кто же мог знать! Разве бутылкой засветить Герасимову или оставшейся соседке, если что...

Ляхов добрел почти до нужного места.

Узкий проход между корпусом надстройки и фальшбортом. Справа поднятая в походное положение аппарель, которая при швартовке к пристани играет роль сходней, слева поперечный коридорчик, ведущий, мимо трапа машинного отделения, на противоположный борт.

Сразу за поворотом — оклеенные линкрустом стальные двери туалетных комнат. Мужской и дамской, напротив друг друга. Призрачный свет синих, будто при военном затемнении, ламп.

Сзади, быстро приближаясь, цокали по тиковому настилу палубы каблучки. Услышав их звук прямо за спиной, Вадим с неуклюжей вежливостью посторонился.

— Проходите, мадам, вам, видать, еще сильнее приперло, чуть не бегом бежите... — вымолвил он с пьяной фривольностью.

— Ах ты, козел! — Саша то ли действительно возмущалась хамским намеком, то ли заводила сама себя перед выбросом боевой энергии.

Однако его расслабленный вид и неверные движения профессионалку дезориентировали. Слишком уж простой показалась задача.

Удар она наносила стереотипный, сзади-слева, между плечом и шеей.

Ляхов же, заранее собравшись, присел с поворотом и ответил нестандартно, от всей души, снизу вверх, кулаком в промежность. Благо юбка короткая, не мешала.

Женщины-бойцы регулярно применяют такой удар по мужикам, сами же отчего-то подобной подлянки не ждут. А ведь эффект практически одинаковый. Просто нужно знать анатомию и физиологию и правильно попасть.

Саша от ослепительной боли глухо вскрикнула и грохнулась копчиком о палубный настил. Что окончательно ее лишило активности.

Рывком он затащил ее в дамский отсек. Не слишком задумываясь, почему именно туда, но интуитивно показалось, что так будет лучше.

Перед кабинками, в отделении, где принято висеть двум писсуарам, у женщин помещался длинный стол с врезанной раковиной умывальника, зеркало во всю стену. В отдельном отсеке имелось обширное биде. В самый раз.

В него он Сашу и усадил, стянул своим шелковым галстуком заведенные за спину руки, прикрутил как можно туже к сливной трубе. Поискал глазами, чем бы связать ноги. Ремень из брюк вынимать не хотелось.

Догадался.

Ее же чулками. Двойной жгут получился мощный и длинный. Восьмерками вокруг щиколоток, и к той же трубе. В такой позе не больно-то подержаешься.

Кляп бы еще сообразить, хотя вряд ли она станет орать, призывая на помощь.

Однако кто ее знает? Придет в себя, придумает изобразить жертву насильника, промышляющего именно по дамским туалетам. Укажет на него, отмазываясь потом!

Поэтому, недолго думая, Ляхов затолкал ей в рот до половины использованный рулон туалетной бумаги.

— Скажи спасибо, что так, а то, бывает, собственные носки на этот предмет приходится использовать, — увидел, что девушка пришла в себя, счел возможным даже и пошутить. Ничем подобным ему раньше на самом деле заниматься не доводилось, но пусть знает, на кого руку подняла. — А то ж, смотри ты, козел...

Вадим не думал, что Герасимов с Галиной так уж сразу сообразят, куда исчезла их напарница. А если и сообразят, задвижка на двери казалась достаточно надежной, чтобы выдержать импровизированный штурм.

Если, конечно, не начнут палить напропалую в дверь и в тонкие, как картон, хотя и металлические стены.

Он достал из плечевой кобуры пистолет, оттянув затвор, проверил, на месте ли первый патрон калибра 11,43, закурил, присев на край раковины.

— «Печенег», вы меня слышите? — спросил дежурного.

— Слышу. Что случилось после «козла»? Чем носки заменили?

Оператор на той стороне отличался великолепной выдержкой.

— Я эту бабу зафиксировал. В женском клозете. Привязана крепко, оружие у меня есть.

— Молодец! — в голосе коллеги прорвались человеческие нотки. — Держись. Оружие какое?

— Постараюсь. У меня «адлер-45», две обоймы.

Собеседник хмыкнул.

— Тогда главное — не подставься. Через двадцать минут точно будем. Быстрее — никак.

— Спасибо, ребята...

Никак — значит, никак, свои возможности «печенеги» знают.

«А что же за это время произойдет с Майей?» — подумал он.

Минут пять она еще будет играть свою роль, потом Саша не вернется в условленное время (если она имела задание просто ликвидировать Ляхова и сбросить за борт), или, наоборот, она должна его отключить, затащить в одно из помещений парохода, после чего подать условный сигнал. Для передачи пленника на шлюпку или катер, подошедшие к борту?

Тогда за ней должны последовать остальные? Или нет, они останутся на месте, создавая алиби и отвлекая внимание Майи?

Это вряд ли. Не дурак же Герасимов. Если Ляхов исчезнет и Саша тоже, а он с Галиной останется на пароходе, Майя в ближайшее время кинется искать Вадима. Поднимет крик, любой, самый ограниченный следователь расколет его на раз.

Тогда, скорее всего, Майю они тоже рассчитывают захватить. Или убить. Но лучше — использовать для шантажа Бельского. Сам бы он на месте Герасимова поступил именно так.

Значит... Значит, нужно бросать здесь эту подругу и поспешать на выручку к Майе.

Увы, запереть туалет снаружи было нечем, и Вадим положился на чистую психологию. К счастью, на подзеркальном столике валялся забытый одной из предыдущих посетительниц карандаш для подкраски бровей, а

у него в кармане — машинально сунутая туда рекламная листовка ресторана, отпечатанная на одной стороне.

Опять везет, как утопленнику.

Он написал крупными буквами: «Закрыто! Ремонт!» — мылом приклеил бумажку между косяком и полотнищем двери. Глядишь, минут на 15—20 она свое действие окажет. А уж дальше — не его забота.

Ляхов пересек паром от борта к борту по внутреннему поперечному коридору и поднялся по трапу на шканцы с противоположной стороны. Столик, за которым Майя продолжала свою игру, был почти рядом, самого же Вадима надежно прикрывал раструб машинного вентилятора.

Он отсутствовал от силы 5—7 минут, и время для настоящего беспокойства у врагов пока не наступило, хотя Герасимов уже водил глазами по сторонам несколько нервно. Это можно было бы объяснить тем, что непрошенная гостья ему порядочно надоела и он ждет не дождется, пока вернется ее кавалер, чтобы сдать подгулявшую девушку с рук на руки.

«Ну-ну, время работает на нас, — думал Ляхов. — Ребята уже, наверное, на подлете. Считаем, всего 15 минут надо продержаться...»

Этого времени ему отпущено не было.

Повинуясь безмолвной команде Герасимова, с места поднялась Галина. Тоже не обиженная статья. И направилась по известному маршруту. На поиски напарницы и жертвы, разумеется.

Снова Вадиму пришлось решать тактическую дилемму. Похоже, Майе пока ничего не грозит в окружении гостей, официантов, на хорошо освещенной площадке.

Зато велик риск, что вторая валькирия сумеет найти и освободить первую, и тогда силы неприятеля опять утратятся, и вполне возможно, что ему просто не хватит

времени и умения, чтобы уберечь Майю и отбиться от собравшихся в кулак профессионалов.

Себя он таковым все-таки не считал, несмотря на первоначальный успех.

Значит, нужно использовать более реальный шанс.

Не касаясь ступеней, он слетел вниз по отполированным поручням, пронесся по коридору, никого, по счастью, в нем не встретив.

Заскочил в туалет, где по-прежнему Саша корчилась на своем горшке, тщетно пытаясь освободиться. Хорошо, узлы он затянул на совесть, предварительно их намочив.

Показал бандитке пистолет, приложил палец к губам, прижался спиной к переборке рядом с дверью. А снаружи уже слышались шаги.

Значит, это место действительно было выбрано не случайно. Красотки все рассчитали правильно. Хоть раз за шесть часов плавания их жертвы должны были посетить туалет, а на деле и не раз. Специфика заведения с подачей горячительных и прохладительных напитков. Ни одна другая точка на пароходе подобного не гарантировала.

И по остальным параметрам — лучше не придумаешь. Достаточно укромно, рядом с проемом в борту, то есть тело или тела легко передать на катер или, если похищение не предусматривалось, просто столкнуть в воду. Даже не потребуется поднимать тяжелое тело и переваливать через фальшборт. Достаточно откинуть полупортик. А шум гребных колес заглушит всплеск.

Ориентируясь только на звуки, Ляхов представлял, что сейчас происходит снаружи.

Вот Галина остановилась, озираясь. До этого она наверняка надеялась увидеть здесь подругу или одну, или вместе с объектом акции. Мало ли что — непредвиденная задержка, помешал кто-то или что-то в срок завершить операцию.

Теперь же...

Ну, пусть Ляхов уже в реке, но Саша-то куда делась? А может, просто зашла в туалет руки помыть или на самом деле облегчиться.

Вот, шаг, другой...

Тишина. Увидела бумажку с надписью.

Но почти каждый русский человек стихийный единомышленник Козьмы Пруткова. «Увидев на клетке с тигром надпись — «буйвол», не верь глазам своим».

Конечно же, чисто машинально, если даже ничего такого не успела подумать, она дернула дверь на себя.

Саша, ход мыслей которой наверняка повторял ляховский, отчаянно замычала и застучала голыми пятками по кафелю. В пределах слабины растягивающегося искусственного шелка.

Но — поздно.

Ляхов рванул Галину левой рукой за воротник и с маху ударил по затылку рукояткой «адлера». Не соразмеряя сил. Тут лучше перестараться, ибо не рассчитывал он еще на одну победу в рукопашной схватке с мускулистой девкой, натасканной на убийства.

Зацепившись за высокий порог, та тяжело рухнула внутрь помещения.

Всем лицом — об пол.

Вадим погрозил рвущейся с привязи Саше направленным в лоб стволом. И даже показал, как начинает приподниматься от движения пальца курок. Срыв с шептала — мозги на переборке.

Подействовало. Другая, может, и не поняла бы, а эта в курсе.

Не вникая, жива Галина или нет, втащил в кабинку к подруге, кулем свалил в угол.

Сам не зная зачем, сообщил Саше:

— Теперь пойду за вашим мужиком.

Ухмыльнулся погнуснее, вышел в коридор.

К туалетному тамбуру приближалось сразу несколько человек, мужчин и женщин.

Едва успел сунуть пистолет за пояс.

Первый импульс — бежать! И он бы успел, но тогда буквально через минуту все будет раскрыто, начнется визг, крики, паника, засуетится экипаж парохода и охрана.

В этом беспорядке и Майю могут ликвидировать, если есть еще сообщники, и сами скроются, не дожидаясь появления «печенегов».

Уже впоследствии, излагая людям Тарханова картину происшедшего и осмысливая свое поведение, Вадим не переставал удивляться, как у него все четко и связно получалось.

Наверное, прав был доктор Максим, когда обнаружил у него врожденные качества спецназовца высокого класса. Так сказать, латентные способности.

Галстука на нем не было, а светло-синие костюмные брюки и пиджак при слабом освещении вполне могли сойти за флотские.

Он повернулся к двери туалета и начал заново прилеплять свое объявление.

За его спиной сгрудились двое мужчин и сразу три дамы.

— Извините, господа, — обернувшись не сразу, изъяснив голосом и тоном некоторое раздражение специалиста по поводу претензий клиентов, — засор фановой трубы. Написано ведь, чтобы всякую дрянь в слив не бросали. Корзины для того есть. А теперь простите. Или вон там, на баке, то есть в носу, другой гальюн имеется, на первой палубе, опять же. Или в этот, по очереди...

Он ткнул пальцем в дверь напротив и, посвистывая, отправился по своим делам.

Теперь там — без него разберутся. И в запретную дверь не полезут.

А хрип и горловые спазмы Саши, которой раскис-

ший кляп уже до глотки достал, свободно примут за клокотание той самой таинственной фановой трубы.

Обратно к своему столику он вернулся — и в принципе расчет времени это позволял — обычным путем.

Куда пошел, оттуда и вернулся.

Как нормальный перебравший мужик, которому хватило остатков ума навестить туалет, использовать два пальца, сполоснуть после процедуры рот, умыться, покурить, опершись на борт над прохладной рекой, пришел он практически в порядке.

За те самые десять минут, в которые нормально джентльменский туалет и укладывался.

Слегка бледный, конечно, зато повеселевший, взбодрившийся, почти забыв о недавней ссоре с подружкой. Или готовый, несмотря ни на что, понять и простить.

Налил полный стакан газированной сельтерской воды, которая в сифоне непременно подавалась на любой стол за счет заведения.

— Майя, иди сюда! Наверное, ребятам уже охота и одним побыть...

Избито, но на эффект разорвавшейся бомбы это все же походило.

Две поднаторевшие в своем деле, трезвые, патентованные заплочных дел мастерицы отправились на дело, до ужаса простое дело, и не вернулись. А клиент вот он, вернулся, почти протрезвев, словно они вообще ходили по разным дорожкам.

Выражаясь банальным слогом романов эпохи романтизма, сказать, что Герасимов был ошарашен, — значило не сказать ничего!

Он был испуган, ввержен в недоумение, разозлен, а более всего — желал немедленно исчезнуть с этого места и с этого парохода, куда занес его черт, спрятавшийся под личиной одного хорошего знакомого. Богатого и влиятельного человека.

«Как же так? — смятенно думал сейчас Гераси-

мов, — там же и вопросов никаких не возникало! Девки такие, что и самого прокурора из кабинета вынесли бы, не споткнувшись. А этого пьяницу и трогать не требовалось. Толкни пальцем в спину — и он уже за бортом.

Но вот взял и вернулся. Особенно потому невероятно, что он все-таки вернулся. Их нет, а он вернулся.

Если бы там случилась серьезная разборка и он в ней победил, справился с жуткими бабами (без единой царапины, кстати!), чего ж ему возвращаться? Ни один профессионал в подобной ситуации так бы не поступил.

А вдруг это просто идиотская случайность — ну, просто они разминулись.

Или, хуже того, навязанные ему в напарницы сучки, передумав или испугавшись, просто убежали. Или — их перекупили... Что бы там ни было, все плохо, плохо, плохо...

Бежать, бежать! А куда? И как?

Майя, передумавшая за эти минуты всякое, поскольку тоже ощущала взгляды и флюиды, исходящие от своих внезапных собутыльников, даже не выходя из роли, с облегчением встала, чтобы возвратиться на свое место.

Вадим тем временем продолжал игру, чтобы дотянуть без дальнейших эксцессов до прихода «печенегов».

Десять минут еще?

Сильно пьяный человек может освежиться и взбодриться, но отнюдь не протрезветь. Алкогольдегидрогеназа¹ работает в заданном биохимией режиме.

Вот он и наплескал себе бокал уже настоящего шампанского, качнулся вперед через проход, потянулся, желая чокнуться с Герасимовым.

¹ Фермент, разлагающий алкоголь в организме.

— Правда, извините, ребята, это по моей вине вам напрягаться пришлось...

Вроде как бы у него в глазах двоилось.

А по времени «печенег» уже совсем на подходе. Да не их ли это движок гудит слева и спереди в ночном небе, подсвеченном вдали московским заревом?

— И — сидеть! — Отбросив бокал, он выбросил вперед руку с пистолетом, который в ракурсе снизу вверх должен был показаться Герасимову еще больше и страшнее, чем на самом деле.

— Что, почему? — растерянность клиента была полной. Поскольку — эффект внезапности.

— Одно движение — стреляю без предупреждения.

За остальными столиками народ продолжал добро-совестно веселиться, не обращая внимания, что там рядом делается. Если кто и оглянулся, подумал, наверное, подносит человек товарищу зажигалку стилизованную. Прикурить, в смысле.

Для полной убедительности Ляхов снова, как и перед Сашей, медленно потянул пальцем спуск.

Простой прием, но страшно эффективный. Когда клиент видит перед носом оружие с открытым курком, Смерть из некоей мистической абстракции переходит в технологическую реальность, измеряемую только несколькими миллиметрами до срыва шептала.

— Если что, вся обойма вылетит тебе в лоб, остановить не успею...

Далекий, мало кем услышанный свист мгновенно превратился в обвальный грохот.

Палуба «Утехи» осветилась жутким галогеновым светом мощного прожектора вертолета, который завис над ней в двух десятках метров, и с неба прогремел искаженный мегафоном голос:

— Капитан причаливает к пирсу, остальные на местах. Все контролируется. Любое резкое движение — огонь открываем без предупреждения.

До десятка ребят в черных светопоглощающих комбинезонах, с автоматами и какими-то еще специальными устройствами приняли швартовы и мгновенно рассыпались по палубам и отсекам парохода, стараясь при этом не слишком нервировать людей, честно заплативших за отдых.

— Семнадцатый, вы где? — опять вопрос из мегафона.

«Ох, надрать бы этим орлам задницу, кто и чему их учил?» — подумал Ляхов и отозвался, не выходя из тени дымовой трубы. А зачем ему рисоваться в этом спектакле?

Командир группы в шлеме с поднятым черным забралом слишком уж шумен и резок.

— Я рядом, подойди сюда...

Очевидно, инструкции были даны конкретные, поскольку офицер подошел без дополнительных вопросов.

А пока кто-то продолжал кричать в мегафон, покрывая шум возбужденно-перепутанной толпы:

— Господа, сохраняйте спокойствие. Московская полиция. Произведено задержание опасных преступников. Для честных граждан никаких проблем. Продолжайте отдыхать. Через три минуты все будет как было.

— Полковник Половцев, — раздраженным голосом назвал себя Вадим. — Чего вы этот цирк устроили? Теперь поднимай вертолет, бегом ищи на реке катер или моторку, должна где-то быть. А, все равно без толку, тут до берега сто метров. Ушли. На пирсе ждать надо было, втихую. Ладно, пошли, покажу, кого забирать надо.

Защелкнули наручники на Герасимове, извлекли из гальюна его спутниц. Одну в порядке, вторую по-прежнему без сознания.

И через три минуты вертолет действительно косо ушел с пирса, оставив в плавучем ресторане почти все как было.

ГЛАВА
ШЕСТАЯ

Соответствующие инструкции относительно обращения с полковником Половцевым и его спутницей, принимающие во внимание его чин и статус, у старшего опергруппы наверняка были, поскольку он с должным тактом осведомился, куда их доставить.

Вадим уточнил, кто именно десантников сюда направил, и, когда услышал, что в отсутствие полковника Неверова и капитана второго ранга Кедрова задание было получено от подполковника Стрельникова, успокоился окончательно.

— В таком случае отвезите нас в дачный поселок рядом со Сходней, задержанных же изолируйте положенным образом. До утра. Перед первым допросом я сообщу следователю необходимые обоснования.

— Будет исполнено, господин полковник. Тем более мне приказано вам передать: «Отдыхайте, сколько сочтете нужным. После чего соблаговолите подъехать по известному адресу. Если дорогу не помните, перезвоните. Машину пришлем».

Вертолет приземлился прямо на территории дачи Василия Кирилловича Бельского. Места там оказалось достаточно.

На Майю случившееся подействовало несколько сильнее, чем на Ляхова. Тот привык за время армейской службы и продолжительного общения с Тархановым и товарищами по Академии к острым коллизиям. Кроме того, когда работаешь плотно, с полной отдачей, рефлексировать некогда. А когда все закончилось, вроде и незачем.

У трапа Ляхов машинально поднес ладонь к пустой голове, кивнул офицеру, поддерживая Майю под ло-

коть, пошел к крыльцу. На него уже вышел прокурор, разбуженный ревом мотора и вихрем от винтов, сгибающим деревья. От калитки бежал охранник со страхового вида собакой на поводке.

Вертолет взлетел, унося в своем нутре троих арестованных и отделение «печенегов».

— Нет, все-таки Герой России, — философически заметил поручик, устроившись между креслами первого и второго пилотов и закуривая, чего не позволял себе с начала и до конца операции, — что тут скажешь: в одиночку попал в крутую переделку, всех сделал и усмехается, как будто так и надо. Я слышал, они с нашим Невером где-то на Востоке вместе воевали. Там и отличились.

— На вид и не подумаешь, — ответил первый пилот.

— Если б на вид можно было подумать, — многозначительно ответил поручик. — Но девица у него вообще полный отпад. Ножки — обратили внимание? А это... Мне б такую, и никаких крестов не надо.

Первый пилот был мужчина практического склада.

— Если б не кресты, и бабы такой, пожалуй, с ним бы не было...

— А то ж, — подвел итог второй пилот.

Несмотря на должность, жизненный опыт и отсутствие особых причин для переживаний, кроме несколько странного дочкиного звонка, прокурор встретил их в достаточно расстроенных чувствах.

«Стареет, наверное, — подумал Ляхов, — дочка единственная, общается бог знает с кем, а тут еще боевые вертолеты валяются прямо на голову».

— Пойдем, пойдем, папочка, все у нас хорошо, только двери вели запереть и дай нам чего-нибудь выпить, — несколько своеобразно успокоила отца Майя.

Ляхов уже здесь бывал, недавней зимой, но по-хорошему не успел осмотреться. И в этот отцовский кабинет Майя его не водила.

А здесь было уютно. В том смысле, что место идеально приспособлено для уединенной работы, научных размышлений и сопряженного с ними отдыха.

Сегодня, как Вадим заметил, Василий Кириллович, гадая, откуда и зачем звонила ему посланная на несложную вроде бы работу дочь, утешался длинной сигарой и виски «Джек Даниэльс» без всякого льда и содовой.

Докуренная до половины и погасшая сигара лежала на краю хрустальной пепельницы, хотя запах драгоценного дыма еще витал в помещении, на треть опустошенная бутылка стояла рядом.

Что ж, есть повод продолжить.

— Садитесь, рассказывайте... — не слишком радушно предложил прокурор. Да и понятное дело. Только задремал — и разбудили. Многие такое плохо переносят. Был он, по ночному времени, причесан на скорую руку, из-под длинного вельветового халата выглядывали полосатые пижамные брюки и шлепанцы на босу ногу.

Ляхов сел, дисциплинированно дождался, пока прокурор ему нальет на три пальца в тяжелый, как артиллерийская гильза, стакан. Выпить в человеческой обстановке ему очень хотелось, ибо, как говорил персонаж одного из популярных в детстве романов, «он устал сражаться с убийцами».

Потягивая очень неплохое виски, плавно оттаивая душой, он предоставил Майе рассказывать обо всем, что случилось, в собственной интерпретации, справедливо полагая, что это было в куда большей степени их дело, нежели его.

Отец, посылая дочь в разведку, обязан предвидеть, во что это может вылиться.

Отдыхать в глубоком кресле было невероятно приятно, тем более что до сих пор он еще не пришел к

убеждению, что все, вопреки первому впечатлению, закончилось вполне благополучно.

Он даже, кажется, ухитрился слегка задремать.

— Что, Вадим Петрович, так и было? — разбудил его голос прокурора.

— Ага! Совершенно так.

Хотел было уточнить, что конкретно подразумевает Бельский под словом «так», но вспомнил историю из мемуаров адмирала Исакова.

Кажется, в 1920 году для офицеров Черноморского флота были организованы курсы повышения оперативного мастерства. Один из штурманов, продремав в кают-компании «Императрицы Елизаветы» весь доклад представителя Главморштаба, посвященный животрепещущей теме прорыва «Гебена» в Черное море, грамотно проснулся от аплодисментов аудитории. Услышал благодушный голос докладчика: «Вопросы будут?» — и одновременно увидел устремленный на себя суровый взгляд командира линкора.

Не полностью «войдя в меридиан», решил проявить активность.

Мол, не спал я вовсе, а просто внимал, погрузившись в себя, глубокой военно-морской мысли. Огляделся растерянно, увидел на грифельной доске плакатик с темой и схемами и ляпнул от души: «А вот хотелось бы уточнить, господин капитан первого ранга, а прорвался все же «Гебен» в Черное море?»

Кают-компания обмерла, не зная, хохотать или стоять, а командир спокойно пожал руку ошарашенному лектору: «Спасибо за содержательное выступление. А лейтенанту я лично отвечу. У меня в каюте после развода».

Так вот в такой роли Ляхов оказаться не хотел.

— Так как же вы сумели столь быстро сориентироваться? Ей-богу, я готов фуражку перед вами снять, если б она на мне сейчас была. Отдых, ресторан, слу-

чайно взглянувший на вас мой сотрудник — и вы сразу все поняли? При всем моем опыте — удивляюсь!

— Простите, ваше превосходительство, я и сам не могу этого объяснить. Интуиция, наверное... — Вадим, после хорошей порции виски ощутивший душевный подъем, сказал то, что в другой ситуации говорить бы не стал. — Оно, конечно, и ваш сотрудник — человек неподготовленный. Что за дело — идти на решительную акцию и излучать вокруг себя агрессию в сто киловатт. Пляясь при этом на клиента желтыми от злобы глазами. Как вы их там у себя воспитываете?

Грубо, конечно, получилось, и в то же время смешно, что после его слов Бельский ощутил перед ним бы даже и вину.

Ему бы еще склонить седеющую голову: «Ну, что поделаешь, недорабатываем с кадрами!»

Сказал же прокурор совсем другое:

— Майя изложила вам то, о чем я просил?

— Попыталась, но не все успела. Однако основной смысл я понял.

— Вот и хорошо. Во-первых, примите мою благодарность за все... За дочь, за Герасимова. А во-вторых — сами видите, оснований поговорить начистоту у нас становится все больше и больше.

Ляхов привычным жестом пожал плечами. В смысле — вам виднее. О том, что сейчас ему будет говорить Бельский, он тоже знал заранее. Не дословно, но по смыслу.

Вообще, другой на месте Василия Кирилловича начал бы ахать и возмущаться, какой, мол, сволочью оказался надежный (а как же?) сотрудник, и выражать прочие интеллигентские эмоции, как бы отводя от себя вину перед человеком, от которого решение его участи почти и не зависело.

Но Бельский так поступать не станет, хотя и пред-

★ ставляет, какие неприятности по службе его ждут в ближайшем будущем. А может быть, именно поэтому.

Так примерно и вышло.

А Майя сидела напротив, напряженно сцепив пальцы. Кажется, ее очень волновал исход беседы отца с другом. И неизвестно, по политическим причинам или же по личным.

— Я бы, господин полковник, хотел, чтобы вы знали: никаких специальных пристрастий у меня нет. Должность и вытекающие из нее обязанности — это само собой. Но в принципе... Готов примириться с любым государственным устройством, при котором лучше будет России. Вы меня поняли?

— Чего ж не понять? Тут мы с вами абсолютные единомышленники. Правительства и даже означенные устройства приходят и уходят, а Россия остается.

Ничего странного в поведении прокурора Вадим не видел. Так себя и должен вести нормальный мыслящий человек, если намечаются в стране политические катаклизмы. Благородство и абстрактно понимаемый долг требуют одного, здравомыслие и рационализм — совсем другого.

Действительно, не нынешнему же премьеру с его кабинетом служить, живота не щадя. Исполнять за жалование положенные функции — обязательно, пока...

Пока не встанет обычный русский вопрос: «А делать-то что?!» К повседневной, мирной службе этот экзистенциальный вопрос отношения не имеет. А если появляется выбор? Человеку-то уже шестой десяток, думать о боге, может, и рано, но задуматься о судьбе детей и внуков уже не грех.

И если вдруг обозначилась ситуация, что жизнь может повернуться и так и этак, на старости лет оказаться не на той стороне — просто глупо.

В конце концов, такую позицию можно только при-
ветствовать, особенно если человек собирается переи-

ти на твою сторону, а не наоборот. При его немаленькой и весьма полезной в грядущих перипетиях должности.

— Но, в свою очередь, хотелось бы услышать более стройное изложение вашей позиции...

— Это — сколько угодно.

Ляхов взглянул на часы. Полночь. Ему спать не хотелось, да до утра и вряд ли захочется, после всего пережитого.

Но утром ведь придется ехать в штаб «печенегов», а там разговоры быть легкими не обещают. Допросы, опознания, очные ставки и все такое.

Причем если друзья Тарханова собираются соблюдать процессуальный кодекс и «буквы закона», то его положение явно проигрышное. Один голос против трех, и ничего ничем не подтвердишь, кроме как записью на магнитофоне у дежурного, если он ее вел. Да и та запись мало что докажет. Со стороны обвиняемых — «козел», и больше ничего. Остальное — эмоциональная фразеология и его последующие комментарии, которые к делу не подошьешь.

Одна надежда, что там исходят из других принципов справедливости. И прокурор не станет настаивать на состязательности процесса.

— Извините, Василий Кириллович, — сказал Ляхов почти искренне. — Устал. Перенервничал. Речь моя будет непременно смутна и бессвязна. Давайте еще по стаканчику, и отпустите меня поспать. А ежели вам хочется узнать принципы, которые я считаю более разумными и в данном историческом контексте перспективными, Майя вам перескажет тезисы нашего с ней собеседования. Интересный было разговор завязался, да только скомкали нам его. Но могу представить вам печатный текст того самого реферата...

А по поводу того, что вас, конечно, больше всего и интересует и что из моих прежних высказываний вытекает, скажу.

Да, существует способ обеспечить новую (точнее — любую) власть практически любым количеством нужных и бесконечно преданных ей людей. Более того, уже разработана методика, которая позволяет определить, какая работа лучше всего подходит данному конкретному человеку. Былые тираны за счет своей — не скажу гениальности, но пусть даже звериного чутья умели найти некоторое количество исполнителей высшего класса.

Наполеон делал из бондарей и трактирщиков маршалов Франции, Ленин чуть не выиграл Гражданскую войну, опираясь на фельдфебелей, аптекарей и недоучившихся семинаристов. Исключительно за счет их бешеного энтузиазма, верности идее и «комплексу Раскольникова». То есть были мы при старом режиме тварями дрожащими, а теперь — право имеем!

Однако «цивилизация», сделав ставку на массу пусть посредственных в личном плане, зато квалифицированных и дисциплинированных исполнителей, рутинно соблюдавших присягу, сумела раздавить и того и другого.

Я же знаю, как совместить первое и второе. И не только знаю, а делаю это уже сегодня. В итоге... Ну, подумайте сами, стал бы я, кого вы считаете заговорщиком, инсургентом, откровенничать с вами, не будучи совершенно уверенным, что для меня это вполне безопасно. Извините, Василий Кириллович, я действительно зверски устал, — махнул рукой Ляхов, сообразив, что и так сказал слишком много.

Майя до отведенной ему спальни провожать Ляхова не пошла. Да оно и к лучшему, пусть с отцом обсудят и полученную информацию, и свои дальнейшие планы.

Как Вадим и предполагал, заснуть сразу ему не удалось. Комнатка была тихая, уютная, за окнами успокоительно шелестели кроны деревьев, почти касающиеся стекол. Отдыхай и радуйся. Но вдруг где-то начинали

орать кошки, чуть позже или параллельно затевался агрессивный перебрех вольно живущих в окрестностях дачи собак.

И Ляхов, подавляя желание начать стрелять в направлении отвратительного шума, становился босыми ногами на подоконник и курил, высунув голову в форточку. Постепенно успокаивался и снова предпринимал попытку заснуть, постоянно возвращаясь к мыслям — что, в конце концов, надеется выиграть Бельский, какая от него, в свою очередь, может быть движению польза и, что немаловажно, как это дело подать своим. Как вариант удачной вербовки высокопоставленного чиновника из чужого лагеря или как-то иначе? А если да, то как?

Но в конце концов он все же заснул, и сны ему снились никак не связанные с реальными событиями вечера и ночи.

Зато утро началось с повергнувшего в шок большую часть страны сообщения о вчерашнем захвате Пятигорска бандой террористов.

Такого не случалось уже больше полувека, с тех пор, как завершились операции по подавлению Львовского мятежа. Но то была все-таки приграничная территория, совсем недавно присоединенная к России, а на Северном Кавказе ничего подобного не происходило с времен пленения Шамиля, если, конечно, не считать событий Гражданской войны, но тогда все пространство от Ростова до Тифлиса было охвачено непрерывными наступлениями и отступлениями то красных, то белых, и города переходили из рук в руки, бывало, что и по десятку раз.

Но теперь-то, в глубоко мирное время...

Репортеры дальновидения, сменяющие друг друга на экранах, сами пока что знали крайне мало о сути происшедшего и заполняли сообщения по преимуществу слухами и домыслами. Официальные же власти,

военные и гражданские, до выяснения всех обстоятельств от комментариев пока воздерживались.

Наиболее информированными выглядели репортеры Пятигорской информационной компании «Пять вершин», сами пережившие все перипетии вторжения и первыми оказавшиеся на месте главного сражения юнкеров с бандитами. Со слов очевидцев выходило, что главную роль в достижении быстрой и почти бескровной с нашей стороны победы сыграл какой-то неизвестный, бесследно исчезнувший офицер, в одиночку проникший в штаб террористов.

Слушая все это, Ляхов отчего-то сразу вспомнил о Тарханове. И училище его, и не так давно Сергей говорил, что собирается по каким-то своим делам именно в эти края. Вообще все это соответствует и его нынешнему роду занятий, и стилю работы...

Кому, как не ему, в одиночку сокрушать полчища врагов? Не впервой.

И тут же следующая мысль — а ведь и вправду! Бой на перевале, бой в Пятигорске, зимние эксцессы в Москве и под Сходней, его собственная вчерашняя история! Словно под копирку.

Или — не под копирку, а просто донельзя обленившийся режиссер ставит мизансцену за мизансценой по одному и тому же, однажды найденному шаблону. И с теми же самыми актерами. Эти, мол, проверенные, ампула соответствуют, если что, и симпровизировать сумеют...

Мысль показалась ему интересной, но нуждающейся в более глубокой проработке.

Но времени на это не оказалось, Майя пригласила его к завтраку.

— Ну-с, и что вы скажете? — осведомился Бельский, указывая на экран гораздо большего, чем у Ляхова в спальне, размера. Но говорили и показывали там то же самое.

— Что я могу сказать, если они и на месте пока ничего не знают? Появится конкретная информация, тогда и будем рассуждать.

— А мне кажется, это в определенной мере коррелируется с тем, о чем мы говорили и что вы пишете...

— Не берусь спорить, подобные варианты нами рассматривались. И в гораздо больших масштабах. Хотя вполне возможно предположить, что это только первый звонок...

— А не может ли это быть своего рода провокацией? Очередной выстрел Принципа?

— Извините, Василий Кириллович, вот тут я пас! Если вы имеете в виду наших людей...

— Да при чем тут ваши? Совершенно наоборот!

— А-а, — глубокомысленно протянул Ляхов и сел на указанное ему место за столом.

Уклониться от разговора о случившемся в Пятигорске, разумеется, не удалось. Если не стали говорить о смысле и политических последствиях, то сам факт обсуждать все же пришлось, поскольку комментарии с экрана поступали непрерывно, и история обростала все большим количеством правдоподобных и не очень подробностей.

Вот, наконец, какой-то репортер показал фрагмент интервью со служительницей ресторана, которая ухитрилась лично познакомиться с таинственным офицером в уже захваченной гостинице, чуть ли не в разгар боя.

Звучало это как откровенный и нахальный вымысел, тем более что и внешность дамочки особого доверия не внушала. Но тут было названо имя, после чего Ляхов окончательно уверовал в то, что речь идет именно о его боевом друге и соратнике.

Не вдаваясь в детали, он сообщил Бельскому и Майе, что в ближайшее время будет располагать исчерпывающей информацией о сути и смысле произошедше-

го, после чего предложил вернуться к более их касающимся проблемам вчерашнего дня.

— Что же, пусть так, — согласился Бельский. — Я ознакомился с вашей точкой зрения на монархический способ правления...

— Не моей, — вставил Вадим, — я же называл Майе источник.

— Не суть важно. Вы же признали, что эту точку зрения разделяете. Я и сам бы охотно подписался под многим и кое-что даже добавил бы, исходя из собственного опыта и особенностей «видения предмета».

Но, дражайший Вадим Петрович, — прокурор со значительностью поднял палец, — признайте, что пока это всего лишь набор общих мест и благих пожеланий. Поскольку за кадром остается главное — кто и каким образом будет все эти почти бесспорные идеи воплощать в жизнь. Вы как бы утверждаете, что где-то в подполье у вас имеется целый корпус наделенных государственной мудростью кандидатов на высшие имперские посты, благородных гражданских и военных чиновников, бескорыстных мытаре... Проще говоря, подразумевается для реализации ваших планов наличие, как бы сказать, целого запасного народа! А вам только останется с помощью некоей секретной методики их выявить и приставить к делу. Разве не так?

— А почему бы и нет? — невозмутимо ответил Ляхов, дожевав бутерброд и промокнув губы салфеткой. — Вот вы, например, вряд ли станете возражать, если я выскажу предположение, что у вас нет оснований считать хотя бы лично себя лишенным государственной мудрости, гражданского мужества, понятий о чести и должного уровня бескорыстия. Или меня. И, наконец, Его Императорское Высочество. Я не ошибаюсь?

— Ну, в такой постановке... Я ведь не отрицаю наличия в обществе энного количества носителей вышеуказанных качеств. Я просто говорю, что таких людей, по

сравнению с прочими, намного меньше критической массы. И, даже сравнительно легко и успешно взяв власть, вы и ваши единомышленники столкнетесь со всем тем спектром явлений и причин, которые со времен Петра Великого так и не позволили нашей Родине по массе показателей стать вровень с той же Англией или Швейцарией. Национальный характер, если угодно. Либо бескорыстно умереть во славу Отечества, а если уж нет, так тогда... Стоит очередному демагогу провозгласить: «Грабь награбленное» — и создать минимально подходящие для этого условия...

— Вот тут вы правы и не правы одновременно, — с улыбкой возразил Ляхов. Прокурор не оригинален, все эти доводы и контрдоводы многократно использовались в клубных диспутах. — И заблуждаетесь вы прежде всего в том, что преувеличиваете размеры так называемой критической массы. На самом деле она не так уж велика.

Вот, к примеру, как обстоят дела в более близком мне военном деле. Чтобы сделать дивизию образцовой, совершенно необязательно укомплектовывать ее на сто процентов какими-то идеальными солдатами и офицерами выдающихся талантов и способностей.

Опыт показывает, что обычно достаточно грамотного и волевого комдива, подходящего ему по характеру и взглядам начальника штаба, ну и еще полномочий назначать и смещать, исходя из интересов дела, командиров полков. Как правило, такая ситуация позволяет за год-два самое разболтанное соединение вывести в первоклассные. Примеров тому — сколько угодно. От Ромула до наших дней... Да и по своей линии вы наверняка нечто аналогичное припомнить можете.

— То есть все ваши расчеты строятся на том, чтобы в масштабах государства повторить то, что, на ваш взгляд, легко сделать с дивизией?

Однако у нас даже дивизии отнюдь и далеко не все

являются образцовыми... — Видно было, что, как и в прошлый раз, слова Ляхова если в чем-то коренном, исходном, кондовом Бельского и убедили, то в деталях ему требуется полная определенность. Да и то...

Согласиться «сменить флаг» — не самая сложная проблема, куда труднее понять, причем понять вовремя, на ту ли лошадь ты ставишь.

— И сколько же, по вашим расчетам, необходимо «идеальных людей», чтобы превратить Россию в рай земной?

— Не слишком много, как я уже имел возможность вам доложить. На первом этапе — человек триста-четыреста. Чтобы заполнить должности, так сказать, первой линии. Затем еще около двух тысяч. Дальше процесс пойдет вниз и вширь в самоподдерживающемся режиме. Десять тысяч, пятьдесят... После чего по соответствующим расчетам ближайшую задачу можно будет считать выполненной.

— И на какой же базе вы рассчитали именно такие пропорции, Вадим?

— А это уже совсем элементарно. Из практики управления давным-давно выведена аксиома: один командир может плодотворно руководить не более чем семью непосредственными подчиненными. Для надежности примем пять. Министр у нас будет иметь в подчинении пять департаментов, директоров которых он выберет по моей методике. Если пожелает, тем же образом лично проконтролирует отбор и назначение на должность двадцати пяти товарищей директоров... Дальше уже не потребуется. Процесс по нисходящей войдет в автоматический режим, уважаемый Василий Кириллович.

— Остается последний вопрос, и на сем будем заканчивать, поскольку меня ждут куда более неотложные дела, — эта фраза в устах прокурора прозвучала едва на грани вежливости.

Да и можно было его понять. Один из достаточно близких сотрудников арестован за попытку убийства и похищения родной дочери и этого вот теоретика, в недрах подчиненной ему конторы свили гнездо враги, а тут выслушивай фантазии насчет...

— Вопрос, как я понимаю, такой. Кто ты есть, господин полковник Ляхов, что имеешь наглость взять на себя ответственность за оценку людей, расстановку их по ступенькам и ячейкам и в конечном счете за судьбы державы? И поумнее, и покруче тебя были люди, и чем кончили? По каким критериям будешь этих самых идеальных людей подбирать, как назначать и как контролировать?

Уже эта демонстрация проницательности и умения читать в сердцах Василия Кирилловича озадачила. Слишком дословно будущий зять (а так он с недавних пор привык думать) произнес вслух его мысли. Частично конкретизированные, частично смутно ощущаемые.

— Именно это меня и интересует, — кивнул Бельский, все еще сохраняя самообладание. Внутреннюю растерянность на поверхность не выпустил.

— Отвечу, но сначала, как в Одессе, вопросом на вопрос. Ваш господин Герасимов хоть каким-то краем мог быть в курсе ваших с Майей интересов в отношении меня, разговоров, которые вы, возможно, вели, в том числе и аналогичных имеющему место сейчас?

— А черт его знает, — озадачился Бельский, но Майя, похоже, ухватила суть раньше.

— Ты хочешь сказать, что вчерашний инцидент может быть связан именно с твоим «планом»?

— Совершенно в точку. Я не интересуюсь системой ваших отношений внутри конторы, распределением обязанностей, степенью секретности внутренних документов и тому подобными частностями.

Лично мне можете вообще сейчас не отвечать. Но схему вот такую попытайтесь отследить. По службе вы

присматриваете за деятельностью княжеских структур. Контролируете их внешнюю и внутреннюю политику, в том числе кадровую. Убедились, что уже не первый год Олег Константинович сосредотачивает под своей рукой слишком много авторитетных и профессионально состоятельных людей. Наверняка докладывали об этой тенденции в Питер. В какой-то момент взяли в разработку и меня. Вполне возможно, в той или иной форме были зафиксированы и мои «фантазии».

Но вы не один же там у себя сидите. Сотрудники обычно более в курсе дел учреждения, чем многие начальники. Особенно если имеют привычку обмениваться информацией.

Что, если тема ваших разработок вызвала интерес не только у Генерального прокурора? И кое-кто уловил их важность или потенциальную опасность, принял к сведению, тут же начал принимать превентивные меры?

— Нет, могу ручаться, ни один из моих сотрудников даже близко не был допущен к работе в этом направлении. Это, так сказать, чисто семейная разработка, — позволил себе сдержанно усмехнуться Бельский.

— Что касается лично меня — согласен. А в целом? И даже обо мне вы ведь с Майей на эту тему говорили? Думаю, даже не раз. Вон, даже кличку оперативную мне придумали. Что, если некие сотрудники слушают и пишут ваши разговоры? Я бы не удивился. Впрочем, система внутренней безопасности — ваше личное дело. Что же касается господина Герасимова, надеюсь, уже сегодня он скажет все, что знает. Именно — **все**. — Последнее он подчеркнул голосом. — Хотелось бы думать, что ничего, компрометирующего вас лично.

— Молодой человек! — прокурор обиделся уже всерьез: как он смеет, скороспелый полковник, подвергать сомнению...

Нет, ошибки могут быть у каждого, и он тоже, Васи-

лий Бельский, мог не усмотреть за чем-то в своем ведомстве, но так вот намекать! Находясь в гостях... Встать и указать ему на дверь, действительно не считаясь с последствиями?

Ляхов предвидел и это.

— Простите, Василий Кириллович. Вы не совсем верно меня поняли. Но если уж начали мы так вот беседовать, примите как данность. Ваши ведь прокурорские привычки и приемы наверняка не всем вашим пациентам, виноват, клиентам нравились.

Вадим перевел дух. Его опять начало нести. В хорошем смысле. Слова приходили на язык почти сами собой, собеседника он чувствовал, ловил его реплики, как актер (ранее уже приходил ему на ум этот образ), сыгравший с одним и тем же партнером сотню спектаклей.

Объект идет на вербовку, сам идет, он все для себя решил, но только хочет, чтобы произошло это нежно и ласково, как лишение девственности при полном непротивлении сторон.

Да нам же и не жалко. Нам еще работать и работать.

Майя, что-то понимая, а кое-что и нет, сидела за столом напряженно и молча. Крошила сухое печенье в чашку с кофе, сомнамбулически ловила ломтики ложкой, отправляла в рот.

Ее судьба тоже ведь сейчас решалась. Совершенно по Чехову. «Люди сидят, пьют чай, а в это время рушатся их жизни». За точность цитаты Ляхов не ручался, но примерно в этом роде. Только еще как сказать, рушатся или совсем наоборот.

Но объект вербовки в какой-то момент требуется резко «дожать». Так его учили. Дожать можно по-разному. Шантажом, деньгами, прямой угрозой. А можно и неожиданностью, приводящей в изумление.

То, что он после боя выпил как следует, не смог толком поговорить с Бельским ночью, в спальне мучился пьяной бессонницей, — любая система слезки и про-

сто наблюдательность не могли не отметить. А вот чем еще он минувшей ночью занимался — другой вопрос.

— Василий Кириллович, я займу не более пяти минут вашего драгоценного времени, после чего избавлю вас от своего присутствия. Только посмотрите на это...

Ляхов протянул прокурору две карточки, размером в стандартную игральную.

— Это — что?

— Один из доводов. Не «Ultima ratio rei»¹, но все же. Чтобы подтвердить собственные предположения, а также и вас с Майей кое в чем убедить, я имел при себе прибор, представляющий малую часть уже работающего комплекса. Из-за миниатюрности и отсутствия связи с центральным процессором его возможности не так уж велики.

Захвати я модель посерьезнее, с господином Герасимовым вообще бы проблем не возникло. Но я такого варианта просто не мог вообразить. Настраивался совершенно на другое.

Однако... Вот, смотрите.

Это — карточка Майи. Запись пошла с момента нашей встречи на пристани. Некоторые детали мы опустим. Главное — что? Никаких эмоциональных и интеллектуальных связей с Герасимовым она не имела. С начала операции горячо сочувствовала успеху нашего дела и переживала за меня. Страх имел место, но подавлялся алертностью². Искренность — примерно восьмидесятипроцентная. Большого требовать вообще невозможно. Иначе будем иметь перед собой идиота.

Теперь вы, Василий Кириллович... — он обратил взор на вторую карточку.

— Не надо, — прокурор вытянул перед собой рас-

¹ Последний довод королей (лат.). Принято было данную сентенцию помещать на пушках.

² Готовность к бою (лат.).

крытую ладонь. — Как истинно православный человек, не признаю гадалщиков, астрологов и этих... экстрасенсов!

— Не надо так не надо, — легко согласился Ляхов. — Только прошу иметь в виду, что мой экземпляр «верископа» — почти игрушка. Вроде школьного компаса. Для самой грубой прикидки направления.

Однако и он позволил мне говорить с вами без страха и сомнений. Вы разве не удивлялись все последнее время моей совершенно дурацкой с Государственным прокурором откровенности?

— Иногда — удивлялся, — честно сказал Бельский. А что ему оставалось делать? — Относил на счет либо особой изощренности княжеских клеветов, либо вызванной симпатией к моей дочери беспечности ни в чем серьезном не замешанного провинциала.

— Второе — почти правильно, — сообщил Вадим. — И симпатия, и не замешан. Главнее же всего — третье. — Он показал пальцем на цветные линии и символы карточки.

— Первый опыт я поставил еще зимой. Убедился, что с вами дело иметь можно. С тех пор система усовершенствовалась. Стала куда более информативной. И подсказала мне, что и вы, и Майя — наши люди. Вполне вписывающиеся в критерии программы «Кадровая революция».

Все прочие подробности — при следующей встрече. А сейчас мне надо ехать, извините. Первые результаты допроса Герасимова я вам сообщу. А вам, примите совет, лучше вообще не подавать виду, что вы хоть что-нибудь об этом слышали. Дочка вам ничего сказать не успела, а больше — откуда же?

Не исключаю поворота, что ваш сотрудник окажется ни в чем не замешанным и спокойно приступит к исполнению своих обязанностей.

Ляхов, раскуривая прокурорскую сигару, вдруг за-

★ молчал. Ему ведь никто не давал права откровенничать, а уж тем более вербовать прокурора, давать ему какие-то обязательства.

А впрочем, что он такого сказал? Все тот же салонный треп, с какого начиналась его дружба с «пересветами». И если даже кому-то его действия не понравятся — не наплевать ли?

Чекменеву он нужен, то, что умеет сейчас он, не умеет больше никто. Ссориться с ним по такому пустяку никто не станет. Если даже захотят сделать ставку только на доктора Максима, не выйдет. У того ведь сейчас только «железо». А полным комплектом формализованных методик и специальных тестов по каждой категории «объектов» владеет только сам Ляхов. И больше половины ключевых формул держит в голове.

Напоследок же стоит еще раз подсластить гипотетическому тестю пилюлю.

— Имею все основания предполагать, Василий Кириллович, что при полном обследовании у вас найдется достаточно нужных черт личности, чтобы претендовать на более высокий пост, чем нынешний, — сказал Вадим, раскланиваясь.

Майя вышла на крыльцо вместе с ним. Слуга уже подал к воротам знакомый синий «Хорьх».

— Садись. Шофер, надеюсь, не требуется?

— Ты меня не проводишь? — Интонации Майи и ее не слишком приятный тон его задели. Но и поводов для такого отношения он дал предостаточно.

— О чем речь, конечно. — Голос был ровный, но все равно...

— Переодеться не хочешь? — спросил Ляхов. Она была одета по-домашнему, в белесые джинсы и узлом завязанную на животе клетчатую рубашку.

— Зачем? Я в городе задерживаться не собираюсь.

У тебя ведь дела. Доеду и вернусь. Освободишься, позвонишь. На тот случай оденусь по обстановке.

Вадим сел за руль, Майя рядом.

Несколько минут она молчала, курила сосредоточенно, вертела ручку настройки радиоприемника.

— Резко ты с отцом говорил. Слишком резко. Он ведь почти вдвое старше тебя, и так готов был...

Вадим ожидал, что она начнет с другого. Ну, если хочет сначала об этом, то пусть...

— На что готов? — Ляхов продолжал гнуть свою линию. — Если хочет обижаться — пусть обижается. Неприятно, но переносимо. Гораздо хуже будет, если потом скажет — ах, юноша был столь любезен, задурил мне мозги, а я сразу не понял, что он меня вербует в противоправительственный заговор.

Нет уж! Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит. Я сам долго колебался и перебирал материальные и нравственные доводы «Pro et contra». Потом принял решение, а сейчас жгу мосты и корабли. Улавливаешь?

Майя презрительно хмыкнула:

— Где уж нам! Но ты уверен, что и вправду нас слушают везде — в конторе, дома, на даче. И Герасимов не одиночка в прокуратуре?

— Чего же нет? Девушки эти, кстати... Я вчера утром тебе позвонил, а вечером нас уже ждали. Как, почему? Слишком много вопросов сразу.

— А ты уверен, что Герасимов сегодня же заговорит?

— Куда ж ему деваться? Не захочет, а скажет.

— Попытки?

— Ни в коем разе. Попытки — это пережиток средневековья, не слишком, кстати, эффективный. Есть гораздо более цивилизованные методы. Ты ведь только что наш «верископ» в работе видела. Он вполне может как детектор лжи работать. Только умнее.

— Хотелось бы тебе поверить, да не верится, — вздохнула Майя. — Потому что, если поверить...

Слишком долго она сдерживала эмоции, стараясь держаться в рамках светского (и должностного тоже) поведения. И наконец сорвалась:

— Слушай, неужели ты до сих пор не понимаешь, что ведешь себя подло! По отношению ко мне! Просто вот ко мне! Это почти то же самое, как в замочную скважину подглядывать! Я ничего не подозреваю, а ты все записываешь — что подумала, что почувствовала.

Может, нам расстаться лучше? Я тебе кто? Как я с тобой теперь общаться буду, да и зачем?

Слова прерывались горловыми спазмами и вздохами, готовыми превратиться в полноценные рыдания.

Жалко ему было Майю, и уже не первый раз. Ну так не она ли сама поставила себя в такое положение?

— Успокойся, а? Не хочется мне оправдываться, пусть, наверное, и есть за что. Ну так давай договоримся. Предупреждай заранее, когда ты только моя, а когда — при деле. Я в свою очередь обещаю, что больше тебя зондировать не стану. — Ляхов немного поколебался, но все-таки добавил: — За исключением жизненно важных случаев. Ну?

Девушка в последний раз глубоко вздохнула, даже чуть слышно хлюпнула носом, после чего улыбнулась.

— Ох, да что с тобой делать...

Обрадованный, Вадим тут же вернулся к основной теме:

— Кстати, сегодняшнее сообщение об офицере, в одиночку уничтожившем чуть ли не всю банду, имеет к моим словам некоторое отношение. Я сразу почти догадался, а потом та рыжая подтвердила. — Неверов там был. И в соответствии с критериями пригодности к своей должности он и не мог поступить как-то иначе. Не мог испугаться, не мог принять непродуманного решения и по уровню своей боевой и тактической подготовки

просто обязан был переиграть почти любого мыслимого противника.

— Робот запрограммированный, что ли? — с гримаской прежнего, привычного недоверия и одновременно некоторым даже испугом спросила Майя.

— Никак нет. Именно то, что я сказал. Человек, психологически и физически созданный именно для подобной деятельности. В роли бухгалтера или зубного врача он наверняка не представлял бы собой ничего выдающегося... Каждый человек необходимо приносит пользу, будучи употреблен на своем месте.

Майя была с детства слишком уж рациональной девушкой. Семья прокурора, престижный университет, соответствующая компания, четко определенный набор жизненных ценностей. Тяжелый случай.

И, только что пережив, пусть и коротенькую, личную драму, которой иной женщине хватило бы на несколько дней полноценных скандалов, она обо всем если и не забыла, то отодвинула в сторону.

То, о чем говорил Ляхов, было гораздо интереснее и сулило куда большие приключения тела и духа, нежели глупая ссора с любимым, в общем-то, человеком. Который тоже был намного интереснее всех ранее знакомых мужчин. Это же надо — такое придумать!

— Ты только что убедились, как наш «верископ» работает. Даже карманный. А в стационарном варианте... — Вадим махнул рукой. — Короче, наконец-то осуществится принцип: «Каждому человеку — свое дело, каждому делу — своего человека».

Он сообразил, что на этом пора ставить точку. Если Майя продолжит расспросы, придется начинать врать, ему же сегодня этого категорически не хотелось.

Лучше просто переключить ее внимание, но так, чтобы выглядело это естественно.

— У нас в лагерях по вечерам делать было особенно нечего. Сухой закон, кроме книжек и радио — никаких

развлечений, а книжки читать в палатке на полсотни человек не очень-то получается. Вот и трепались обо всем на свете. А народ все больше образованный, эрудированный. Такие иногда словесные баталии затевались! Добрались и до российской национальной идеи. Есть ли она вообще, а если есть, то в чем заключается?

— И до чего dospopились?

— Подожди. Ты вот знаешь, что такое «нож Лихтенберга»?

— Впервые слышу.

— И я тоже. Оказывается, это весьма изящная философия. Все очень просто: представь себе нож без лезвия, лишенный рукояти. И все.

Майя засмеялась.

— Нечто вроде буддийской железной флейты без дырочек?

— Примерно. Так вот — российская национальная идея — нож Лихтенберга в роли бритвы Оккама, логически отсекающей фиктивные сущности. Проще говоря, парадокс в роли аксиомы.

— Значит, ее все-таки нет?

— Отнюдь. Именно что есть, но она столь же непостижима, как буддийские коаны, а ее воздействие на реальную жизнь столь неуловимо, что последствия становятся ясны лишь «а постериори»¹. Поскольку отечественная История есть собрание беспрецедентных прецедентов, а не предсказуемых закономерностей.

Из чего сама собой вытекает мораль — надо жить здесь и сейчас, действуя по обстоятельствам, а не дожидаться неизвестно чего, запутавшись в сомнениях. Соответственно, предназначение интеллигенции — отнюдь не духовное водительство народа, что бы ни воображали ее амбициозные представители, а рефлексия над условиями существования.

¹ После того как, на основании опыта (лат.).

Нельзя напряженно вопрошать пустоту — что делать? Нужно делать то, что нужно, а что именно — ответ обычно валяется под ногами.

— Да, серьезные проблемы вы там у себя решаете, — с иронией вымолвила Майя.

— А ты думаешь! Главное — из того, что со стороны может показаться досужим словоблудием, научиться делать практические выводы.

К примеру, многие у нас считают, что именно сейчас История бросает России небывалый вызов, и, если она сумеет на него ответить, впервые за семь веков сможет стать страной, уважающей самое себя, а не озабоченной тем, уважают ли ее другие.

Россия сама для себя есть основание, средство, цель и идеал исторического развития — самодостаточный исторический феномен, локальная цивилизация, развивающаяся посредством саморазвития генетического кода собственной истории. Из чего следует — как можно быстрее, но и без скандала, выйти из Союза, по-новому позиционироваться, определив себя третьей силой, наряду со Свободным миром и «черным интернационалом»...

— Ну, ребята, замах у вас! Если все это всерьез, так я уж и не знаю, или от вас подальше держаться, или, пока не поздно, в Канаду эмигрировать.

— Почему именно туда?

— А чтоб подальше. По-моему, Канада — единственная страна, куда никакой враг никогда не доберется.

— До Вологды тоже никто не доберется. Еще Гоголь писал — оттуда три года скачи и никуда не доскачешь.

Купим домик рядом с Кирилловым монастырем, на берегу Белого озера, пересидим смутные времена...

А если серьезно, так все, о чем я говорю, именно интеллектуальные игры, ничего больше. Ты пойми, ребята у нас в Академии уверены, что через десяток лет именно они займут все ключевые посты в стране, ну, как в

царское время выпускники Пажеского корпуса, Царскосельского лицея и училища Правоведения. Вот и проигрывают варианты.

— Ты тоже так считаешь?

— Что ж я, хуже других, что ли? Вот и занялся «персоналистической революцией». Мой вклад в общее дело, так сказать...

За разговорами доехали незаметно.

Как Майя и настаивала еще весной, при ее деятельной поддержке Ляхов все-таки приобрел себе квартиру в весьма приличном доходном доме на Сретенке, буквально в двух шагах от Бульваров.

Дороговато, конечно, вышло, за Сухаревской площадью или на Разгуляе просили почти вдвое меньше, зато немедленно Вадим понял, что подруга была совершенно права.

Полковник, имеющий собственное помещение из трех обширных комнат в центре Москвы, мгновенно переходил в иную социальную категорию. Приобретал уважение у товарищей и невиданную ранее степень личной свободы.

Не в том только дело, что теперь не нужно было думать, где размещать покупаемые у букинистов книги, куда девать костюмы и прочие предметы личного туалета, которые при помощи Майи стали прибывать к нему в пугающих количествах.

Оказалось, что, потратив почти все деньги, полученные от Глана за саблю, он не обеднел, как казалось вначале, а начал стремительно богатеть.

Никогда раньше он о подобном не задумывался, а вот пришлось. Майя, чтобы упрочить в его глазах свой авторитет, несколько раз подсовывала Ляхову бюллетень московского рынка недвижимости.

Смешно, но цены на квартиры, особенно именно той категории, в которой обосновался он, росли как на

дрожжах. В мае — на три процента, в июне — еще на четыре, а в июле — как бы и не на пять.

— Видишь, видишь, — веселилась подруга. — Ни с того ни с сего ты уже заработал тридцать тысяч. А если бы жил в наемной — столько бы и потерял за счет роста квартирной платы. Через два года получится, что ты вообще подобрал ее на дороге, еще через два — пойдет чистый доход.

И Ляхов снова подумал, что жениться на Майе просто необходимо. Где еще такую умную, красивую, забавную, а вдобавок и практичную девушку найдешь?

А уж если потом не сложится — тогда и думать будем. Только — вряд ли. Отец ему еще лет десять назад сообщил фамильную мудрость и принцип всех мужчин их рода. «Баб менять — только время терять».

На примере истории с Еленой он убедился, что постулат правильный.

Вадим остановил машину у солидного парадного подъезда дома. Пять высоких этажей, цоколь отделан карельским гранитом, выше — бордовая шуба из мраморной крошки.

За зеркальными стеклами специально подобранный швейцар в ливрее гладил бороду, пышную, как у протоиерея. Настоящая охрана на публику не рисуется, пара отставных вояк с автоматами гоняет чай в караулке напротив лифта.

— Может, зайдешь все-таки? — Хотелось ему сейчас совсем другого общения, попросту, без политики и иных проблем.

Тем более что романтические планы, которые он лелеял целый месяц, были вчера так грубо разрушены.

Майя пересела на водительское место.

— Зачем? Дел у тебя и без меня должно быть много. Главное, не пропадай. Как только освободишься — звони. Подъеду.

Это, конечно, та самая маленькая месть, от которой девушка не смогла удержаться.

— Сегодня? — с надеждой спросил Ляхов.

— Как получится. Может — и сегодня...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Двухмоторный самолет, переоборудованный из дальнего разведчика «Р-511» в довольно комфортабельный воздушный лимузин, обслуживающий лично Чекменева, за полтора часа доставил Тарханова, Татьяну и пленника прямо на учебно-тренировочную базу «Печенег», расположенную неподалеку от дачного поселка Пахра.

Рядом со стрелковым полигоном там имелась собственная взлетно-посадочная полоса для легких самолетов и ангара эскадрильи вертолетов огневой поддержки.

Татьяна находилась в полуоглушенном состоянии после всего пережитого, от быстроты случившихся в жизни перемен. Ведь меньше суток прошло с момента, когда она уходила из дома на самое обычное дежурство, и ничего не предвещало, что через несколько часов жизнь сорвется в стремительный галоп по краю пропасти.

Да так, кстати, случается довольно часто. И чем спокойнее и монотоннее была предыдущая жизнь, тем разительнее перемены. Причем это правило относится не только к отдельным людям, но и к целым государствам и цивилизациям. Уж до чего мирным, тихим, скучным было лето незабвенного тысяча девятьсот четырнадцатого года. И никому, кроме редких Пифий и Кассандр, не приходило в голову, что не просто жаркий август идет к концу, а тихо и незаметно, под шорох опадающей листвы, заканчивается XIX век. Станным образом сумевший выкроить для себя в истории вместо положен-

ных ста лет аж целых сто двадцать пять. Начавшись, не хронологически, а психологически, в год Великой французской революции, он уходил именно сейчас...

Вот и для Татьяны каких-то двадцать часов вместили и рутину приема и проводов туристских групп, и шок от вторжения бандитов, и страх, и радость от появления светлого рыцаря Арсения-Сергея, жуткие минуты страха и ожидания, когда здание гостиницы содрогалось от выстрелов и взрывов. Возвращение его, живого и невредимого, внезапное решение связать с ним свою судьбу, поездка в машине до Ставрополя, потом полет.

Полет на скоростном и высотном самолете с почти боевыми перегрузками так же отличался от того, что ей приходилось испытывать, летая на пассажирских лайнерах, как вся ее прошлая жизнь от той, что началась сегодня.

А неяркое московское солнце едва перевалило через середину небосвода.

Она сошла по трапу на подгибающихся ногах, в голове шумело, и все вокруг воспринималось будто сквозь запотевшие очки.

Внезапно накатилась тоска. Ощущение ненужности и бессмысленности происходящего. Если бы можно было отмотать все назад, она, конечно, осталась бы дома, заперла дверь на ключ и засов, задернула шторы и забилась под одеяло. И спала бы долго-долго.

А что делать здесь сейчас? И, главное, зачем?

Единственное, что позволяло сохранять подобие выдержки, был опыт. Она знала за собой такую черту характера. Не раз уже случалось подобное на крутых жизненных поворотах, пусть и не таких крутых, как этот. Даже в первый день заграничной командировки, попасть в которую стоило многих сил и трудов, она всегда испытывала неуверенность, дискомфорт, депрессию, желание бросить все и немедленно вернуться. Но обязательно на следующее утро все это проходило,

тоска сменялась радостью, жаждой новых впечатлений и рискованных приключений. Значит, и завтра все будет так же.

Хорошо, что коттедж Сергея находился буквально в сотне шагов от аэродрома. Он отвел ее туда, хотя и очень торопился на встречу с начальством, показал ей все, предложил чувствовать себя как дома.

— Вот это будет твоя, — открыл он дверь уютной комнатки в мансарде, отделанной светлым деревом, со скошенным потолком и окном, выходящим в сторону леса. — Белье тут, в шкафу. Мне как привезли, я и не распаковывал. Есть хочешь? Ну, тогда выпьем по рюмочке за счастливое возвращение, и ложись-ка ты спать. Ни о чем не думай, ничего не бойся. Здесь, наверное, самое безопасное и спокойное место во всей России. А утром все станет по-другому...

«Как он хорошо понял мое настроение, — подумала Татьяна. — Значит, я, скорее всего, не ошиблась...»

А Тарханов действительно спешил.

Служба, от которой он так самонадеянно решил было избавиться на целый месяц, грубо и зримо вновь предъявила свои права.

И Чекменев, наверное, уже ждет нетерпеливо, и автобус с Кедровым, Розенцвейгом и Маштаковым должен подъехать в ближайшее время, если, конечно, в пути никакой задержки не вышло.

Спешил он, впрочем, зря. Чекменев, по сообщению оперативного дежурного, был еще где-то в Москве, так что Сергей успел разместить Фарид-бека в хорошо охраняемом помещении, вернуться к себе, принять душ, побриться и переодеться по форме три, в летний чесучовый¹ китель, такие же брюки, заправленные в мяг-

¹ Чесуча — ткань из грубого шелка полотняного переплетения, желтовато-песочного цвета.

кие коричневые сапоги. Погон к этому костюму не полагалось, только нарукавная нашивка с эмблемой отряда и две золотистые полосы поперек, обозначающие его полковничий чин.

Больше всего Сергея сейчас беспокоил пленник.

За время перелета он очухался от шока, взял себя в руки, что Тарханов понял по его лицу и резко изменившемуся поведению. А это плохо. Даже очень плохо. Увидев базу, подтянутых и дисциплинированных офицеров «Печенег», Фарид, безусловно, все сопоставил и оценил. Не дурак ведь, наверняка разведчик со стажем. Российские обычаи и порядки знает. Раз не тюрьма, а элитная воинская часть, то здесь убивать не будут и пытаться тоже не станут. А уж на обычных допросах он сможет тянуть время чуть не до бесконечности, излагая и заранее подготовленные легенды, и по ходу дела придумываемые экспромты.

Азиаты, тем более приобщившиеся к цивилизации, хоть турки, хоть курды, хоть черт знает кто, имеют одно поганое свойство — они совершенно уверены, что европейцы по определению готовы, мало того — обязаны соблюдать Гаагскую, Женевскую и иные конвенции.

Независимо от того, как ведут себя их враги.

То есть мы люди первобытно-общинного или раннефеодального строя, такими нас извольте и принимать, а вот вы, культурные господа, уж не в коем случае не выходите за рамки. А то мы вас назовем варварами. И на весь мир это ваше варварство ославим.

«Нет, парень, — думал Тарханов, прогуливаясь по дорожке перед домом Чекменева и ожидая приезда начальника, — ты у меня получишь разборку по полной средневековой программе. Какой там у вас сейчас, одна тысяча триста восемьдесят третий год Хиджры? Для нас это как раз времена Куликовской битвы и сожжения Москвы Тохтамышем.

Вот из этого и будем исходить.

А то — цивилизация, гуманизм! Никто и никогда за пять тысяч лет писанной истории об этом гуманизме и понятия не имел. Французские просветители сдуру придумали, а теперь все носятся с ним, как с писаной торбой, не желая замечать, чем все это на практике оборачивается. Нет уж, увольте».

Но ведь и оформить соответственный подход к такому герою надо поэффектнее. Чтобы раз и навсегда отбить желание и возможность думать по-своему.

Помочь в реализации этой справедливой, но достаточно абстрактной мысли мог единственно старый дружок. Вадик Ляхов, умеющий с равным эффектом класть пулю в пулю на полверсты и к месту цитировать афоризмы Марка Аврелия.

...Когда Вадим, привычно вложив полтинник в ладонь швейцара, поднялся лифтом на свой шестой этаж и вошел в квартиру, телефонный звонок, похоже, охрип, а сам аппарат перегрелся, надрываясь.

Его дребезжание было слышно уже на площадке, не смолкало, пока он отпирал закрытую на два замка дверь, шел в кабинет, первый в его жизни и обставленный в полном соответствии с мечтами и вкусами.

Надеялся — не успеет, поскольку ничего хорошего от этого звона не ждал.

Но телефон продолжал добиваться своего и все-таки добился. Стоя рядом с аппаратом, не взять трубку Ляхов не смог.

Рефлекторно.

— Слушаю вас.

— Ты, Вадим? — Голос Тарханова, с его неистребимым ставропольским акцентом, он узнал сразу.

— Нет, Лиза Черная, — неизвестно почему назвал он имя популярной в этом сезоне цыганской певицы. В смысле — не задавай дурацких вопросов.

— Так я хочу тебя видеть, — Сергей на шутку не среагировал.

— Подъеду. А куда? Может, лучше ты ко мне? Я еще и портянок не размотал после вчерашнего боя.

— В курсе. Мне уже доложили. Я же теперь большой начальник... — Тарханов оборвал фразу. — Не по телефону.

— Поздравляю. И все равно приезжай, Серега. Посидим, согреемся, шестой этаж, стены толстые. Нет, правда, надо.

— Согласен. Еду. Тем более я неподалеку.

Тарханов появился буквально через десять минут, как всегда, в безупречно сидящем на нем кителе, с кобурой пистолета на поясе, что означало — полковник находится при исполнении.

Обнялись, похлопали друг друга по плечам и спинам, то есть — рад видеть тебя живым, и больше не будем сентиментальничать.

Вадим увлек друга к бару, но Тарханов отказался, что было странно.

— Ко мне подскочим, вот тогда, — не вдаваясь в подробности, сказал Сергей. — Давай лучше кое-что уточним на свежую голову.

— Надо понимать, допрос с меня снимать будешь?

— Какой допрос? Дежурный по базе и исполняющий обязанности командира группы мне доложили, что смогли.

Пленников твоих пока изолировали по одному, но допрашивать их оснований нет, пока от тебя соответствующего рапорта не поступило. Вот и расскажи мне с возможными подробностями, что и как. Тогда и думать будем.

Ляхов рассказал не только строго фактическую сторону, но и свои соображения по поводу каждого эпизода.

— Знаешь что, я бы хотел, чтобы о задержании Ге-

расимова по официальным каналам прокурору не сообщалось. А если вдруг обратится — не в курсе, мол.

— Что, может обратиться?

— Вполне может. Дочка ж его там присутствовала, все папаше доложила, а он, как ни крути, официальное лицо, в некотором роде по отношению к нам — вышестоящее. Сотрудник его арестован, и все такое...

— А может и не обратиться? — Тарханов, закинув ногу за ногу, вроде бы полностью поглощенный рассматриванием солнечного блика на носке своего сапога, держался сейчас не только как старый друг. Явственно в нем ощущался начальник отдела спецопераций разведуправления штаба Гвардии. Ну а как же? Служба службой.

— Вполне, — легко согласился Вадим. — Поскольку я его об этом попросил. Оно же еще и так и так может повернуться.

— Свою игру затеял?

— Почему свою, нашу. Мы с Василием Кирилловичем по определенным вопросам взаимопонимания уже почти достигли. Считаю — он может оказаться человеком чрезвычайно полезным.

— Я и говорю — своя игра. Ну, пусть так и будет. Выйдет — хорошо. Нет — ты для нас лицо совершенно постороннее. Академия к разведупру отношения не имеет.

Вдруг Вадим увидел, а еще точнее — ощутил, что нестигаемый полковник словно чем-то смущен.

Собирается сказать — и никак. Вначале ему показалось, что это касается нынешней ситуации. Вроде бы должен, но не может произнести фразу типа: «А теперь, господин Половцев, сдайте оружие и следуйте за мной».

Однако нет, тут — другое.

А если так: «Ты знаешь, Вадим, я встретил в Кисловодске твою Елену, и мы...»

Тоже не похоже, но несколько ближе.

— Давай-давай, говори, что собрался, — поощрил он товарища и кивнул ободряюще. — Про женщин я пойму. Про остальное... — после легкой заминки, словно не зная, как бы это получше сформулировать, Ляхов усмехнулся, скорее, сочувственно, — в меру сил постараюсь.

В который уже раз этот несложный фокус Тарханова удивил.

— Как тебе всегда удастся... Ладно, короче, так... Остановился я ночью в Пятигорске возле входа в гостиницу, курица купить, и вдруг окликает меня девушка, моим исходным именем. Обернулся — вот черт! Оказалось, тогдашняя еще подруга...

Когда Сергей закончил излагать историю своей встречи с Татьяной, плавно перетекшую в описание боя в отеле, и вплоть до возвращения в Москву, у Ляхова уже были наготове уточняющие вопросы.

— Значит, говоришь, предварительно ты о чем-то подобном подумал?

— Именно о чем-то, но совершенно неконкретно. Вспомнил наши с тобой разговоры насчет предчувствия и предвидения...

— Так. И твоя встреча с Татьяной здорово смахивает на мою с Еленой. Даже очень здорово.

— Ну?

— И мы практически одновременно попали в очередную заварушку. И успешно из нее выкрутились, хотя и по-разному. Да, забавно.

Ляхов закусил нижнюю губу. Его гипотеза насчет страдающего отсутствием оригинальных идей режиссера получила еще одно подтверждение.

— Нет, Серега, тут так сразу не скажешь. Фактов интересных много, но пока недостаточно. И этот господин Маштаков, сумасшедший изобретатель... С ним тоже побеседовать надо.

Вадим закурил третью подряд сигарету.

— Но жизнь-то все интересней и интересней становится. А представь, остался бы я перед Новым годом в Хайфе, ты — у себя в батальоне, и что? Так бы и тянули армейскую лямку, радовались премии в пол-оклада и внеочередному увольнению в город... А тут...

Нет, непременно сейчас нужно выпить, остальное потом подумаем.

— Отставить, Вадим. Потерпи час. Сейчас мы поедем ко мне на базу. Кстати, пока ты на сборах проедался, мы твоего Максима Бубнова туда переправили.

— Зачем? — эта новость Ляхову не понравилась. Выходит, его все же несколько отстраняют? Пока доктор Максим числился за Академией, они занимались своим проектом в порядке инициативы, все было нормально. В нужный момент предъявили бы руководству или непосредственно генералу Агееву готовую работу. Сейчас же, выходит, Чекменев самолично или с санкции князя перетянул одеяло на себя. И кто теперь в проекте он сам?

— Ты не переживай. Тебя никто не ущемит. Исключительно в целях безопасности и централизации работы. Ты ж сам посуди — в Пятигорске ради «Гнева» и Маштакова что устроили? Герасимов твой зачем вчера танец с саблями изобразил, по дури, конечно, но тем не менее? Почти наверняка ради вашей машинки.

— Если только не из-за «Аллаха» и сабли, — вставил Ляхов. — Может, просто отомстить решили за то, как мы их кинули...

— С тем давно пролетело. Так вот, если мы с тобой очередной раз выкрутились, не уверен, что доктор так же сумел бы самооборониться, если б к нему домой ночью пришли. На базе спокойнее. А дело у меня к тебе вот какое...

Тарханов с сомнением обвел глазами потолок и стены.

— Пошли, в машине доскажу.

Пока ехали, Тарханов говорил, а Вадим все больше молчал и прикидывал.

...С Максимом Бубновым они не только конструкцию, но и все программное обеспечение для «Большого комплекса» отработали до возможного совершенства. В том смысле, что мог он теперь работать по любой из схем.

Как «детектор правды» — сколько угодно. Это самое простое.

Как анализатор интеллекта и эмоций, он же «верископ», — со всей возможной точностью.

Самое сложное было отрегулировать программу в целях определения генетических, моральных характеристик и возможностей испытуемого объекта.

Вот тут были определенные сложности. Вадим потратил только на формулировку критериев, по которым должен проводиться отбор, несколько месяцев.

Уж больно много вопросов возникало, как только начинал вникать в факты истории и детали поведения конкретных, то канонизированных, то демонизированных людей.

Как, например, соотнести такие качества, как безжалостность к себе и внимательная чуткость к людям? Скорее ведь бывает наоборот. Каково это — отказаться послать в бой подчиненные тебе войска, обреченные на тяжелые потери, зная, что вышестоящий тиран вполне способен уволить тебя от должности, а то и поставить к стенке.

Почему, например, генерал от кавалерии Брусилов смог сказать Николаю Второму: «Ваше Величество, если мои решения вас не удовлетворяют, я не могу оставаться в должности главнокомандующего».

А ни один из командиров Красной армии, даже явно проигрывая Гражданскую войну, с большевистским Политбюро спорить или просто попытаться изменить в нужную сторону его состав не рискнул. Из тех, конечно, командиров, кто до конца сохранял верность идее.

О перебежчиках из Белого стана в Красный и потом обратно речи не идет. Махно, Думенко, Миронов, Тухачевский, Раскольников... Ни чести не сберегли, ни выгоды, которую ставили превыше всего, в итоге не получили.

В чем тут причина, какая червоточина имелаась в душах незаурядных, в общем-то, людей?

Как ее вычислить и внести в алгоритм?

Не сумев же это сделать, будешь обречен на повторение того же.

Ведь был бы тот же Тухачевский совсем без способностей — не смог бы из поручиков за год взлететь в командармы. Правда, ценой предательства. Как такое учесть в программе?

Обратный вариант — Слащев Яков Александрович. Огромный талант полководца, выдержка и мужество, готовность служить Отечеству пусть и рядовым с погонами гвардейского полковника. Совершив массу подвигов, через год Гражданской войны получил не только чин генерал-лейтенанта, но и почетную приставку к фамилии — Слащев-Крымский — и вдруг, на вершине карьеры и славы, счел, что его заслути все равно недооценили, рассорился со всеми соратниками, ушел в отставку, начал затевать скандалы в российской и иностранной прессе, писать пасквильные книжки.

А знать бы заранее про могущий проявиться так внезапно гонор, подкорректировать траекторию жизни и карьеры — мог бы славный герой служить и приносить пользу Отечеству еще лет тридцать.

Пришлось Ляхову работать и работать, самому перечитать кучу литературы, привлечь к делу, ничего особенно не объясняя, целую группу историков, психологов и педагогов. Отнюдь не как группу, конечно, поодиночке, просто как консультантов по отдельным, чисто теоретическим вопросам. Благо членство в Клубе такую возможность обеспечивало.

Потрудились, перебрали сотню-другую вариантов, нашли и некоторые нестандартные. В истории ведь есть все, что угодно, только надо уметь сообразить, что именно ты ищешь.

Алгоритмы выстроились изящные.

Программа сначала оценивала каждую из двух десятков ведущих черт личности по отдельности, определяли их количественные параметры: силу, устойчивость, яркость, напряженность, гибкость и т. п. Затем начинался процесс сопоставления выявленных качеств, степень их взаимовлияния, какие выступают по отношению к другим в роли катализатора, какие ингибитора.

Учтены были и варианты, когда определенное сочетание положительных черт характера давало негативный эффект. Наоборот, кстати, тоже случалось.

Пришла пора масштабных полевых испытаний, а следовательно, предстояло докладывать по начальству. А какому именно?

Проще всего, конечно, непосредственному руководителю, не по службе, конечно, а как бы гроссмейстеру ордена, генералу Агееву.

Если уж взял на себя такое послушание, так вроде бы изволь.

Но! Тут нужно думать и думать, считать и считать. Про себя он знал все точно, поскольку в числе первых, вместе с самим Максимом и Тархановым подвергся исследованию по полной программе. Нужно же знать, чего ты на самом деле стоишь, берясь за грандиозное, не на один год, а может, и не на одно десятилетие рассчитанное дело.

Результаты его удовлетворили вполне. Он и раньше хорошо к себе относился и уверен был, что умеет выбирать друзей, но как-то эмпирически, а сейчас убедился в этом на медико-математической основе.

А вот своего же генерала он пока не прозондировал. Почему испытывал некоторое сомнение. Мужик-то он располагающий, но что, как ошибочка выйдет?

Обнаружится у него небольшой такой дефектик вроде гипертрофированного самолюбия, и не захочется ему делиться славой с новичком-полковником. Или, наоборот, не самолюбие проявится, а чрезмерная подозрительность, эгоизм, желание сохранить тайну столь невероятного изобретения в более узком кругу посвященных.

Нельзя исключить, по крайней мере — сейчас.

Так, может, сразу на князя выходить? Он по определению человек честный, свободный от обычных людских слабостей, что подтверждается восьмьюдесятью годами служения его и его предшественников на этом посту, и уж если собрался идти именно под его руку, так сомневаться больше не стоит.

Но ведь нужно еще найти способ получить аудиенцию и обо всем доложить. Лично и конфиденциально. Без Чекменева сделать это будет сложно, а он ведь спросит — зачем?

Не ответить нельзя, а ответить — весь смысл предприятия теряется.

В тот момент Ляхов ощутил себя в тупике. Фигурально выражаясь, он сел и задумался.

А ведь плоховато получается. Похоже, друг, в этот тупик ты загнал себя сам.

Уверовал в свою непогрешимость и тут же начал сомневаться во всех прочих, кто вроде бы не столь надежен, как ты.

Майе ты веришь, ее отцу, Сергею. А по отношению к людям, которые приняли в тебе участие, помогли, подержали, выдвинули — Агееву, теперь и Чекменеву, — вдруг недоверие возникло.

А это уже мания величия, сопряженная с манией

преследования. То есть — паранойя. А если машинка ее у тебя не показала, значит, плоха машинка.

Тогда он принял единственно правильное в подобной ситуации решение. Не суетиться. Отец ему еще в детстве приводил, как руководство в жизни, правило хорошей морской практики. Попад в туман и не надеясь на точность прокладки, прежде всего ляг в дрейф до появления возможности уточнить свое место.

Так он поначалу и поступил, благо начались экзамены, потом лагерные сборы.

Момент принятия радикальных решений сам собой отдалился.

А сейчас снова нужно решать этот же вопрос. Хорошо, Сергей вернулся. Вот Сергею он верил безусловно.

И если он решил, что Бубнову будет у него на базе лучше, — так тому и быть.

Только...

— Понимаешь, Вадим, этот бандюга, Фарид, которого я привез, он, по моим прикидкам, не просто мелкий батальонный курбаши. Он наверняка из больших штабов. Костюмчик чистый, руки чистые. В смысле — сам ни разу не выстрелил. Пистолет у него полностью заряженный и ствол в смазке. По-русски говорит чисто, да и вообще. А колоться не хочет.

Если б я, как сразу начал, с ним на месте разобрался бы или юнкеру Плиеву поручил, на краю могилы он бы все сказал. А здесь осмелел. Конвенции, мол, то да се. И вообще ничего не знаю, погулять вышел. И что с ним делать?

— Ты у меня спрашиваешь? — изумился Ляхов.

— У кого же еще? Тут и Чекменев не помощник. Работайте, говорит. Так ты же понимаешь, передам я его следователю, он и месяц, и год вольнку тянуть будет. Вообще может ни слова не сказать, по факту ему от силы пятерку суд отвесит. И все.

Ляхов подумал, что сам находится в аналогичном

положении. С Герасимовым. Там еще хуже. Упрется ежели, так вообще отпускать придется. Стоит ему сказать: «Какие претензии, господа? За столиком сидел, с вами же выпивал. Девочек этих только на пароходе увидел. Что вы там не поделили — понятия не имею».

Тоже полный абзац, хотя и уверен Вадим на сто двадцать процентов, что дела серьезные.

И вот боевой полковник, теперь — заместитель самого Чекменева, обращается к нему за помощью. Чувствует, значит, и верит, что доктор не только зеленкой мазать умеет и из ружья стрелять. Это хорошо, конечно. А вот чем ему сейчас помочь и себе в том числе?

Бельскому он сказал, что Герасимов всю правду выложит. Не он сказал, подсознание за него. Поскольку только сейчас кое-что в голове проблескивать начало.

Но тут без Максима не обойдешься.

Ах да, он ведь тоже сейчас на базе находится, со всем оборудованием! Что же, попробуем...

...В тархановском домике, примыкающем к территории учебно-тренировочной базы, он был до этого всего один раз.

Хороший дом, удобный, хотя и без затей. Веранда, три комнаты внизу, еще две маленьких в мансарде. Обставлен казенной мебелью, и не заметно ни малейших попыток придать этому жилью хоть какую-то индивидуальность.

Сам Ляхов, обзаведясь квартирой, первым делом приобрел туркменские ковры, на пол и на стены, украсил их оружием, холодным и огнестрельным, объехал десяток букинистических лавок и одномоментно скомплектовал недурную библиотеку. А если бы имел не городскую квартиру, а такой же коттедж, непременно приобрел бы собаку. Бразильского фила, для уюта и охраны. Говорят, самая боевая и одновременно самая ласковая к хозяину и верная собака в мире.

А Тарханов жил как сверхсрочник в каморке при казарме. Есть где голову приклонить и побыть какое-то время в одиночестве, и слава богу.

Ну, хозяин — барин.

Зато сейчас, поднявшись на крыльцо, он увидел девушку или молодую женщину лет за двадцать пять, но явно моложе тридцати, выпешдшую им навстречу. Видно, что ждала и тут же среагировала на шум подъезжающей машины.

Симпатичная шатенка с большими серо-зелеными глазами, неуловимо отличающаяся от большинства привычных Ляхову женщин.

Чем? Скорее всего тем, что совершенно в ней не ощущалось обычного для столичных знакомых Вадима перманентного внутреннего напряжения и желания изобразить что-то сверх того, что представляешь собой на самом деле.

Ляхов никогда не был на Северном Кавказе, не довелось как-то, но сразу проникся ощущением узнавания ее типажа. Если бы даже Тарханов не сказал.

Кубанская казачка. Или терская. Разницу Ляхов представлял не очень, русская (точнее, столичная) литература, со времен «Казачков» Толстого, вникать в подобные тонкости не считала нужным. И все равно, такими, по представлению Ляхова, женщины южных российских пределов и должны были быть.

— Татьяна, — протянула она Вадиму руку. Ни колец, ни перстней на пальцах у нее не было.

Прищелкнув каблуками, Ляхов тоже представился.

На большой, застекленной с трех сторон веранде стоял плетенный из бамбука стол, при нем четыре таких же стула.

Присели. Тарханов извлек из шкафчика под ведущей наверх лестницей пузатую оплетенную бутыл.

Разлил по бокалам густое, почти черное вино.

— Таня — моя старинная подруга. Еще с училища. Так вот получилось, что встретились. Именно там.

Повоевали, ничего не поделаешь. Ты мне говорил, что... ретикулярная формация... — научный термин Тарханов произнес с некоторым усилием, — так вот, она самая. Как я загадал, так и получилось. Сначала с ней, потом с бандитами. Объяснить можешь?

— Нет, разумеется, — Ляхов ответил с искренним облегчением.

— Ну и ладно.

Сейчас Тарханову не столь интересно, как и почему случилось то, что случилось с другом, его гораздо больше волновало, понравилась ли ему Татьяна и чтобы Вадим случайно не проговорился насчет Влады, с которой они совсем недавно почти так же сидели и выпивали вместе, и Вадим тоже демонстрировал ей приязнь.

«Ну, уж этому-то меня учить не надо, — подумал Ляхов. — А девушка и вправду приятная. И на «верископе» проверять не надо».

Он еще подумал, что Сергею такая девушка подойдет в самый раз, тем более что он ее сюда уже и привез.

И вместе с тем! Какая-то она слишком спокойная, слишком отстраненная от происходящего вокруг.

Возможно, потому, что ей, казачке, все эти «кацапские» дела и проблемы неинтересны?

Черты лица, вот тоже правильные, красивые по классическим канонам, а изюминки не просматривается.

Правда, глаза... К глазам стоило бы и присмотреться.

Но Тарханов тут же, не успели они допить и по первому бокалу, пригласил его в соседнюю комнату.

— Извини, Таня, нам парой слов перекинуться надо. А ты нам пока собери и закусить тоже...

— Конечно, о чем речь, — ответила она с интонацией восточной женщины, для которой с детства очевидно, что мужские дела ее не касаются.

Свои же женские она должна исполнять в точнос-

ти, не забывая голову новомодными феминистскими теориями. Всего, что ей нужно, она от мужчины и так добьется, тоже с помощью веками отработанных методик.

В кабинете Сергей налил водки в старинные серебряные с чернью чарки.

— Татьяна с собой привезла. Дедовские, видишь, — он показал гравированную шрифтом, стилизованным под полуустав, надпись на боку своей: «Пей, да дело разумей».

— А у тебя?

Ляхов посмотрел.

«Кто пьян, да умен, два угодя в нем».

— Вишь, деды соображали, — согласился он. — Ну, давай. Так в чем вопрос?

— Вопрос в том же. Фарида этот, он наверняка знает много о целях и задачах этого внезапного «похода на Пятигорск». Но как мне его быстро и всерьез размотать, если он стопроцентную туфту мне гонит? Это ж или ребра ему ломать, наркотики колоть, да и не поймешь, правду он говорит или со страху и боли угодить старается. Или в очередной раз утереться...

— Вполне здраво рассуждаешь, — поощрительно кивнул Ляхов. — Так, скорее всего, и будет. И что?

— Ну, ты же мне говорил, показывал кое-что. Можно с помощью твоей техники его до донышка выпотрошить, и чтобы с гарантией?

— Можно. И даже не слишком сложно. А во-вторых? — Ляхов догадывался, что «во-вторых» непременно возникнет.

Тарханов или не заметил этой подсказки, или решил не замечать, во избежание лишних словопрений.

— Во-вторых, я уже с Чекменевым переговорил, он дал добро на привлечение тебя и твоего доктора к работе и по Фариду, и по Маштакову. Сюда же и твоего Герасимова подверстаем. Возьмешься?

«На ловца и зверь... — чуть ли не с ликованием по-

думал Ляхов. — Только начал соображать в нужном направлении, и тут же последовало встречное предложение. Правильно писал Булгаков: «Сами предложат и сами все дадут».

Но особой заинтересованности показывать пока не стал.

— А что ж? Мы люди военные, подневольные, господину Чекменеву обязанные. Прикажут — сделаем.

— Нет, ну что за разговор — прикажут. Тут дело серьезное. И тебе интерес имеется. Знаешь, тут с этим Маштаковым, ну, «Кулибин» который, интереснейшие вещи выясняются. Ну, это я тебе тоже расскажу. А пока могу я доложить, что ты с нами работаешь?

— Докладай, о чем речь. Тем более я сейчас в отпуске.

Пока Тарханов звонил по телефону, потом уточнял, когда у Татьяны будет готов ужин на четыре персоны, Вадим все не мог успокоиться, все радовался, как легко и свободно все решилось.

И как, по выполнении «подряда», аккуратно подойти к тому же Чекменеву и через него непосредственно к Великому князю со своей собственной проблемой.

А уж с Агеевым он потом как-нибудь все это согласует. Если повезет, так и с позиции силы.

До резиденции Максима идти было всего с полкилометра, но Сергей все-таки усадил Ляхова в машину, совсем маленький зеленый вездеходик с опущенным тентом.

— Служил бы ты в наших войсках, соображал, что надо пользоваться возможностью хоть сто метров проехать на колесах, а не на своих двоих.

Устроили доктора надежно. С пониманием важности и перспективности его работы.

В скромно выглядевшем особнячке из дикого камня, очень удобно расположенном на острове посередине озера, окруженном вдобавок густыми ивами, почти пол-

ностью скрывавшими его от любых, лишенных соответствующего допуска глаз.

Кроме особняка здесь же располагались склады неприкосновенного запаса спецтехники и боеприпасов, по причине чего ведущий на остров узкий мост с обеих сторон прикрывался патрулями караульного наряда.

Не совсем замок Иф, но в этом роде.

Доктор встретил Ляхова радостно. Ему, похоже, не слишком уютно было одному нести бремя ответственности и неясности дальнейших перспектив.

Естественно, все необходимое, чтобы отпраздновать встречу и подтянуть Бубнова к своему уровню, у них с собой было.

— Ну, все. Подпольный период деятельности закончился. Включаемся в работу по-настоящему. Перспективы нас ждут совершенно лучезарные, — сообщил Ляхов.

В быстром темпе опрокинув третью чарку, Максим потребовал пояснений.

После того как Вадим их дал, он как бы даже и померк.

— Ты уверен, что нам это нужно? Мы же совсем другим рассчитывали заниматься. А теперь что же — при следователях на подхвате? Мне это как-то...

— Да брось! Хватит комплексами мучиться. Это прежде всего нам самим нужно. Ты ж соображай, война идет, суровая, скажу тебе, война. А мы, как сказал однажды Хемингуэй, подписали контракт на весь срок. Разматываем это дело — пойдем, откуда и что нам угрожает. Ребята быстренько все порешают, и мы сможем спокойно своим делом заниматься.

Тем более изобретателя тех штучек нам обещают предоставить со всей его лабораторией, — он указал на Тарханова. Сергей в ученую дискуссию не вмешивался, но при прямом к нему обращении кивнул со значительностью.

— Что касается твоих опасений, — Ляхов знал, что Максим все время побаивается, что им воспользуются, а потом отстранят за ненадобностью, — мы ж предъявим только эффект, а не идею.

Как если бы ты продал современный автомобиль хотя бы и самому Генри Форду. Куда совать ключ и какие педали нажимать, он быстро поймет, а что делать с системой распределенного впрыска, в доску разбейся, не догадается.

— Это, конечно, так...

— Значит, работаем. С утра и начнем.

— А сейчас нас Татьяна ждет, — сообщил Тарханов, чрезвычайно довольный, что все разрешилось столь удачно. — Гуляш из баранины с фасолью наверняка уже доспел.

При слове «баранина» Максим сморщил нос. Как многие столичные и вообще среднерусские жители, к этому сорту мяса он относился скорее негативно. Пахнет, мол, не по-нашему, и вообще жир на губах застывает.

✓ Сергей не стал его разубеждать. Попробует — наверняка пересмотрит свои взгляды.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На следующий день после вечера и доброй половины ночи, с большим удовольствием проведенных в обществе Тарханова и его новообретенной подружки, доктор с Вадимом хорошенько выспались, после чего занялись делами, в истинную суть которых Ляхов Максима до самого последнего момента не посвящал.

Успехов Бубнов достиг, без всякого преувеличения, значительных. Точнее сказать — грандиозных.

Все ранее сказанное Вадимом прокурору, в этом комплексе металлических ящиков, традиционно покрытых

армейской «молотковой эмалью», приобрело свое грубое и зримое воплощение.

— Это у нас будет «верископ-стационар», — решил Ляхов, когда размягченный и оттого снова довольный жизнью Максим показал ему все. — На нем бы мы с тобой могли и нобелевку себе заработать. Только спешить не будем. Человеку, обладающему истиной, приличествует важность...

Они сидели на кушетке за занавеской в кабинетике, до невозможности похожем на помещение для физиотерапии в уездной больнице. Наверное, у доктора ностальгия разыгралась.

За окном на мелкой ряби озера багровела полоска закатных лучей садящегося в низкие облака солнца.

Что-то подобное бывало и в биографии Вадима. Он тоже начинал работать земским лекарем. И тоже пил портвейн с коллегами, только другого качества, конечно. Сейчас они употребляли очень хороший, прямо из Португалии, и заедали ароматным сыром «Бакштейн».

Двое коллег, с несколько разными судьбами, но объединенные общей кастовой принадлежностью. Это ведь навсегда.

Ляхов не раз уже замечал, встречаясь с врачами, даже и переквалифицировавшимися в кого угодно, от писателей до финансистов, что нечто вроде ностальгии по профессии преследует всех без исключения. Наверное, потому, что врачи гораздо в большей степени своеобразные жрецы, чем обычные специалисты с высшим образованием. Не зря как-то Ляхов придумал успокаивающую формулу — бывших врачей не бывает. Бывают практикующие и в данный момент не практикующие врачи. Только!

Одна разница: в отличие от него Максим не представлял, что в данный момент выпивает именно с коллегой. Однако душевный комфорт все равно испытывал.

— Только ты, Макс, кое-чего не учел. У нас с тобой сейчас задание, которое выполнить нужно обязательно. И с максимальной убедительностью. Выиграем — все наше. Батистовые портянки носить будем. Пролетим — не обессудь...

— То есть в каком смысле?

— В элементарном. Промазать нельзя, проколоться, перед начальством лажануться! Тебе эти термины понятны? Я в наш «верископ» верю. Показать, когда и в чем подследственный врет, он может. Только ведь картинки и осциллограммы — это все же вещи субъективные. Мало ли как мы их с тобой интерпретируем. Доказывай потом. Нужна конкретность.

— В смысле? — повторил вопрос Максим и на всякий случай залпом допил стакан.

— Задача-то технически простая. Нужно схемку обратной связи наладить. Чтобы в случае несовпадения вербального ответа с тем, что клиент на самом деле думает, машинка дала ему понять, что так делать нехорошо... Еще короче... — Видя, что Максим его не до конца понимает, Ляхов огрубил задачу: — Надо вывести с выходного порта анализатора пару проводов. Чтобы их можно было подсоединить клиенту в район... ну, пусть солнечного сплетения. Только он это, значит, неправду нам скажет — тут ему и разрядик.

Поначалу слабенький, второй раз — порезче. На третий раз, глядишь, и условный рефлекс выработается. Чтобы не врать, значит. Сам справишься или инженера Генриха тебе подослать? С которым в прошлый раз работали.

— Ага. Вот как? Такая у тебя специализация. Аналитик, значит. Все понятно. Только зачем так ухищряться? Чего же не сразу то же самое, напрямик, резиновой палкой, минуя лишнюю электронику? Смотри на указатели и, как что не так, бей. По голове и по почкам. —

Бубнов подскочил с кушетки, кулаки сжал, будто бы даже зубы оскалил.

Впрочем, последнее Вадиму, конечно же, показалось. Бубнов — парень цивилизованный.

Все-таки вредно идеалистам-интеллигентам пить, даже и хорошее вино. Мысли у них сразу приобретают ненужное направление.

Чего ж тогда вообще лезть в такие дела, если психика не выдерживает? А ведь лезут и, что при этом самое страшное, воображают, что их понимание истины и гуманизма — единственно правильное.

И ты, приятель, вдруг вообразил, после десятка лет государственной службы, что все ж таки ты интеллигент, значит, гуманист, по определению, а мы, прочие, здесь палачи и oprичники! Я вам все научно выверенные данные предоставляю, делайте с ними что хотите, лишь бы я лично не видел, не знал и не догадывался...

Но ничего такого Вадим доктору не сказал. Не время просто. А при случае скажет, разумеется. Когда обратной дороги не будет. Наоборот, он улыбнулся самым располагающим образом, подлил еще по чуть портвейна, выглянул в окно, любуясь пламенеющим небом у края озера.

— Вот именно поэтому, брат, поэтому. Резиновая палка — примитив. Индуктор от полевого телефона штука куда более эффективная. Сила тока у него приличная, напряжение, опять же зависящее исключительно от моей воли и размаха руки. Шомпола, так те вообще...

Паяльником некоторые пользуются. Наши с тобой предки дыбу весьма уважали. Предполагалось, что таким образом полученная информация куда достовернее, чем сообщенная добровольно...

Однако ж века прогресса не прошли даром! Попытки теперь моветон. Хотя, что скрывать, иногда ими по-прежнему злоупотребляют. Так наше изобретение имеет ко-

лоссальное гуманизирующее значение. Просто, чтобы впредь ни у кого соблазнов кости ломать не было, мою идею испробовать стоит.

Мы честно, со всей своей незапятнанной совестью, говорим испытуемому, что все зависит исключительно от него. Наши руки — вот они. Чистые и в белых перчатках. Не ври, ответь на наши вопросы полно и правдиво — и будешь жив и счастлив. Разумеется — в пределах возможного. Совесть — сам и включишь на себя вольт-амперы. Объективность полная. Как пожелаешь, так и сделаешь.

— Сам все это придумал, иезуит? — Ляхов видел, что Максим растерян. Именно, как очень честный человек, не искушенный в демагогии, а заодно и в реалиях жизни тоже. А откуда ему было эти реалии узнать, да не вообще, а на собственной шкуре?

Наверное, события последнего года жизни контузили Вадима сильнее, чем он предполагал, иначе отчего бы нормальное (в гражданско-бытовом плане, разумеется) поведение человека одного с ним круга вызвало вдруг острое раздражение?

А ведь когда-то и Ляхов думал и чувствовал примерно так же, как все еще умел Бубнов.

Но ему просто повезло.

Благополучно оконченная классическая гимназия, два факультета сразу в столичном университете, потом с ходу должность в элитном гвардейском учреждении. Чин, погоны, Москва, чистенький кабинет, абсолютно вегетарианская должность невропатолога в коллективе совершенно здоровых людей.

А ты, парень, хотя и врач, знаешь, как люди (мыслящий тростник) кричат, когда отрываешь с ран трехдневную марлевую повязку? И как при этом пахнет в палатке перевязочного пункта?

А когда таких раненых десять, двадцать?

Есть еще одна жуткая врачебная должность — на

сортировочном пункте. Подвозят с поля боя тех же, гуманитарно выражаясь, людей. На самом деле — раненых бойцов. Которых ты, исходя из ситуации, должен распределить на живых и мертвых.

Синяя марка на грудь или край носилок — эвакуация. С перспективой вылечиться в госпитале или медсанбате.

Красная — значит, отнесут тебя, родимый, под ближайшие кусты, в тень, если повезет, а нет так нет. Поскольку эта бирка предполагает только возможное облегчение страданий тому, кто жив еще, но лечить его уже незачем. Или — хуже того, просто некогда.

— Какой же я иезуит? — взяв себя в руки, с мягкой улыбкой возразил Ляхов. — Да где мне? Я ж не психиатр-невропатолог, я примитивный военный психолог. Просто когда-то рассказик фантастический прочитал, назывался, кажется, «Честность — лучшая политика».

Там злобные пришельцы нечто подобное практиковали. Не позволяли человеку неправду говорить. Поверишь, совсем даже не думал, что придется в аналогичной позиции оказаться. А тут такой почти сюжет сложился. И я с идеями, и ты со своей машинкой. Отчего же не воспроизвести? Идея-то богатая.

— Значит, я виноват? — Максим, лучезарно пьяный, приподнялся, опираясь кулаками о край стола, в полной готовности бороться за правду до последнего патрона.

— Это уж как вам угодно, коллега. Это, получается, вы, интеллектуалы, все, от пороха до иприта, придумали из чистого любопытства, а виноват только тот, кто их по назначению применять будет? Не получится.

Нам сейчас предложено помочь в допросе одного из тех, кто захватывал Пятигорск. Человек сорок они там убили гражданского населения. Юнкеров девятнадцатилетних шестеро погибло в процессе боя. А теперь этот герой освободительной борьбы начнет нам плести

три и более короба. Мы послушаем, поверим, поскольку подходящих для суда фактов, кроме показаний Тарханова, не имеется. И даже показания «верископа» никаких процессуальных последствий иметь не будут. В результате утремся и вернемся к своим гуманно-научным занятиям. А он — к своим. Так?

На самом деле ситуация еще беспросветнее. Поскольку по нашим с тобой данным выяснится, что пленный все-таки врет, другие ребята, простые и бесхитростные, вынуждены будут губить свою бессмертную душу, добываясь истины доступными им способами.

Добьются они объективной правды или той, что им самим желательна, я не знаю. Но у нашего народа есть интересная черта. Как-то он умеет разделять правду, закон и справедливость. Раз Тарханов уверен, что Фарид виноват, — его все равно шлепнут. В виде чисто санитарной меры. Как крыс травят, не задумываясь об их понимании справедливости.

Зато ты останешься чист.

Интеллигенты, мать вашу...

В Академии мне пришлось читать много газет и журналов начала прошлого века. Тогда люди, тоже считавшие себя мозгом и совестью нации, доказывали, что ни в коем случае честный человек не имеет права сотрудничать с властью, что жандармы — исчадия ада по определению и любой, кто кидает бомбы в губернатора или министра, — заведомый герой.

Вроде бы ход истории показал гибельность такой позиции, а вот на тебе, прожили полсотни лет спокойно, и опять эта братия расплодилось. Человеческие права убийц священны, попытка распространить на них их же принципы преступна и аморальна!

Ты меня понял, Макс? Мы же сейчас как раз и способны произвол от справедливости отделить. Убедишься, что Фарид прав, а Тарханов нет, — так и напишем. Пусть гуляет.

И тот господин, что со своими девушками взялся меня убить, зачем он это сделал? Мне, например, очень интересно в этом разобраться.

От тебя, главное, требуется, чтобы процессор не ошибался. Если будет стопроцентная уверенность, что врет клиент, — вот тогда да. В сомнительных случаях пусть «верископ» просто лампочкой помигает или текстом сообщит, в чем проблема, мы тогда сможем вопрос переформулировать или с другого конца зайти...

— А, черт бы вас всех забрал! — выругавшись таким образом, с добавлением затейливого русско-латинского гарнира, Максим тем не менее не вскочил, не выбежал из комнаты, а налил себе еще стакан. — Убедил ты меня или нет, я еще не понял, но деваться и вправду некуда.

Достал из нагрудного кармана смятую пачку с дешевыми сигаретами без фильтра.

— Может — сигару?

— Нет, я только такие курю. Табак чистый, без ферментов и ароматизаторов. И голову лучше прочищает. А Генриха пришли. Он парень умелый, руки хорошие. Теоретических сложностей я не вижу, но чисто конструктивно помозговать придется.

— Немедленно представим в твое распоряжение. Сделать все нужно завтра к утру. Поэтому с вином завязываем. Кофе, душ, и за работу. Допивать будем по готовности прибора. А назовем мы его — «веримейд»¹.

Выйдя в коридор, Ляхов снова удивился: «Неужто достаточно полковничьих погон и года в Академии, чтобы таким вот образом подавлять людей, пусть даже считающихся приятелями?»

Так он вроде его и не подавлял, просто убедил логически...

¹ Делатель истины (лат. + англ.).

★ Позвонил Тарханову и сказал, что Фарида можно готовить к допросу.

— Только ты на первый раз никого больше на этот сеанс не приглашай. Сами пока посмотрим, что получится.

...Пленника, скованного строгими наручниками и с черным глухим колпаком на голове, ввели в комнату два конвоира с пистолетами в расстегнутых кобурах. За ними появился Тарханов и жестом отпустил бойцов. И он, и Ляхов были вооружены, а окна защищали даже на вид прочные решетки. Черт его знает, этого Фарида, вдруг он владеет какими-нибудь сверхспособностями и пустит их в дело в решительный момент.

— Что ж, приступим, — с этими словами полковник, который, впрочем, сейчас был в повседневном кителе с погонами пехотного капитана, сдернул колпак с головы Фарида.

Все равно из окна видны были только кроны старых каштанов, вплотную с этой стороны подступивших к стенам дома.

Максим, несмотря на официальную капитуляцию, демонстрировал свою гордую независимость и непричастность. Он укрылся в смежном кабинете, сплошь уставленном блоками электронной аппаратуры, от которой в комнату, где проводился допрос, тянулись многочисленные шлейфы и кабели.

Террориста усадили в кресло для допросов.

Ляхов, играя роль ассистента, одетый в голубоватый медицинский халат, опустил ему на голову шлем, на запястьях и голенях затянул широкие черные манжеты, в предусмотренных точках тела — остальные датчики. А сам внимательно наблюдал за предварительными реакциями «пациента».

Держался тот подчеркнуто покорно. Выполнял указания и позволял проделывать с собой явно ему непо-

нятные и вряд ли сулящие что-нибудь хорошее манипуляции так, словно находился под воздействием хорошей дозы аминазина.

На показанных ему Тархановым фотографиях Фарид выглядел импозантно, этакий принц из «Тысячи и одной ночи» в современной трактовке, сейчас же в кресле сидел типичный заключенный. Наголо остриженный, без бородки и усов, одетый в застиранное до белизны солдатское «ХБ б/у» без знаков различия и пуговиц. Вместо сапог или ботинок — резиновые шлепанцы.

«Все правильно, сразу ему дали понять, что никакой он не военнопленный и на приличное обращение может не рассчитывать».

Тарханов, занявший место за простым конторским столом по левую руку от кресла, неторопливо разложил перед собой папку с бумагами, обычную чернильную авторучку, коробку папирос, зажигалку. Потом достал из портфеля и водрузил перед собой бутылку минеральной воды и стакан.

— Что, приступим? У вас все готово, фельдшер?

— Так точно, господин капитан, — кивнул Ляхов.

— Тут ведь такое дело, — доверительно сообщил Тарханов, глядя между Вадимом и Фаридом, — вот этот господин, с которым мы познакомились при весьма примечательных обстоятельствах, вдруг вообразил, что оказался в гостях у совершенно круглых дураков. То есть когда мы их там, в Пятигорске, резали, как баранов, или, точнее, как бешеных волков, он так не считал. А тут посидел в теплой камере, штаны просушил и решил, что он нас все-таки умнее. Я правильно ход твоих мыслей излагаю, Фарид-бей?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — впервые разлепил губы пленник. — Почему Фаридом называете. Меня зовут Хасан Али Исраилов. Я к друзьям в гости приехал. Отмечали, как водится, чуть-чуть. Потом ребята повеселиться пригласили. В Пятигорск, в Кисло-

водск съездить. Я и не знал ничего. Потом, когда гостиницу захватили, я испугался. А деваться уже некуда. Потом ваши солдаты пришли. Ударили, руки скрутили. А у меня и оружия не было... — говорил он ровным тихим голосом, с заметным акцентом.

— Вот так, как магнитофон, третий день одно и то же, — расстроено сообщил Тарханов Вадиму. — А когда там разговаривали, в машине вместе ехали — совсем другое говорил.

— Не знаю, кто другое говорил, я все время одно говорю.

— Время тянет, знает ведь, что все мы проверить можем, и отпечатки пальцев уже сняли, и очные ставки с подельниками будут, а поди ж ты... Наверное, очень ему надо хоть сколько-то времени выиграть. А для чего?

Ляхов, подыгрывая, развел руками. Мне, мол, откуда знать?

— В общем, так, Исраилов, не Исраилов — мне одинаково. Мне время тоже дорого, и на все про все у нас с тобой час, от силы два. Ты, как я понимаю, человек образованный и сейчас думаешь, что притащили тебя на банальнейший детектор лжи. Или, по-иностранному выражаясь, полиграф. А тебя, не исключая, обучали, как себя в таком случае вести, и вообще ты у нас такой супермен, что всеми своими реакциями управляешь, как индийский йог. Придется разочаровать.

Тарханов не спеша, вопреки недавним собственным словам, налил в стакан шипящего и брызгающего боржоми, отпил два глотка, закурил.

— А здесь конструкция принципиально иная. Как, вахмистр, вы это формулировали?

— У нас пациент будет дрожать, потеть и гадить под себя не от наших вопросов, а от своих ответов, — с готовностью ответил Ляхов.

— Именно. Очень точно сказано. Короче, Исраилов, здесь дела такие. Я задаю вопрос. Ты на него отве-

чаешь. В нормальном полиграфе после этого нужно смотреть на стрелочки, экранчики, кардиограммы и гадать — правду ты сказал, соврал или честно заблуждаешься. А у нас куда проще.

Ты сам для себя всегда знаешь, где правда, где брехня. А поскольку кроме всяких пакостей в душе у любого, подчеркиваю, любого человека все равно есть так называемая совесть, она тебе самого себя обмануть не позволит. И — накажет. Слышал такое выражение — муки совести?

Исраилов промолчал, сочтя, очевидно, вопрос риторическим, но в глазах его Ляхов уловил некую тень смятения. Слишком непонятным был затеянный следователем разговор, а особенно — его тон.

Если этот человек действительно не рядовой боевик, а командир или представитель чужих спецслужб, интуиция у него должна быть.

Тарханов огляделся. Увидел в углу большой радиоприемник со встроенными проигрывателем и магнитофоном.

— Слышь, фельдшер, а у тебя тут есть хорошая музыка, пока клиент размышляет?

— Чего бы вы пожелали, капитан?

— Знаешь, может быть, Мендельсона? Как?

— Сделаем. А поконкретнее, ваше высокоблагородие?

Ляхов и не подозревал в товарище таких утонченных вкусов. Мендельсон — это же вам не Чайковский, не Моцарт даже. Однако ведь, кто может знать.

— Если возможно, хотелось бы «Аллегро виваче» из четвертой симфонии... А пациенту дай пока папироску, пусть покурит напоследок.

«Ну, блин, ты даешь, командир, — усмехнулся Вадим, — специально, что ли, готовился? А может, и специально, — подумал он, — в целях создания нужного впечатления».

А точнее всего, ничего тут странного не было. Чем еще заниматься неглупому человеку в армии, если не пить по вечерам водку и не играть до посинения в преферанс по гривеннику вист? В библиотеку офицерского собрания ходить, музыку слушать.

Сам Ляхов, помнится, в первую офицерскую зиму, сидя перед дровяной печкой в своем медпункте, прочел два огромных тома «Мейерхольд в воспоминаниях современников». Потом помогало в интеллигентских кругах блистать эрудицией.

Тарханов с задумчивой улыбкой ценителя прослушал несколько начальных пассажей, потом погрузился. Мол, прекрасно все это, а тут работать надо.

— Итак, Фарид-бек, вот тебе конкретный пример и доказательство, если хочешь говорить как белый человек...

Бандит напрягся.

— Тебя зовут Хасан Али Исраилов?

— Да, я сказал.

И Тарханов произвольно подтянулся. Слишком много надежд он возлагал на эту технику. А если не работает?

Сработало.

Лицо Исраилова изобразило искреннее недоумение. Наверное, ощутил он неприятное, но пока — не более, ощущение где-то в районе желчного пузыря.

Однако сомнение в нем уже было посеяно. Вдруг не соврал непонятный капитан?

— Хорошо, значит, Исраилов, — кивнул Тарханов. — А зовут как? Хасан Али?

— Да... — после короткой паузы ответил тот.

И мгновенно достало его покрепче. Примерно как первый приступ печеночной колики. Лицо побелело, на лбу выступил пот, если б руки были свободны, он наверняка прижал бы их к животу. А так он просто сдавленно застонал, прикусил нижнюю губу.

Тарханов глубоко затынулся и медленно выпустил дым в сторону кресла.

— Третий раз будем пробовать?

Наверное, отчаянному воину джихада захотелось убедиться окончательно. Или курс подготовки в какой-нибудь турецкой или персидской разведшколе требовал от него беззаветной стойкости.

Ляхов заглянул в каморку к Максиму.

— Сердце у него как, выдержит?

— Сердце выдержит, здоровье лошадиное. Хоть в космонавты.

— Вот и ладненько. Спрашивайте дальше, капитан.

Тарханов спросил.

И вот тут получилось совсем уже не эстетично.

Фарида сгубало, крутило и трясло. Из углов рта потекла слюна и кровь от прикушенного языка. Натуральный эпилептический припадок. Вадиму пришлось совать ему под нос вату с нашатырем, хлестать по щекам и подумать о том, что не пора ли колоть что-то вроде промедола.

Однако пациент постепенно оклемался. Пусть и выглядел совсем не лучшим образом.

Тарханов достал из необъятного портфеля бутылку коньяка. Сунул горлышко между крепкими белыми зубами, резко запрокинул вместе с головой.

— Живой, сволочь? Но это уже последний раз. Следующий — сдохнешь.

Граммов полтораэта сглотнул испытуемый, словно младенец, не желающий отпустить соску, потом долго кашлял, плевался, вздыхал и постанывал.

Вид у него стал именно такой, как в русской поговорке. Насчет каких в гроб кладут.

— Что, что это было? — про акцент он по случайности забыл.

— Голос твоей совести, кретин, я же предупредил. Врать — плохо. От этого бывает больно. Только у иных

побаливает душа, а у тебя — тело, потроха. Не знаю, мусульманин ты или очередной полковник Лоуренс, но с русскими связываться вам слабо.

Новую папиросу зажег Тарханов, вторую протянул Ляхову.

И молча, не спеша они курили, давая время пленнику принять окончательное решение.

— Одним словом, так. Четвертый и следующий раз мы будем держать тебя на капельнице, на кардиостимуляторах, и спрашивать, спрашивать...

— Не надо...

— Ответишь?

— Отвечу. Все скажу. Но это — отключите. Нет, нет, врать я больше не буду, но... может, не так сформирую, или мало ли...

— Слава тебе, господи. Доперло. Кстати, командир, имей в виду, еще разок — и у тебя выработается абсолютный рефлекс. Никогда в жизни в самой малости соврать не сможешь. Представь, хоть в тюрьме, хоть на воле — одно слово не так, и начнется... — Тарханов откровенно веселился. Его-то стресс тоже требовал выхода.

— Нет, не надо, прошу, и так все скажу...

— Скажешь, куда ж ты теперь денешься. Сейчас я тебя передам настоящему следователю. Работайте, желаю приятного времяпрепровождения.

Перед тем как вплотную заняться Герасимовым и его девушками, решили сделать перерыв. Спешить теперь некуда, испытания прибора, сулящего полный переворот в юриспруденции, прошел с полным успехом.

Да и отметить успех обычай требовал.

Максима с Генрихом они отправили в город, снабдив соответствующей суммой. Доктор, по-прежнему терзаемый комплексами, желал гасить их отнюдь не в этой компании, имелась у него в Москве и своя, гордых и не

слишком состоятельных интеллигентов, для которых шальная тысяча рублей казалась немислимой суммой.

Вот и пусть там гуляют привычным образом.

Вадима Тарханов пригласил в небольшой домик, похожий на караулку, расположенный наискось от коттеджа Бубнова. Из окон были хорошо видны все подходы к объекту.

— Теперь только еще один пункт в инструкцию для следователей следует внести, — вслух размышлял по дороге Ляхов, который в Академии среди прочего изучал и основы права. Не только международного, потребного дипломатам, но и гражданского, и уголовного тоже.

— Хотя признание подследственного остается «царицей доказательств», суд, особенно присяжных, предпочитает иметь и более объективные критерии. Так что придется у клиентов просить, чтобы они сами и всю доказательную базу на себя же подбирали. Не так уж трудно будет, думаю, уговорить их вспомнить, где отпечатки пальчиков могли оставить, какие документы наилучшим способом их уличают... Ну и так далее.

— Не проблема, — ответил Тарханов. — Но в данное время лично нам это не нужно, на суд я Фарида в обозримом будущем выводить не собираюсь, он нам в другом качестве понадобится.

Стол в караулке был накрыт со странной в их нынешнем положении эстетикой. Грубо разделанная селедка семужьего посла, кастрюлька с варенной в мундире картошкой, тарелка с косо нарезанными кусками ржаного хлеба, бутылка простецкой водки, рюмки. И все. Даже в Палестине им случалось сиживать за куда более богатым столом.

— И как это понимать? — весело поинтересовался Ляхов, сбрасывая на застеленную солдатским одеялом железную койку в углу штатский пиджак, за ним нажавший шею галстук. Подвинул грубую крашеную та-

буретку, с иронической усмешкой повертел в пальцах стограммовый граненый стаканчик. Ну, наливай, мол, раз так. Начал чистить обжигающую пальцы картошку. — Вечер в духе ностальжи? Принимается. А чего Татьяну свою не позвал? Она же тут, поблизости? Ну и посидели бы все вместе, по случаю успеха, а равно и в целях углубления знакомства. Мне она понравилась, не скрою. Очень приятная девушка. Совсем не чета нашим, здешним. Ты на ней жениться собрался или как?

— Ты что, с Максимом уже успел вмазать, пока я выходил? — неожиданно мрачным тоном осведомился Тарханов.

— Да, а что? Совершенно по чуть-чуть. По-докторски, медицинского неразведенного. Ровно для приличия. Неудобно же — хватай, братец, свои деньги, и катись! Не извозчик, чай. А ты что, меня когда-нибудь пьяным видел? — ощутил себя вдруг обиженным Вадим.

— Да вот сейчас и вижу. Был бы трезвый — перемолчал бы.

— Ну-ну. Что-то ты строгий, как я погляжу. — Ляхов совершенно не чувствовал себя пьяным, но доказывать это — как раз и значит поддаться на провокацию.

— Хорошо, оставим. У меня к тебе, во-первых, просьба: никогда и никаким образом ни ты, ни твоя Майя не коснитесь моих отношений с Владой...

— Да ты чего, старик, или мы совсем того? Уж о таких вещах капитана Ляхова предупреждать не нужно. Смешно даже как-то...

— Ладно, проехали. А второе — весь этот стол и антураж предназначен для не менее серьезного разговора.

Вот тут Ляхов напрягся. Что в устах Сергей может означать понятие — серьезный разговор? Сражение в ущельях Маалума он, помнится, таким уж серьезным делом не считал. Хотя и обломилось оно им, с одной стороны, орденами и званиями, с другой — неопреде-

ленной опасностью на порядочный кусок дальнейшей жизни.

— Готов! Излагай, компаньеро!

Свою стопку водки он махнул лихо и с полным удовольствием, поскольку после спирта начал уже испытывать обычную сухость во рту и желание либо переключиться на минеральную воду, или уж продолжать по полной программе.

Как говорил майор артиллерии Лев Сергеевич Пушкин, младший брат великого поэта, «пить следует начинать с утра и более уже ни на что не отвлекаться!».

— Излагаю. Только отнесись к моим словам серьезно, если можно.

И коротко пересказал ему то, как объяснил Маштаков суть прибора, именуемого «Гнев Аллаха». Однако основное внимание Сергей уделил тому, что случилось в краткий миг, когда профессор вдруг протянул руку к тумблеру на панели неизвестного устройства у себя в подвале.

— ...Вот я и говорю, не знаю, понятно ли тебе, это как если полдня ездил в танке и смотрел через триплексы, а потом вдруг откинул люк и высунулся по пояс наружу. И воздух чистейший, и видишь все вокруг, будто заново родился... Так и там.

Ляхов в танках и бронетранспортерах ездил и помнил, какой там образуется воздух даже без стрельбы из штатного оружия, а просто за счет подсачивающегося выхлопа и процесса жизнедеятельности экипажа. Слегка даже удивился умению Тарханова образно излагать свои мысли и ощущения.

— ...Палатки стоят, зеленые, типа наших армейских УСБ, передняя линейка, песком посыпанная и белыми камешками обозначенная. Мачта с поднятым красным флагом. Травка довольно высокая, свежая, между палатками и дорожками. Вдалеке фанерная веранда, шифером накрытая, похоже, будто столовая. А главное —

удивительно отчетливое ощущение, будто был я здесь. Пойду, скажем, к той же столовой и непременно узнаю место, за которым сидел, даже и запахи тогдашних обедов вспомню.

— Но не пошел?

— Нет, не пошел. Испугался.

— Чего?

— Знать бы! Наверное — того, что если пойду, так уже и не вернусь. Но самое главное даже и не это. Возле штабной палатки, как я ее определил, то есть самой большой и разбитой несколько на отшибе от прочих, увидел я стенд:

«Пионеры Ставрополя приветствуют XVI съезд ВЛКСМ!»

— И чем же именно он тебя поразил?

— Вот тем самым! Из шести слов — четыре абсолютно непонятных, — с некоторой даже злостью в голосе ответил Тарханов и выпил рюмку, быстро закусил ломтем селедки. — И в то же время я совершенно уверен был, что я тут уже был и это все должен на самом деле помнить, в том числе и значение этой надписи... И что такое «ВЛКСМ», и остальное тоже. А не помню...

Знаешь, что мне Маштаков сказал? Что это шаг вправо, шаг влево от нашего времени. Боковое смещение. Он мне это так объяснил...

Тарханов, как мог, пересказал Вадиму смысл слов профессора, услышанных в автобусе.

— Хорошо, интересно. Мы его тоже слушаем. Интересно, как он это мне объяснит! — Ляхов отчего-то был совершенно уверен, что уж он-то сумеет поговорить с профессором Маштаковым на несколько ином семантическом уровне.

Однако рассказанное Тархановым его весьма заинтриговало. Именно потому, что и до этого определенные подозрения по поводу случившегося с ними после боя в ущелье он испытывал. Насчет внезапно прорезав-

шегося ясновидения, хотя и неуправляемого, но момента весьма точного, насчет везения, и раньше присущего ему, а тут вдруг ставшего прямо-таки навязчивым. И вообще...

Сейчас вот тоже интересная мысль пришла ему в голову.

— А вот на такую штуку не обратил ты внимания? Ну, стенд ты увидел. А стенд — он что? Вверху заголовок. Но это же только самые крупные буквы. А под ними?

Ляхову показалось, что он нащупал нечто важное, сам еще не понимая, что именно. Но мысль была отчетливая, хотя и незаконченная.

— Нет, — Тарханов почувствовал себя озадаченным. Действительно, прочитав заголовок, естественно было бы обратить внимание и на прочее.

— Не помню.

— Но ты же это видел! Раз видел, должен был запомнить. Человек ничего не забывает. Любая поступившая информация остается навсегда. Ну, попробайся...

— Нет, ничего. Ну совершенно... — Тарханов действительно не мог вспомнить ничего сверх того, что уже сказал. Однако вызванная словами Вадима заноза шевелилась. Ведь и вправду. Было же под теми большими буквами что-то еще. Формат стенда, какие-то трапециевидные щиты несколько ниже заголовка.

— О! — воскликнул Ляхов. — Мы вот что сейчас сделаем. Пойдем...

— Куда?

— Обратно. Сейчас мы слегка оживим твою память. Я уже научился управляться с Максовыми приборами. Включим и посмотрим...

Тарханов позволил надеть на себя шлем с некоторой опаскою. Черт его знает, что от этих вещей можно ждать. Слишком уж неприятно было-смотреть на бывшего Фарида, как его ломало и крутило судорогами правды.

Но совершенно неожиданно он ощутил, когда Вадим защелкал тумблерами, тепло в голове и странное умиротворение. Скорее даже радость. Простую такую, легкую...

Все жизненные и служебные проблемы кончились, осталось только незамутненное детское счастье.

Как в том самом пионерском лагере, куда его привез отец на кофейного цвета «Победе» и оставил перед этими самыми палатками.

Из алюминиевого громкоговорителя-колокольчика неслись звуки каких-то бодрых и веселых песен, по территории броуновски перемещались десятки пацанов и девчонок в красных галстуках, зеленых шортах и белых рубашках, под грибком стоял часовой, парнишка лет пятнадцати, с малокалиберной «тозовкой» у ноги.

А стенд...

Тут же он увидел и стенд. Тот самый, с той же самой надписью поверху.

А ниже... Ниже, слева направо шли планшеты:

«Моральный кодекс строителя коммунизма».

«Ордена комсомола».

«Члены Политбюро ЦК КПСС».

«Заветы юных ленинцев».

«Распорядок дня пионерлагеря «Нефтяник».

Кое-что из этого Тарханов успел прочесть, кое-что просто вспомнил.

И выскочил на поверхность своей нынешней, взрослой, непонятно откуда возникшей личности.

Не было в его биографии ничего подобного. И отца с собственной «Победой» не было, и в свои двенадцать лет он уже учился в кадетском корпусе, на лето выезжал совсем в другие лагеря.

Однако ощущение полной реальности и той жизни пока еще сохранялось. Он схватил карандаш и быстро, пока не выветрилось из памяти, изобразил на обороте с

папкой чьей-то истории болезни все, что только что видел.

— Так, получилось, значит, — задумчиво сказал Ляхов, рассматривая набросок. — И что же мы здесь имеем? «Моральный кодекс строителя коммунизма». Коммунизм — это нам понятно. Именно ради него большевики и затеяли свой переворот и Гражданскую войну. У нас — проиграли. Там, очевидно, нет.

«Ордена комсомола». Что такое комсомол — не знаю. Раз с маленькой буквы, значит, не человек, а какая-то организация, партия или в этом роде. Ордена какие? Не наши, очевидно, таких круглых у нас не было. Что тут под ними за даты? 1928, 1931, 1945, 1948, 1956, 1968... Мне они ничего не говорят, но, наверное, какие-то ключевые события именно в эти годы происходили, важные для всей страны и именно этого вот «комсомола».

«Члены Политбюро». Так у большевиков назывался высший руководящий орган их партии. «ЦК» — это Центральный комитет.

Историю в своей Академии Ляхов учил хорошо, смутно знакомые Тарханову термины у него прямо от зубов отскакивали.

— Только ведь партия их называлась «РКП». А здесь «КПСС». Или переименовали в твоей реальности, или власть в очередной раз поменялась. От тех к этим. Хотя «КП» присутствует и там, и там. Значит, скорее переименовали. А что такое может значить «СС»? Впрочем, сейчас это несущественно.

Зато «Заветы» дают нам полное право считать, что все у большевиков получилось и ихний вождь остался вождем и кумиром, раз даже детей так обзывают.

С «пионерлагерем» тоже никаких сомнений. На романтику господ большевиков потянуло. Фенимора Купера в детстве читались. «Вождь красножопых», «Пионеры» и так далее. Лагерь, где отдыхают и готовятся к

★
грядущим боям подрастающие большевички. И флаг на мачте красный, как ты отметил...

— И что в итоге все это должно означать? — Тарханов, избавившись от шлема, налил по третьей и в очередной раз закурил.

— Вы будете смеяться, Сережа, — сообщил Ляхов с интонациями персонажа одесского анекдота, — но вы побывали в мире, где большевистская революция победила, где они строят (но отчего-то за семьдесят примерно лет почему-то так и не построили) свой пресловутый коммунизм и в котором мире ты, наверное, жил. А возможно, и я тоже. Потом мы с тобой каким-то странным образом перескочили в этот мир, где и живем с самого рождения, что особенно интересно.

— Но это же бред? — с надеждой спросил Сергей.

— Отчего же? — Ляхов испытывал удивительное спокойствие. Его самого данная коллизия словно бы и не взволновала, и не удивила. Разве что как исключительно интеллектуальная загадка. «А чего, собственно, волноваться? — слышал он как бы совершенно посторонний внутренний голос. — Мало ли подобных теорий приходилось читать и раньше. Идея о загробном мире чем лучше? Или, допустим, метемпсихоз, сиречь — переселение душ».

Ляхов, как уже упоминалось, был человеком, в обычном понимании совершенно неверующим, атеистом, проще говоря, верил единственно в судьбу, рок, фатум. Однако готов был допустить, что адепты каких угодно религий тоже по-своему правы.

Общался он одно время с военным священником, тоже парнем в обычном смысле неверующим и довольно-таки циничным. Врачи и попы в этом деле нередко сходятся. Так вот тот протоиерей любил говорить, подвыпив: «Я служу не богу, который то ли есть, то ли нет. Я служу идее бога, ради которой люди две тысячи лет совершают как внушающие уважение подвиги, так и

непередаваемые гнусности. И я считаю, что пусть бремя данного служения несут люди вроде меня, чуждые фанатизма, способные не увлекаться, не обольщаться, не грозить карами небесными, но понимать...

Тоже позиция.

А сейчас Вадим вдруг подумал, а что, если на самом деле они с Тархановым в том бою все-таки погибли. Как и вытекает из нормальной логики и теории вероятностей. Погибли, и все. Нет тех парней больше. Те же, кто по-прежнему считают себя Тархановым и Ляховым, — совершенно другие люди. По какой-то странной случайности носящие те же имена.

Или — даже не носящие их. Просто они забыли, как назывались в прошлой жизни.

Конечно, все это имеет смысл только в том случае, если вообще существует какая-то иная реальность.

А она ведь существует. Тарханов по всем параметрам психически совершенно нормальный человек, отнюдь не шизофреник. И тот Маштаков, с которым он пока не знаком, наверное, тоже. Гипоманьяк — скорее всего, но не шизофреник.

И то, что сейчас Сергей ему изобразил, придумать он просто не мог. Будь он даже столь же натаскан в истории, как сам Ляхов. Очень трудно обычному человеку с нуля изобрести новую реальность, не основанную на уже известных фактах и принципах.

То же «КПСС», к примеру. Вообразить победу большевиков не слишком трудно, а вот почему не оставить знакомое «РКП»?

«Пионеры», опять же. Почему не «скауты»?

Совершенно новую форму орденов с лету выдумал. Привязал к ним совершенно произвольные, но наверняка что-то обозначающие даты.

В общем, все это явно за пределами способностей, а главное — направленности личности полковника Тар-

★ ханова. Иначе бы он не в егерях служил, а фантастические романы писал.

— Знаешь, Сережа, есть у Джека Лондона отличная книжка: «Смирительная рубашка» называется, а в другом переводе — «Межзвездный скиталец». Там один парень, сидя в тюрьме, нашел способ совмещаться со своими же прошлыми воплощениями и за несколько дней проживать целые жизни, в режиме реального времени и со всеми подробностями. Все очень убедительно. Можем к себе примерить.

А как врач и реалист, я бы предпочел посоветовать нам обоим наплевать и забыть всю эту ерунду. Ну, бывает такое. Последствия контузии, сильное нервное перевозбуждение, плохо очищенная водка, гипнотическое воздействие странной личности господина Маштакова. В итоге — довольно яркая галлюцинация. Ну и что? Пожуй грибов рода псилоцибе — не то еще увидишь.

Однако, — заметив протестующий жест друга, сообщил Вадим, — как будущий дипломат и разведчик-аналитик, я такого не скажу. Поскольку почти убежден — радио здесь непременно присутствует. Не такие мы с тобой люди, чтобы галлюцинировать по пустякам. Если помнишь — я тебе до всякого Маштакова говорил, что дела с нами творятся странные. Ты всего лишь слегка прояснил ситуацию.

— Ну а дальше-то что? — спросил рационалист Тарханов. Для него каждое явление окружающего мира, понятное или не очень, непременно должно было претворяться в ясную интеллектуальную или мышечную реакцию.

— Пока — ничего. Вернее, сейчас вот твою бутылку допьем, — у меня, кстати, в холодильнике другая есть, — потремся в свое удовольствие, к девочкам съездить можем. А когда ты дашь мне возможность с господином Маштаковым поговорить профессионально, вот тогда и до выводов, даст бог, доберемся.

ГЛАВА
ДЕВЯТАЯ

Генерал Чекменев принимал Тарханова в своем новом кремлевском кабинете, на втором этаже здания Арсенала, куда переселился только три дня назад.

Великий князь вдруг решил, что начальника контрразведки лучше всегда иметь под рукой, а заодно и не привлекать лишнего внимания к их достаточно частым встречам.

Олег Константинович был вполне в курсе того повышенного интереса, что с некоторых пор начало проявлять к нему Петроградское правительство и державное Министерство госбезопасности. Ежедневные проезды автомобиля Чекменева через Спасские ворота, безусловно, не останутся незамеченными и послужат дополнительной пищей для превратных мыслей недоброжелателей.

А так он может заходить к князю по вызову, всего лишь перейдя замощенную брусчаткой площадь, окруженную вековыми голубыми елями.

Наскоро отремонтированные помещения пообветшавшего за последние десятилетия корпуса произвели на Тарханова двойственное впечатление. С одной стороны, пятиметровой высоты сводчатые коридоры, гулкие мозаичные плиты полов, глубокие амбразуры дверей и окон, тяжелые темные шторы создавали ощущение надежности и некоего имперского величия, но в то же время угнетали.

Не то государственное присутственное место, не то казематы приказа Тайных дел.

Мебель тоже не заменялась с доисторических времен, и Чекменев сидел за необъятным столом в слоновом подобном кожаном кресле. Уличный свет сочился через выходящие на север три окна в мизерных количествах,

и на столе горела лампа на мраморной подставке под зеленым абажуром.

Тарханов вошел к начальнику согласно Уставу, печатая шаг, доложил, как положено. Раз прибыл в Кремль, был одет в строевую форму, только что без шашки у бедра. Последнее время такие вольности дозволялись.

— Что, проникся? — с обычной своей полуулыбкой спросил Чекменев, вставая навстречу полковнику и делая три шага навстречу. — Это я специально велел по всем запасникам собрать, чтобы, значит, соответствовать. Современные столы и стулья здесь совершенно не смотрятся. Да и вообще, люблю я такое этакое... Аромат ушедших веков, так сказать.

— Проникся, — кивнул Тарханов, аккуратно повесил на крючок фуражку. — Пытошные подвалы тоже имеются?

— Вот я как раз на эту тему, — резко свернул шуточный разговор Чекменев. — Что там у вас с допросом твоего чеченца получилось?

— Он не чеченец. Турком оказался, вполне цивилизованный господин, зовут его действительно Фарид, фамилия — Карабекир, военную академию в Стамбуле закончил, потом в Киевском университете учился, по гражданской, конечно, линии, в целях овладения языком и ассимиляции. Чин майора имел, пока в отставку не вышел и более интересными делами не занялся.

А допрос — это, я тебе скажу! Впечатляет.

Ляхов с доктором серьезную штуку придумали. Теперь в принципе любого фанатика расколоть можно без труда и затрат нервной энергии. Никакого «спецобращения», никакой химии...

Он вкратце передал Чекменеву суть новой методики:

— Понимаешь, молчать никто не может, признается бегом и с радостью, поскольку даже мысль о том, чтобы

соврать или скрыть что-то, вызывает мучения не только физические, но и нравственные...

— Ну-ну, — ответил Чекменев с долей сомнения.

— Не веришь, можешь на себе проверить. Я — проверял. Крайне неприятные ощущения.

— Поглядим, — без энтузиазма ответил генерал. — И что же он сообщил? По сути.

— Распечатка с магнитофона будет к вечеру. Много материала плюс карты и схемы. Если я что-то упустил, просто не сообразил, о чем еще спросить, — всегда можно дополнить. Господин Карабекир теперь удивительно благостный стал. Вроде как уверовал. Турки, они насчет религии не очень, а этот... Молится пять раз в день и при любом намеке на «кресло» выдает то, о чем нам спросить и в голову не пришло бы. Но с креслом все-таки надежнее.

А на словах, если вкратце, — мы в своих расчетах не ошиблись. На изъятие Маштакова с лабораторией они среагировали оперативно. Только я думал, что у них в Пятигорске от силы взвод боевиков отсиживается, а они два батальона в распыл бросили.

Пока я Фарида сюда вез, в Пятигорске местные ребята без всякой техники сумели с пленными поговорить по-свойски. Они ж там злые были, не передашь. Уже на следующий день силами военного училища и территориалов в Хасауте базу разгромили, на плато Бичисын.

Так что в ближних окрестностях порядок навели. Трофеи неплохие взяли.

Я же, признаюсь, тоже просчитался. Думал, в Пятигорске за Маштаковым серьезные люди присматривают, поаккуратнее сработают. Через агентуру станут к местным гэбэшникам подходы искать, в крайнем случае захватят кого-нибудь из начальства, за нами погоню организуют, если сообразят, у них ведь даже верто-

летья были. К этому я тоже готов был, а вот что настоящую войсковую операцию затеют — не предполагал.

У них в районе Хасаута — целая база примерно батальонного уровня. Там аул еще с Гражданской войны заброшенный, все жители в Турцию эмигрировали, а дома каменные стоят, и рядом, в горах, натуральный пещерный город.

— База — зачем? — уточнил Чекменев.

— На случай большой войны с неверными. Это в пропагандистском плане, конечно, а вообще — обычное бандитское гнездо. Награбленное прячут, после дел отсиживаются, заводик по производству анаши имеется, похоже, даже деньги печатают.

— Понятно. А с нашим делом — какая связь?

— Самая прямая. База готовилась давно и для другого, но тут очень к месту прилась. В Турции один очень серьезный человек в Маштакове и его «Гнев» весьма заинтересован. Он его и финансировал, и под контролем держал. По старым делам слышать не приходилось — господин Ибрагим Катранджи?

— Знаю такого. Но он, насколько я в курсе, совсем в другой области интересы имеет, — удивился Чекменев. — Однако при масштабах его «империи» ничего исключать нельзя. Дальше.

— По словам Фарида, этот Катранджи вложил в нашего профессора чертову уйму средств. Якобы надеялся, применив «Гнев Аллаха», свои феодальные владения в Палестине вернуть. Это вообще отдельный разговор. Вся пятидневная война, похоже, затеяна была только для того, чтобы Ибрагиму дорогу перебежать. У арабов с турками и курдами свои счеты.

Вот для присмотра за Маштаковым он и направил сюда полсотни своих людей во главе с нашим Фаридом. Кстати, — вспомнил Тарханов, — он в Петрограде торговой фирмой владеет. Под фамилией Насибов. Там тоже можно его связи отследить...

— Не наша работа, — перебил Сергея Чекменев. — Не отвлекайся.

— Информацию о нашей акции Фарид получил через пятнадцать минут после ее завершения. Тут я промазал, — самокритично признал Тарханов, — два их поста наблюдения расшифровал и обезвредил, но что-то упустил. Но они все равно не успели. Наша схема прикрытия сработала четко.

Так вот, поднял он своих орлов по тревоге, заодно прихватил местных, которые в тот момент в лагере оказались. И вперед. За час доехали, за второй — город блокировали, начальника УГБ захватили, выяснили, что «объект» туда не поступал и местные контрики понятия не имеют, что почем.

Догонять неизвестно кого и неизвестно в каком направлении Фарид не счёл разумным, предпочел провести акцию устрашения. Захватить гостиницу «Бристоль» и предъявить властям ультиматум. Четыреста постояльцев в обмен на Маштакова и прибор.

— И ты им второй раз игру поломал...

— Не только я. Тюрьму и полицию с разбегу взять он не сумел, вот и пришлось Фариду больше половины своих войск еще и на их блокаду выделить. И темп потерял. Но все ж таки в основном я, — не стал скромничать Тарханов. — А если совсем точно, то не второй, а четвертый, нью-йоркские события учитывая, а захват Маштакова и бой в гостинице за два эпизода считая.

— Не многовато ли для одного человека, как полагаешь? С теорией вероятности мало согласуется.

— Как судить. На войне теория вероятности для конкретного человека не слишком много значит. В массовом масштабе — другое дело. Там, в Израиле, действительно маловероятная случайность произошла, а дальше, если уж я стал этим делом профессионально заниматься, так просто логика событий.

Мог, конечно, сам на КМВ не поехать, все Кедрову

★ доверить, но, как куратор, принял именно такое решение. То же и в гостинице. Мог уклониться, но не стал. Так что тут скорее закономерность, чем случай...

— Ладно, убедил, — решил не вдаваться в философские тонкости Чекменев. — И много еще на Кавказе таких баз и лагерей?

— Думаю, достаточно. Подробно мы об этом пока не говорили, но можно понять, что не один и не два... Суммарно не меньше чем на дивизию потянет.

— Вот मुदाки, — выругался Чекменев, имея в виду контрразведчиков и военных начальников Кавказского округа и всех российских спецслужб сразу. — Чем они там вообще занимаются? Проморгали, ну пусть теперь сами и расхлебывают. Я им помогать не намерен.

Правительственные органы очень ревниво относились к ведомствам, подчиненным Великому князю, и изo всех сил добивались того, чтобы их влияние не выходило за пределы Москвы и Московского военного округа.

То, что происходило между ними, нельзя даже называть соперничеством между равновеликими структурами, борющимися за авторитет и влияние на одном и том же поле. Фактически ведь разведуправление, которым руководил Чекменев, являлось обычной штатной структурой армейского уровня, и то, что оно незаметно превратилось в подобие полноценного Министерства госбезопасности, де-юре нарушало и Конституцию, и другие писанные и неписанные соглашения и традиции.

Разумеется, это вызывало в Петрограде нескрываемое раздражение и соответствующие реакции.

Тарханов уже сталкивался с моментами, когда государственная контрразведка охотилась на спецназовцев князя с не меньшим азартом, чем на настоящих преступников, стоило им только засветиться на «чужой» территории.

Соответственно, и отдел спецопераций, которым

уже две недели руководил Тарханов, и «печенег», составляющие его ударную силу, отвечали коллегам тем же.

Вот почему, собственно, Сергей так стремительно убыл из Пятигорска, прихватив с собой пленника. В противном случае он вполне мог оказаться на положении подозреваемого, а то и обвиняемого. В чем угодно — в незаконном ношении оружия, а главное — его применении, в самоуправстве, да хоть бандитизме, наконец, если подвести под это определение акцию по захвату и вывозу в Москву профессора Маштакова.

А из второй столицы, как в свое время с Дона, — «выдачи нет».

— Хорошо, тут мы их сделали. Теперь — дальше, — выпустив пар, сказал Чекменев. — Мне вчера Розенцвейг насчет вашей беседы с «Кулибиным» излагал, принципов действия «Гнева» и еще какого-то эпизода с тобой лично. Я не все понял.

Что Розенцвейг мог своему старому приятелю и коллеге сюжет и фабулу оперативного мероприятия изложить так, чтобы тот не понял, Сергей не поверил. А если бы даже такое паче чаяния случилось, то Чекменев заставил бы его десять раз повторять, пока не вник бы в суть вопроса.

Значит, опять желает выслушать иную трактовку и составить собственное мнение.

Что ж, можно, скрывать ему нечего, только сам он, наверное, из рассуждений Маштакова понял как бы не меньше, чем израильский разведчик.

У того и жизненного опыта на десять с лишним лет побольше, и образование инженерное или физическое имеется, раз именно ему историей с «Гневом Аллаха» заниматься поручили.

Вадим, тот сразу начал конструировать какие-то свои гипотезы, вон, догадался, как углубить и расширить его воспоминания о визите в другой мир, самому же Тарха-

нову все это казалось если не ерундой, то такой же трудно постигаемой вещью, как, скажем, математический анализ или, прости господи, топология.

Он как-то пролистал подобную книжку. Четыре страницы букв, цифр и символов, потом одна-единственная доступная фраза: «Из чего с очевидностью следует...».

Ага, с очевидностью!

Сергей пересказал Чекменеву все, что запомнил и понял, но от собственных трактовок воздержался.

Счел нужным только добавить, что, по мнению Ляхова, мир, в котором он оказался, расположен где-то после 1968 года, поскольку последний «орден комсомола» датирован именно этим годом и связан, очевидно, с пятидесятилетием успешного, в том варианте, большевистского переворота.

— Допустим, допустим, — хмыкнул Чекменев. — Интересно бы было посмотреть. Вдруг да удастся и из этого какую ни есть пользу извлечь. Ладно, побеседуем еще и с профессором, и с твоим приятелем. Не ошиблись мы с ним, в очередной раз убеждаюсь.

— Да уж. Они там не только машинку для допросов изобрели, там и еще что-то намечается...

— В плане прокурорской дочки?

— Дочка и сам папаша — другая статья. Хотя Вадим их уже практически перевербовал.

Они с доктором еще одну штуку дорабатывают. Я так понимаю, для составления психологической карты личности. Якобы может заменить отдел внутренней безопасности и управление кадров в одном лице.

— Вот что делается. Сплошные Кулибины, куда ни плюнь. Так, может, нам Ляхова к себе взять? Должность ему придумаем...

Сергею неосведомленность Чекменева в сути открытий и изобретений Бубнова и Ляхова показалась несколько утрированной. Если уж он распорядился пере-

вести лабораторию Максима на остров, значит, вник и оценил.

Что же касается их разговора в автобусе с Маштаковым, Тарханов был уверен, что Розенцвейг вел его магнитофонную запись. Не такой Григорий Львович человек, чтобы полагаться исключительно на память.

Касательно же вопроса о дальнейшей судьбе Ляхова он ответил категорически:

— Не считаю полезным. Пусть учится дальше. Там от него толку больше будет, особенно исходя из его нынешних знакомств. А нештатно мы с ним и так работаем.

— Тебе виднее. Я его как раз к твоему отделу думал прикрепить. А ты на глазах растешь, капитан. Без всякой Академии дипломатом становишься.

Тарханов не стал в ответ называть его подполковником, хотя их приятельские вне службы отношения такое допускали и в первый момент очень захотелось. Но — вовремя одумался. Что толку? Лучше уж так, кивнуть, принять за обычное панибратство. Или шутку старшего товарища.

Потом же видно будет, «кто кого распнет», как писал в набросках к так и не написанному роману некий Илья Файнзильберг.

— Не забудь, полная распечатка допроса потребуются мне через два часа максимум, — свернул Чекменев аудиенцию. — Князю буду докладывать. Поторопи своих ребят. А на будущее — твой кабинет — напротив моего. Пойди посмотри, что там делают. Есть вопросы или предложения — не стесняйся. ХОЗУ оформит в лучшем виде. Сейчас мы на коне!

Тарханов посмотрел предназначенное ему обиталище. Поменьше, конечно, чем у Чекменева, но тоже метров в тридцать квадратных. Окна всего два, но выходят они прямо на Боровицкие ворота и мощенную брусчаткой аллею, обсаженную вековыми голубыми елями.

Недурно.

И тут же привычно подумал, что и как огневая позиция его кабинет хорош. Стены — пушкой не пробьешь, сектор обстрела великолепный, и в случае необходимости пути безопасного отхода обеспечены.

Рабочие уже закончили циклевать специальной машинкой паркет с необычно крупными плашками, готовились его лакировать.

В прихожей лежали рулоны обоев, имитирующих тисненую кремовую кожу. Мебель пока не подвезли, но и за этим задержки не будет, заверил Сергея десятник.

С неожиданным чувством неприязни к себе самому он подумал, что окончательно принял чужие правила игры и согласился с навязанной ему ролью. А ведь совсем недавно он был боевым офицером, не выносящим тыловых чиновников, и уж тем более — жандармских. И вот уже сам стал им.

Но, с другой стороны, — если не ты, то кто? Если не сейчас, то когда?

И он пошел командовать машинистками и помощниками, чтобы к сроку сделали все нужные бумаги и вдобавок оформили их, как полагается.

Успел, конечно. У полковника Тарханова подчиненные не умели сачковать или опаздывать.

...Местоблюститель Российского престола, Великий князь Олег Константинович на днях без всякого удовольствия отметил (не отпраздновал) свое сорокавосьмилетие. Перевалив через тридцать, он как-то разом потерял интерес к дням рождения и юбилеям. Что праздновать — очередной шаг к могиле? Или — что сумел еще год прожить?

Да и вообще. Любой из его венценосных предков к данному возрасту уже успел сделать почти все, к чему был призван, а он еще и не приступал.

А приступит ли?

Самое-то главное, что он до поры до времени и не собирался. Жили в этой смешной, но и почетной тоже роли его предшественники семь десятков лет и не комплексовали вроде бы. А если и да, то молчали об этом. Чего же он вдруг начал задумываться?

Царской власти ему захотелось? Нет. Наверняка нет. А вот чувство долга, кажется, выиграло. Страна ведь, как ни скажи, проваливается в небытие, а ты единственный, кто еще имеет возможность ее от этого удерживать.

Уверен?

Теперь, кажется, да, и окончательно. Особенно после наглой вылазки террористов в Пятигорске. Он, обладая даже той мерой власти, что нынешний премьер, подобного бы не допустил.

Чего стоят все эти адвокатишки, экономисты, специалисты международного права, приходящие к власти по результатам вполне бессмысленных выборов под знаком столь же бессмысленных партийных программ? А программы эти, между тем, читать приходилось, чтобы знать, что происходит во вверенной его попечению стране. Пусть и лишен он законного права ею управлять.

Но не обязанности думать и стремиться к ее благу.

Эсеры, октябристы, кадеты, социал-патриоты, партия гражданского достоинства и партия такой же свободы, партия мелких сельских хозяев... Имя им — легион.

А ведь если начнутся государственные и иного рода катаклизмы — защитит хоть кто-то из них настоящие интересы страны?

Конечно же, нет.

А ему, Великому князю, предоставлена во вполне условное управление Москва и Московский военный округ. Отдан под резиденцию Кремль и под команду — Гвардия. Да что там той Гвардии, непосредственно в

★

Москве всего две стрелковые дивизии без тяжелого вооружения, еще кое-какие отдельные части и подразделения, несколько учебных заведений. Есть еще, конечно, Экспедиционный корпус, настоящая сила, но его батальоны и бригады разбросаны по кромке российской части Периметра в полосе нескольких тысяч километров. Собрать его в один кулак — потребуется несколько суток, а то и недель, причем по воздуху удастся перебросить только боевые подразделения, без тылов.

В России же медленно, неприметно, но неудержимо нарастает Новая Смута.

Он ведь все-таки не только военный, он еще и ученый, историю, географию физическую и экономическую, геополитику не понаслышке знает. Читает не только газеты и стенограммы думских прений, начальник аналитического управления собственной Е.И.В. канцелярии регулярно на стол отчеты кладет, и офицеры из клуба «Пересвет» не из чистой любви к искусству свои доклады и рефераты пишут. Положение в стране и вокруг нее Олег Константинович представляет гораздо лучше очередного премьер-министра.

И положение это никак нельзя назвать блестящим.

Прежде всего, государство мучает хроническая политическая нестабильность. Родившаяся после Гражданской войны республика продемонстрировала полную непригодность парламентского строя для управления такой страной, как Россия.

Завороженные европейским, всеобщим, прямым и равным избирательным правом, депутаты Учредительного собрания обрекли ее на восемьдесят лет бесконечных выборов, кошмар думских коалиций, возникающих и рушащихся с неизбежностью смены времен года.

На памяти князя только три правительства отработали свой полный срок, обычно же кабинеты министров и премьеры менялись каждые год-полтора.

Естественно, какой-либо преемственной и осмысленной политики такие правительства проводить не могли. Порядок кое-как поддерживался только с помощью института несменяемых государственных чиновников, от товарища министра и ниже.

В противном случае все рухнуло бы еще в тридцатые годы прошлого века.

Огромных расходов требовало содержание четырехмиллионной армии, охранявшей границы Периметра, причем не только на исконно российской территории, но и за ее пределами, обеспечивая обороноспособность более слабых членов Тихо-Атлантического Союза.

Остаток бюджетных средств уходил на реализацию непомерно раздутых левыми правительствами социальных программ. Казна из последних сил платила всем — пенсионерам, безработным, слабосильным крестьянским хозяйствам, матерям-одиночкам, общинам малочисленных инородческих племен, ветеранам и инвалидам боевых действий. И все они считали, что платят им мало.

Соответственно, более-менее успешные предприниматели, купцы, лица свободных профессий были обложены непомерными налогами, прямыми и косвенными. И совершенно справедливо считали, что нет особого смысла надрываться, повышая благосостояние дармоедов. Вот уже два десятка лет, после очередного мирового кризиса, промышленное производство в стране почти не росло.

Зато росло население, отчего жизненный уровень большинства народа медленно, но неуклонно падал.

Россия по этому показателю опустилась почти до уровня второразрядных европейских государств, вроде Италии или Сербского королевства.

Постоянную головную боль доставляли агрессивные сепаратисты западных и южных губерний державы —

★ Финляндии, Привислянского края, Галиции, Бессарабии, Турецкой Армении. В любой момент там могли начаться крупные беспорядки с весьма серьезными последствиями. Да уже и начинаются, только слепой не видит.

А предпринять решительные, превентивные, соответствующие опасности момента действия кто-то не может, а кто-то просто не хочет. По политическим, и не только, соображениям.

И, конечно, тяжелой гирей на России висели внешние долги, не выплаченные еще со времен мировой войны.

Крайне негативно ведут себя так называемые прогрессивные силы общества. Их стратегия и тактика до странности похожи на то, что творилось в последние годы существования Российской империи.

Безудержное критиканство любых действий государственной власти. Бессмысленные призывы к тотальной оппозиционности, «по всем азимутам», без разбора. Власть плоха по определению, просто потому, что она власть. Причем смена кабинетов никак не отражается на накале этой «борьбы». Вчера пресса дружно обрушивалась на правительство за то, что российские войска в составе объединенных вооруженных сил Союза участвуют в боях на севере Африки и Ближнем Востоке.

Завтра новый премьер и министр иностранных дел принимают решение ограничить воинские контингенты в Африке до чисто символических двух батальонов, и тут же поднимается новая волна протестов. «Сдача стратегических позиций», «пренебрежение геополитическими интересами», «предательство союзников» и так далее.

Самое смешное, что полярно меняют позиции и точки зрения те же самые газеты и те же самые обозреватели.

Такое впечатление, что всеобщее, пусть и не выска-

занное до поры до времени вслух желание «властителей дум» — это чтобы в России исчезла вообще всякая власть, правая, левая — не суть важно. «Честному человеку сотрудничать с любой властью невыносимо!» Очень ходовой рефрен последнего десятилетия.

Раньше, кажется, так явственно подобные настроения не проявлялись.

Можно, конечно, ни о чем этом вообще не думать, руководствуясь принципом «чем хуже, тем лучше», и надеяться на то, что рано или поздно народ сам позовет Великого князя на царство, но надежда эта вполне дурацкая.

Разве что вновь вспыхнет в стране гражданская война, но тут уж всем мало не покажется, и становиться царем в очередной раз разрушенной и залитой кровью стране — упаси, господи, от такой участи.

Олег Константинович, изучая мировую и европейскую историю двух минувших веков, испытывал некоторое теоретическое недоумение. Каким-то образом в России до сих пор не возникало сильных радикально настроенных политических течений, которые попытались бы установить диктатуру правого толка. Возможно, слишком много сил и жертв потребовалось в свое время для разгрома диктатуры левой.

И вожди Белого движения в массе своей оказались только солдатами, а не политиками. Иначе отчего это у нас не нашлось своих Муссолини, Людендорфа, Хорти и прочих, сумевших, пусть и не надолго, установить в двадцатые—тридцатые годы прошлого века крайне авторитарные и репрессивные режимы в доброй половине сотрясенной войной и потерявшей ориентиры Европы?

Но ведь могут еще и появиться. Обстановка располагает. Не зря же об этом постоянно твердят решительно настроенные гвардейские генералы. Мол, лучше начать самим, нежели ждать путча в Петрограде, поддер-

жанного армейскими частями. Кое-какая настораживающая информация князю по линии все того же Чекуменаева поступала.

Вот и сейчас Чекуменев испросил аудиенции, скорее всего, чтобы доложить собственную трактовку петроградских событий. Не есть ли это именно тот самый «первый звонок»?

Так и вышло. Чекуменев сообщил все, что успел узнать от Тарханова, присовокупив, что соответствующим образом оформленные и заверенные документы представит несколько позднее.

— Ну, и представишь, — с облегчением ответил претендент на Российский престол. — Официально кавказской проблемой должно заниматься Петроградское правительство. И пусть оно ею займется в меру сил и желания. Захотят — пригласят меня на заседание Государственного совета. Там и выскажусь, если потребуются. А что в этой ситуации на самом деле собираемся делать мы? И делать ли вообще что-либо?

— Официально — ничего. До последней возможности. Даже если просить будут. А они будут, ручаюсь. Мы же сейчас должны по полной программе отработать все, что касается нашей территории. Мы ведь еще и задержанного по обвинению в попытке убийства полковника Половцева сотрудника госпрокурора Бельского допросили...

— О, вот это уже интереснее! — Прокурора князь не любил, что вполне естественно в отношении человека, поставленного присматривать, чем ты занимаешься на вверенной тебе территории. И пусть ничего плохого Бельский ему до сих пор не сделал, свою неприязнь Олег Константинович ему демонстрировал в доступной по рангу форме — то есть подчеркнутой вежливостью и неукоснительным соблюдением протокола в официальном общении.

А вот неофициальное было исключено начисто.

— На первых допросах господин Герасимов все полностью отрицал, да и улики, кроме ничем не подтвержденных подозрений самого Половцева и показаний двух непосредственных исполнительниц, не было. Впрочем, те показания тоже мало чего стоили, — пренебрежительно махнул рукой Чекменев. — Естественно — для суда присяжных. Мы-то отнеслись с полным вниманием. И через час задержанные начали признаваться все-р-ез.

Чекменев знал, что мелкие подробности князя никогда не интересовали. Ему важна суть проблемы, по которой можно принимать принципиальные решения.

Поэтому пояснил сразу. Сам Бельский тут полностью ни при чем. Скорее напротив. Герасимов был завербован еще в Петрограде человеком, имеющим отношение к руководству агентуры «интернационала» в России. Похоже, связан с тем же Катранджи и польско-литовскими сепаратистами. Между прочим, они, получается, в данный момент как бы наши союзники, поскольку тоже делают ставку на организацию всероссийской смуты. Имеют в виду натравить друг на друга вас и центральное правительство. Воображают, что это поможет прежде всего им.

А на Половцева-Ляхова он вышел простейшим образом, подслушивая разговоры прокурора, его дочери и полковника. Там у них вообще интересная интрига завязалась...

Утомленный собственными бесконечными тревожными мыслями и докладом контрразведчика, Олег Константинович с большим удовольствием выслушал выдержанную в лучших традициях авантурных романов историю. Зная великокняжеские вкусы, Чекменев сумел мастерски переплести две любовные линии и два детективных сюжета — с саблей и взаимной вербовкой Ляхова и Бельского.

Коснувшись этого эпизода, Чекменев испытал некоторое внутреннее напряжение: что, если князю такая вызывающая самостоятельность со стороны полковника покажется недопустимой?

Но нет, сошло, вызвало даже благосклонный смех. Мол, молодец Герой, использует на практике полученные знания.

— Считаешь перспективным? — только и спросил князь.

— Пусть занимается, вреда в любом случае не будет. А вот с Герасимовым я надеюсь поработать как следует. Пока информация о его аресте не успела распространиться, считаю полезным его отпустить, под негласный надзор, и использовать в качестве двойника...

— Действуй, — снова кивнул Олег Константинович.

— Есть основания полагать, люди Катранджи оперируют и в нашей зоне ответственности. Тут проблем не будет. Сработаем по той же схеме, как я почистил от вредных людей территорию Израиля. А вот в остальной России... Если позволите.

— На твое усмотрение и под твою ответственность. Я об этом слышать не желаю.

— Само собой, вам о таком слышать совершенно ни к чему. А я уж так, под шумок, Ваше Высочество. Под шумок много что интересного удастся сделать.

И, наконец, «Проект Кулибин». То есть профессор Маштаков, «сумасшедший изобретатель» по терминологии американских фантастических кинофильмов. Взяли мы с ним и с его лабораторией столько, что я даже не знаю пока, как с этим разобраться. Конгениальных ему и одновременно полностью надежных ученых у меня пока нет, а привлекать к этому делу кого зря считаю рискованным.

— У тебя — и нет? — удивился князь.

— Да так вот, Ваше Высочество. Самокритично, невыгодно, а что поделаешь, вынужден признать. Но найду непременно. Не завтра, но найду.

— Так ты хоть намекни, что в результате мы сможем получить?

— Здесь скромничать не буду. Все! Тут уж мне поверьте. От абсолютного оружия до бессмертия...

Самое удивительное, что Чекменев саморекламой не занимался и не пытался поразить Олега Константиновича невероятными перспективами, под которые можно много лет подряд обдeldывать свои дела. Сказал, что думал и как сам понимал.

Что тут же вызвало естественный отклик собеседника.

— Про остальное — верю. Но насчет «бессмертия» — это не для красного словца? Или «бессмертие» в качестве эвфемизма употребляешь?

— Никак нет, Ваше Высочество. В буквальном. По крайней мере, из всего мне известного вытекает...

И он передал князю смысл разговоров с Маштакoвым и Розенцвейга, и Тарханова. Григорий Львович ведь и после того, как полковник покинул автобус, до самой Москвы раскручивал профессора с еврейской дотошностью, помноженной на навыки высококлассного сотрудника «SD»¹.

— Сам с ним разговаривал?

— Еще нет. Совершенно нет времени. Но побеседую с помощью Ляхова.

— Вместе побеседуем. Он где сейчас?

— На базе «печенег». Под надежной охраной.

— Не слишком надежно. Сколько там тех «печенегов»?

— Батальон.

— Мало. Немедленно доставь его сюда. В сопро-

¹ Зихергейстдинст — служба безопасности Израиля (*ушиш*).

★ вождении роты с бронетехникой. И я от себя кое-что выделю. Раз уж ради него города захватывают и войны затевают... Разместим, ну хоть в Тайницкой башне. Или в Троицкой. Сам поедешь, и сам привезешь. А я ждать буду.

— Будет исполнено, Ваше Высочество. Выезжаю немедленно.

Нельзя сказать, чтобы князя так уж волновала вдруг возникшая перспектива личного бессмертия. Мужчины он был спортивный и абсолютно здоровый, как говорили лейб-медики и как ощущал он сам, лет тридцать еще надеялся прожить, если повезет. А то и сорок.

Просто чутьем прирожденного государственного деятеля уловил в словах верного царедворца некую убежденность в правоте его мнения, а раз так — нельзя даже маленький шанс на чудо оставлять на волю случая.

Истинное ли бессмертие или другие технические чудеса подвластны неизвестному пока профессору Маштакову, но необходимо сейчас же обеспечить ему максимальную безопасность и максимальную подвластность его княжеским желаниям.

Такое могло быть обеспечено именно здесь, в Кремле, по-прежнему наиболее неприступной крепости России. Особенно после тех дополнительных мер, что он предпринял для усиления его обороноспособности. Взять Кремль, обороняемый Гвардией, не разрушив его до основания, в течение нескольких суток не смогла бы и целая ударная армия центрального правительства.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

★ Когда вооруженные люди толпой ворвались на виллу, поломав ко всему прочему весьма приятно начавшийся вечер с очередной юной прелестницей, поначалу Виктор Вениаминович Маштаков сильно напугался.

Ведь каков афронт!

Пришла к тебе одна из красивейших девушек курса, очень здраво решившая, что трудный экзамен по высшей математике куда приятнее сдать за бокалом шампанского и под хорошую музыку, нежели в пропитанной негативной энергией поколений нерадивых студентов аудитории. Так хорошо началось предварительное собеседование.

И вдруг распахнутые окна, крики, топот кованых ботинок по недавно отлакированной лестнице, на которую он не разрешал ступать в уличной обуви даже близким знакомым, блеск автоматных стволов!

«Восточным «друзьям» надоело ждать, — подумал он, — и они решили вывезти меня в места достаточно отдаленные».

А уж что могло ожидать его там, он представлял достаточно хорошо. Даже и за десяток тысяч обманом вырванных рублей принято наказывать строго, а тут речь шла о миллионах!

Зато, поняв, что пришли к нему не турки и не арабы, а обыкновенные российские бойцы, Маштаков испытал прежде всего облегчение.

По обычному психологическому правилу — долгожданная неприятность наконец случилась. Больше не нужно бояться каждого шороха за спиной, каждого стука в дверь, каждой тени в окне.

Еще больше его обрадовало то, что он попал в руки не полиции и не МГБ, а армейской контрразведки.

Человек неглупый и эрудированный, профессор знал, что для этих мужественных парней писанные законы — дело десятое. Значит, он интересуется их не как разоблаченный и подлежащий наказанию преступник, а в своем истинном качестве, и, скорее всего, ему и дальше придется заниматься любимой работой. Ну, может быть, не в столь комфортных условиях, но наверняка более безопасных.

О том же, что ему, возможно, никогда больше не придется оказаться на свободе, он предпочитал не задумываться до поры. Мало ли, как все может повернуться.

Дорога до Москвы в стремительном и комфортабельном автобусе оправдала его оптимизм.

После того как его покинул слишком экспансивный, но весьма интересный в научном плане полковник Неверов, Маштаков окончательно успокоился. Оставшийся господин устраивал его гораздо больше. И в качестве собеседника, и вообще.

Они попивали коньяк, курили хорошие сигареты и продолжали симпозион¹ на научные темы. Господин Розанов, Григорий Львович, более всего интересовался практической стороной возможного хроносдвига. В максимально популярном изложении.

То, что в случае срабатывания «Гнева» в радиусе ста километров от точки «взрыва» исчезнет все живое, сдвинутое «вбок» от шкалы времени, он принимал без особого, как казалось, удивления. Вроде бы так и должно быть.

Люди и животные исчезнут с территории, захваченной катаклизмом. Все прочее — дома, техника, материальные ценности, даже растения — останется на своих местах. И новопоселенцы вступят в «зону», как оккупанты в брошенный жителями город.

Если проблемы возникнут, так только юридического характера. При определении прав на опустевшую территорию и ставшее бесхозным имущество.

Международно-правовым организациям и адвокатам наследников «исчезнувших» хватит работы на многие и многие годы.

А вот каково придется «ушедшим»?

¹ Пирушка, сопровождавшаяся музыкой и утонченными беседами (гр.-греч.).

Как должен будет выглядеть тот, другой мир «на обочине»?

Если известно, что жившие сто, десять лет или всего час назад люди ушли вперед по оси времен, а неживая природа, искусственная и естественная, осталась там, где и была, каким-нибудь собором Парижской Богоматери или Московским Кремлем продолжают пользоваться тридцатые и сороковые потомки их первостроителей, то отчего не согласиться и с теорией Маштакова?

Пусть для человека реальность (то, что принято называть «настоящим») имеет протяженность, скажем, полторы секунды «в длину», а для каменного строения она равняется всему сроку его существования, поскольку все это время дом остается самим собой и функционирует в предписанном качестве, то какова эта же реальность «в ширину»?

В принципе она может быть соизмерима с длиной, то есть соответствовать продолжительности существования каждого реального объекта. Но даже если она составляет пусть всего несколько минут, то и тогда картина будет интересной и пугающей одновременно.

Как воспринималась она людьми, первыми поднявшимися на борт шхуны «Мария Селеста», чей экипаж загадочно исчез в середине позапрошлого века. Все на своих местах, на камбузе стоят кастрюли с еще теплой похлебкой, в каюте капитана только-только догорел табак в трубке и витает запах крепкого «кепстена».

(Кстати, может быть, со шхуной и приключилось нечто аналогичное?)

Так вот представьте себе всю планету Земля, которую только что покинуло все ее население.

На самом деле оно ее, конечно, не покидало, просто осталось чуть в стороне. Но это одно и то же.

Вошли вы в квартиру через десять минут, как из нее вышел хозяин, и вам же безразлично, в какую сторону пошел он по улице, вправо или влево. Или, лучше, не в

квартиру вы вошли — в музей, который только что покинул последний посетитель, и служители разошлись по домам, выключив свет в залах и галереях.

Вообразить все это простому офицеру разведки (так Маштаков воспринимал Розенова) было трудно-вато.

Проигрывая вслух ситуацию, он все время натывался на какие-то детали, ставящие его в тупик.

И задавал Виктору Вениаминовичу вопросы, иногда наивные до глупости, а иногда весьма тонкие.

— Нет, ну поймите же, я не писатель, не автор романа, в котором вы что-то не поняли, — сердился профессор. — Я изложил вам принцип, не более. Есть у меня студенты, а особенно студентки, которые, впервые услышав про многомерные пространства, тут же начинают добиваться, что я все это изобразил на наглядных примерах.

В таких случаях я советую, пока не поздно, переводиться на другой факультет. Математик не должен задумываться, как будет выглядеть трехмерный предмет в пятимерности.

— Отчего же, — возразил Розенов. — Я, помнится, читал очень увлекательный рассказ про архитектора, который построил в Голливуде четырехмерный дом. И хорошо все представил. А еще я имею очень приличный альбом работ художника Мориса Эшера, который свободно изображал совершенно невероятные пространства.

Маштаков фыркнул.

— И я говорю совершенно о том же. Читайте свои рассказы, даже сами их пишите, но не пытайтесь все-рьез переложить алгебру Буля на язык комиксов.

— Бог с ней, с алгеброй, а я вот попытался действительно все это так наглядно представить, — благодужно потирая руки, перед тем как плеснуть в бакелитовые стаканчики еще коньячку, сообщил Розенов. — И мне

понравилось. Вы, пожалуй, если еще придется свою установку испытывать, меня обязательно предупредите.

Это же какая прелесть — сколько там, в Израиле, пять или семь миллионов человек, оказываются полными хозяевами нового мира. Хочешь — поселяйся с друзьями и соседями там, где и раньше жил, хочешь — хватай любую пустую машину и отправляйся путешествовать. Хоть в Рим, хоть в Париж, хоть в Петроград. Приезжай, поселяйся в Зимнем дворце, ставь койку в Георгиевском зале или бывшей царской спальне. Растопи камин, натащи продуктов из ближайшего гастрономического магазина — и наслаждайся. Все вокруг — твоя собственность. Картины, статуи, малахитовые столы и вазы...

Маштаков тогда не понял, смеется господин Розанов или серьезно говорит.

— И главное — все абсолютно законно, никто не придет и не предъявит свои права, выметайся, мол...

— Разве если такой же, как вы, тоже захочет себя наследником Романовых объявить.

— Сговоримся как-нибудь. Я ему предложу, как опоздавшему, Русским музеем удовлетвориться или Петергофом. Ну, в крайнем случае, постреляем немножко. Пусть победит сильнейший. Но идея все равно богатая... Так что я в доле.

Не думал, нет, не думал никто из них в мчащемся через российскую равнину шведском автобусе, что этот почти шуточный разговор между арестованным и его в данный момент надсмотрщиком может иметь совсем не шуточное продолжение.

Но уж такова жизнь.

Первые два дня по прибытии Маштаков провел в условиях, отнюдь не сулящих оптимизма. Не тюрьма, конечно, но «уединенное помещение со строгим режимом содержания».

Неизвестно где и неизвестно на сколько. Молчали-

вая охрана, решетки на окнах с матовыми вдобавок стеклами. Кормили его, впрочем, весьма прилично, койка не в пример шире и мягче солдатской, туалет и умывальник в отдельной кабинке, сколько угодно книг и газет. Но никакого радио и дальнови́зора.

Но и допросов тоже никаких.

Маштаков понял так, что или неизвестным хозяевам пока недосуг им заниматься, или его определенным образом выдерживают. Чтоб стал сговорчивее.

Да он же ведь и не собирался изображать из себя борца за идею. Так и сказал солдату, принесшему первый обед:

— Скажи им, парень, я готов говорить. Обо всем. Пусть вызывают.

— Это не ко мне, задержанный. Жалобы на содержание, питание есть?

Виктор Вениаминович вдруг вспомнил читанные книжки, то, как обычно вели себя там арестованные.

— Да нет, нет у меня жалоб. Я на допрос хочу.

— Не в курсе. Вашу просьбу передам по команде. Курить хотите?

— Хочу, и выпить тоже хочу. Я много чего хочу.

— Про другое не знаю. Разрешено и есть в наличии — папиросы, сигареты, махорка. Чего изволите? Чаю — неограниченно. Баня с парной завтра, по расписанию. Тараканы, блохи не беспокоят?

— Ничего не беспокоит. Сигареты давай, и папиросы тоже. Махорку сам кури. А спички где или зажигалка?

— Этого не положено. Сейчас прикурите, а еще захотите — в дверь стукните — дадим огоньку в кормушку. А так не положено.

— Тогда я вам назло одну от одной прикуривать буду.

— Это — пожалуйста. Курево кончится — стукните — еще принесем.

Непробиваемое спокойствие надзирателя, или как

там его назвать, достало Маштакова еще сильнее, чем сам факт заключения.

Вполне, впрочем, заслуженного, как сам он для себя понимал. Лишь бы не слишком долго оно продолжалось.

— Ты вот что, командир, ты мне можешь «Графа Монте-Кристо», сочинение господина А. Дюма-отца, первый том, разыскать?

— Без вопросов. К ужину будет. В камере самое то «Графа» читать.

Сказано это было так, что профессор понял: «Не дурак надзиратель, далеко не дурак. Да и не надзиратель он обычный, разумеется, очередной офицер контрразведки».

Ну и пусть. Слабы они все против Маштакова.

Сто лет будут их ученые думать — все равно не придумают ничего, даже отдаленно сопоставимого с его изобретениями. А он, случись вдруг сидеть здесь несколько месяцев или год, запросто изготовит из подручных средств нечто такое, что позволит выйти ему хоть через стену, хоть прямо через двери.

А сейчас напрягать ум нет необходимости. Лучше интересную книгу почитать.

Зато на третий день Виктор Вениаминович был вознагражден за выдержку и долготерпение.

Давешний надзиратель, появившись в неурочное время, предложил Маштакову немедленно принять душ и побриться.

Бритву он тут же и выдал, но электрическую, причем работающую от батареек. То есть ни зарезаться ею, ни убить себя током было невозможно.

— Одеколон, костюм и туфли я вам принесу.

— А зачем? — запоздало спросил профессор вслед тяжело затворившейся двери. И сам себе ответил, что наверняка для долгожданного вопроса. Причем проводить его будет важное лицо, взору которого противен вид, а обонянию — запах. Тюремный.

Везли его в заднем отсеке штабного бронетранспортера, то есть такого, где вместо жестких откидных лавок имелись полумягкие диванчики, стол, кондиционер.

Несмотря на то что боевая машина неслась по улицам Москвы, стрелок в боевом отделении не убирал рук с гашеток тяжелого башенного пулемета, а два подпоручика держали на коленях автоматы с явно написанной на лицах готовностью незамедлительно пустить их в дело, если что.

«И правильно, — думал Маштаков. — Я для кого уютно сейчас стою дороже, чем атомная подводная лодка с полным комплектом ракет. И даже намного больше. Поскольку мой мозг... Но куда же они меня везут? К кому? В любом случае сейчас главное — не продешевить. Это — последний шанс».

А уж насчет «не продешевить» Виктор Вениаминович не знал себе равных. Если под небрежное честное слово он сумел размотать прожженного восточного бизнесмена Катранджи чуть не на миллион долларов, так о чем речь?

Правда, на такой вариант и он не рассчитывал.

Пусть улиц, по которым его везли, он не видел, но достаточно было тех нескольких секунд, за которые его почти протолкнули взащей из отсека БТРа в распахнутую напротив деревянную дверь, чтобы увидеть на фоне зеленеющего предзакатного неба красно-бурую кремлевскую башню.

Какую именно, он не понял, на память знал только Спасскую, с часами, но уж в общей принадлежности ошибиться не мог.

«Ого! — подумал с возрастающим самоуважением. — Это тебе не саля в горах!»

Одетого в мешковатый, но вполне приличный коричневый костюм Маштакова ввели в небольшой кабинет, где за письменным столом сидел человек, кото-

рого даже аполитичный Маштаков хорошо знал по фотографиям и редким появлениям в дальновизоре.

Не кто иной, как Местоблюститель.

«Этого, кстати, тоже можно было ожидать, — подумал Маштаков. — Как я сразу не догадался?»

Князь был в простом походном кителе без наград, на полировальной столешнице карельской березы ни единой бумаги, вообще ничего, так что было не совсем понятно, для чего вообще требовался стол. Разве чтобы локтями опираться.

— Ну-с, здравствуйте, господин Маштаков, — негромким голосом сказал Великий князь, не привстав и не подав руки. — Ваши противоправные дела меня сейчас не интересуют, но это ни в коей мере не означает, что я их в хоть какой-то мере одобряю.

— Ваше Высочество, никакими противоправными делами я никогда не занимался, тем более направленными против России. — Маштаков даже руки прижал к груди.

— Да, исполнял иногда заказы частных лиц, за плату, разумеется, но всегда это были исключительно научные разработки такого уровня, что ни под какие действующие законы они не попадали. Как вот и последний раз, из-за чего, собственно, я имею честь сейчас здесь присутствовать. Разве где-нибудь сказано, что запрещаются эксперименты в области хроноквантовых преобразований низкой интенсивности?

Князь остановил его горячую тираду спокойным движением ладони, слегка приподнятой над льдисто отблескивающей столешницей.

— Однако ваше... изделие планировалось к использованию террористами именно в качестве оружия. При чем — массового поражения.

— Любой, самый сложный прибор можно использовать для проламывания черепа. А крайне трудоемкий в производстве и предназначенный для достижения

сверхпроводимости жидкий гелий, будучи вылит вниз с балкона Большого театра, способен уничтожить больше людей, чем специально изготовленная бомба.

— Достаточно. Я не расположен к дискуссии. Вы подтверждаете, что ваши «научные упражнения» на самом деле далеко опережают достигнутый наукой уровень, и то, что я слышал от своих сотрудников по поводу возможных якобы перемещений во времени?

— Что касается первого, то да, разумеется. То, что делаю я, настолько... даже не опережает, а просто лежит вне интересов современной науки, и прикладной, и фундаментальной! По поводу же перемещений... Вас информировали не совсем точно. Речь идет о нескольких других явлениях. Ни в прошлое, ни в будущее я вас переместить не могу и вряд ли смогу в дальнейшем, а вот выход за пределы освоенного нами временного континуума, оставаясь при этом в пространственном...

Да, это возможно, хотя экспериментально почти не подтверждено. Несколько локальных испытаний с недостаточно корректным результатом...

Князь слушал внимательно, но под усами его несколько раз возникал намек на улыбку. Скорее всего, его веселила манера Маштакова выражаться.

Похоже, сидя в камере, он тщательно продумал линию поведения. Сказал достаточно, чтобы заинтриговать собеседника, и в то же время практически ничего конкретного. Ну а чего бы еще от него ждать в такой ситуации?

— Что ж, Виктор Вениаминович, — обращение по имени-отчеству в его устах звучало почти как награда, — как я уже сказал, правовая оценка вашей деятельности не входит сейчас в круг моих обязанностей. А вот забота о благе Отечества входит постоянно. Посему спрашиваю — желаете ему послужить и тем самым загладить свою вину?

Да-да, вину, — с нажимом произнес князь, заметив протестующую, хотя и безмолвную мимику Маштакова, — поскольку это категория не правовая, а нравственная по преимуществу, и с этой позиции ваши оправдания несостоятельны.

— Ваше Высочество! Исключительно в силу сложившихся обстоятельств не смог вовремя направить свои труды непосредственно на благо... Никто никогда не принимал мои открытия всерьез и не желал их даже обсуждать. Только дайте такую возможность...

Маштаков привстал на стуле, подавшись вперед и преданно глядя князю в глаза. Только что руки не простер к нему для пущей убедительности.

«Ну актер, актер... Но это несущественно», — подумал князь; сказал же совсем другое:

— В таком случае я вам эту возможность предоставляю. Само собой, наши специалисты с вами обстоятельно и предметно побеседуют. После чего вам будут созданы все необходимые условия для работы. И над хроноквантовым преобразователем, и по другим направлениям.

В средствах мы не слишком стеснены, сможем оборудовать вам лабораторию не хуже той, что у вас была. Помощников дадим квалифицированных, лучших специалистов по вашему выбору привлечем.

Работать будете прямо здесь, в Кремле, подходящих помещений хватит. Так оно и удобнее, и спокойнее и вам, и нам. В пределах кремлевских стен будете пользоваться неограниченной свободой, то же касается и возможных жизненных удобств. За пределами Кремля... — князь пожевал губами, подбирая выражение, — полной свободы обещать не можем. Пока.

— Да зачем мне эта Москва! — Маштаков, после всего лишь трех дней строгой изоляции и приложенной к себе лично судьбы Эдмона Дантеса, за величайшее благо счел обещанную возможность беспрепятственно

★ выходить из комнаты, бродить по кремлевским аллеям, скверам, музеям и храмам.

Присматривать за ним, конечно, будут, но в любом случае такая жизнь неизмеримо лучше полноценного заключения в российской тюрьме или застенках Катранджи-бея.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

★ Уже на следующий день Олег Константинович вновь вызвал к себе Чекменева. Сейчас от его хандры не осталось и следа.

С утра он два часа скакал на коне по узким, покрытым опадающей (что-то рано в этом году) листвой тропам окружающего его охотничий домик леса. Десятивершковый¹ караковый² Бархан носил князя по оврагам и буеракам, горяча кровь и себе, и хозяину. Особая прелесть бешеной скачки заключалась в том, что внезапно возникающие на пути ветки запросто могли снести голову или выхлестнуть глаза всаднику, а сам жебец рисковал поломать ноги на крутом склоне или попав копытом в кротовую нору.

Но все обошлось благополучно. Перед толстыми сучьями князь пригибался, а тонкие лихо рубил шашкой, которую держал, откинув обухом на правый погон. Поводьями же управлял одной левой. Бархан не забывал внимательно смотреть не только вперед, но и под ноги.

Возвратились конь и всадник довольные друг другом.

¹ Традиционное обозначение роста лошадей, «десятивершковый» — десять вершков (44 см) сверх двух аршин (142 см) в холке, т.е. 186 сантиметров. Очень крупный конь.

² Караковый — масть лошади, темно-гнедой, почти вороной, с желтоватыми подпалинами на морде и в пахах.

Приняв душ и рюмку водки, ощущая легкость во всем теле, Великий князь слушал доклад генерала.

— Таким образом, Олег Константинович, как я и обещал, готов доложить очередные результаты моей работы.

— Давайте.

Сегодня Чекменеву требовалось не только сообщить очередную оперативную информацию, но и получить санкции.

В чем и беда сотрудничества с умным и одновременно авторитарным правителем. Он желает вникать во все. Этим, кстати, отличались все Романовы из занимавших престол. Тот же Николай Первый, сам себя назначивший личным цензором к Пушкину, или Николай же, но Второй, знавший в лицо и по именам всех офицеров Гвардии от самого никчемного корнета и считавший своим долгом отслеживать и утверждать все их малейшие перемещения по службе.

Вот генерал и приступил к докладу.

— В пределах нашей досягаемости мы прошлись предельно частым бреднем, примерно так, как в Израиле перед началом войны. Изымали всех, на кого показывали ранее изъятые фигуранты, и далее по цепочкам. Естественно, работали невзирая на действующие у них... — Произнесенное с предельной степенью презрительности и указанием большим пальцем через плечо, в сторону Северной столицы, начало фразы Олегу Константиновичу понравилось. Чекменев это уловил и форсировал голосом: — У **них** законы и всякие там презумпции. При этом очень помогло устройство «Ляхова—Бубнова». Установлено, обобщенная цель представителей руководства «черного интернационала» на территории России и на данном этапе их борьбы следующая: спровоцировать крупномасштабные беспорядки на южной и западной границах, согласованные со студенческими бунтами в Финляндии и Польше, в общем, по типу «Будапешт-56».

Данные акции должны быть сопряжены по времени с аналогичными выступлениями на сопредельных территориях, населенных представителями «разделенных наций», тут же — мятежи европейских «леваков» типа «Париж-68» и прочих сепаратистов, в Алжире, Басконии, Корсике, Европейской Турции. В общем — глобальный мятеж «мировой деревни» против «мирового города».

Это, конечно, программа-максимум, рассчитанная на год-два с окончательной целью — слом нынешнего миропорядка и установление системы «управляемого хаоса».

— Ты что, всерьез считаешь, что такая схема возможна? — искренне удивился князь. — Согласовать действия абсолютно разнородных, даже противоположных по культуре, образованию, психологии и целям сил? Абсурд, не верю!

Чекменев ответил, что да, в принципе достижение этой цели выглядит утопией, но в любом случае беспорядки грозят большие.

В 1913 году грядущая мировая война и все с ней связанное представлялось еще более маловероятным, однако же... И ведь если степень искусственности, внутренней неупорядоченности России и всего свободного мира так высока, то «карточный домик» нынешней европейской цивилизации способен рухнуть в одночасье.

И если таковое начнет происходить, мы должны быть во всеоружии.

— Проблема остается прежней, — продолжал генерал, решивший наконец отказаться от лукавой дипломатии, — задействованы практически все наши надежные и проверенные кадры. Расширение круга посвященных неминуемо приведет к утечкам информации. Они и сейчас происходят, но либо их удастся парировать соответствующей дезинформацией, либо петро-

градские власти пока не придают им должного значения.

Если же спохватятся, начнут принимать против нас решительные меры, что само по себе поставит страну на грань гражданской войны, этим тут же воспользуется «интернационал», и тогда возникнет кумулятивный эффект. Все наши плюсы превратятся в минусы. Придется воевать на два фронта или забыть о наших планах на долгие годы.

— Что ты все время говоришь: «наши планы, наши планы». Нет еще никаких планов!

— Не будем прятать голову в песок. План есть, — Чекменев говорил резко и прямо. — Пусть не оформленный соответствующим образом, в виде боевого приказа, но и вы, и я, и наши единомышленники знают, о чем речь, и уверены, что другого шанса не будет. Проблема лишь в том, что, слишком осторожничая, мы рискуем опоздать, поторопившись, можем быть подвергнуты разгрому.

— Так что же, предлагаешь, последний рубль ребром и — ва-банк?

— Предложил бы, если бы не видел другого выхода. Но он, кажется, есть. Если еще месяца на три-четыре сумеем оттянуть конфликт.

— Постараемся. В той мере, что будет в наших силах. А как насчет «параллельного времени»?

— Тоже работаем. Позвольте доложить вам результаты проведенного специальным экспертным советом предварительного анализа проекта «Дырка для ордена»...

Князь перебил его, не дав закончить тщательно составленного периода.

— Гм. «Дырка...» Откуда вдруг такое название?

— Нормальный код. Как принято.

— Я понимаю, что принято. Не понимаю, чем вы руководствовались.

Князь с молодых военных лет не терпел оставлять в тылу непроясненных вопросов и проблем.

— Как обычно, — с легким недоумением в голосе ответил Чекменев. — С одной стороны, из названия невозможно сделать выводов о сути проекта. Во-вторых, некоторый смысл все же сохраняется. «Дырка» — намек на пробой пространства-времени. «Орден» — одновременно и материальный символ успеха, и определение организации, которая этим делом занимается. Мы же ведь, как ни крути, своеобразный рыцарский орден, применительно к ситуации. Ну а все вместе..

— Достаточно. Отчетливо мыслишь. Не люблю, когда ляпнут что-нибудь, а потом сами руками разводят, как оно так вырвалось...

«Стареет, что ли? — невольно подумал Чекменев. — Раньше за ним такого занудства не замечалось». И только в следующую секунду сообразил, что князь, наоборот, находится в стадии принятия судьбоносных решений и не желает упустить самой малости, могущей повлечь непредвиденные последствия.

— Продолжай.

Совещались они в том же картографическом кабинете, но теперь на громадный, во всю торцовую стену, демонстрационный стенд была выведена рельефная проекция карты России с прилегающими территориями.

— Привлеченные нами эксперты, из молодых и нестандартно мыслящих физиков, в основном из военной инженерной академии, изучив расчеты Маштакова и представленные им натурные образцы приборов, согласились, что ожидаемый эффект может иметь место.

— То есть перемещение определенных масс людей за пределы ныне существующей мировой линии?

— Именно так. То, что в устах Маштакова представлялось мне абсолютным бредом, проверенное и подтвержденное доцентами и адъюнктами, в квалифика-

ции и здравомыслии которых я не имею оснований сомневаться, приобретает совсем иное звучание, — Чекменев даже невольно прищелкнул каблуками, стараясь быть как можно более убедительным.

— Короче, мы неожиданно для себя оказались кураторами открытия, способного перевернуть все предыдущие представления? И даже более того — изменить весь привычный для нас миропорядок и образ жизни?

— Выходит, так, Олег Константинович. И ничего особенного я в этом не вижу. Такое случалось и случается постоянно. Только есть люди, способные вовремя понять суть происходящей научно-технической революции, и есть опоздавшие... Что мы и имеем возможность наблюдать на протяжении последних двух сотен лет. Сейчас шанс представляется нам.

— Дай-то бог! Но вернемся к прозе жизни. Конкретно, сейчас, сегодня, что сулит открытие Маштакова лично нам? Я имею в виду... Ну, ты понимаешь.

— Об этом и речь, Олег Константинович. Прежде всего, наладив выпуск изделия в промышленных масштабах, мы приобретаем невиданное в истории абсолютное и в то же время гуманное оружие. Любой враг, внешний или внутренний, может быть просто выброшен за пределы нашего времени. В зависимости от мощности и настройки аппарата — один человек, рота, дивизия, целое государство, в конце концов. Мгновенно и бесследно.

— Ты хочешь сказать, что возможно и индивидуальное, ручное оружие на этом принципе? Вроде пистолета?

— Полагаю, да. Разумеется, это будет выяснено в процессе дальнейших исследований. Пока же образец имеет вес около двадцати килограммов и раствор луча более двухсот градусов. Дальнодействие на практике не испытывалось. Поскольку последствия непредсказуемы.

Князь подошел к карте. Долго на нее смотрел, словно прикидывая наиболее подходящий район испытаний.

— Да. Проблема. Оснований применить изделие на практике вроде и нет. Не станем же мы удалять целиком население той же Турции, которая нам ничего плохого не сделала. Пока.

А испытывать в пустынной местности, как атомную бомбу, смысла нет тем более. Ничего не увидим, не поймем и не узнаем. В итоге все это дело имеет пока чисто теоретический интерес, так?

— Не совсем, Ваше Высочество. Испытания провести все же можно. Где-нибудь в Сибири, к примеру. В совершенно безлюдных местах, на стаде оленей, коров и тому подобных объектов... С направлением луча в сторону Ледовитого океана. Тогда человеческие жертвы можно практически исключить.

— А если где-то в тундре и попадут в зону действия кочующие ненцы или чукчи, так какая им разница, в каком времени оказаться, так?

— Примерно так, Ваше Высочество.

— Совершенно не так. Ты упускаешь самое главное. Выбить из нашего времени то или иное количество врагов — стоит ли огород городить с привлечением науки и за большие деньги? То же самое, ничуть не хуже, сделает пулемет или бомба. У нас их, слава богу, хватает. Какая нам разница, умрут они реально, прямо здесь, или окажутся где-то там... — князь, описав рукой геометрическую фигуру неопределенной формы, — в своем неповрежденном облике?

Чекменев не мог не согласиться, что резон в словах князя присутствует.

Князь позвонил и осведомился у мгновенно возникшего на пороге адъютанта, не собирается ли он заморить их голодом?

Склонности к юмору офицер не испытывал.

— Никак нет, Ваше Высочество. В буфетной все готово. Извольте пройти?

— Изволю. От разговоров с тобой у меня сразу пересыхает горло, — это уже было сказано не поручику, а Чекменеву. — Пойдем перехватим по-гвардейски.

В смысле гвардейских привычек князь подражал своему августейшему прапрадеду Александру Третьему Миротворцу.

То есть любил застолья с офицерами свиты и конвоя без церемоний. Холодные закуски, простая пища с полковой кухни, из напитков по преимуществу водки, настоянные на травах, кореньях и ягодах. А нередко и просто «тычок», то есть сто граммов без закуски. Особенно на рыбалке или за картами.

— Дело ведь не в том, Игорь, чтобы от врага избавиться или территорию для дальнейшего освоения очистить, хотя и это тоже надо, не спорю. — Князь вдумчиво намазал кусок белого хлеба вологодским маслом, положил сверху пластинку балыка, не чокаясь с Чекменевым, опрокинул рюмку, смакуя, закусил.

— Ты не стесняйся, не стесняйся. У нас не званый обед. Хочешь есть — ешь, пить — пей. На меня не смотри.

А маштаковскую идею я с самого начала понял и тут же начал ее в другую сторону крутить. Меня возможность проникнуть в свободную от людей страну с неповрежденной инфраструктурой куда больше заинтересовала. Что он говорит по поводу возможности сходить туда и вернуться?

Чекменев мгновенно понял, что имеет в виду князь. А ведь действительно! Такой шанс со времен великих географических открытий ни одному правителю судьба не предоставляла.

Перспектива ведь — дух захватывает. Найти путь в параллельный мир, абсолютно идентичный нынешне-

му, но — безлюдный. Никому не принадлежащий. Без всяких войн, завоевательных походов, риска и потерь ты становишься хозяином целой планеты.

Этой самой планеты. Германия, Франция, Англия, Америка, нынешние союзники, которые в то же время сухой корки бесплатно не дадут, не говоря о продукции высоких технологий. А так — обеспечить надежный переход туда и обратно и хоть железную дорогу строй!

Да нет, и строить не надо — дороги, и железные, и шоссейные, и морские — уже есть! Только терминал оборудовать надо, секретный стык здешних и тамошних коммуникаций. Туда трофейные команды перебрасывай, здесь добычу принимай.

И вообще, если маршрут отлажен, можно будет жить хоть здесь, хоть там, в свое полное удовольствие...

— Гениально, Ваше Высочество! Вот этой проблемой мы и займемся немедленно.

— Лстить мне не надо, Игорь. Похоже, служба начинает тебя портить. Лучше водки выпей.

Чекменев выпил, с неприятным ощущением, что действительно начал делать ошибки. Ему вдруг показалось, что князь уже начал вживаться в роль будущего диктатора-самодержца, смотреть на окружающих с подающей надменностью, считать произносимые слова истиной в последней инстанции. И что-то дрогнуло у него в душе.

«Нет, наверное, больше всех прав Ляхов. Немедленно следует самому провериться на его «верископе» и всех на нем проверить. Ужас, что делает с нами причастность к власти». Генералу на самом деле стало стыдно. От кого-кого, а уж от самого себя не ждал он такого ползучего, изнутри возникающего раболепства.

И неоднократно уже обсуждавшаяся им с Ляховым проблема подбора кадров представилась в несколько новом свете.

Тут же, пересиливая себя и одновременно испытывая некоторое даже мазохистское удовольствие, он, предварительно выпив еще одну рюмку зеленоватой, на чесночных зубках, водки, сообщил князю суть посетивших его мыслей:

— Да, Игорь, в том и беда. Совершенно также моментами и я себя ощущаю. Одно дело — заштатный Местоблюститель, совсем другое — вообразить себя Императором, равным Александру Второму. Воображаю: вот, не для собственной корысти, для блага державы исключительно возьму всю полноту власти, стану править мудро, строго и так далее... И останавливаю себя. А сумею ли?

— Олег Константинович, если почитаете дневники ваших предков и предшественников, увидите: всех их эта тема волновала. Хотя и не в той мере. У них легитимность власти вопроса не вызывала.

— У меня тоже не вызывает. Я другого боюсь. Выпьем?

— Выпьем.

После третьей рюмки проблемы стали рисоваться несколько в ином ракурсе. Все же Игорь и Олег Константинович были друзьями еще с тех пор, когда вопросы власти и взаимоотношений внутри нее так остро не стояли.

И на «ты» разговаривали спокойно, и не брали в голову возможности будущих исторических свершений.

— Ты, помнится, говорил что-то насчет Тарханова. Будто бы Маштаков его словчился в параллельное время перекинуть и тут же обратно вернуть. Так? — спросил князь.

— Так. Он, испуганный вторжением наших ребят, решил воспользоваться своим аппаратом, выбить их всех в другое время, а потом спастись самому. Но сработало только на Тарханова, причем всего на несколько секунд. Полковник выскочил в странное место и тут же вернулся обратно. Маштаков потом сам был очень удив-

лен и связал этот факт с тем, что Сергей уже попадал под воздействие прибора и приобрел некоторую... сенсификацию¹.

— Забавно. Тогда и Ляхов тоже?

— Можно предположить, — согласился Чекменев.

— Так отчего на них данный эксперимент еще раз не провести? Совершенно добровольно, разумеется. Или — не добровольно. Присягу они давали, чины и награды приняли. Пусть и дальше послужат. Чем рейд в тыл врага опаснее прогулки в иное время?

— Знаешь, Олег, — перешел Чекменев на дозволенное ситуацией обращение, — тут, по-моему, несколько другое.

— Не вижу, — пожал плечами князь. — Настоящий солдат должен с готовностью хоть в ад пойти по приказу и сатану за хвост притащить.

— Но посылать обоих сразу... У Ляхова сейчас еще один очень важный проект в разработке. Методика выявления генетических возможностей и составления полной карты личности любого человека. Помнишь, мы говорили?

— Я все помню. Тема важная, но не первоочередная. Там, кажется, у тебя еще кто-то научной стороной занимается? Вот пусть они все доведут до стадии массового применения, а потом Ляхов вернется и приступит. Причем ты мою мысль целиком не уловил. В том и смысл, чтобы их обоих сразу проверить. Если для перемещения в параллельный мир необходима предварительная сенсификация объекта — значит, следует отрабатывать этот процесс. На них-то воздействие было шоковым, а требуется нечто помягче, желательно — вообще неощутимо для кандидатов в «хрононавты». Если же это независимый, доступный любому неподготовленному человеку эффект — тогда совсем другое.

¹ Сенсификация — повышение чувствительности организма к воздействию каких-либо факторов (лат.).

Кстати, в дальнейшем и первую, и вторую программы можно объединить.

Короче, тема тебе поручена, ты и работай. Мне — результат доложишь. Не собираюсь тебя учить, но операцию проведи так, чтобы никто из ее участников, да-да, Ляхова с Тархановым это тоже касается, до последней секунды ни о чем не подозревал. Слишком многое стоит на кону, и слишком много утечек информации происходит последнее время. А у меня другие заботы тоже есть. Пока свободен. Срок — неделя. Получится раньше — хорошо.

Чекменев направился к себе, соображая, как все поаккуратнее организовать. Ему не очень хотелось использовать полковников втемную, но и в словах князя свой резон был.

Игорь до сих пор окончательно не решил, как следует относиться, например, к связи Ляхова с семейством Бельских.

Пустить до времени все на самотек, наблюдая за деятельностью Вадима со стороны, или перехватить инициативу, рискнуть, поехать к прокурору домой, ни в коем случае не в контору, и бросить карты на стол. Или, мол, ты полностью с нами, или...

А что — «или»? Убивать его, что ли, если разговор не сложится? Вариант кризисный, совсем несвоевременный. Придется еще потянуть, по-прежнему полагаясь на дипломатические способности Вадима. И ждать, когда система «верископ» заработает в полную силу.

Черт, не хватает людей, категорически не хватает, а клубок событий и проблем запутывается слишком быстро.

...Буквально о том же, о катастрофической нехватке надежных и талантливых помощников, думал сейчас и князь, прижавшись лбом к оконному стеклу, глядя на

★ коловращение людей в пространстве между Манежем и Китайгородской стеной.

Отчаянный, безрассудный и безответственный риск был не в характере Олега Константиновича. «Аут Цезарь, аут нихиль!»¹ — не его девиз. Шансы на выигрыш велики, но цена проигрыша неприемлема.

Проклятый человеческий фактор! Пойти на мятеж, ну не на мятеж, конечно, а на «восстановление исторически присущей России системы государственного управления», и в момент, когда ничего уже нельзя будет изменить, вдруг узнать, что армия, четырехмиллионная Российская армия его не поддерживает. И даже не сохраняет нейтралитет, а выступает на стороне «законного правительства».

Вот и конец, не только его личным планам, это бы еще не беда, всегда можно, по южноамериканской традиции, бежать на самолете, в окружении верных соратников, в места достаточно комфортные и безопасные. Или, что тоже не исключено, пасть в последнем бою на Кремлевской стене.

Главная, непоправимая беда и его историческая вина будет в том, что навеки окажется похороненной святая идея возрождения самодержавия.

Оттого-то, не раскрывая главного, стратегического замысла даже Чекменеву, он так ухватился за идею параллельного времени, или пространства, какая разница. Нет, материальные ресурсы, которые можно оттуда извлечь, его интересовали тоже. Но главное — это возможность маневрировать своими незначительными вооруженными силами за пределами этого мира. Только представить — полк, бригада или дивизия исчезают в заранее подготовленный портал, беспрепятственно совершают марш-маневр на любое расстояние, строятся, как на учениях с условным противником, в боевые по-

¹ «Или Цезарь, или никто» — или все, или ничего (лат.).

рядки и наносят внезапный, неотвратимый удар, пусть и по многократно превосходящему неприятелю. После чего осваивают захваченную территорию или опять уходят в безвременье, исходя из задачи и обстановки.

Такое не снилось ни одному полководцу, от Рамзеса до Брусилова и Блюментала.

Но все это — если у Чекменева что-то получится.

А пока... Пока события развиваются в предсказанном направлении.

Сегодня премьер-министр связался с князем по селектору и предложил направить на Кавказ Первую и Вторую Гвардейские дивизии. Для проведения сплошного прочесывания местности и ликвидации баз «инсургентов» — так он выразился, по ту сторону Большого Кавказского хребта, вплоть до Батума и Карса.

Поскольку, по его словам, Северокавказский округ достаточными силами не располагает. Дай бог, чтобы в своей зоне ответственности управился. Боеспособные дивизии Закавказского округа, согласно мобилизационному плану, разворачиваются непосредственно на турецкой границе, и им нужен надежный тыл.

Вот и получается, что без Гвардии ну никак не обойтись.

Третью же, и последнюю, дивизию князю предлагалось перебросить в Привислянский край. Там тоже беспорядки начинаются и грозят быть масштабными.

Формально премьер был прав. Гвардия являлась неотъемлемой частью Российской армии, причем наиболее боеспособной, и не могла не выполнить приказ правительства и военного министерства.

Но ведь и замысел проницательного и хитрого, очень соответствующего своей фамилии, премьера был Олегу Константиновичу ясен. Экспедиционный корпус, раздерганный побатальонно и связанный боевыми задачами в десятке горячих точек от Порт-Артура до Адена, подчинялся князю чисто номинально, фактически же

ему не принадлежал. А без трех последних дивизий полного штата он оставался «голым».

Ровно как царь Николай в пятнадцатом году. Там ему тоже подсказали для скорейшей победы бросить в Мазурские болота Гвардию. И победы не получилось, и в нужный момент бунт в Петрограде подавить некому было.

Так и сейчас. Устранять его, конечно, никто не осмелится, но на ближайшую перспективу он превратится в фигуру чисто номинальную. А уж какие новые законы Дума осмелится принять, пользуясь столь выгодным положением, и подумать страшно. И чрезвычайное положение введет, и Гвардию расформирует, а то и само Местоблюстительство упразднит. Знаем, как это делается, историю учили.

В достаточно деликатной форме князь ответил, что задание, разумеется, выполнить готов, но имеются некоторые трудности. Подготовка дивизий к передислокации и выполнению боевых задач займет как минимум две недели. Сама транспортировка с техникой и снаряжением в указанный район — еще столько же. Следовательно, в действие первые подразделения смогут вступить не раньше чем через месяц.

Он, конечно, отдаст приказ немедленно и сам готов возглавить вверенные ему войска, но не проще ли будет объявить мобилизацию во всех трех казачьих войсках Юга России? Этим будет выиграно не меньше двух недель, а его части по мере прибытия смогут вступать в действие на уже подготовленном и разведанном театре, там, где это действительно необходимо.

Премьер поблагодарил за совет, но сообщил, что по ряду политических причин это невозможно. Одно дело, если наведением порядка в инородческих областях займутся войска центрального правительства, это дело обычное, а вот выдвижение туда казаков непременно будет использовано для усиления антирусской

пропаганды и дальнейшего разжигания сепаратистских настроений. Так что, Ваше Высочество, сами понимаете...

Осталось ответить, что по получении соответствующим образом оформленного боевого приказа о вступлении Гвардии в кампанию он немедленно приступит к его выполнению.

Флигель-адъютант доложил, что вызванные князем лица прибыли и ожидают в малой приемной.

— Пригласите.

В кабинет вошли и выстроились вдоль стены согласно чинам и должностям начальник штаба округа генерал-лейтенант Нащокин, начальник ВВС генерал-майор Агеев, командиры дивизий генерал-майоры Слонов, Каржавин, Ливен.

— Без церемоний, господа, без церемоний. Располагайтесь, можете курить. Дело у меня к вам такое...

Князь вкратце изложил суть разговора с премьером.

— Приказ еще не поступил, поэтому можете высказываться совершенно свободно, господа Совет, — он намеренно употребил петровскую формулу обращения к сподвижникам, давая понять, в каком качестве их сейчас воспринимает, и предлагая при обсуждении руководствоваться соответствующими правилами. То есть мнения высказываются, начиная с младшего из присутствующих, обсуждаются на равных, решение же принимается единолично председательствующим, причем участникам совещания оно может и не сообщаться.

Поскольку четверо из присутствующих в чинах были равны (и все являлись членами клуба «Пересвет», то есть принципиальными единомышленниками), слово взял младший по производству в генералы комдив-два Каржавин.

— Приказ саботировать до последней возможности.

Пока они его там нарисуют, пока доставят фельдъегерем, пока Ваше Высочество его рассмотрит — уже неделя. Мы, естественно, отыщем в нем ряд несообразностей, составим протокол разногласий, направим в Питер. Дождемся ответа. Затем устроим бурный бег на месте. В общем, действуем точно по той же схеме, как командующие фронтами Эверт и Иванов в мировую войну. Оттянем дело месяца на полтора, а там видно будет.

Генерал усмехнулся улыбкой Арамиса, разгладил пшеничные английские усы и сел на место.

Следующим взял слово комдив-три, князь Ливен, правнук и внук полных адмиралов, странным образом избравший армейскую карьеру. Сухощавый блондин с голубоватыми, как лед на изломе, глазами. Это же очень долго думали аналитики премьера, изошренные в интригах, чтобы именно его, остзейского немца, предназначить для умиротворения Польши.

— По-моему, приказ следует исполнить со всем рвением. Тем самым мы без лишних усилий получаем возможность сосредоточить войска в ключевых районах и в случае необходимости поддержать выполнение «главной задачи» воздействием извне. Или — аргументированной угрозой такого воздействия. С юга на Ростов — Воронеж, с запада — на Ригу и Ревель. Кроме того, своей дивизией я легко могу взять под контроль Балтийский флот. Кое-какие связи у меня там имеются, почти половина командиров крупных кораблей нам сочувствует.

— Согласен с князем, — коротко сказал комдив-один Слонов, фамилия которого не имела никакого отношения к известному животному, что он постоянно подчеркивал соответствующим ударением. — При одном условии. Еще до получения приказа следует объявить учебные сборы приписного состава, это в вашей власти, Ваше Высочество, развернуть четвертые батальоны строевых полков до полного штата, укомплектовать кад-

рированные четвертые полки, что практически даст нам дополнительно две полнокровные дивизии.

Используя выигрыш времени для их приведения в соответствующую боеготовность, мы в результате сохраняем баланс сил на территории «Московии» и в то же время внедряем «пятую колонну» в ключевые точки «Республики».

— Тем самым «питерские» получают результат прямо обратный желаемому, — удовлетворенно кивнул начальник ВВС, он же Великий магистр клуба «Пересвет» Агеев. — Но, Ваше Высочество, предупредите премьера, что ни одного самолета или вертолета я для переброски и поддержки наших войск выделить не могу. Крайняя изношенность техники из-за многолетнего недофинансирования, отсутствие горючего, слабая подготовка летного состава для действий в незнакомой горной местности. С 1993 года, то есть с момента вашего вступления в должность, наши заявки выполнялись менее чем на треть. Убедительный отчет готов представить. Или пусть предварительно обеспечат поставки техники, ГСМ и вооружения в полном объеме, с учетом задолженности прошлых лет, или — обходятся своими силами.

Выступление Агеева князю понравилось.

— Цифры в отчете точные? Не подкопаются?

— Ваше Высочество!

— А на самом деле?

Генерал сделал обиженное лицо.

— Ваш великий предок любил повторять: «Деньги брать и не служить — стыдно!»

— И у кого же вы их берете, если центральная власть не дает?

— Патриотически настроенных и достаточно состоятельных людей среди наших друзей хватает. В итоге введенные мне силы готовы к выполнению любого вашего задания.

Князь кивнул, всем видом изъясняя Высочайшее благоволение.

— Представьте списки доброхотов для соответствующего заслугам поощрения.

Ваше слово, Денис Александрович, — обратился он к старшему из членов Совета, генерал-лейтенанту свиты Нащокину.

— Обобщая, хотел бы сказать, что все высказанные мнения заслуживают внимания. Если вам не будет благоугодно приказать иного, взял бы на себя труд свести результаты обсуждения воедино и представить вам в виде проекта секретного приказа по округу.

— Исполняйте. Одновременно разрешаю господам генералам произвести все необходимые кадровые перестановки офицерского состава, исходя из предварительных результатов обсуждения. Все свободны. Вы, Алексей Михайлович, — попросил князь начальника авиации, — задержитесь на минутку.

Олег Константинович был доволен итогами совещания. Прежде всего, оно окончательно подтвердило, что высший комсостав округа полностью разделяет его взгляды и готов идти до конца. Коварный план премьера правильно понят всеми и тут же обращен в свою противоположность. Великолепный пример принципов японской борьбы. Разгадай замысел противника и используй его силу против него же.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

После двух напряженных недель, когда Тарханову впервые пришлось руководить деятельностью всех трех отрядов «Печенег» и нескольких вспомогательных подразделений, причем в круглосуточном режиме, наступило некоторое затишье.

Началась рутинная работа, уже не требовавшая дневать и ночевать в своем новом кремлевском кабинете, принимать самостоятельные, подчас рискованные решения.

По материалам допросов Исраилова и Герасимова всю территорию «Великого княжества Московского», как все чаще, вроде бы и в шутку, а вроде и нет, называли посвященные люди подведомственную Местоблюстителю территорию, прочесывали «частым гребнем».

Выявляли связи, арестовывали, иногда поодиночке, а когда и целыми группами. Для прикрытия обычно подбирали уголовные статьи, благо, по известной поговорке, был бы человек...

Вскрывали тайники, отслеживали банковские счета, устанавливали «прослушки» и перлюстрировали письма.

Допрашивали задержанных, кого-то с ходу перевербовывали и вводили в игру.

Попутно почистили и агентуру петроградских служб, скорее в превентивном порядке. Здесь действовать приходилось особенно тщательно, чтобы у их кураторов в столице не сложилась слишком рано общая картина происходящего.

Потом-то все равно разберутся, когда уловят тенденцию и сопоставят факты, ну так это когда еще будет.

Тарханов сидел у себя в кабине, скорее по привычке к дисциплине, поскольку время все же было рабочее, хотя вполне мог бы уйти до вечера, когда нужно будет подписывать очередную оперативную сводку. Сидел и мучился, потому что испытывал чувство вины по отношению к Татьяне. Привез, получается, девушку в Москву и бросил на произвол судьбы.

Пусть она и успокаивала его постоянно, что ничего страшного, так она его службу себе и представляла, все понимает, а заняться ей есть чем. Всю жизнь мечтала именно об этом — совершенно свободно, никого не

утомляя и ни от кого не завися, пожить вот так, для себя. Ходить по музеям, магазинам, просто по улицам, обедать в уютных кафе, покупать билеты в театры на лучшие места.

Сергей чувствовал, что Татьяна не совсем искренна, разумеется, ей гораздо приятнее было бы пойти в театр или в ресторан вдвоем, но что теперь поделаешь?

Зато хоть в средствах она была не стеснена. Тарханов в первый же день вручил ей две пачки двадцатипятирублевки в банковской упаковке и настроено приказал до окончания «аврала» непременно их потратить.

— Приоденсья как следует, чего еще там нужно, все купи, ну и это, вообще, — не слишком связно выразился он, несколько беспокоясь, правильно ли девушка поймет его побуждения. — Вот освобожусь, светская жизнь начнется. К Вадиму с Майей в гости пойдем, в офицерское собрание, в общем, сама понимаешь...

Вопреки опасениям, Татьяна отнеслась к деньгам без комплексов. Наверное, считала, что их нынешние отношения вполне предполагают подобное. А сумма, которая по пятигорским меркам выглядела огромной — намного больше ее годового заработка, здесь не представляла собой ничего особенного.

Поскольку, тоже впервые в жизни, Татьяна стала посещать магазины и лавки совсем другого класса.

Даже дома она старалась проходить, не оглядываясь, мимо гораздо более скромных витрин.

...Сергей было уже окончательно решил, что нечего зря штаны просиживать, пора и о собственном будущем подумать. И для начала нужно позвонить Татьяне, предложить встретиться где-нибудь в центре. Он снабдил ее спепрадиотелефоном, что, в общем, тоже было нарушением режима секретности, но кто мешает ему

считать девушку особо важным агентом? Должность позволяет решать такие вопросы единолично.

Только он потянулся к аппарату, как в кабинет вошел Чекменев. Тарханов про себя выругался.

— Помнишь ваш разговор с Маштаковым в автобусе? — спросил генерал, привычно присаживаясь боком на подоконник.

— Естественно. Как бы я мог его забыть? А что тебя конкретно интересует? Вроде уже не раз все проиграли. И сам клиент уже и не по моему ведомству проходит.

— По твоему ведомству все проходит, все, что мы сочтем необходимым в данный момент.

Если начальство говорит, значит, так оно и есть.

Но однако, что имеется в виду, Сергей пока не мог сообразить. Приказ он выполнил, Маштакова передали в распоряжение специально на то назначенных людей, инженеров и ученых по преимуществу. Разместили его в Кремле, где за охрану отвечает собственная служба. Так что теперь требуется от него?

— Ты помнишь, что он сказал о тебе лично? Что такого случилось с тобой в том бою?

— Ну конечно. Он сказал, что на перевале генератор сработал, но с выключенным синхронизатором... так что мир просто слегка встряхнуло на месте. Нас же с Вадимом определенным образом... контузило. И мы теперь особенно чувствительны ко всему, что связано со временем. Причем это, очевидно, относится не только ко мне, но и к Ляхову. К нему, пожалуй, даже в большей степени. Я-то в момент срабатывания был без сознания, а он в порядке и свои ощущения описывал довольно ярко. Покрутило и поломало его так, что он подняв себя приходил. Примерно в этом смысле выразился Маштаков.

— Не примерно, а почти дословно он так сказал. Хо-

рошая у тебя память. Мы с Розеном в Хайфе тоже имели в виду, что вас контузило, в обычном, конечно, смысле, да и кому бы в голову иное пришло, — кивнул Чекменев. — А теперь бы надо вас обоих поглубже обследовать, только вот как?

Тарханов выругался еще раз, только позатейливее. Еще глубоких обследований ему не хватало. Он представлял, что это может значить. Положат в отдельную палату, как тогда в Хайфе, начнут всякие кардиограммы снимать...

А с Татьяной как же?

Вот тебе и отпуск, и медовый месяц...

— Да к чему? Вадим меня уже осматривал, на «верископе» своим гонял, помог вспомнить подробности, но по поводу каких-либо изменений в организме или личности ничего не сказал. Что там тот Маштаков может, он вообще не врач. Пусть на бумажке формулы пишет, а я ему не дамся. И зачем это тебе вдруг потребовалось?

— Князь заинтересовался, — не стал темнить Чекменев. — Не тобой лично. Его большая стратегия волнует. Нельзя ли проникнуть в тот мир, в котором ты побывал, на более длительный срок и собственными глазами посмотреть, что там творится?

Ты к такому заданию как отнесся бы? Сам понимаешь, раз сенсбилизация именно с вами произошла, с посторонними может просто ничего не получиться.

Идея показалась дикой и привлекательной одновременно. Мир, в который довелось заглянуть одним глазком, интересовал и манил. Опасностей же в предприятии Тарханов особых не видел. Любой разведпоиск в боевых условиях — дело в сто раз более рискованное. Тем более по теории Маштакова там должно быть абсолютное безлюдье.

— Отнесся бы я вполне спокойно, как к любому приказу. Только вот насчет гарантий возвращения хоте-

лось бы выяснить поточнее. Поскольку без возвращения предприятие теряет смысл.

— Это мы выясним. Лишь бы в принципе ты был согласен.

— Может, Вадима тоже к этому делу привлечь? Вдвоем оно сподручнее. И нагляднее.

Он не знал, что именно в таком ключе уже и состоялся разговор у князя с Чекменевым.

— Думаю, это можно устроить. Только все равно сначала с Маштаковым нужно все тщательным образом обсудить. Может, и припутнуть, чтобы не учинил какую-нибудь пакость... — небрежно ответил генерал.

— Да теперь-то зачем пакости устраивать? Ему теперь только о том, как выслужиться, думать приходится, — возразил Сергей. — Это там, в Пятигорске, он с перепугу и отчаяния последний, как ему показалось, шанс использовать решил. И если я в той обстановке вернуться сумел, то уж сейчас... С ним же наши инженеры работают, небось разобрались уже, куда нажимать и за что дергать.

Вдруг Тарханов задумался. А так ли все обстояло, как ему запомнилось? На самом ли деле он перенесся в иной мир в своем физическом теле? Не было ли это только иллюзией? Как Маштаков спросил его: «Где вы сейчас были?»

Значит, факт перемещения он заметил. А остальные? Просто не уловили слишком краткий миг исчезновения — возвращения или его на самом деле не было?

Придется брать Вадима, ехать к Маштакову и говорить с ним по душам.

— Когда приступать будем? — смирившись с тем, что планы провести несколько дней в тесном общении с Татьяной снова откладываются.

— Да, возможно, и завтра. Я тебе перезвоню.

...Завтра ничего не получилось, а послезавтра была суббота. Тарханов, предупредив Чекменева, договорился с Вадимом совместить приятное с полезным. То есть организовать пикничок. На природе с девушками отдохнуть, поскольку получалось как-то странно. Вроде отпуска у обоих, а со всех сторон возникают вдруг неотложные задания, то без одного, то без другого не решаемые.

А теперь еще появилась новая перспектива, неизвестно что сулящая. Это тоже следовало обсудить в неофициальной обстановке.

Тарханов на служебном вездеходе, гораздо лучше подходившем для выезда в глухие тверские леса, нежели его «Мерседес», подобрал Вадима у ворот его дома. Тот загрузил в машину тяжеленный альпинистский рюкзак и вдобавок кастрюлю с маринованной для шашлыка бараниной.

После не слишком удачно сложившейся речной прогулки они решили провести время просто на природе, на берегу укромного лесного озера в полусотне километров от Москвы. Костерок запалить, рыбку с лодки половить, если повезет — наладить настоящую уху с дымком.

Майя традиционно запаздывала, и Вадим уже собрался подняться к ней в квартиру и поторопить, но она наконец появилась в проеме парадного.

С собой у нее тоже был рюкзак, не такой неподъемный, как у Ляхова, но собранный по всем правилам для двух- или трехдневного похода, как уж получится. К нему приторочена компактная палатка-гималайка, в которой можно ночевать одному или вдвоем даже и на леднике.

Оделась она в узкие голубые джинсы, сшитые на заказ коричневые кожаные сапожки, проложенные внутри рыбьим пузырем, не в пример легче и удобнее резиновых, но такие же непромокаемые. На плечах ще-

гольская лайковая курточка светло-кофейного цвета, под ней тонкий свитер в цвет брюк.

«Симпатичная девушка, столичная», — с некоторой завистью подумала Татьяна, в очередной раз ощутив свою провинциальность. Думала, раз в лес, на рыбалку едут, так и костюм себе выбрала подходящий, чисто туристский, из темно-зеленой плотной и одновременно мягкой ткани, походные ботинки на толстой подошве.

Специально в магазин «Охотник» сходила, триста рублей оставила, примеряла, радовалась.

А оказывается, здесь на рыбалку по-другому ездят.

«Нарядилась, как в кино из красивой жизни. Свеженькая такая, веселая, только нас увидела — и рот до ушей, тридцать два зуба напоказ».

И тут же загадала, что, если все с Сергеем сложится (тьфу-тьфу-тьфу), будет с Майей дружить и сама научится всему, что в их кругах принято.

«Я же тоже полковницей буду, Сергей с Вадимом друзья лучшие, значит, и мы с ней должны...»

Устроившись на широком заднем сиденье, Майя чмокнула в щеку Ляхова, пожала руку Тарханову.

— А вы Таня, я про вас уже слышала. Вадим рассказывал про ваш героизм в Пятигорске. Ужасно, конечно, но и здорово. Жаль, что меня там не было.

— А что? — продолжая удивляться ее жизненной силе и непосредственности, спросила Татьяна.

— Да что? Пистолет себе раздобыла бы, тем более автомат. Мы с Сергеем им такое б сделали! Сказка. Я знаешь как стреляю! Вот приедем, покажу. Вадим, у тебя с собой?

— Как всегда.

— Вот и постреляем. Ты, Таня, любишь стрелять?

— Не особенно.

— Зря. В наше время девушке следует уметь классно стрелять и всегда носить при себе хоть маленький, но пистолетик.

— Что же ты сейчас без него? — попыталась уязвить ее Татьяна.

— Да при таких кавалерах зачем мне? Они и в пустыне среди барханов хоть пулемет, хоть что другое найдут...

Здесь Татьяне возразить было нечего. Сама видела.

Машина вывернулась из переулков на прямую трассу, и девушки сразу начали хором обсуждать свою несчастную судьбу, заставившую их иметь дело со столь неудобными кавалерами.

— У всех людей по два выходных, а у этих тоже два — один летом, другой зимой, — съязвила Майя, одновременно подмигивая Татьяне.

Та с облегчением подумала, что с такой подружкой дело иметь стоит. В острой ситуации всегда возьмет лидерство на себя, а в процессе нормальной жизни — еще посмотрим...

— Это просто у Серегиного начальника такой характер, — немедленно включился в тему Ляхов. — Есть такие люди, не выносят, если подчиненные спокойно отдыхают. Стоит заболеть или уйти в отпуск, обязательно начинают звонить, спрашивать о чем-то, просят заскочить на работу «буквально на пару минут». Я в подобных случаях обычно посылал, но грамотнее и безопаснее в первый же день отпуска исчезнуть с концами. Что и Сергею советую, раз пока официально, приказом, не отозвали. Помог, чем мог, пусть и на это спасибо скажет.

Его слова встретили горячее одобрение Татьяны, с которой он виделся всего лишь второй раз, но отношения как-то сразу сложились.

— Видали мы таких умных, — пробурчал Тарханов, на стосорокакилометровой скорости обгоняя рейсовый автобус.

Озеро Стройное, расположенное в таких глухих дебрях, куда и татаромонгольские тумены не сумели до-

браться, пусть и находилось оно всего в паре десятков верст левее оживленной дороги Москва — Тверь, встретило их как долгожданных гостей.

Овальное зеркало серебристо-серой воды, окруженное сосновым бором, с одной стороны выгоревшим, то ли от молнии, то ли от неосторожно разведенного костра. Грустно и мрачно торчали на фоне могучих бронзовых стволов и зеленых крон черные обугленные хлысты.

Словно по заказу сгустились в небе облака и опять, как тогда, в Пятигорске, потянул сырой туман, мягко давящий все посторонние звуки.

Поэтому тишина превосходила все санитарные нормы.

Тарханов даже поежился непроизвольно, так ему это все предыдущее напомнило.

После того как заглох мотор машины, хотелось потрясти головой, прочистить пальцем или спичкой уши.

Несмотря на то что плеск мелкой волны в берег слышался отчетливо.

— Эх, как же все равно хорошо, господа! — возопил Ляхов, подбегая к урезу воды.

Главное — впереди два дня абсолютной свободы и удовольствий.

Вроде бы случайно, палатки поставили метрах в двадцати друг от друга, по обе стороны от вездехода и намеченного места для мангала.

Тарханов, в отличие от Майи, взял с собой палатку полноценную, немецкую полушатровую «Шармюльцерзее», в которой свободно поместились бы пять человек и в середине можно было даже стоять во весь рост.

— Ну, где же дилетантам тягаться с настоящим специалистом, — признал свое поражение Ляхов, а для себя подумал, что танцевать в палатке он никогда и не предполагал.

Зато «гималайка», пусть и тесная, имеет обивку из гагачьего пуха и надувной пол. При минус сорока можно

★ комфортно обогреться походным примусом. А при нормальной температуре спать, не думая о камешках и су- чьях внизу.

Затем затеяли соревнование, кто в меньшее число ударов свалит топором и разделает на дрова обгоревшую сосну толщиной и высотой с телеграфный столб.

Как ни странно, выиграл Ляхов, возможно, потому, что врачу и фехтовальщику привычнее тонкое обращение с режущими и рубящими инструментами.

Дров заготовили как минимум на две ночи.

Надувать лодку и заниматься рыбной ловлей уже никому не хотелось. Дай бог с шашлыком разобраться.

— Так постреляем? — спросила Майя Татьяна, когда мужчины занялись мясом и шампурами.

— Давай.

Из ляховского «адлера» Бельская на двадцати шагах разнесла в мелкие дребезги четыре пустые бутылки из шести.

В две оставшиеся Татьяна десятью выстрелами не попала ни разу. Правда, при каждом выстреле она успевала предварительно вздрогнуть и зажмурить глаза.

— Эй, барышни, хватит! — заорал на них Вадим. — У меня последняя обойма осталась, а вдруг чего... Лучше пистолет почистите.

— Сам почистишь, — ответствовала Майя, грамот- но, рукояткой вперед, протягивая ему оружие.

Солнце скрылось за вершинами сосен, ветер развел на озере небольшую волну, а туман все продолжал на- ползать из темнеющего леса.

Совсем сказочный антураж, знать бы только, из какой сказки.

Включенный приемник в машине заиграл вдруг «Болеро» Равеля. Классическая музыка, конечно, толь- ко уж больно монотонная. Однако никто ее не слушал.

Говорили громко, шутили, смеялись. Ели шашлык, пили, кто сухое красное, кто коньяк.

Оказалось, что Татьяна умеет играть на гитаре и петь.

— Позавчера, совершенно случайно, зашла в магазин на Арбате, а там та-акие гитары... Одна — вообще удавиться и не жить! — сообщала она, все время стараясь для убедительности хлопнуть ладонью Майю по плечу. — Семиструнка, инкрустированная, ручной работы, начала прошлого века. Цыганская. Не удержалась! Я же свою из дому не взяла. Не подумала просто. И почти даром. Пятьсот рублей.

Тут она опасливо глянула в сторону Сергея, но тот был поглощен спором с Ляховым.

Да хоть бы и услышал, ему что пятьсот, что пять тысяч.

— Зато звук!

Татьяна принесла из машины на самом деле очень красивую, даже на вид старую гитару. И пожелтевшие вставки слоновой кости, и форма вырезов на деке об этом говорили.

— Послушай!

Татьяна прикрыла глаза, взяла несколько аккордов.

— Утро туманное, утро седое...

Пела она на самом деле хорошо. Трогательно.

Майя, чтобы не мешать певице, одной рукой пожала ладонь Ляхова, другой показала поднятый большой палец Тарханову.

Сергей расцвел.

Простодушный он был все-таки человек.

Уже за полночь разошлись по палаткам.

И у тех, и у других все было хорошо. Только по-разному.

Майя изо всех сил старалась, чтобы Вадим забыл о делах и проблемах, которые, как ей казалось, мешали воспринимать ее только как любящую и рассчитывающую на ответную любовь подругу.

А по соседству все было строго наоборот.

Там уже Тарханов пытался оправдаться перед Татьяной за вынужденное невнимание и доказывал, что впредь постарается, и так далее...

В итоге все заснули успокоенными и довольными началом уик-энда.

Утром проснулись на самом раннем рассвете, от пения многочисленных, но неизвестных по названиям и видам птиц.

От автомобильного компрессора надули и спустили на воду авиационный спасательный «клипербот», на котором и в океане вчетвером несколько дней продержаться можно. Поэтому в тихом озере он стоял на воде несокрушимо, как броненосец классического типа, и удочки, и спиннинг с него забрасывать было очень удобно.

— Нет, Вадик, жизнь все ж таки приятная штука, независимо, единственная она у нас или параллельная... — сообщил Тарханов, глядя на быстро розовеющее небо, подернутые туманцем заводы, качающиеся поплавки.

— Мы же договорились!

— Да брось ты. Я «Смирительную рубашку» по твоему совету нашел, прочитал. У кавторанга Кедрова дома столько книг, и Джека Лондона полное собрание имеется, в двадцати пяти томах. Интересно написано. Хотя «Морской волк» мне больше понравился.

Ляхов смотрел на товарища с искренним любопытством и недоумением. Надо же — взрослый человек, на четвертом десятке, полковник с высшим образованием, и только что начал открывать для себя Джека Лондона!

Сам-то Вадим прочел его в тринадцать-пятнадцать лет и с тех пор время от времени регулярно перечитывал. В зависимости от настроения, то «Смок Белью», то «Сказки Южных морей».

— Прочитал и еще раз убедился — все это ерунда, — продолжал Тарханов, — я имею в виду смысл переселения душ. Другое дело, если бы мы сохраняли отчетливую память о прошлых воплощениях. А так, ну какая мне разница, кем я был и кем стану, если нынешняя моя жизнь прекратится полностью и окончательно?

Поплавок косо ушел в сторону и исчез с поверхности воды.

Сергей подсек и выдернул бьющегося на крючке леща с полкилограмма весом. Ну, пусть в триста граммов, все равно здорово.

Клев пошел, и ближайшие полчаса было не до разговоров.

На дне лодки трепыхались и хлопали хвостами по тугой резине больше десятка рыбин, с которыми не стыдно было явиться перед лицом дам, традиционно ждущих на берегу мужчин-добытчиков.

Так же внезапно рыба перестала клевать.

Наверное, потому, что над лесом плавно, как аэростат, поднялось солнце и одновременно в кронах деревьев зашумел ветер. Высокобортный, совсем не водоизмещающий клипербот с нарастающим ускорением погнало к противоположному берегу.

Бесшумное скольжение по воде, мгновенно ставшей из серой голубовато-зеленой, завораживало. Друзья откинулись на тугие секции бортов, испытывая удовлетворенность и атактистическую радость после удачной охоты. Добычи достаточно, чтобы прокормить себя и подруг на ближайшее время, далее же завтрашнего дня, который даст новую пищу, заглядывать не след.

По глотку из обтянутой кожей фляжки, папиросы с длинными мундштуками, которые удобно брать мокрыми пальцами.

— Тебе, Вадик, легко жилось, — возвратился к прежней теме Тарханов. — Папаша-адмирал, дом полная

чаша, семейная библиотека, что еще деды начали собирать.

— Прадеды, — мельком заметил Ляхов.

— Вот-вот. А я в кадетском корпусе с двенадцати лет. Читал, конечно, много, но не то, что ты. Так, может, действительно каждому свое? Я не в интеллигенты метил, в ваньки-взводные, с последующим, если повезет, продвижением.

Кстати, у нас в библиотеке я очень любил брать выпуски «Рыболова-спортсмена». Ты только представь — вечер, ротное помещение на сто коек, отношения между кадетами всякие. Иногда так домой захочется, аж слезы из глаз. А слез показывать нельзя. Уйдешь в учебный класс, там хоть и холодно, и полы асфальтовые, а в углу печка, спрячусь за нее и сижу, читаю, пока дневальный не выгонит...

Лицо Сергея приобрело мечтательное и одновременно грустное выражение.

— Как сейчас помню, один писатель, Солоухин, кажется, про зимнюю рыбалку писал. Здорово. У него там зима, ночь и метель, и у меня так же. Окна высокие, за ними площадь пустая, необъятная, огоньки центральной улицы, Воронцовской, едва-едва за пургой виднеются...

А, да ладно об этом. Я все к чему веду — Чекменев хочет, чтобы мы с тобой снова в тот мир, что я краем увидел, сходили. Если он вправду есть, узнать, как его в военных целях использовать можно.

— Неужто можно? — удивился Ляхов.

— Князь думает, что да.

И пересказал Вадиму то, что услышал от Чекменева.

— Интересно, — привычно усмехнулся Ляхов. — Начальство у нас хорошее, с фантазией. Что ж сделаешь, придется попробовать. Мне, кстати, и самому туда заглянуть интересно было бы. Так, все же, — вернулся он к предыдущей теме, — как нам быть с тем, что мы где-

то там имеем своих двойников или вообще только там и живем, а здесь — ну, я даже и не знаю!

Вадим на самом деле не знал, трогает ли его означенный факт, точнее — гипотеза. В принципе интересно, но и не более.

До тех пор, пока ты еще в силах ощущать себя собой.

Когда перестанешь, искренне уверуешь в нечто другое, это уже будет шизофрения.

Примерно так он и сказал. Успокаивая товарища и себя, наверное.

— Смотри, Серега, как ты свое детство хорошо помнишь. Я тоже, пусть оно у меня и потеплее было. А можно вообразить, чтобы в какой-то иной жизни мы с тобой тоже параллельно сосуществовали и волей Маштакова ли, других высших сил здесь оказались в аналогичных ролях и качестве. Невозможно ведь такое представить?

Тарханов согласился, что да, пусть не невозможно, но крайне маловероятно.

— Значит, погребли обратно. Девушки ждут. И костер, смотри, как здорово распалили...

Вернувшись, поставили варить уху над костром в чугунном казане.

И даже успели ее сварить и начать есть, дуя на ложки и вдыхая чудесный аромат.

Тут и загудел вызов рации дальнего действия в машине.

Достал-таки их Чекменев. На данный момент — действительно достал. В обоих смыслах.

Вадим с интересом наблюдал, как Тарханов, впитавший субординацию с первыми ложками корпусного борща, говорил с генералом, с огромным трудом удерживаясь в рамках.

Нет, ну на самом деле, в кои веки выбрался за город

с девушкой, которой буквально только что сделал предложение, и на тебе!

Ляхов подмигнул одновременно Татьяне и Майе, слушая, как Сергей говорит в гарнитуру звенящим голосом:

— Но мы ведь договорились! Я же в отпуске, в конце концов. Я от вас за двести километров, и вообще еще Александр Третий говорил, что Европа может подождать, пока русский царь ловит рыбу!...

Тарханов, наверное, чтобы иметь возможность оправдаться перед Татьяной, перекинул тумблер с наушников на громкую трансляцию. И все услышали голос Чекменева.

Тот словно даже извинялся.

— Сергей, не нервничай так уж. Я не настаиваю. Но ты же все равно сегодня собирался возвращаться. Вот и приедешь. Ну ты не спеши, отдыхай, а я буду на базе. В домике Бубнова. Поверь, твои права я уважаю. Док-тор с тобой? Вот оба и заскочите, когда вернетесь. Дело всего на полчаса. Просто поговорить надо. Да, на ту самую тему.

По тому, как, прервав связь, Сергей бросил на сиденье наушники, Ляхов уловил степень его раздражения. Но подслащивать пилюлю не захотел.

— Ага, как я и говорил, на минуточку, на полчаса, — злобно сказал он. — Я бы его точно послал. Если не война и не всеобщая мобилизация, видал я их, господ командиров!

У Тарханова так не получалось. Разница между врачом, пусть и военным, и военным-профессионалом. Тем более сейчас — заместителем начальника управления.

Хотя Ляхов демонстративно не торопясь варил уху, разливал по тарелкам ее и по стаканам — сопутствующие напитки, как мог затягивал мероприятие, все равно

отдых был испорчен. Не позвони Чекменев, они, может быть, и раньше бы собрались, но — добровольно.

А тут ешь, пьешь, разговариваешь с девушками, а у тебя словно за спиной стоят и понукают.

Доели, но почти уже не пили, помыли посуду, поехали.

По дороге Ляхов, поддержанный Майей, настоял — заезжаем к Чекменеву все вместе, пусть видит, что мы заняты.

Ты с ним говори, а девушки в машине будут ждать немым укором. Быстрее отпустит, поскольку ничего серьезного у него нет, уверен. И спокойно поедем продолжать ко мне...

— Нет, ко мне, — возразила Майя. — У меня и просторнее, и готовить ничего не придется, все есть.

На том и сошлись.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Чекменев ждал их не там, где рассчитывали Ляхов с Тархановым, а в одном из последних домиков в ряду офицерских коттеджей, стоявшем почти вплотную с окружающей территорию базы оградой.

Над трехметровым бетонным забором с колючей проволокой поверху нависали громадные, уходящие в небо ели с почти черной от старости хвоей. Их лапы кое-где заходили внутрь охраняемой территории, и Вадим удивился, отчего вдруг такая беспечность.

Враг ведь может, используя деревья, почти беспрпятственно проникнуть на базу или с вершины любой ели взять под обстрел чуть ли не каждый дом и любую дорожку.

Так он и спросил Тарханова, на что тот ответил примерно в том смысле:

— Не считай простых людей глупее себя. Мы не все еще книжки на свете прочитали, а вот сделать по ту сторону елок запретку и еще одно заграждение из проволоки в три кола сообразили.

«Выходит, Сергей все ж таки обиделся, — посетовал Ляхов. — А с чего? Ну, не удержал я удивления, что не всего Джека Лондона он в детстве прочел, так и что? Я тоже устав гарнизонной и караульной службы наизусть не знаю, и знать не хочу, но ведь не комплексуя же...»

От ближайшего соседнего дома коттедж отделяла рощица молоденьких, нежно-зеленых сосенок. Почти прозрачная, но от случайных посторонних взглядов все же защищавшая. Хотя откуда здесь возьмутся посторонние взгляды?

Подъехали, поставили машину рядом с беседкой.

— Не сучайте, девчата. Постараемся сократить визит до минимума, — еще раз пообещал Ляхов Майе.

— За нас не беспокойтесь, найдем чем заняться.

В этом Вадим не сомневался.

Недавно познакомившиеся женщины, да еще оказавшиеся в роли подруг близких друзей, всегда найдут о чем поболтать. Как бы и останавливать не пришлось.

В просторной гостиной первого этажа, примыкавшей к застекленной веранде, Тарханов с Ляховым увидели не только генерала Чекменева, но и Розенцвейга.

Майор был хорош.

Будто на одесскую свадьбу собрался. В апельсинового цвета летнем костюме, таких же мокасынах, на шее шелковый пестрый платок вместо галстука, изящно подстриженные волосы, и даже тонкие усики у него вдруг появились.

«Какую же теперь он собрался играть роль?» — подумал Сергей, простившийся с израильянином две недели назад. Тогда он выглядел куда более пристойно и

сообразно своему возрасту и положению. Но удивляться не стал. Просто кивнул.

А в уголке скромно пристроился на диванчике вдобавок и господин Маштаков, которому вроде бы полагось находиться в почетном заключении в Кремле.

Не так много времени прошло после их с Тархановым первой и последней встречи, а он как-то посвежел, вроде бы даже располнел, и вид имел вполне уверенный в себе.

«Что значит — страх исчез, зато чувство приближенности к высокой власти появилось», — усмехнулся про себя Сергей. Однако его здесь присутствие заведомо говорило о том, что Чекменев их обманул.

Понятно, по радио всего не скажешь, тем более — в предвоенный фактически период, когда враги следят друг за другом, как ковбои, уже расставившие ладони над торчащими из кобур рукоятками кольтов.

Но тем не менее...

На обеденном столе, выдвинутом на середину комнаты, громоздились приборы, отдаленно похожие на те, что Тарханов видел у Маштакова в Пятигорске.

Поздоровались. Сергей спокойно, а Вадим с двусмысленной улыбочкой. Обращенной к Чекменеву.

С Розенцвейгом он не виделся еще с Хайфы, оснований предъявлять ему претензии не имел, пожал руку совершенно искренне.

— Какими судьбами, Григорий Львович! Вот уж не рассчитывал в ближайшее время...

— Судьба, Вадим Петрович, только судьба. Однако — по-прежнему рад!

— Ну, тут все старые знакомые, только вот вы еще с одним нашим коллегой не встречались. А он тоже отношение имеет... — Чекменев представил профессора и Ляхова друг другу. Без чинов и должностей, только по именам-отчества.

— Имеет? Интересно. Может быть, и его тоже мне будет позволено просканировать? Заодно с господином Неверовым... — Маштаков взглядом указал на Тарханова, и стало понятно, что определенный разговор тут велся до их приезда и ради этого разговора все и было затеяно.

Сергей уже сообразил, в чем дело, а Ляхов пока что нет.

— Сканировать? Меня? Чего это вдруг? — Вадим уже успел привыкнуть, что эксперименты над окружающими проводит он.

Противоположное попытался проделать только доктор Максим, да и то это у него не слишком получилось.

— Вадим Петрович, — почти просительным тоном сказал Чекменев. — Тут у нас проблема одна возникла. Господин Маштаков заявил, что после случая в ущелье с Арсением произошли некоторые странные изменения личности. Повышенная у него появилась чувствительность к изменениям напряженности хронополя. Вам этот термин понятен?

Ляхов вдруг испытал нередко у него возникавшее последнее время чувство обостренной интуиции, а также и внутреннего протеста.

— Об этом я уже слышал. Но, извините, Игорь Викторович, я не ошибаюсь, вы со мной что-то тоном допроса заговорили?

«Вам этот термин понятен, вам ваши права разъяснили, и вообще назовите свои установочные данные... Добровольно!»

— Нет, что вы, Вадим Петрович, может, я вправду чуть не тем образом выразился. Просто не хотелось, чтобы неясности возникли. Какой допрос? Ответьте попросту, про хронополе слышали?

— Тональность. Тональность у вас не та, Игорь Викторович. Я по своей первой специальности очень к этим вещам чувствительный, — продолжал вроде бы шу-

тить, а на самом деле — ставить на место вообразившего о себе генерала Ляхов.

Он увидел какой-то странный, не то возмущенный, не то просительный взгляд Тарханова.

Мол, зачем ты так, он хоть и был когда-то равен нам, а сейчас-то...

Вадим тут же подкорректировал поведение.

Действительно, зачем обострять? Ему по-прежнему плевать на игры в субординацию, он в любой момент готов забыть и про чины, и про награды, на Академию наплевать, отец хоть на какой пароход врачом устроиться поможет, невзирая на мнение властей, а Сергею-то служить надо...

— Впрочем, извините. Это я на рыбалке, наверное, лишнего выпил. Вот и занесло меня. Очень вредно, когда приходится с одного на другое без демпфера¹ переключаться.

Про хронос, время то есть, слышал. Хронополе, очевидно, производное от этого. Повышенная чувствительность? Раз бывает повышенная чувствительность к напряжению электрических и геомагнитных полей, возможно, и к этому тоже бывает. Не имею оснований сомневаться...

Чекменев не понимал смысла внезапной агрессивности Ляхова и счел ее действительно вызванной опьянением, сопряженным с неожиданно прерванным пикником.

Может, правда, у него были свои, совершенно определенные планы, а тут вдруг полопались. Прокурорская дочка, болтавшая сейчас за окном с подружкой Тарханова, — сильный раздражитель, кто спорит.

Только вот пьяным и даже просто находящимся подшофе Ляхов совершенно не выглядел.

¹ Д е м п ф е р — устройство для предотвращения или смягчения вредных колебаний в электрических, механических и других машинах или системах (нем.).

— Нет, ну правда, Вадим, Арсений, вы присядьте хотя бы. Тут вопрос серьезный.

Господин Маштаков высказал мысль, что вы, попав под луч прибора, по старой памяти именуемого «Гневом Аллаха», приобрели некоторые необычные качества. В частности, вам, полковник Неверов, случилось побывать, пусть и недолго, в некотором странном мире... Что это был за мир, Виктор Вениаминович?

Да, Чекменев старался сохранять видимость объективности. Только вот в чью пользу?

Маштаков ответил с полной готовностью:

— Не знаю. Слишком коротким был пробой. Уверен определенно — в пределах фиксированного места использования аппарата. Что и подтвердил по возвращении господин Арсений.

По времени — не могу сказать ничего. Должно бы было оказаться тем же самым.

А получилось... Со слов господина полковника следует, что там — совершенно другой мир. И в идеологическом смысле, и хронологически. То есть вполне возможно, что прошлое, но вот чье? Нет, я честно не знаю. Если бы самому посмотреть, но господин полковник обладал слишком быстрой реакцией. Он ударил меня по руке так быстро, что я даже не успел увидеть засечек на экране.

Все это время Розенцвейг сидел на стуле справа от Тарханова и Ляхова, с безразличным видом курил длинную сигару, и не совсем понятно было Вадиму, который знал его шапочно, и даже Тарханову, с которым они общались гораздо дольше, какова его роль здесь.

Свидетель ли он защиты (или обвинения?) или просто изображает собой группу поддержки коллеги-генерала? А то и даже — надзирающий со стороны братской спецслужбы.

По крайней мере Ляхову все происходящее нравилось все меньше и меньше. Просто по настрою.

Но линию поведения он решил избрать самую мягкую.

Полез в бутылку сдуру, извинился, а теперь буду молчать. За исключением прямых вопросов. А они тут же и последовали.

— Вадим Петрович, вы не будете возражать, если сейчас станете участником небольшого эксперимента?

— Какого рода?

— Да просто мы посмотрим, совпадут ли некоторые характеристики у вас и у полковника Неверова. Вы оба подверглись одинаковому воздействию определенной силы. У Арсения появились непонятные способности, а у вас?

Вадим опять ощутил резкое чувство тревоги. Не следует ни на что соглашаться.

Сказать — нет, не хочу и не буду? И — уйти? Это, пожалуй, было бы самым правильным.

А с другой стороны?

Чего он боится и чего добьется таким демаршем?

Сергей вон подвергся маштаковскому воздействию, и что? Ничего. Увидел кое-что интересное. А что смогу увидеть я?

— Предположим, Игорь Викторович. Любые новые сведения касательно моих способностей я приму с радостью и благодарностью. Поскольку они позволят еще лучше исполнять мои обязанности и тот план, что я изложил в докладной записке на имя Его Высочества.

Но — последний вопрос. Господин Маштаков, ваша конструкция, способная направлять людей в какие-то иные измерения, оснащена ли она должной системой безопасности?

Если я окажусь там, где уже побывал полковник Неверов, или в ином другом месте, — система возврата у вас отработана?

Маштаков как-то растерянно взглянул на Чекменева, которого уже привык считать своим хозяином.

Но в Ляхове он вдруг почувствовал какую-то более агрессивную силу.

— Извините, о переходе сейчас речи не идет. Я просто хочу посмотреть состояние вашего каппа-ритма...

— Я тоже спрашиваю просто на всякий случай. Поскольку не уверен, насколько вы контролируете свою технику.

Теперь и Тарханов смотрел на него с удивлением и тревогой, а Чекменев так вообще с плохо скрываемым раздражением. Словно Вадим ломал какой-то заранее согласованный, а сейчас вдруг на глазах сыплющийся план.

Но в то, что и Тарханов участвует в неведомой тайной игре, Ляхову верить не хотелось. Очевидно, Сергей просто попал в неловкую ситуацию.

— Не хотите нам помочь — не смею настаивать, — сжав губы в ниточку, заявил Чекменев.

— Да что ж вы так, Игорь Викторович, — наконец и Ляхов достал из коробки папиросу. — Как удивительно у нас разговор пошел. Ладно я. Ну, каюсь, выпил лишку, разозлился, что отдых наш прервали, уху из котелка выливать пришлось, бутылки недопитые прятать. Девушки обиделись. Как будто нельзя было и завтра все эти вопросы порешать. Но вы-то... Могли бы и снизойти, памятуя наши прошлые отношения. Все...

Он демонстративно вытер платком пот со лба, взял со стола бутылку минеральной и сделал несколько глотков.

— Готов предъявить вам свой каппа-ритм. Вместе со всеми остальными... Альфа, бета, гаммами. Если, конечно, солидная доза алкоголя его не исказит в ненужную сторону.

— Вот и хорошо. Пять минут, и вы свободны. — Чекменев тоже изобразил готовность забыть все имевшие место недоразумения.

— Что же касается ваших опасений, — вставил Маш-

таков, покручивая ручки на своем приборе и очень ставший в этот момент похожим на доктора Бубнова, — на примере господина Арсения мы совершенно уверены, что любое смещение временных полей автоматически возвращается к нормали, как только снимается напряжение с контуров. И, значит, что бы с вами ни произошло, даже случайно...

Ляхова тряхнуло так, что он сразу вспомнил площадку на перевале, и взрыв гранат внизу, и собственные мысли по поводу пришедшей, наконец, той самой минуты судьбы, когда следует «...представ перед ликом Бога с простыми и мудрыми словами, ждать спокойно Его суда»¹.

Правда, чернота в глазах, и дурнота, и позывы к рвоте прошли почти мгновенно.

Яркий свет резанул по глазам.

Встряхнув головой, он увидел, что сидит на голой острой щебенке. Справа — Тарханов с ошарашенным видом озирается по сторонам. Чуть дальше — Розенцвейг пытается встать с коленей. А впереди и по сторонам — тот самый пейзаж, который он предпочел бы никогда больше не видеть.

Рыжие, уходящие вниз и вправо отроги гор, перекресток дороги и идущей снизу вверх тропы, выгоревшее бледно-голубое небо над головой. Запахи пыли и пороха.

— Вадим! — услышал он испуганный оклик сзади. — Вадим, что случилось, где мы?

Обернулся.

В десяти шагах от него, держась за руки, привалились спинами к каменистому откосу Майя с Татьяной. Вид у них был испуганный и ошеломленный донельзя.

¹ Гумилев Н. Мои читатели.

Как они, значит, расположились на заднем сиденье машины, ровно в той же позе оказались и здесь.

И целиком мизансцена выстроилась точно по предварительному пространственному положению персонажей. С точностью до метра и углового градуса.

Сознание и воображение Вадима заработало с удивительной скоростью.

Возможно, из-за того самого каппа-ритма, который всем окружающим представлялся очередным непонятным термином, а для него имел вполне определенный профессиональный смысл. И, как правильно говорил Сергей, яркость и отчетливость происходящего значительно превосходили все предыдущее.

Бывает так — сон настолько яркий и убедителен, что, находясь внутри его, считаешь его подлинной реальностью. И, только проснувшись, понимаешь, насколько все там уступало яви.

И сейчас он заведомо выигрывал темп, даже и у Розенцвейга, который из присутствующих должен был знать о случившемся больше всех. Или, наоборот, меньше, поскольку именно здесь никогда не был.

Теперь — брать инициативу в руки. В любом бою выигрывают только так.

Он разогнул колени, метнулся вверх и вправо, схватил израильского майора за лацканы пиджака, встряхнул от души. Надо же куда-то сбросить избыток нервной энергии.

— Говори, гад, говори, зачем вы нас сюда сунули?! Какую пакость придумали? И кто? Ты сам или с Чекменевым на пару? А сам тоже пролетел или так задумали? Ну, говори!

Переход переходом, а «адлер» остался при нем, он его мышцами спины чувствовал. Как сунул сзади под ремень, садясь в машину, так он там и оставался.

А Розенцвейг безоружен — Ляхов за пару секунд успел ощупать и охлопать его карманы, пояс, другие

места, где можно спрятать пистолет или нечто подобное. Значит, вся огневая мощь остается за ним.

— Оставьте меня, Вадим Петрович, — удивительно спокойно ответил Розенцвейг, что странно контрастировало с его не очень бравым внешним обликом.

Никаких физических усилий освободиться он при этом не предпринимал.

— Мы — в одном положении и в одной лодке. А ваша попытка подавить меня морально просто смешна. Не так ли?

Вадим убрал руку. Вдохнул. Да уж, наверное, так.

— Черт с вами. Чекменева здесь, увы, не оказалось. А вы — здесь. Вот я и решил... Но скажите правду теперь-то, какого хрена вы вообще все это затеяли?

— Вадим, — разведчик прижал к груди ладони, — да поверьте вы мне! Ну ничего никто не затевал! Игорь сказал мне, что есть шанс проверить правоту Маштакова в том разговоре, что он вел со мной и с Тархановым. Очень был интересный разговор. Вы должны быть в курсе. Потом Сергей уехал обратно в Пятигорск, а я с профессором еще двенадцать часов общался. И очень всем было интересно...

Познавательную, но неуместную сейчас беседу прервал Тарханов.

Подошел, сплюнул под ноги.

— Кончай трепаться. Успеем разобраться. Девушки вон... Им плоховато. Воды бы хоть найти.

В который уже раз за свою довольно долгую жизнь Ляхов подумал, как хорошо быть врачом. Просто так, для себя, независимо от исполняемой должности.

Там, где обычные, даже очень сильные характером люди впадают в панику от совершеннейшей ерунды, вроде внезапно поднявшейся температуры или порезанного пальца, доктор сохраняет здравомыслие и спокойствие.

Как вот сейчас.

Стоило взглянуть, чтобы сказать, что девушкам было совсем не так уж плохо. Ну, трянуло, ну, кинуло задницами на щебеночный откос. Не страшно. В физическом смысле.

Ошарашенными они выглядели до предела, это точно, сообразить и даже вообразить, что с ними произошло, пока не могли. Когда узнают — реакция может быть куда более острая. Нервная. А так — живее всех живых.

И ведь смешно, почему принято думать, что ежели кому плохо, так непременно нужна вода? Тем более воды под руками, конечно, не было. Откуда ей взяться?

Ляхов оглянулся.

Вдруг, если их закинуло именно туда, рядом может находиться вездеход Тарханова, брошенный тогда на обочине? Но — нет. Не было «Панар-Левассера». Исчез. Или увезли те, кто приехал сюда после боя, или просто так он куда-то пропал.

Вадим подбежал к девушкам.

— Майя, встряхнись! Ничего страшного не случилось. Это просто такой научный эксперимент. С неожиданными последствиями. Голова не кружится, не тошнит?

— Что я, беременная, что ли? С какой радости меня должно тошнить? Копчик побаливает, да. Как раз на камень угодила.

— Это не беда, подлечим. А... рюкзаком не сильно об землю стукнула, не течет из него?

— Да вроде нет, — сразу сообразила она, в чем дело. Сама упаковывала перед отъездом с озера.

— Слава богу. Доставай. И водку, и воду. В нашей ситуации протившоковое — жизненная необходимость.

Майя занялась делом, ей принялась помогать Татьяна, тоже совершенно ничего не понимающая, но по природной сдержанности, а также привыкнув уже к экстравагантности ситуаций, в которые то и дело приходится

попадать в обществе Тарханова, вопросов не задающая.

— Идите сюда, Григорий Львович, попробуем разобраться спокойно.

Присев на камень как раз там, где была пулеметная позиция Тарханова и открывалась дорога вниз, до самого места, где погиб шейх и он подобрал контейнер с «Гневом Аллаха», Ляхов принял из рук Майи уцелевшую, по счастью, бутылку. И за время рыбалки не выпитую, и сейчас не разбившуюся.

Пузатенькую ребристую бутылку «Смирновской можжевеловой» в $\frac{1}{20}$ ведра¹.

Отпили по глотку по кругу. Девушки запили минеральной, прочие обошлись и так.

— Почему, кстати, — спросил Розенцвейг, отдышавшись, — все там осталось, а рюкзак — с вами?

— Случайно, — легко ответила Майя. — Я с Таней разговаривала и почему-то карабин ремешка в пальцах крутила. Когда дернуло — он у меня на руке и повис. А мы сейчас где? Неужели именно там, где вы воевали?

— Там мы или не там, еще разбираться надо. А с мешком хорошо. Хотя что-то у нас с собой осталось. — Майор похлопал себя по карманам, нашел одну недавно распечатанную и еще одну полную пачку сигарет, зажигалку, обрадовался и тут же закурил.

— Да уж. Лучше, чем у героев «Таинственного острова». С самого детства удивлялся, зачем они ножи и револьверы из карманов повыбрасывали. Уж лучше бы сапоги. И тяжелее, и пользы от них меньше, — это уже Тарханов вступил в разговор.

Отчего-то он пришел в себя хоть чуть, но позже остальных. Интересно. Данный факт Ляхов тоже отметил. Он вообще решил сейчас примечать каждую, на вид и незначительную деталь. И здравомыслие позволяет со-

¹ 615 граммов.

хранять такая практика, и в ситуации ориентироваться. А главное — для будущего анализа пригодится.

— Майя, вот тебе задание. Раз уж ты хозяйка рюкзака, возьми на себя главную функцию. Проинспектируй наши запасы и впредь контролируй их расход.

— Согласна. Лично при себе у меня ничего нет. Только тюбик защитной помады и несколько салфеток. В рюкзаке мое же белье, одеяло, три банки мясных консервов, одна — баклажанной икры, буханка хлеба в фольге, еще бутылка водки и две сухого красного вина.

Наморщила лоб, вспоминая.

— Да, пакет с ножами и вилками, кружка, котелок, банка кофе. Вот и все. А у вас по карманам?

По карманам оказалась сущая ерунда.

У Татьяны примерно то же, что и у Майи. У мужчин — два пистолета с тремя обоймами, пять пачек сигарет и папирос, еще две зажигалки, два пружинных ножа, носовые платки и три тысячи рублей.

Негусто, однако и с этим прожить можно какое-то время.

Потом Тарханов с Ляховым предложили Розенцвейгу и девушкам посидеть на перевале, в тени склона, а сами решили спуститься вниз.

Гильз, подтверждающих, что в свое время здесь шел тяжелый бой, было достаточно рассыпано и на площадке, и по дороге, вплоть до крайней точки продвижения боевиков.

На месте взрыва ляховских гранат тоже ничего, кроме тех же гильз и осколков, застрявших в сланцевом откосе.

И оружие, и трупы, конечно, вывезли подошедшие сюда после боя полевые части, наши или израильские. Наверняка за время, что Тарханов с Ляховым подвергались допросам, здесь все по сантиметру обшарили.

— Да, все так и было... Не бред, не галлюцинация. —

Вадим присел на камень. Сунул в рот сигарету и тут же подумал, что стоило бы и поэкономить табачок. Мучения Пенкрофа, героя того же «Таинственного острова», два года страдавшего от отсутствия курева, были ему памятны.

Если им придется здесь застрять...

«Ну и что? — сразу же пришла в голову трезвая, хотя и не слишком приятная мысль. — На три дня растянуть наличные запасы табака и еды или на неделю, что меняется? Найдем местные источники питания и снабжения, выживем. Нет — значит, нет».

И поднес язычок пламени к кончику сигареты.

Курилось ему с таким удовольствием, какого он давно не испытывал.

Вверх поднимались медленно, словно бы силы из них вышли, как воздух из пробитой покрышки.

Тарханов подошел к Розенцвейгу, который выглядел достаточно спокойно для не слишком стандартной ситуации.

Мало ли, что Вадим попросил его быть посдержаннее, а он — не желает!

— Значит, ничего ты, Гриша, не знал? — не сулящим ничего хорошего тоном вновь вернулся к прежней теме Тарханов.

— Отчего вдруг на «ты»? — удивился Розенцвейг, тщательно осматривающий позицию и выковыривающий какие-то интересные ему железки из склона.

— Потому что я полковник, ты — майор, и мы сейчас в глубоком тылу врага. И ты пока у меня на подозрении. Как скажу, так и будет.

Нет, действительно, Тарханов словно бы терял самоконтроль. Или, наоборот, брал ситуацию в свои руки. А ведь такое поведение сейчас — непродуктивно. Ляхов это понимал, но пока колебался. Обострять игру или гасить ее?

Помог ему Розенцвейг.

Еврей, одно слово. Да и по возрасту старше их обоих. Нашел удачные слова.

— К слову, Сережа. Я давно уже бригадный генерал — раз. Поэтому прошу соответствующего уважения если не ко мне, так к моему чину. Мы находимся на территории моей страны — два. Об остальном думай сам — три.

— Да мужики, мать вашу! — это уже Ляхов. — Заткнитесь вы Христа и Яхве ради!

И я тоже полковник, и это территория тоже моя. И я один из вас знаю, что делать. Вы что, хотите повторить сюжет «Морского волка»? Хэмп и Магридж, кто круче? Так Жюль Верн для нас сейчас куда актуальнее. И внутреннее согласие в отряде буду поддерживать я, если больше некому. Даже если придется морды бить. А я справлюсь, если что. Водки больше ни глотка. Оставим на крайний случай. Ты, Сергей, молчи. Я буду разговаривать. Вы, Григорий Львович, докладывайте. Медленно и в подробностях.

— Хорошо. Докладываю. Маштакова мы допросили многократно и по всем позициям. Узнали все, что можно, и перепроверили тоже.

Сомнений в том, что он изобрел способ проникать в боковые миры, не осталось. Вы же сами, Сергей, это и подтвердили. У Чекменева возникла идея — провести ключевой эксперимент и, если удастся, развернуть большую государственную программу на эту тему. Вы, как первоначальные участники и объекты, подходили на роль летчиков-испытателей лучше всего.

Незнание сути опыта добавляло шансов на объективность. Маштаков согласился попробовать именно потому, что видел в вас единственных людей, уже подвергавшихся воздействию хронополя. Со странными последствиями. Чекменев дал добро.

Розенцвейг перевел дух. Скользнул, едва двинув глазами, по лицам окруживших его людей.

«Проверяет, как мы его воспринимаем, — отметил для себя Ляхов. — Нормально воспринимаем, Григорий Львович, продолжай!»

Словно уловив его мысленный посыл, новоиспеченный (если он только что придумал себе чин, для поднятия авторитета) генерал продолжил:

— Клянусь, насколько я знаю, первый этап эксперимента предполагал изучение реакции вашей психики, ритмов мозга на плавное повышение напряженности хронополя. Вы, Сергей, подвергались его воздействию дважды, Вадим — однократно. Я согласился быть «контрольным экземпляром». Поскольку находился в то же время в том же месте, но непосредственно удару «Гнева» не подвергся.

Маштаков надеялся на основании сопоставления кривых на осциллографе вычислить оптимум напряженностей для физического переноса в «боковое время» и для проникновения в него в «духовном смысле». Как вы, Сергей, в Пятигорске.

Потому мы и расположились перед прибором таким вот образом. О девушках, что они случайно оказываются в зоне действия, никто даже не подумал.

Уверен, что Маштаков совершенно не предполагал, что выйдет вот такое вместо зондирования психики. В противном случае и я, и Игорь Викторович обставили бы все совершенно иначе. Что получилось на самом деле, почему нас унесло сюда — не знаю. Помнится, и пенициллин изобрели просто потому, что лаборант плохо помыл чашки после предыдущего опыта. Вы удовлетворены?

— Да, пожалуй. Один мой знакомый любил повторять, в дело и не в дело, что не следует искать злой умысел там, где все можно объяснить просто глупостью. —

Ляхов сразу поверил Розенцвейгу, но что делать дальше, пока не знал.

Поэтому стал делать то, что подсказывала психология. Раз он сейчас пока владеет инициативой, нужно удерживать ее как можно дольше.

— До прояснения обстановки предлагаю следующее. Сергей принимает на себя обязанности командира нашей группы. Я — начальник штаба, по совместительству врач. Вы, господин бригадный генерал, будете при нас военным атташе страны пребывания, а также замначштаба по разведке. Майя — зам по тылу. А Татьяна? — Ей должности Вадим с ходу придумать не смог.

— Я буду — личный состав, — уголками губ улыбнулась девушка. — А то кем же вы будете командовать? Годится?

Вроде и в шутку сказано, для разрядки, но и позиции определены тоже.

«Непростая штучка», — подумал Ляхов.

— Какова же, в таком случае, наша ближайшая и последующая задача? — поинтересовался с некоторой иронией в голосе Тарханов. — Предлагай, начальник штаба. Тебя ж в Академии уже научили?

— Ну, раз уж так... Ближайшая — тактическая и оперативная разведка местности, оценка обстановки. Последующая — вернуться домой.

Тарханов желчно рассмеялся, подкидывая на ладони осколок гранаты, найденный только что.

— Интересно, как ты себе это мыслишь?

Вадим не мыслил этого никак, сказал просто то, что могло как-то мобилизовать друзей на разумную деятельность. И тут же пришло решение, на первый взгляд — само собой пришло. Но так ведь не бывает, чтобы совсем уж без причины и повода.

Он протянул руку, взял у Тарханова осколок.

Да, тот самый, от его гранаты. Он только что нако-

нец окончательно поверил, что они действительно находятся там, откуда и началась вся эта история.

Не галлюцинация, не морок. В долю секунды их перенесло за несколько тысяч километров и максимум на полгода назад по времени. Гильзы, разбросанные вокруг, уже не блестящие, только что отстреленные, но и не успевшие еще покрыться слоем окислов.

Примерно так они должны выглядеть через две-три недели после боя. Значит, здесь — конец января нынешнего же года.

Следующий шаг — если они попали на самом деле в «боковое время», как его постулировал¹ Маштаков, шанс выбраться есть. И он довольно реален.

— Видишь? — теперь уже Ляхов показал осколок Сергею.

— Вижу, и что?

— Он — здесь. Значит, и все остальное должно быть здесь тоже...

— Я — понял! — раньше Тарханова воскликнул Розенцвейг. — Гильзы еще не доказательство. Гильзы могли взяться откуда угодно. Но осколок — да. Вы бросили гранату именно этого типа, именно здесь, значит, это — исчерпывающее доказательство. Людей нет, а он есть. Значит, где-то там, — он махнул рукой в сторону севера, — существует и Маштаков, и его приборы... Правильно?

— Абсолютно.

Идея дошла и до Тарханова.

— Короче, нам нужно всего лишь добраться до Москвы — и вопрос решен?

— Надеюсь. Остается одна лишь мелочь. Совпадает ли время в том и этом мире? Если да — нам нужно по-

¹ Постулировать — принимать что-то в качестве исходного положения без доказательств (лат.).

пасть на виллу Чекменева день в день и минута в минуту. Если же не совпадает... — Ляхов развел руками.

— Да и хрен с ним! — Тарханов снова стал самим собой. Есть задача, есть цель, остальное — лишь тонкости практической реализации. — Группа, слушай мою команду...

Розенцвейг, по-мефистофелевски усмехаясь, показал за спиной полковника Ляхову поднятый большой палец.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

И Тарханов, и Розенцвейг великолепно представляли себе дислокацию российских и израильских гарнизонов в этом районе, без всякой карты наметили оптимальный маршрут до ближайшей базы, которая сулила избавление от всех проблем. Хотя бы на первом этапе.

Но все равно им пришлось идти пешком почти двадцать километров по узкой и извилистой горной тропе, пока они не вышли к развалинам древней крепости крестоносцев — Бельфору.

Ливанские горы слегка отличаются от Подмосковья, где двадцать верст по лесным дорожкам — не расстояние. В поисках грибов Майе и больше приходилось проходить, причем с тяжелой корзиной в руках, и испытывала она на финише лишь легкую, приятную усталость.

Здесь же километр по прямой превращался в пять из-за постоянных перепадов высот, то вниз спускаешься, то тропа вдруг начинает серпантинном тянуться к самому небу.

И сапожки ее оказались здесь совсем не к месту. Через тонкие подошвы каждый камешек ощущался, и с каждым шагом все больше. Мягкие голенища совсем не держали голеностоп, то и дело подворачивающийся.

Вторую половину пути она шла, опираясь на руку Ляхова, и сто раз успела доказать, что никакая она не леди, которой полагается называть кошку кошкой, даже споткнувшись об нее в темноте. Майя же почти каждый камень и выбоину аттестовала, хотя и тихо, сквозь зубы, но чисто солдатскими словами.

Татьяна в этой ситуации держалась гораздо лучше. Она еще в детстве облазила все кавминводские лакколиты¹, от Машука и Железной до Бештау, а в студенчестве ежегодно выезжала в институтский лагерь в Домбае. А там парня или девчонку, не сумевших получить хотя бы серебряный значок «Горный турист», за людей не считали.

Сама Татьяна имела золотой плюс знак «За три восхождения» — на Эльбрус, Домбай-Ульген и Ушбу.

Здесьние горы казались ей пустяком.

А туристские ботинки из буйволової кожи с трехслойной рубчатой подошвой позволяли вообще не думать, какой там грунт под ногами.

Под хруст камней и щебенки Татьяна, глядя на мучения Майи, некоторым злорадством компенсировала свою вчерашнюю рефлексию по поводу ее шикарной экипировки.

В дороге Розенцвейг пытался компанию развлекать и отвлекать, чем заслужил искреннее уважение Ляхова.

Пожилой уже мужчина, в городском костюме и летних туфлях, с начала и до конца вел себя крайне достойно. Будто прогуливался по аллеям парка в Хайфе. Очень хорошо ему удавались еврейские анекдоты, тщательно подобранные. Он рассказал их не меньше сотни, то старых, еще из дореволюционной местечковой жизни в

¹ Лакколиты — магматические породы, выступающие на поверхность в виде куполообразных гор. На КМВ — высотой до 1 километра, покрыты густыми лесами.

черте оседлости, то новейших, касающихся некоторых проблем абсорбции¹.

Потом вдруг, ободряя спутников, а прежде всего — спутниц, начал рисовать им близкую перспективу, ради которой можно и перетерпеть некоторые неудобства текущего момента. Мол, как только они дойдут до базы, возьмут какой угодно автомобиль, хоть мусоровоз, все равно через три часа приедут к нему в Хайфу, в его роскошный особняк, а там и отдохнут, и выспятся, и обязательно придумают, как из всего этого выбраться.

— А если вдруг даже что и не получится, вы думаете, вам там плохо будет? Евреи две тысячи лет стремились к Земле обетованной, а вы совершенно почти бесплатно окажетесь там с постоянным видом на жительство...

Наконец, невзирая на все трудности и мучения, дошли.

Поднимаясь на последний гребень, Тарханов сказал:

— Еще триста метров, и...

Он первый почти что взбежал на площадку, остановился. Еще не услышав сорвавшихся с его губ слов, просто увидев выражение лица (свет ведь распространяется быстрее звука), Ляхов все понял.

Розенцвейг — двумя секундами позже.

По ту сторону реки Литании должна была размещаться долгожданная база.

Но ее там не было!

Вместо нее — абсолютно пустое место, бурое, слегка всхолмленное плато, и ничего больше.

— Интересное дело, — ошарашенно протянул Тарханов, оглядываясь по сторонам с таким видом, будто все

¹ А б с о р б ц и я — поглощение одних химических веществ другими (химия) (лат.). Здесь — процесс приспособления иммигрантов к жизни в Израиле.

же надеялся увидеть искомое. — Я ж тут был где-то в начале декабря... Порядочный военный городок, рота девятой бригады тут стояла, еврейский батальон, техники уйма. И где все?

Розенцвейг кивнул, подтверждая правоту полковника.

Ляхова впервые за проведенное здесь время охватило отчаяние. Совершенно как Робинзона, когда он понял, что остался совершенно один и вдобавок находится на острове.

Выходит, не в боковое время они попали, а совершенно черт знает куда. Но как же? Ведь на перевале все осталось точно так, как было, и гильзы они нашли, и осколки. Даже несколько пожелтевших и высохших окурков Вадим увидел под скалой, где перекуривал в короткие затишья боя.

Нечто подобное пришло в голову и Сергею.

— Это просто какой-то очередной фокус природы... Что-то связанное с нашим переходом. Может, тут пространство как-то деформировалось? Мы из августа попали в январь, и на шесть тысяч примерно кэмэ южнее... Могла и база как-то сместиться. Надо искать. Крепость-то — вон, — полковник указал на полуразрушенные, выветренные стены. — Скоро тысячу лет здесь стоит.

...Офицерам и Татьяне переход дался почти легко, они готовы были идти и дальше, тем более что в этих местах в радиусе десяти-пятнадцати километров какой-нибудь населенный пункт нашелся бы непременно, не Сибирь, чай, а страна с рекордной плотностью жителей, хуже, чем в Голландии.

Потому хуже, что в том же Нидерландском королевстве никто ни в кого не стреляет, а здесь навскидку пушенный снаряд свою жертву найдет обязательно.

Зато через двадцать километров гарантированно выйдешь к побережью.

Но Майя сил лишилась полностью. Городское создание. Пусть и на лыжах бегала лихо. Но равнинные лыжи и горный туризм — несколько разные виды спорта. Она шла, пока надеялась, что еще километр, полтора — и все. А тут завод кончился разом.

Девушка со стоном села на землю, вытянула ноги и закрыла глаза.

— Вы как хотите, а я...

Татьяна дернула щекой и впервые за весь переход попросила у Тарханова папиросу.

Минут десять все дружно молчали, думали, каждый проигрывал ситуацию по-своему.

Розенцвейг предложил использовать для отдыха остатки форта и сообщил, что эти места знает, пожалуй, лучше, чем коллеги.

— Там наверняка есть нечто вроде сторожки, сувенирная лавка, вода вон в реке, а вдруг и поесть найдется. Если до ночи обстановка не прояснится — костер разожжем. Январь — он и здесь январь. Так что мы с девушками пойдем бивуак готовить, а вы посмотрите по окрестностям, вдруг да повезет...

И повел девушек к старинному арочному мосту, тоже времен крестоносцев, если не Понтия Пилата.

— Посмотрим, — ни к кому специально не обращаясь, пробормотал Тарханов. — Ну что, пошли? Вон с той горушки далеко должно быть видно.

Проводили друзей, присели, опять закурили, потому что никаким другим способом нельзя было заполнить паузу. Вроде бы все одним делом занимаются, и в то же время сейчас от них двоих зависело что-то очень важное.

— Нет, Робинзону все же похуже было. Морально. Хотя с припасами намного лучше, чем у колонистов острова Линкольн.

Из чего предлагаю впредь и исходить. Тех тоже пятеро было, и имущества намного меньше, чем у нас. Мы оружие имеем, еды раза на три, если не обжираться. И все ж таки на материке. Раз форт здесь сохранился, значит, и другие строения должны быть. Прорвемся... — Ляхов еще раз повторил ранее сказанное, но уже как принятую к исполнению истину.

— Ну, пошли, что ли? — не поддержал его философствования Тарханов. — Мы с тобой за полчаса на горку взбежим, а оттуда до самого моря должно быть видно.

С плоской вершины следующей горы обзор действительно открывался замечательный, и море на самом деле синело, закругляясь вверх у горизонта и почти сливаясь с таким же ярким зимним небом.

Но что гораздо важнее — не далее чем в пяти километрах к югу друзья увидели то, что отчаянно надеялись увидеть.

Не совсем, конечно-то, поскольку Тарханов вел их к настоящей военной базе, обнесенной бетонной оградой и тремя рядами колючей проволоки. С многочисленными казармами, рассчитанными более чем на полторы тысячи солдат, штабными помещениями, офицерскими коттеджами, складами продовольствия, вооружения, стоянкой военной техники.

А тут, в неглубокой ложбине, обозначились вразброс стоящие полтора десятка сборно-щитовых домов, окруженных проволочным забором, с пулеметными вышками по углам воображаемой границы территории.

Но сказать точно, так ли это, не позволяло расстояние.

Еще там смутно виделись на открытом месте танк и несколько грузовых машин.

— М-да, хуторок в степи, но в нашем положении — и на том спасибо. — Ляхов, безусловно, обрадовался обнаруженному объекту, который обещал приют и по-

полнение припасов, но, по большому счету, оптимизма увиденное ему не прибавило.

— Это больше на погранзаставу похоже, — ответил Тарханов, которому литературные реминисценции Ляхова были чужды. — Пойдем, что ли, вниз или сначала за народом сбегает?

— Бежать — это час туда, потом два или три обратно. С девчонками, в их нынешнем состоянии. А если уже они отдыхать сели, разулись и все такое прочее, хрен ты их поднимешь и опять шагать заставишь. Это тебе не английские «Томми»¹:

День, ночь, день, ночь,
Мы идем по Африке,
День, ночь, ночь, день,
Все по той же Африке.
И только пыль, пыль,

пыль из-под шагающих сапог,
И отдыха нет на войне солдату.

— Здорово, — восхитился Тарханов. — А это откуда? Прямо как про меня в молодые годы. По ней я и шагнул. И пыли было... Сам сочинил?

Ляхов в очередной раз удивился простодушной искренности товарища. Хотя пора бы было и привыкнуть.

— Ага. Вот еще послушай, нам все равно немножко отдохнуть нужно. Перед решающим броском в неизвестность. У твоей Татьяны какие глаза?

Сергей задумался.

— Да вроде карие...

Вадим имел другое мнение, ему казалось, что они скорее зеленоватые. Ну да все равно.

— Прошу, по заявкам слушателей:

Карие глаза — песок,
Осень, волчья степь, охота,
Скачка, вся на волосок
От паденья и полета.

¹ Томми — жаргонное обозначение солдат британской пехоты.

— А у моей Майи, — сообщил он Сергею после неизбежной паузы, когда мужчины обдумывают услышанное, глаза — синие:

Синие глаза — луна,
Вальса белое молчанье,
Ежедневная стена
Неизбежного прощанья¹.

— Нет, брат, никогда я вас, интеллигентов, не пойму, — ответил подавленный магией чужих стихов Тарханов. — Как это получается, одни, уж до того крепкие ребята, с которыми служить приходилось, вдруг ломались в бою, а такие, вроде тебя, слабаки на вид, и шутить ухитрялись, и всю роту, из которой в живых треть оставалась, перед завтрашним смертельным боем успокаивали: «Ерунда, бойцы, не мы первые, не мы последние. И вообще смерть такая штука, что, пока я жив, ее нет. Когда она придет, меня не будет. Мы с ней никогда не встретимся».

Это у меня был такой подпоручик, Дима Гаев, командир саперного взвода, мост на Суэцком канале вовремя успел подорвать.

— И где он теперь? — с интересом спросил Ляхов.

— О, карьеру сделал! Говорят, начальник Московского метро, но я не проверял.

— Я о том же и говорил. Просто в этом и состоит суть аристократии. В нормальном обществе она должна воплощать в себе лучшие черты народа. И подтягивать прочих до своего уровня. Что, как я понял, твой Гаев и делал. Молодец.

А вот это уже опять про нас с тобой:

Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

¹ Здесь и выше — стихи Киплинга в переводе К. Симонова.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но Святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь¹.

Тарханов помолчал целую минуту, потом вздохнул, начал зашнуровывать ботинки.

А Ляхов подвел итог странного их литературного собеседования.

— Проще нам с тобой дойти до места, осмотреться и потом на машине за ними сгонять.

— Или на танке, — косвенным образом согласился Сергей.

Предположение о том, что внизу они увидели именно погранзаставу, подтвердилось быстрее, чем ожидали. Всего лишь в километре дороге им пересекло солидное ограждение из колючей проволоки, густо натянутой между трехметровыми бетонными столбами.

Кстати, «колючей» — это слабо сказано. Проволочные нити вместо колючек покрывали целые бутоны блестящих лепестков, напоминающих лезвия для безопасной бритвы, только вдвое длиннее и настолько острые, что при одном взгляде на них непроизвольно начинали ныть корни зубов.

А уж лезть на подобное ограждение лично Ляхов согласился бы только... Да ни за что бы не согласился. Уж лучше пуля в спину от своих, чем эти штуки.

Насколько извращенным мышлением обладал тот, кто такое изобрел и воплотил в жизнь. Да еще, наверное, премию за рационализацию получил.

И уже привычно Вадим подумал, что встречался с подобным, и даже всплыло будто бы в памяти название подобной проволоки — «Егоза», чтобы тут же исчезнуть, как это бывает со сном в момент резкого пробуждения.

¹ Стихи Н. Гумилева.

Тарханов был удивлен так же, как и он.

— Придумают же, — и со вкусом выматерился, чего вне строя себе обычно не позволял.

— Резать — нечем. Проход искать — долго. Давай вот тут камнями и палочками подопрем — и ползком...

— Смотри, Сергей, точно ведь граница, — Ляхов указал на белый прямоугольный щит с синей шестиконечной звездой, установленный четырьмя столбами левее. Ниже звезды — два ряда характерных еврейских букв.

— Читай, ты же по-ихнему соображаешь...

Тарханов долго всматривался в щит, шевеля губами.

— Ни хрена не понимаю. Буквы те же, а не складывается. Вот тут написано «Метулла», такое название я на наших картах встречал, а дальше ничего не понимаю. Другой язык. Вроде как по-китайски — кириллицей.

— Опять же говорю — приехали. Места те — и не то. Буквы те — и снова не то.

— А если здесь как раз все то, только мы — не те? — В словах Тарханова Вадиму послышалось нечто чересчур для простого полковника заумное.

Хотя «Солнце не моего мира» — тоже не каждый полковник такое придумает.

Удачно форсировав заграждение, они добрались до заставы.

Ворота, представлявшие собой сварные из десяти-миллиметрового уголка рамы, заплетенные той же проволокой, были полураспахнуты. На окружающих территорию пулеметных вышках отчетливо виднелись круглые дырчатые стволы, но нигде ни одного человека. В деревянной будке КПП тоже пусто, но на столике рядом с коробкой полевого телефона лежал раскрытый линованный журнал, пачка сигарет, коробка спичек и странного вида огнестрельное оружие, но, безусловно, автомат. Пусть и необычной конструкции.

Пустота, глухая, давящая тишина, которую странным образом не нарушали журчание и плеск воды, льющейся из водоразборной колонки на полпути между воротами и ближайшим домиком. Кто-то забыл или не успел до конца закрутить вентиль, и тонкая струйка текла и текла в бетонный желоб.

Чисто машинально Тарханов прежде всего схватился за чужое оружие. А Вадим вытащил из пачки с теми же еврейскими буквами сигарету.

Что же, вполне нормальные. Табак хороший, и пачка почти полная.

Сергей же бубнил о своем, раскидывая по столу детали неизвестного стреляющего устройства.

— Так, эта хрень понятна, тут тоже ничего особенного, а вот это остроумно... В принципе не стоило огород городить, — подвел он итог обследования конструкции. — Но вообще у них, видать, другая технологическая культура...

— У кого — у них? — отреагировал на ключевое слово Ляхов.

— У здешних. Мне эта машинка много чего рассказывала...

Иногда Вадим воспринимал Тарханова просто как хорошо образованного и воспитанного офицера, в общем соответствующего чуть вышесреднему уровню, а моментами поражался неожиданности и тонкости его умозаключений и формулировок.

И тогда ему казалось, что он сам не совсем дорос, чтобы воспринимать Сергея в полноте его личности. Так ведь в его горно-егерском давали два гражданских высших образования, кроме военного, и за обычные пять лет. При довольно крутой муштре и всем прочем. Естественно предположить, что «средние умы» там просто не выживали, точнее, не удерживались.

— Например?

— Например, то, что придумал это человек, живший в период, аналогичный нашим сороковым годам прошлого века. Патрон здесь от «парабеллума», принцип автоматики почти как у нашего «ППС», тогда на такие конструкции мода была. А дальше начинаются отличия, до которых у нас никто не додумался.

Затвор наезжает на казенник, магазин вставлен в рукоятку управления. Длина ствола та же, а автомат почти вдвое короче. Правда, в весе он не выиграл. Но все равно интересно.

Тарханов шагнул на порог и дал короткую очередь в сторону забора. В бетонный столб попал. Брызнули серые осколки.

— Баллистика тоже похожая. Можно было огород и не городить. Но нам сгодится, — перебросил ремень через плечо. С вешалки снял брезентовый ремень с под-сумком еще на три обоймы. — Теперь пойдем на здешнюю технику посмотрим.

Автобронетехника Тарханова тоже не удивила. Чужая по замыслу и исполнению, близкая по принципам.

Например, танк. С толстенной длинной пушкой калибра больше чем 120 миллиметров, с очень широкими гусеницами, а главное — с двигателем впереди боевого отделения.

— Не так и глупо, — комментировал Сергей, имевший, как знал Ляхов, специальность инженера по эксплуатации.

— Экипажу лишняя защита. Лучше движок потеть, чем водителя со стрелком. И вот эти ворота к месту, — указал он на двустворчатую дверь в кормовом скосе танка. — Снаряды грузить удобно, убегать, если что. А дизель вполне обычный. Совсем ничего оригинального. Ну, благословясь...

Где-то в непонятных для Вадима местах танка он по-

★ возился минут десять, и тот вдруг взревел, выбросив из толстой выхлопной трубы клуб черного дыма. Кашлянул пару раз басовито и заработал ровно.

— А ты говорил! — прокричал Сергей, высовываясь из подбашенного люка, хотя ничего такого Ляхов сроду не говорил. — В общем, я поехал, а ты тут все, что можно, подготовь.

Танк зарычал совсем уже невыносимо громко и попер напрямик, ломая заграждение, по азимуту в сторону Бельфора, где, колеблясь между надеждой и отчаянием, ждали их остальные «колонисты».

Не в силах сдержать любопытство — все ж таки не куда-нибудь, а в самый настоящий параллельный мир их занесло, — Вадим пошел по территории заставы.

Люди здесь в принципе жили почти так же, как и они сами.

Солдатские помещения — обычные казарменные, на десять-пятнадцать человек.

Двухместные каморки, очевидно, унтер-офицерские.

Железные койки, столы и стулья из металла и зеленоватой пластмассы. Книги и журналы на столах и тумбочках. Фотографии в журналах, пусть и с нечитаемыми подписями, — бесценные свидетельства чужой жизни. В данном случае — разведывательная информация. А анализировать таковую его в Академии учили.

Но этим он займется позже, а пока, на беглый взгляд, здешнее общество отличают весьма низкие моральные устои. Девяносто процентов иллюстраций — откровенная и грубая порнография. Нет, оно понятно, в изданиях для солдат красивые, в меру обнаженные, даже фривольные девицы — это нормально. Но здесь-то они не только абсолютно голые (а если кое-где кое-чем прикрыты, то выглядит это еще более вызывающе). Что же касается поз...

Но были и другие снимки, касающиеся повседневной

жизни аборигенов, и они-то представляли наибольший интерес.

А если еще Розенцвейг поможет подписи прочесть...

Вадим собрал довольно толстую пачку журналов и затолкал их в сумку одного из висевших на крючках противогазов, предварительно выбросив прямо на пол коробку и маску.

В домиках, где жили офицеры, Ляхова поразило изобилие непривычной бытовой техники.

В каждой комнате на столах и тумбочках стояли странно оформленные дальновизоры, и не по одному, а как минимум по два, несколько отличающиеся конструктивно от тех, которые существовали дома.

Были там и радиоприемники, или устройства, сочетающие в себе радиоприемник, нечто вроде магнитофона, лента которого была заключена в плоские прозрачные коробочки, и подобие электропроигрывателя, но пластинки тоже были странные, маленькие и зеркально блестящие.

Вадим рассматривал их с жадным интересом, пожалуй, даже большим, чем Тарханов — оружие.

Тут ощущалась какая-то совсем иная техническая и промышленная культура.

И вот эта аппаратура имела надписи на европейских языках, в основном на английском, но изготовлена была во всех концах света, в USA (очевидно, так здесь обозначались САСШ, потому что рядом значилось — Нью-Йорк), в Англии, в Германии и, что особенно неожиданно, в Японии, Китае, Корее.

Причем изделий оттуда было больше всего. В нормальном мире эти слаборазвитые страны ничего сложнее термосов и карманных фонариков не производили.

И еще он нашел одну полезную, а в данном контексте и интересную вещь — географический атлас. Пусть тоже на еврейском, но уж линии границ разобрать можно. Пригодится для оценки обстановки.

А в примыкающем к столовой складе обнаружались достаточные запасы продовольствия. Правда, огромный, во всю стену, холодильник отчего-то разморозился и потек, из него отвратительно несло подгнившим мясом, но консервов, запечатанных коробок с походными рационами, бутылок и банок с минеральной водой и соками было в избытке, чтобы не один месяц кормить их маленький отряд.

А это сейчас было главное.

Пока Тарханов совершал «спасательный рейд», Вадим накрыл стол в павильоне, игравшем роль учебного класса, так как стены были завешаны плакатами с изображением легкого и тяжелого стрелкового оружия, боевых и транспортных машин, графиками и таблицами неизвестного содержания.

Он раскупорил сухие пайки, вскрыл несколько банок мясных, овощных и рыбных консервов, принес из столовой нужное количество тарелок, стаканов, ложек и вилок.

Все это было изготовлено из тонкой белой пластмассы и хранилось в заклеенных, целлофановых по виду пакетах. Очевидно, вся посуда здесь одноразового пользования. С гигиенической точки зрения удобно, но ведь насколько расточительно!

Всего одна рота в день должна использовать и выбрасывать несколько сотен комплектов! А если дивизия, корпус, армия? Всю землю только упаковками завалить можно.

Издалека донесся гул танкового мотора и лязг траков.

Ляхов вышел встречать.

...Вадим немного успел привыкнуть, а его друзья, страстно желавшие добраться до этой (вообще-то до другой, но это непринципиально) базы, оказавшись здесь, испытали очередное потрясение.

Пока шли по горам, внимания не обращали, не до этого было, а тут вдруг дошло!

Пусто ведь вокруг, как после нейтронной войны. Ни людей, ни животных, ни насекомых даже, хотя следы их недавнего присутствия наблюдались повсюду.

— И вот такая сейчас — вся земля! — слегка растерянно произнес Розенцвейг.

Одно дело — рассуждать о теоретической возможности, другое — оказаться наяву в «мертвом мире». Точнее — полумертвом, поскольку растения чувствовали себя здесь вполне нормально. По крайней мере, кустарники наподобие можжевельника, растущие вокруг домов и вдоль дорожек, выглядели сочными и свежими.

— Нам же спокойнее будет: по дороге ни тигров, ни волков, ни медведей опасаться не придется, — Тарханов исходил из чисто практической точки зрения.

— Зато и не поохотишься даже, всю дорогу придется консервами питаться, — уточнил Ляхов.

— Почему же только консервами, по пути наверняка найдется достаточно складов и холодильников с мясом и прочим, — возразил Тарханов.

— К вашему сведению, здешний холодильник не работает. Сломался, наверное. Мясо гниет, — сообщил Вадим. — Посему обед я приготовил холодный. Если разогреть консервы, так только на костре. Печь на кухне электрическая, тоже не греет.

— Холодильник не холодит, печь не греет, — словно пробуя слова на вкус, повторила Татьяна, присевшая на скамейку рядом с КПП, где Тарханов остановил танк. — А как бы они вообще могли это делать, если людей здесь нет?

Простой вопрос, но он поставил всех в тупик.

— Ведь правда, господа, — спохватился Розенцвейг, — как? Кто должен управлять электростанциями, как передавать сюда ток? Я, конечно, и всего остального не

★ понимаю. — Он повернул круглую головку выключателя на щитке под навесом у входа в будку. Лампа в молочном плафоне загораться не пожелала.

— А я, кажется, знаю, — ответил ему Ляхов, который провел на заставе часом больше других, кое-как успел ее обследовать, отчего считал себя почти экспертом.

— Вы все время забываете теоретические предпосылки нашего предприятия. Хотя должны помнить их куда лучше, ведь это вы общались с Маштаковым и допрашивали нашего профессора.

Боковое же время! Ну, ты, Сергей, представь, собрался захватить ты вражескую базу. На этих холмах сидишь ты, вот здесь — они. Дизель-генератор здесь. Он работает. До момента, когда ты выстрелишь из гранатомета и взорвешь станцию, — еще десять минут. И все это время он будет работать. Так и в нашем случае.

А теперь представь, что ты сюда пришел уже через десять минут после выстрела, только не по прямому времени, а справа, слева, я не знаю... — Ляхов сам не мог понять и воспринять все это чувствами, а языком болтать, объясняя, — вполне получалось.

Как и в медицинских делах, впрочем. На деле сообщаемое намного меньше половины, но пациенту рассказать, чем он болен и как его лечить, чтобы вылечить, — пожалуйста.

— Стоп-стоп, парень, — Тарханов немедленно сделал свои выводы. — Это что ж, если так, мы сейчас здесь если что взорвем или сломаем, оно и там, на нашей Земле, это... Как бы?

— Господа, господа, вот с этим экспериментировать не советую, — немедленно вмешался Розенцвейг. — Неизвестно, что на самом деле случится, но не забывайте, мы ведь еще и в прошлом по отношению к москов-

скому времени. Книжки ведь почитывали на подобные темы...

— Почитывали, — со вздохом сказал Тарханов. И от того, что всяких фантастических романов и рассказов он прочитал предостаточно, стало ему совсем кисло на душе.

Тогда ведь, получается, и шагу не ступи, чтобы что-нибудь в будущем не нарушить. Хорошо, хоть бабочек здесь нет.

— Не драматизируйте, господа, — в очередной раз вмешался в ход рассуждений друзей Ляхов. — Все, возможно, обстоит совсем не так. Если мы предположили, что на будущее можно повлиять не иначе как в нем оказавшись, то зачем думать, что сейчас дела обстоят иначе?

Вполне возможно, что тут ситуация с односторонней проницаемостью. Мы пребываем на обочине дороги и влиять на то, что творится в магистральной струе, не можем...

Да ведь, кроме того, окружающая действительность, данная нам в ощущениях, не совсем та, откуда мы сюда пришли. Вот вы, Григорий Львович, прочитали то, что на заборе написано? Перевести можете? Или, к примеру, журналчик?

— Вадим Петрович, — с некоторой даже обидой сказал Розенцвейг, — я в хедере на равнина не учился. Здесь все на иврите. Это древний религиозный язык. От идиш отличается сильнее, чем ваш современный русский от санскрита, который якобы прародитель всех славянских языков. Поэтому все здесь увиденное вызывает у меня еще более глубокую депрессию, чем у вас танки и автоматы...

Это значит, Тарханов успел по дороге и ему изложить свои соображения.

— Для меня это вообще пересмотр всех взглядов на

историю и судьбы моего народа. Может, здесь Машиах¹ уже пришел...

— Ага, — цинично усмехнулся Тарханов, за время службы на Территориях успевший кое-чего поднахвататься из здешней Священной истории и сопутствующих апокрифов. — И вручил избранному народу железки собственного производства, — он шлепнул ладонью по местному автомату.

— А также радиоаппаратуру — китайского, — добавил Ляхов и в подтверждение нажал кнопку магнитфона, которым легко научился пользоваться, поскольку питание у него было от батареек, а слово «Play» в нужном месте понятно почти любому.

Неизвестная певица в хорошем джазовом сопровождении хриплым голосом запела давно известную песню «Ван вей тикет».

«Билет в один конец», в русском переводе. Слышали и танцевали в свое время.

— Так новый это мир или все-таки старый, но с вариациями? — Вадиму нравилось сейчас говорить парадоксами, пусть и не понимал он, что именно сейчас следует считать своим. Но уж древнееврейская версия его не вдохновляла никаким образом.

— Господа, да мужики вы или нет? Заткнетесь вы когда-нибудь? — не выдержала Майя.

Вскочив, тряхнув головой, тут же отбросив пальцами упавшие на глаза волосы, она показалась Вадиму великолепной. Не внешне даже, а вот этим волевым порывом.

— Нам сейчас плевать на все теории, вместе взятые. Мы за..... бродить по вашим горам, слушать вашу остро..... болтовню. Мы хотим помыться, поесть, поспать, осталь-

¹ Машиах — мессия, спаситель. В отличие от христианской традиции иудеи считают, что Христос мессией не был и его пришествие еще впереди.

ное — ваши долбанные проблемы, если уж вы нас сюда затащили! Мужики!..

Сделано было мастерски и вовремя.

Татьяна, которую Ляхов привык воспринимать как провинциальную девушку-скромняшку, именно за эти качества вывезенную Сергеем в столицу, улыбнулась вдруг совершенно двусмысленно-ироническим образом и изобразила два хлопка в ладоши.

Чистый дзен-буддизм.

Словно она тут по характеру главная, отнюдь не экспансивная Майя.

«А к тебе следует присмотреться повнимательнее», — снова подумал Ляхов.

Обедом, переходящим в ужин, девушек они покормили и даже спать уложили, накрыв для них свежим бельем две койки в комнате с левого торца дома, где последнее время, кажется, никто не жил.

Оставили отдыхать и общаться, а сами снова вышли на улицу. Якобы покурить, не мешая отдыху подруг разговорами.

— Так, мужики, — объявил Тарханов. — О политике не говорим. Однако главное у здешних бойцов то же, что и у нас. — И предъявил народу зеленую алюминиевую фляжку, в меру помятую и поцарапанную. Встряхнул. Внутри ощутимо заплескалось.

— Он! — сообщил Сергей, и Вадим понял сразу, а Розенцвейг с некоторым замедлением.

— Сначала — вмажем. За успешное завершение первого этапа, каким бы ни был второй. Ты прав, Вадик. — Тарханов, что удивительно, впервые принародно назвал Ляхова сокращенным именем. И он с ходу понял, что содержимое фляжки полковник сначала испытал на себе, чтобы не подвергать риску товарищей. И умело держал себя в руках все это время, ожидая, как подействует.

Сейчас наконец подействовало. И правильно.

Вмазали.

Вадим, по-докторски, чистого, но с «проводничком», то есть набрав предварительно в рот глоток воды, а вслед за ним уже чистый спирт.

Розенцвейг предпочел развести более чем напополам. Да что с него взять, старик, сорок шесть лет, кажется.

Но у всех прошло хорошо. Обсудили это дело, наскоро поделились воспоминаниями, как, кто, где и когда до этого пил спирт и какие из этого для каждого происходили последствия, покурили, слегка подумали, стоит ли еще, и все-таки повторили.

Ляхов к случаю вспомнил студенческий тост: «Улучшим наше состояние!»

Потянулся к фляге, чтобы налить по второй, сфокусировал зрение на ее округлом зеленом боку и вдруг захохотал.

Чего это ты?

— Смотрите, — пустил фляжку по кругу, предварительно указав пальцем, где следует смотреть.

Известным солдатским способом, острием хорошо наточенного ножа на металле было не выцарапано, а именно выправировано елочкой, каллиграфическим шрифтом:

«Сема Бриман. ДМБ — 04».

По-русски!

— Что значит «ДМБ»? — осведомился Розенцвейг.

— Насколько я помню, в первой половине прошлого века в нашей армии, когда существовала четырехлетняя обязательная воинская повинность, таким сокращением обозначалась «демобилизация», то есть увольнение отслуживших в запас, — сообщил Ляхов. — Следовательно, в армии этого Израиля присутствует нечто подобное.

— И служат в ней русские, помнящие далекое прошлое? — усомнился Розенцвейг.

— Ну, Бриман не такая уж русская фамилия, хотя он, безусловно, русского происхождения... Более того, приехал он в Израиль уже в достаточно зрелом возрасте, раз предпочитает писать по-русски и сохраняет русский образ мышления...

— Может быть, тут у них тоже война и на помощь едут добровольцы со всего мира? — предположил Тарханов.

— Вряд ли. У добровольцев и даже наемников не бывает «ДМБ», тем более — с четко определенным сроком. Тут именно служба по призыву.

Кстати, судя по дате, парень этот уволился еще в прошлом году. Только вот не понимаю, почему он фляжку бросил? Обычно такие сувениры с собой на память прихватывают. Где ты ее нашел?

— В танке. Под сиденьем командира. А уж почему... Да, может, его просто убили в бою, а фляжка друзьям на память осталась.

— И это возможно, — согласился Ляхов. — Зато, по крайней мере, Россия в этом мире тоже существует. Уже легче... Но мы отвлеклись.

Выпили за Россию.

После чего Ляхов, у которого спиртное до определенного момента обостряло фантазию и воображение, высказал предположение, что они оказались именно в том мире, который краем глаза Тарханов увидел в Пятигорске.

— Иначе придется допустить, что параллельных миров вообще бесконечное количество. А так — понятнее. Сергея что-то замыкает именно на тот мир, в него и выбросило. А нас — за компанию.

Выпустив в потолок дым, Тарханов тут же налил по третьей. И, внимательно глядя в невидимую точку перед собой, Тарханов, покачивая пальцем, заявил:

— Если кто-нибудь заговорит про политику или про атомную физику — лично морду набью.

Идея была принята единогласно.

— А вот что я вам практического скажу, парни, — сообщил, слегка икнув, Розенцвейг, — провода, ведущие к заставе, вы видели?

— Нет.

— Правильно. А холодильники и прочие приборы видели?

— Видели.

— Значит, что?

— Дизель! — первым сообразил Тарханов. Все обрадовались и выпили еще по чуть-чуть.

— Значит, пошли искать.

Поднялись, пошли и нашли очень быстро, поскольку толстые черные провода, протянутые внутри заставы от следующего за кухней барака к остальным домикам, мог не заметить только слепой. Или столь же взволнованный человек, каким был Ляхов, оставшийся здесь один.

В бараке стоял очень большой двигатель, подсоединенный к генератору и двум трансформаторам. Только не дизельный, а бензиновый. Здоровенный алюминиевый бак был совершенно сухой. То есть движок работал, сколько мог, снабжая заставу энергией, а потом заглох, исчерпав горючее.

К счастью, в пристройке имелась запасная двухтонная цистерна, только никто не догадался или не успел вовремя переключить питание на нее. И друзьям пришлось поочередно перекачивать горючее, дергая длинный желтый рычаг ручного насоса.

Тарханов периодически матерился, Ляхов делал свою часть работы молча, но задумчиво, Розенцвейг тоже о чем-то думал, предпочитая не столько качать, как выходить за пределы станции и там курить. Возможно, слишком уж часто.

Когда в стеклянной трубке бензонасоса уровень достиг красного штриха, Тарханов, в очередной раз выру-

гавшись, причем ругань звучала как молитва, дернул пусковой шнур. С третьего раза движок затарахтел, набирая и набирая обороты.

Когда он вышел на режим, Сергей сел прямо на асфальтовый пол. Ляхов понял, как много нервов все это ему стоило.

— Все, Вадик! Теперь живем. Хотя здесь, хоть где — живем. Ничего здесь особенного нет. Работает же... Конечно, в случае чего, без остального человечества будет скучновато. Но и обойтись тоже можно. Как только приедем, где русские книги бывают, ты мне найди «Таинственный остров». А то все время вспоминаешь, а я плоховато помню. Читал в пятом классе, но только про воздушный шар помню и про обезьяну. А деталей — нет. Но тебе я верю. Если говоришь — полезная книжка, — согласен. Только ты мне ее найди.

Нет, наверное, нужно быть врачом, чтобы, напившись аналогично, то есть в той же пропорции, сохранять представление о текущей ситуации, довести товарищей до места, где можно преклонить голову. А еще потом сварить кофе на быстро накалившейся от электричества печке и пить его, жутко крепкий, четыре ложки на кружку, сидя на пороге домика, курить, глядя на луну, поеживаясь от холода.

«В натуре, хрен бы с ним. Вот уж сегодня что было, а обошлось, и живы, и даже здорово посидели. Ну а завтра...»

Завтра, знал он той частью мозга, которая оставалась трезвой всегда, сначала будет не зависящая от ситуации «адреналиновая тоска», потом тоска уже правильная, поскольку положение-то их абсолютно аховое.

А еще потом...

Ну, как-то перетерпим и станем делать все, вытекающее из обстановки...

Вадим с сожалением раздавил подошвой окуроч, сплюнул, дошел до ближайшей койки, лег и сразу провалился в неприятно раскачивающуюся тьму.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Чем хорош чистый медицинский спирт, так тем, что утром голова не болит и все похмелье сводится к сильной жажде, которая легко утоляется водой, желательно минеральной типа боржом. Такового здесь не было, однако нашлась сельтерская, которая не хуже.

Вадим проснулся рано, когда едва-едва рассвело, жадно выпил почти половину предусмотрительно поставленной рядом с койкой бутылки. Розенцвейг негромко, но затейливо храпел, Тарханов спал совершенно беззвучно.

Заснуть по новой не получилось, и Ляхов, накрывшись одеялом с головой, чтобы не так досаждал храп коллеги, начал размышлять.

Отчего вот в фантастических романах герои, попадая в самые невероятные условия, как правило, не рефлексируют, а немедленно включаются в действие как ни в чем не бывало. Почти никогда не пытаюсь каким-то образом разъяснить причины происходящего и выяснить обстоятельства, сделавшие случившееся возможным.

А они с друзьями, напротив, только и делают, что задают друг другу глупейшие в принципе вопросы, ответов на которые нет и заведомо быть не может.

Ну, с литературой понятно, авторам нужно гнать сюжет, сохранять динамику повествования. А почему бы и им в реальности не принять такие же правила? Известно же, сколько ни повторяй «халва», во рту слаще не станет. Так чего зря извилины напрягать, нервы дергать себе и другим? Не полезней ли, как однажды сказала Елена, во время еды говорить только о вещах, вытекающих из самого процесса?

Надо попробовать.

Он встал, неторопливо оделся, все время прислуши-

ваясь к себе и готовясь немедленно подавить червячок депрессии и ностальгии, если он снова вдруг зашевелится.

Нет, вроде пока сидит тихо.

Разминая сигарету, Вадим вышел на крыльцо.

Теплым ближневосточным январским утром все действительно стало как-то спокойнее и яснее.

В том смысле, что он выспался, подсознание более-менее успешно преобразовало впечатление минувшего дня в приемлемую для душевного спокойствия форму, и случившееся уже воспринималось как очередное, не слишком уж драматическое приключение.

Ну, такой вот случился очередной социально-природный катаклизм. Не страшнее, чем война, землетрясение или революция. Тем более что жертв, разрушений и прямой угрозы жизни и здоровью нет.

Конечно, непонятно все это, а каково человеку проснуться утром и узнать из газет, сообщений по радио или от соседа по этажу, что ночью власть захватил какой-то непонятный военно-революционный комитет, «Приказом № 1» отменены все титулы, чины и ордена, а заодно и частная собственность. Все же представители прежней власти, их сознательные пособники и единомышленники подлежат искоренению как класс, причем не только в социологическом, но и в совершенно физическом смысле.

Вот тут задумаешься, зачешешь затылок, мучительно соображая, бежать ли на Дон или за границу прямо сейчас, даже чаю не попив, или погодить, присмотреться, как оно все на практике будет производиться.

К счастью, сегодня вопрос таким образом не стоял, предстояло лишь добраться в сравнительно комфортных условиях до Москвы, уложившись в контрольный срок 177 дней, а уже там предпринимать попытки вернуться на «торную дорогу человечества».

Задача гораздо более простая, чем стояла перед Кор-

тесом, казаками Дежнева и Хабарова, американскими переселенцами и даже героями «Детей капитана Гранта».

Природа вдруг настоятельно потребовала своего, и Вадим отправился в сторону соответствующего заведения.

На поддороге он увидел выходящую из желтоватой кабинки позади казарм Татьяну, тоже одетую не вполне строго.

Ощувив некоторую неловкость от встречи в таком месте, Ляхов хотел было свернуть в сторону, сделать вид, что направляется совсем не сюда, а, скажем, в генераторную.

Однако не успел.

Татьяна, очевидно, лишенная такого рода комплексов, приветливо пожелала доброго утра и добавила, что хочет с ним поговорить и подождет на скамейке у домика.

Умывшись из-под крана, выдававшего жиденькую струйку воды в тамбуре туалетной кабинки, вытирая на ходу лицо бумажным полотенцем, словно бы показывая, что ходил туда единственно за этим, Вадим сел рядом с девушкой, достал из-за уха так и не прикуренную вовремя сигарету.

Обычно он до завтрака не курил, но для разговора, представлявшего оперативный интерес, нарушить правило можно.

— Дай и мне... — попросила Татьяна, одновременно поправляя непричесанные волосы.

Вот интересно: Татьяна, как и Майя, относилась к тому типу женщин, которые практически всегда адекватны самим себе. Могут одеваться в изысканные одежды, а могут ходить в джинсах и майках на голое тело. Практически не нуждаются в косметике.

То есть они ею пользуются наравне с прочими сестрами по полу, но, так сказать, только в тактических и

стратегических целях, а выглядят вполне нормально и без нее.

— У меня местные, без фильтра, крепкие, — предупредил Ляхов, протягивая мятую пачку и зажигалку одновременно.

— Сойдет, — прикурила и затянулась, не поморщившись, девушка. — Скажи, Вадим, ты уверен, что нам удастся отсюда выбраться, вернуться домой? — спросила она.

— А почему ты ко мне с этим обращаешься? Чего не к Сергею?

— Если бы мы сейчас в окружении находились, в тылу врага или как там, в Пятигорске, у него бы и спросила. А сейчас мне кажется, что вот в этом ты лучше разбираешься.

— Спасибо. Только в происходящем мы все одинаково разбираемся. То есть — никак. Но если тебя просто мнение мое интересует, отвечу так — скорее всего, выберемся. Возможно, предчувствие, но скорее все же логика. Как правило, если есть вход, должен быть и выход.

— Всегда?

— Я сказал — как правило. А исключение потому и исключение, что логическому объяснению плохо поддается.

— Ну, спасибо, утешил. Значит, вместе будем надеяться.

Снова помолчала, не столько куря по-настоящему, сколько внимательно наблюдая за удлиняющимся столбиком белесого пепла.

— А я, знаешь, вчера в комнате под кроватью журнал нашла. На английском. «Ньюсуик» называется. Прочитала от корки до корки. Станный здесь мир, непонятный. И гораздо хуже нашего. Не хотела бы в нем навсегда остаться.

— Так в нем ты и не останешься. Он тоже где-то... сбоку. Но, наверное, с другого.

Татьяна встала.

— Давай походим, а то сидеть холодновато становится.

Действительно, ее льняная курточка поверх майки не согревала, а температура была градусов около пятнадцати. Если не ниже. Солнце хотя уже поднялось над гребнем гор, но пока не припекало.

— Странный это мир, — повторила Татьяна. — Государств в нем очень много, вроде как равноправных, не то что у нас. Нечто вроде нашего «Союза» в нем тоже существует, только называется «НАТО». Россия в него не входит, иногда враждует, иногда дружит.

В России, кажется, идет война, «чеченская», как ее называют. «НАТО» собирается воевать с «Ираком», с «Северной Кореей», еще с какой-то «Осью зла». Из одного номера сразу все не поймешь, они же пишут об очевидных для них вещах, ничего не поясняют, — Татьяна развела руками, словно извиняясь за свою непонятливость.

— Естественно. Ничего, в какой-нибудь город приедем, сколько угодно газет и журналов наберем. На подходящих языках. Я тоже вчера кое-что пролистал, но исключительно на иврите. Судя по картинкам, живут они веселее нас. Машины — закачаешься! Виллы, рестораны, пляжи океанские... Хотя военные сюжеты тоже есть, но немного. Короче, ехать будем, своими глазами увидим...

— И как же оно так получиться могло — на одной и той же земле две такие разные цивилизации?

— Их, может, не две, а двадцать две или еще больше. Сергей вон тоже что-то совсем особенное видел. Мир, где большевики еще в Гражданскую победили. А если вообразить, что почти каждое событие в истории имеет несколько вариантов и все они воплощаются, так па-

раллельных миров вообще миллионы. Как это Маштаков того ученого назвал, кто все это обосновал и доказал? Эверетт, кажется.

Беседуя таким метафизическим образом, они обошли почти всю территорию заставы и вернулись к исходной точке.

— Хорошо поговорили, — подвела итог Татьяна. — Пойду Майю разбуджу, и начнем завтрак готовить. Когда выезжать решили?

— Да как соберемся, так и поедем. Здесь нам делать нечего.

Она ушла, а у Вадима осталось отчетливое ощущение, что девушка хотела поговорить еще и о чем-то другом. Только не решилась или не нашла подходящего повода.

...Из шести автомашин, которые имелись на заставе, Тарханов выбрал желто-зеленую «Volvo» (как было выложено большими накладными буквами над радиаторной решеткой), наиболее похожую по конструкции на те, с которыми он привык иметь дело.

То есть все педали и прочие основные элементы управления располагались на привычных местах, а непонятного и неизвестного назначения кнопки, тумблеры и прочие циферблаты на поступательное движение автомобиля в нужном направлении как бы и не влияли. Если их зря не трогать. Хотя наверняка имели какой-то рациональный смысл. Иначе зачем же они?

Грузовик с коротким тупым капотом и широкой, трехместной, кабиной некоторое время под управлением полковника покрутился по территории заставы, продемонстрировал свою способность двигаться передним и задним ходом, после чего подрулил к воротам.

— Экипаж, по машинам. Дамы — в кабину, прочие — в кузов.

Прочие, то есть Ляхов с Розенцвейгом, сначала за-

бросили в кузов ящик с примерно недельным запасом продовольствия, две упаковки пластмассовых бутылок воды, ящик патронов к здешним автоматам и четыре канистры бензина.

На первый случай хватит, поскольку в ближайшем подходящем месте они предполагали собраться в дальний путь гораздо основательнее. Чтобы в открытом кузове было не холодно в движении, прихватили несколько солдатских одеял.

— Так что, Львович, куда едем? — спросил Тарханов.

— Я хотел — в Хайфу, ко мне домой, но теперь там никакого дома, разумеется, нет. Поэтому предлагаю сразу в Бейрут. Это километров полтораста по грунтовкам и грейдерам, в нашем, конечно, варианте, как здесь — не знаю, а потом двадцать по асфальту — и Бейрут. Ближневосточный Париж.

— Так — значит так. По-вашему я читать не умею, но в карте разберусь.

В чужой офицерской планшетке, почти одинаковой, что в том, что в этом времени, под целлулоидом у него лежала карта-километровка, захватывающая территорию от северного берега Тивериадского озера и как раз до южных пригородов Бейрута.

— Поехали...

Машину, с рессорами, рассчитанными на пять тонн груза или на перевозку взвода солдат с полным снаряжением, а сейчас почти пустую, здорово потряхивало на бесчисленных выбоинах горной дороги. Но все равно ехать было приятно.

Ляхов с Григорием Львовичем сначала закутались в два одеяла каждый, но тут же оказалось, что это неудобно. Сползают все время, поддергивать приходится, у горла руками придерживать, и через полчаса Вадим сообразил, ножом выкромсал дырки посередине, и по-

лучились натуральные мексиканские пончо. Теперь ничто не мешало радоваться жизни.

Особенно учитывая, что, из профессионального интереса осмотрев пограничный медпункт, Ляхов и там нашел банку с притертой пробкой. Хорошая банка, литра на два.

Что интересно, неведомый еврейский коллега прятал ее точно там же, где и сам бывший капитан медслужбы Российской армии.

Граммов триста Ляхов развел пополам, перелил в прессованную фляжку и высыпал туда для улучшения вкуса и качества горсть таблеток витамина «С» с глюкозой. Остальное убрал, опять же в известное — но теперь только ему одному — место.

Выпили, закусили галетой, не слишком вкусной, но в том ли дело!

Вадиму вдруг захотелось петь. Самое время и место. Петь он любил с самого детства, знал массу популярных песен и романсов, а также оперных арий. Но, терпимо относясь к предрассудкам окружающих, избегал делать это публично. Зато сейчас шум мотора и свист ветра отлично скрадывали дефекты его вокальной подготовки.

Для начала он вспомнил арию варяжского гостя.

Исполнял он ее со вкусом и страстью настоящего Рюриковича, в консерватории тоже наверняка не обучавшегося.

Розенцвейг, улыбаясь, кивал в такт могучим раскатам ляховского голоса.

Завершив финальную руладу: «Уг-г-р-р-ю-ю-м-мо-мо-р-р-р-е!» — Вадим прокашлялся. Все-таки связки он несколько перенапряг. Привычно потянулся к фляжке, но генерал мягко отстранил его руку.

— Подождите, маэстро. С утра — не хватит?

— Да и хватит, — легко согласился Ляхов. — Это ж я так, для настроения. А кроме того, какое значение

имеет? Теперь. Это же там думать надо было, когда пить, когда не пить. А здесь дорожной полиции нету, начальства, которое бдит, — тоже, на службу ходить не надо. Если мордой в землю падать начну, нехорошо, конечно. В ином же случае...

— Это вы зря, Вадим Петрович. Видел я разных людей. Не таких жестких, как вы, но тоже... Конечно, сейчас оправдания есть. Состояние аффекта и все такое прочее... Но если мы выжить хотим в предлагаемых обстоятельствах, я бы предложил... Ну, если и не совсем сухой закон, то строгую регламентацию. Иначе... Мы и до Москвы не доедем, независимо, есть там шанс возвращения или нет.

— Бросьте, Львович. Это я-то — жесткий? Да я мягкий, как пластилин. Мне отец, Петр Аркадьевич, еще когда говаривал: «Ах, Вадик, Вадик, пропадешь ты от своей мягкости и доверчивости».

Подумал немного, мечтательно улыбаясь, после чего добавил. Как ему сейчас казалось — в тему:

— У меня шесть уже лет в полном распоряжении по восемнадцать килограммов чистого спирта на полугодие плюс жалование позволяет не ограничивать себя, и тем не менее девяносто процентов своего служебного и личного времени я абсолютно трезв. Это сейчас вот оттянуться захотелось.

Только... Вы вообще-то умную вещь сейчас сказали. Надо нам как-то определиться с распорядком жизни, правилами поведения и тому подобным. Это в нашем времени мы руководствовались вековыми, можно сказать, стереотипами, а в невероятной обстановке...

— Понимаю, Вадим, понимаю. Зря вы скромничаете. Та мягкость, о которой говорил ваш уважаемый родитель, и то, что хотел до вас довести я, — совершенно разные вещи. Удивительно, но вы у нас, получается, самый здравомыслящий и озабоченный психологическим состоянием коллектива человек. Вовремя увидели воз-

можные проблемы, и загорелось вам немедленно расставить все точки над буквами русского алфавита. Но я бы не советовал...

И тут же Ляхов понял, что Григорий Львович говорит правильно. Кивнул, но сам ничего не сказал. Пусть продолжает.

— Поверьте мне, Вадим. Предстоящие полгода — не самое легкое время. Вы это чувствуете, я вижу. И немедленно хотите навести какой-то строгий порядок отношений в коллективе, чтобы не допустить возможных эксцессов. Поскольку уверены, что у вас — получится. Кстати — верю. Возможно, именно ваш характер наиболее отвечает обстановке. В случае чего — на меня можете рассчитывать. Моментами и я тоже — еще о-го-го!

Глядя на майора (или же генерала?), Ляхов согласился, что о-го-го — это еще слабо сказано. Дай нам всем бог быть такими в этом возрасте, который тридцатилетними принято считать глубокой старостью.

А Григорий Львович продолжал:

— Но попробуйте от этого желания отвлечься. Хотя бы первые неделю-две. Уйдите в тень.

Девушка у вас красивая и очень энергичная. И ей подскажите: не Москва здесь, а даже и не знаю, что такое. Сделайте мне такое одолжение — изобразите из себя гедониста. В этом мире можно найти все, что угодно. И, если повезет, забрать с собой. Соответственно, стать богаче Креза и графа Монте-Кристо. Здешние бумажные деньги там, конечно, ни к чему. Начните коллекционировать оружие — вполне могут подвернуться вещи куда подороже той сабли, раритетные золотые монеты или бриллианты, редкие книги, наконец...

— Вы думаете? — с сомнением спросил Ляхов.

— Именно, Вадим Петрович. Иначе я даже и не знаю...

Ляхов понял, что очередную партию он выиграл. Именно этого он и хотел. Чтобы достаточно умный Ро-

зенцвейг воспринял его именно так, поверил, что он с ним согласится, ну и дальше...

— Пожалуй, вы правы, генерал. Стать богаче графа и начать аналогичную жизнь, без линии мести, конечно, моя горячая детская мечта.

С этими словами, как бы подтверждая полную готовность начать жизнь означенного гедониста, то есть в просторечии человека, превыше всего ставящего возможность извлекать максимум удовольствий из любой подвернувшейся ситуации, причем немедленно, он налил себе и вопросительно посмотрел на Розенцвейга.

— А, давайте, — с наигранной лихостью махнул рукой тот. — Пока доедем, все равно выветрится, разговаривать же будет намного интереснее. Только вот закуски бы...

— Легко.

Ляхов расковырял ближайшую коробку и протянул генералу заклеенный в целлофан сэндвич с белым куриным мясом.

— Никогда не хотел стать предпринимателем, фабрикантом, банкиром, а вот иметь подвалы с сундуками, набитыми драгоценностями, и солидные счета во многих банках мира и принадлежать только самому себе... Путешествовать, анонимно совершать добрые дела... — он чуть было не сказал: «тайно отстаивать интересы Отечества во всех концах света», — но вовремя воздержался.

Вот этого говорить представителю иностранной державы, пусть и дружественной, но тоже ставящей собственные интересы гораздо выше прочих, не следует. Поэтому он сказал другое:

— А ведь и вправду, чего не завернуть по пути в Амстердам, разыскать хранилища знаменитых ювелирных компаний, насыпать пару чувалов¹ лучших бриллиан-

¹ Чувал (юж.-рус.) — очень большой дерюжный мешок.

тов — и привет. Формально — не кража, а так, присвоение бесхозного имущества.

— Бесхозного? А разве оно одновременно не исчезнет из тех же хранилищ на нашей территории?

— Мне-то какое дело? В них же я не проникал. Вообще весь этот разговор напоминает мне сюжет про Ходжу Насреддина. «Я нюхал твой шашлык и расплатился звоном своих денег».

На самом деле проблема стоит гораздо острее. Вы, Львович, как я понял, без особой критики приняли идею Маштакова о том, что в пределах «широкого времени» мы и наши «соседи» одновременно пользуемся одной и той же инфраструктурой — домами, техникой и прочим.

— А разве не так? Вот эта машина, автомат, домики на заставе...

— Абсолютно не так, камрад, абсолютно. Удивляюсь, что сообразил это слишком поздно. Возможно, от хроношока мозги забуксовали.

Подумайте, мы сейчас едем на этой машине. А что она же сейчас делает там? Тоже едет, но без водителей? И где, в свою очередь, машины, которые сейчас ездят там? Мы ведь, получается, должны находиться в каком-то сказочном мире, где вещи, предметы перемещаются сами по себе. Произвольно и во всех направлениях. А сандвич? Вы его жуete с аппетитом, а там он совершает в воздухе возвратно-поступательные движения, быстро уменьшаясь в размерах?

— А и верно. Как это и я маху дал? Тогда как же вы объясняете данный феномен?

— Единственным, логически непротиворечивым образом. Прежде всего мы с вами сейчас находимся в совершенно другом мире. Разве при вас существовала страна, где всё пишут на иврите?

— Конечно, нет, — согласился майор или генерал, неважно.

— Хорошо, что в этом мы с вами солидарны, — удовлетворенно кивнул Ляхов. — Вы также имели любезность сообщить, что никакая установка, способная перенести нас в параллельный мир, не включалась.

Против этого Розенцвейг тоже возражать не стал, но глоток выпил.

— Эрго, из всего вышесказанного следует, что мы находимся хрен знает где, с момента включения прибора, суть и смысл которого нам неизвестен, даже наше физическое существование вполне может оказаться под большим вопросом?

— То есть? — Григорий Львович выглядел озадаченным.

— Чего — то есть? Представьте, что мы вообще отныне нематериальны в общепринятом смысле, а пребываем в виде эманации и только по застарелой привычке еще воспринимаем себя людьми!

Фраза получилась классная. Вадим давно знал за собой такое свойство — вдруг неизвестно откуда мысли сыплются, как из прорванного мешка с гречневой крупой, только успевай облекать их в доступные для окружающих по форме (не по смыслу) предложения.

А о том, верны они на самом деле или нет, думать Ляхову совсем уже не хотелось.

Оставаясь в пределах привычного мира, надежда вернуться домой сохранялась, а куда можно попасть из этого?

В мир журнальных фотографий и прочитанных Татьяной статей, когда-то населенный совершенно непонятными людьми, живущими по странным законам? И что там делать?

Машина неожиданно резко затормозила, так, что Ляхова и Розенцвейга бросило на стенку кабины.

— Что за черт? Поаккуратнее нельзя? — вскрикнул Вадим, а сам уже привычно подхватил автомат, готовясь

стрелять в сторону неведомой опасности. Не станет же Тарханов давить тормоз ни с того ни с сего. Но вокруг был все тот же безлюдный пейзаж.

Задним ходом грузовик сдал метров на сорок, снова остановился, теперь уже плавно.

Дверца распахнулась, Сергей высунулся наружу.

— Пассажиры! — закричал он с раздраженно-насмешливой интонацией. — Вы там спите или за обстановкой наблюдаете?

— А как же, — неопределенно ответил Ляхов, демонстрируя готовый к бою автомат.

— Так что же вы... — Тарханов не нашел подходящих слов и указал на придорожный столб с какой-то табличкой.

Ляхов всмотрелся и выругался. Удивленно и радостно.

«Джеззин» — гласила надпись на идиш, немецком и русском. Под белой стрелкой, указывающей влево, расстояние — 2,5 км.

— Это ж получается — вырвались?!

В приступе радости Вадим спрыгнул через борт на дорогу, готов был пальнуть очередь вверх, в качестве салюта, но снова подумал, что это было бы реакцией не совсем адекватного человека, а он-то — в полном порядке. Поэтому ограничился и без того слишком экспансивным вопросом.

— Примерно так. Я сам чуть не прозевал. Смотрю да и смотрю вперед, эти указатели сейчас вроде и без необходимости. Вдруг как по глазам ударило — шрифт знакомый... Пока дошло — проскочили, пришлось возвращаться. Ну, теперь мы живем!

— Может быть, стоит еще немного вернуться, уточнить, где «граница миров» проходит? На карту нанести, на всякий случай, — предложил Розенцвейг, спокойно спустившийся по лесенке на заднем борту.

— Увольте, Григорий Львович. Обратно не поеду. Выскочили, и слава богу.

— Может, тут стенка с односторонней проницаемостью, — поддержал товарища Ляхов. — Сейчас снова туда заедем — а обратно уже не выпустит.

— Если так, как вы сейчас сказали, то как раз не впустит. Мы же с той стороны проникли, — возразил Розенцвейг.

— Несущественно. Я — категорически против. Считайте для собственного спокойствия, что граница — вон там. — Тарханов подобрал с дороги камешек, швырнул назад. Ляхов непроизвольно напрягся. Вдруг рванет, польхнет, еще как-то обозначит себя незримый рубеж. Но — ничего.

— Поехали. Теперь хоть знаем куда. По машинам! — скомандовал Тарханов.

...Во вновь ставшем знакомым и привычном мире, руководствуясь чужой картой и собственной памятью, Тарханов через полтора часа привез свою команду на нормальную израильскую военную базу, прикрывающую развилку стратегических шоссе Дамаск — Бейрут и Дамаск — Триполи.

Аналогичную той, которую они надеялись увидеть и которая исчезла из района форта Бофор.

Крутнувшись машиной по территории, убедившись, что людей, а соответственно, и прямой опасности здесь тоже нет, Тарханов остановился и выключил мотор по середине жилого городка.

— Ну что? Устать мы не успели, предлагаю осмотреться по-быстрому, подобрать более подходящую для новых условий технику, загрузиться, потом до утра отдышаться, — предложил Тарханов. — Дозор выставять будем?

— Не вижу смысла, — ответил Розенцвейг. — Ворота на всякий случай запрем, конечно, но это скорее по при-

вычке. Кого нам тут остерегаться? Даже собак бродячих нет.

— А хотя бы гостей с еще более боковой дорожки. А? Может, тут настоящий слоеный пирог из времен и пространств. — Улыбка Майи была по-прежнему беззаботно-очаровательной, но глаза не смеялись.

— Д-да, а ведь и это тоже мысль... — Розенцвейг наморщил лоб.

— Караул не выставляем, — принял командирское решение Тарханов. — Но оружие иметь при себе, по сторонам посматривать, слушать и реагировать. Размещаемся здесь. — Он указал на двухэтажный четырехквартирный коттедж, выстроенный в английском стиле, из красного кирпича и с отдельными наружными лестницами к каждой двери.

— На устройство — полчаса. Час — на обед.

— Вы — здесь, — согласился Розенцвейг. — Тогда я — там. — Напротив находился абсолютно аналогичный, выкрашенный горчичного цвета краской коттедж. — В случае чего будем поддерживать друг друга огнем.

В подтверждение своих слов и намерений он легким шагом, которым, казалось, можно было ходить и по минным полям, настолько после него не оставалось следов на влажной кирпичной крошке центральной линейки, направился к воротам.

Из помещения стандартного КПП он, не бросив чужого автомата из прежней реальности, вышел с автоматической винтовкой «вальтер», которая при откинутых сошках и замене прямого магазина барабаном с лентой на сто патронов превращалась в легкий ручной пулемет. Через плечо у него свешивался кожаный ремень с восемью патронными подсумками.

Пока Розенцвейг ходил вооружаться, что, в общем-то, выглядело довольно странно, исходя из обстановки, Ляхов осматривался.

Удивительная вещь.

Лишенный насекомых и птиц, которые обычно почти не замечались, а чаще — просто досаждали своим беспокоящим присутствием, мир воспринимался жутко.

Впрочем, возможно, только для него. Других отсутствие мух, комаров и москитов только радовало.

Зато он убедился, с какой страшной силой начал проявлять себя растительный мир!

Неужели ему так мешали существа ходящие и летающие?

Кустарники, травы, стремительно дичающие цветы почти демонстративно пытались занять все, куда им раньше хода не было.

Уже почти заросли высокой травой дорожки, которые совсем недавно пропалывали и продергивали солдаты, ветки шиповника лезли в окна. Чувствовалось, пройдет еще совсем немного времени — и все тут покроется бурьяном и плющом, словно руины седой древности.

Как легко природа завладевает тем, что человек выпустил из рук, тихо, но неотвратимо старается вернуть все отнятое им в первоначальный вид. И как только человек уходит (неважно, куда), она это делает, причем с необычайной легкостью, мягкостью и быстротой.

А ведь сейчас всего январь, пусть и субтропический, а во что все окружающее превратится в июле?

Вадиму хотелось бы посмотреть на это здесь, но он догадывался, что и в Подмосковье тоже увидит неслабую картинку торжества растительного царства над животным.

Он встряхнул головой. Наваждение продолжается.

А единственный способ сохранить здравомыслие — не отвлекаться на мысли, инспирированные неизвестно где и кем.

Ладно, Львович вооружился. Тарханову и Ляхову пока хватало и прежнего оружия.

Автоматы казались достаточно удобными, чтобы носить их за спиной. Кроме того, обоим одновременно, не сговариваясь, захотелось доставить их домой. Как память о пережитом, как образец чужой технологии, в конце концов — как доказательство того, что нынешний день — не бред.

Розенцвейг вернулся, и тут же к нему обратилась все более входящая в роль главной здесь женщины, Майя.

— Чего ж вы не с нами решили остановиться? Места всем хватит. Посидим, пообедаем, за жизнь поболтаем.

— Нет, спасибо, — прижал он руку к сердцу. — Пообедаем, конечно, вместе и поужинаем, а отдыхать я буду в тишине, по-стариковски. Многовато для меня впечатлений...

— Придуряется наш Львович, — сказала Ляхову Майя, входя в облюбованную половину дома. В ней помещалась совершенно стандартная квартира для обер-офицера¹. — Это ему-то впечатлений многовато? По-стариковски? Да на нем пушки из грязи таскать можно! Он вас обоих здоровее. А в кого сейчас играть собрался, я и не знаю. Вообще, как с тобой познакомилась, черт-те какая схема жизни происходит.

Майя, похоже, собралась сказать нечто или неприятное Вадиму, или даже для себя неожиданное, однако сдержалась.

— Ну, ты с Сергеем пойді посмотри, что там и как, а я себя немного в порядок приведу. Тут, я вижу, ванна есть... Третий день не мылась...

¹ Обер-офицер — в русской армии офицер чином от прапорщика до штабс-капитана. Капитан, подполковник, полковник относились к разряду штаб-офицеров.

И тут же начала раздеваться, по обычной своей привычке разбрасывая пропыленную и пропотевшую одежду по всей комнате, пока Вадим включал газовую колонку и наполнял ей ванну.

В чужом шкафу она отыскала свежие простыни, наволочки, застелила широкую постель.

— Удивится, наверное, хозяйка, когда увидит, как я здесь покомандовала, — подошла к Ляхову, стала за спиной, прислонилась грудью к его спине. — А все равно хорошо. Мне с тобой везде хорошо, лучше даже, чем в Москве. Ты меня любишь? — и потерлась нежной гладкой щекой о его, обветренную и уже колючую.

— Куда ж деваться, — деликатно ушел он от прямого ответа. — Готово, погружайся.

Майя, изящно передернув бедрами, разоблачилась окончательно и опустилась в умеренно горячую, сдобренную ароматической солью воду.

— А я тебя просто так люблю и округлыми фразами не отделяюсь. Через полгода, если до дому доберемся, ты тоже как-то определишься, а не выйдет — тем более... Дай мне рюмочку коньяку или виски, я там в баре видела, и сигаретку. Расслабляться так расслабляться. Устала я зверски. Нет, после вчерашней прогулки уже отошла, еще и сегодня весь день могла бы по горам ходить. Вообще устала, за предыдущую жизнь. Так что это — прямо подарок судьбы...

Все равно она актерствовала, может быть, совсем чуть-чуть, но тем не менее.

Или иначе вообще не могла, или, в ее понимании, обстановка до сих пор не позволяла стать собой, и только собой.

Глазками поигрывала, плечиками подергивала, то одну, то другую грудь выставляя на обозрение из пышной пены. Хотя, казалось бы, что уж тут показывать, всё видели. Однако же — действовало, несмотря ни на что.

После третьего напоминания Майя согласилась вы-

лезти из ванны, аки Афродита, и Вадим вытер ее обширным банным полотенцем.

— Ты давай это, одевайся. Время вышло. Зови Татьяну, на стол чего-нибудь покидайте. Перекусим — и за дело. А уж вечером...

— Все-таки это поразительно, — словно забыв о предыдущей теме, сказала Майя, облачаясь в белье из найденного в шкафу заклеенного пакета. — Распоряжаюсь тут, а настоящая хозяйка — рядом ходит. Вот, буквально, руку протяни. Сейчас как высунется: «Кто взял мои вещи?» Интересно, кто она такая?

— Можем посмотреть. — Вадим направился к комоду. — Тут наверняка где-то альбом фотографий есть. Как в каждом приличном доме.

— Не надо, не хочу! — вдруг испуганно вскрикнула Майя. — Не хочу. Боюсь почему-то. Возьми вон там пластинки лучше, поставь музыку. И иди ополоснись тоже.

— Смысла нет, потом, после работы... Обед же нужно собрать, люди ждут. Займитесь с Татьяной.

В ответ на его слова Майя звонко расхохоталась.

— Ну до чего ж ты иногда наивным бываешь! Кому он нужен, твой обед! Все расползлись по каморкам и занимаются каждый своим делом. Ужин — еще может быть. Хочешь — спорим, если хоть кто-нибудь заикнется об обеде или вообще нам в дверь постучит до вечера, я прямо и не знаю, что для тебя сделаю.

— Пусть по-твоему. — Есть Ляхову на самом деле не хотелось, да и психологически он ее правоту признавал.

— Тогда делай, что я сказала.

Под джазовую музыку Дюка Эллингтона они попили кофе с ликером в квартире неизвестного русского офицера — (езде попадались газеты и книги именно на русском. Более же всего о национальности и, главное,

характере хозяина свидетельствовала почти случайная находка.

На одежной полке в прихожей Ляхов увидел небрежно брошенный широкий кожаный ремень со старомодной, тоже из натуральной кожи кобурой. Так бывает, когда человек вернулся домой, распоясавшись, снял сапоги, рассчитывая чуть позже все разложить и расставить по своим местам. Но — не успел.

А внутри кобуры находился почти новый наган.

То есть новый он был только на вид, а слева на рамке отчетливое клеймо сообщало: «Тульский

импер. Петра велик.

оруж. завод

1951».

И сразу Вадим испытал к хозяину совершенно братское чувство. Наверняка здесь жил спортсмен. Родственная душа.

Он и сам ведь такой же. Кому еще придет в голову в нынешние времена носить наган на поясе, а не хранить, если имеешь, в витрине или на стене, в окружении другого раритетного оружия?

Только тот, кто увлекается спортивной стрельбой, знает, что стрелять в цель и попадать правильно можно только из надежного револьвера. Все остальное — от лукавого.

Там, где затворная рама дергается с грохотом, отдача бросает руку вверх и вниз — толковой стрельбы не выйдет. А наган — это вещь!

Повертев его в руках, Ляхов решил взять револьвер себе на память. Вдруг он окажется приносящим удачу талисманом?

Жаль только, что кроме семи патронов в барабане имелось всего столько же в карманчике под клапаном кобуры. Ну, так не воевать же ему с этим револьвером, а только для коллекции.

Вот, кстати, начало и положено тому, о чем они говорили в машине с Розенцвейгом.

Он еще держал превосходную железку (до чего грамотно сделан изгиб рукоятки, и спусковую скобу, и барабан с долами и вырезами, и все остальное просто приятно ощупывать пальцами) в руке, думая о своем, а Майя вдруг обняла его, начала целовать удивительно легко и нежно.

Совсем непохоже на себя обычную.

Такая удивительная получилась близость, что никому не хотелось ее же — телесной в полном смысле. И без того хорошо.

Майя угадала. За стеной, где в такой точно квартире остались вдвоем Тарханов с Татьяной, никому о совместном застолье тоже не думалось.

Татьяна была настроена, не рассуждая ни о чем сложном и наукообразном, лечь в постель, но вот Сергей к этому был не готов.

Ему, оказавшись в спокойной, почти семейной обстановке, прежде всего требовалось разобраться в себе, в ней, в окружающем.

Вредная, кстати сказать, черта характера. Куда более свойственная, по распространенному предрассудку, такому интеллигенту, как Ляхов.

А в чем ошибка — настоящие интеллигенты, интеллектуалы, как хочешь назови, умеют отстраняться от проблем, которые именно в данный момент не существенны. Каждому времени — своя забота.

Татьяна сидела на краю постели, полностью одетая, только сняв ботинки, в которых измучилась ходить, и не знала, что же и как ей делать.

Больше всего она хотела сейчас вскочить и убежать в соседнюю квартиру, к Майе. И посоветоваться, и наболтаться всласть. До сих пор это у них только один раз

получилось, да и то недолго. Но других собеседниц не найдешь аж до края света!

Только опасалась она, что помешает. Мало ли, чем люди решили заняться.

Тарханов говорил, говорил о том, что было раньше, еще в их юные годы, о Пятигорске, о Ляхове, Розенцвейге и Маштакове, о том, где они находятся сейчас, и как-то так выходило, что все очень плохо, а будет еще хуже...

Татьяна не выдержала. Нет, она готова была полюбить Тарханова и очень его ценила и уважала. Но вот именно сейчас...

— Извини, Сергей! Не можешь замолчать, я понимаю. Такое вообще мало кто может спокойно пережить. Извини, я сейчас лучше к Майе сбегаю. Мы с ней поговорим, а ты с Вадимом. Рано ведь еще, можно без приглашения прийти.

Конечно, рано еще было, и солнце не успело погрузиться в далекое Средиземное море.

Однако, когда Татьяна постучала в дверь, Майе пришлось накинуть на себя фиолетовую ночную рубашку прежней хозяйки, и Вадим натянул брюки и белую майку с короткими рукавами. Тоже чужую.

— Можно я войду? Ох, извините...

— Да что извиняться? Ты даже ванну не догадалась принять? Ну, заходи, заходи. Что твой Сергей в этих делах темный парень, я давно поняла, само собой, с детства по казармам мотается, а ты чего же? — Майя потянула Татьяну за руку в глубь квартиры.

— Знаешь, мне просто неудобно показалось...

— Чего неудобно? Квартира чужая, хозяева вот-вот появятся? Глупости какие! Учись жить по-новому, раз в такие дела ввязалась. Пойдем. И искупаешься у меня, и посидим, поговорим... А Вадима выгоним. Пусть к Сергею и Розену идет. Найдут чем заняться.

Станным образом она сейчас повторила почти те

же самые слова, которые Татьяна сказала Тарханову. Впрочем, чего же тут странного? Женщины, они и есть женщины, в стандартных ситуациях ведут себя, подчиняясь не уму, который у всех разный, а довольно-таки общим инстинктам.

— Идите, забирай Сергея, садитесь с Львовичем, отдыхайте на все катушку. Захотим — сами к вам придем. А нет, так нет. Главное, нам не мешайте. — С этими словами Майя выпроводила Вадима за дверь, он едва успел зашнуровать ботинки и накинуть на плечи короткую кожаную куртку, подбитую овчиной.

Волей-неволей Ляхову пришлось искать себе другую компанию.

Наган он с тобой тоже прихватил, перепоясался ремнем наискось, по-ковбойски, в надежде, что еще и поупражняться можно будет, хотя бы и по лампочкам вдоль главной линейки.

Девушки по-своему правы, у них свои проблемы, моментами — посложнее мужских, и притираться им надо, деваться некуда.

Отчего-то он сначала пошел не к Тарханову, а к Розенцвейгу.

Тот сидел и читал квадратного формата книжку в черном переплете. Как понял Вадим, что-то религиозное. Тору, Талмуд или какой-нибудь «Шалхон Арух». Здесь-то книжек на родном языке у него было навалом.

— Вечер добрый, ваше превосходительство. Не помешал? А то меня бабы из дому выгнали. И как? Что гласит древняя мудрость о нынешних делах? Вычитали что-нибудь подходящее к нынешней ситуации?

— Вычитал, — посмотрел на него Розенцвейг поверх очков.

Ляхов, по молодому возрасту, мельком удивился, что бравый, моложавый разведчик — и вдруг в очках, а потом только сообразил, что после сорока лет старчес-

кая дальнорукость нарастает на плюс один чуть ли не каждые пять лет. У кого как, впрочем.

— Вычитали, и слава богу. Вашему, нашему, без разницы. — Вадим махнул рукой. — А посмотрите, какой револьверчик мне попался. Уникум. Одна тысяча восемьсот девяносто пятого года образца, девятьсот пятьдесят первого года производства, а как вчера сделали. Нравится?

— Нравится. Выходит, вы меня поняли все-таки правильно. Так действуйте и впредь. А сейчас что ж, ну, пойдете к Сергею. Обсудим, что нам с утра делать. Удачно очень получилось, что хоть с женщинами у вас проблем не возникнет.

— А у вас?

— Обо мне не беспокойтесь. Сорок пять лет — это не тридцать, к счастью.

Обсуждение планов и перспектив свелось к тому, что сначала сходили в офицерскую лавочку, набрали там кофе, вина, консервов, колбас и сыров, две упаковки яиц, сготовили себе нормальный ужин.

Вадим строго следовал советам Розенцвейга и собственным планам. То есть действительно, будто на острове Линкольна, ни у кого не должно быть собственных амбиций, а единственно заботы о выживании их маленького коллектива.

Выскочив на минутку на веранду, Ляхов заглянул в окно своей половины коттеджа, исключительно чтобы убедиться, все ли там в порядке.

Поверх занавески он увидел, что Майя с Татьяной сидят на кухне, чрезвычайно легко одетые, оживленно о чем-то разговаривают. Кроме кофейных чашек перед ними на столе длинная бутылка рейнского вина и другая, темная и пузатая, не иначе как с хорошим «Шартрезом».

Кстати, как всякий нормальный мужик, будь он врач, будь давно и счастливо женатый, увидев чужую, прак-

тически обнаженную женщину (на Татьяне была только коротенькая, совсем прозрачная комбинация, тоже из запасов прежней хозяйки, и сидела она лицом к окну, положив ногу на ногу), Вадим испытал совершенно естественное чувство.

Которого немедленно устыдился.

Однако во рту у него слегка пересохло, и сердце застучало чаще, чем следовало бы. Несмотря на то что у рядом сидящей Майи наличествовали совершенно те же самые вторичные половые признаки.

Правда, у подруги Сергея все это выглядело кое в чем позффектнее.

Самое лучшее сейчас — отвернуться и уйти. Из элементарной деликатности. Что он и сделал.

Перед тем как вернуться в квартиру Розенцвейга, Вадим остановился посередине дорожки, чтобы несколько отвлечься. А то, упаси бог, Тарханов еще что-нибудь прочтает в его глазах.

Смешно, конечно, но в последнее время он готов был поверить и не в такие штуки.

Ляхов уперся взглядом в луну, выплывающую на средиземноморское небо, в крупные звезды, бессмысленно подмигивающие с высоты неизвестно кому.

Потер ладонью глаза и лоб.

Да что же это за бред, что на него вдруг навалилось? И ведь не сейчас это началось. Никому он не верит, всего боится, в лучшем друге подозревает какие-то коварные замыслы, а отчего, зачем?

Такое могло бы иметь объяснение, глотай он регулярно тяжелые галлюциногены. В лучшем случае. В худшем — действительно начинается паранойя.

Хорошо все-таки быть врачом. Подышал носом поглубже, вспомнил, чему учили на третьем и четвертом курсах, и сразу сделалось легче.

Может быть, все происходящее — просто свойства искаженного времени?

А что, вполне и вполне вероятно.

Если человек, вернувшийся с войны в родной дом через год или два, потом много лет не в состоянии встроиться в нормальную жизнь, то по ночам кричит, то драться кидается в ответ на совершенно невинные слова случайного собеседника, отчего же не предположить, что реальная война плюс перескоки туда-сюда из прошлого в будущее влияют на психику еще хуже?

Значит, главное — не поддаваться.

Еще трижды глубоко вдохнул по специальной методике, толкнул дверь.

Оказывается, он отсутствовал намного дольше, чем предполагал. Судя по всему — не меньше получаса. Неужели так засмотрелся на голых девушек? Ему казалось, что бросил только беглый взгляд и сразу отошел.

Или медитация под луной затянулась?

Дым в комнате стоял коромыслом, Розенцвейг с Тархановым курили совершенно невозможно, пепельница уже переполнилась, вино лилось мимо стаканов, на полированном столе вокруг них стояли пахучие лужицы.

Вадима передернуло. Черт знает что! Захотелось выругаться, указать товарищам на неподобающее поведение.

И сдержался. Опять та же болезненная эмоция. Это же его друзья, им же жить и жить вместе, пока доедут до Москвы. Если доедут. С такими настроениями. Так хоть ты оставайся человеком, господин военврач.

— Все равно, Григорий Львович, — объяснял Тарханов бригадному генералу, размахивая руками, — не нравится мне наш мир. Абсолютно дурацкий мир. Не должно такого быть.

— Да как же не должно? Если он уже есть, о чем спорить? Я когда-то химию изучал, так там сказано, что процессы протекают только такие, какие могут проте-

кать. Никаких иначе. И, соответственно, неужели вы предполагаете, что мир может быть иным?

— Предполагаю, — с пьяной настойчивостью продолжал Тарханов. — Вы историю читали?

— Приходилось, — благодушно ответил Розенцвейг. Взглянул на вошедшего Ляхова и подмигнул. Вадим понимающе кивнул и тоже отпил из придвинутого ему стакана.

— А вот я не верю. Все должно быть совсем иначе. Не могла Германия ту войну проиграть. Сорок дивизий в Вогезах стояло, сражение у Догтер-банки выиграли, в Польшу прорвались, и после этого — капитуляция? Не может такого быть.

— А как — может? — вкрадчиво спросил Розенцвейг, показывая Ляхову, чтобы не мешал.

— Элементарно. Году в семнадцатом французы, не немцы, должны были капитулировать, мы — заключить с немцами сепаратный мир. И ни у кого никакой революции. А уж потом...

— Что — потом?

— Не знаю... — Тарханов будто проснулся. Повел по сторонам глазами. — О, Вадик, и ты здесь? Нет, пить — хватит. Мерещится черт знает что. Я пойду, ребята.

И действительно, пошел довольно уверенным шагом в соседнюю маленькую спальню, расшнуровал ботинки, упал на койку и мгновенно захрапел.

— Что скажете, Вадим Петрович? — совершенно трезвым голосом спросил Розенцвейг.

— О чем? Что немцы войну должны были выиграть? Должны. Хуже того. Они и Вторую мировую тоже должны были выиграть. Вы, Львович, даже представить себе не можете, какая это была бы война. Грубо сказать — жуть. Особенно — для вас.

Вадим говорил с таким спокойным убеждением, что Розенцвейг почти испугался.

— Подождите, подождите, вы знаете, о чем речь?

— В том вся и беда, Григорий Львович, не знаю, что у нас будет завтра, а то, что могло случиться, да не случилось, представляю великолепно...

Розенцвейг поднялся и в сильном волнении подошел к раскрытой двери.

— Подождите, Вадим. Вы совершенно уверены в том, что говорите?

Ляхов с удивлением ответил, что да.

Ужасно смешно, но — да.

— Львович, мы живем совсем не там. По крайней мере, мы с Тархановым. Вскоре после «инцидента» я стал замечать внезапное обострение интуиции, нечто вроде ясновидения моментами.

После недолгих размышлений догадался, что это наверняка связано с последствиями «контузии». Не слишком редкий случай, кстати. Наука знает массу примеров обострения сверхчувственных способностей после ранений, травм головы и тому подобного.

Сергей тоже сообщил мне о чем-то подобном. Я его даже обследовал, изучил биопотенциалы мозга и убедился, что источник его предчувствий и догадок кроется не в подсознании, то есть это не произвольные силлогизмы на базе имеющейся, но неотрефлексированной информации, а вот именно экстрасенсорика, сверхчувственное восприятие. Поскольку сигналы зарождались в ретикулярной формации и еще более глубоких структурах. Проще говоря, мозг Тарханова приобрел некие, ранее ему не свойственные возможности. Склонен предполагать, что это — последствия контакта с генератором Маштакова.

— Но теперь еще и я, и девушки тоже вступили с ним в контакт. Что из этого следует?

— Не знаю, — честно ответил Ляхов. — Возможно, и вы нечто интересное приобретете, а возможно, и нет, поскольку этот аппарат отличается от того, первоначаль-

ного. Там все же был взрывной эффект, а переноса во времени и пространстве отнюдь не наблюдалось...

На этих словах Вадим на мгновение запылся, поскольку отнюдь не был уверен, что дела обстоят именно так.

Но продолжил как ни в чем не бывало:

— Зато налицо другой феномен: мы с Сергеем подверглись эффекту «М» (по имени Маштакова, естественно) дважды, причем в разных вариантах. С чем я и связываю вот это проявление «дополнительной», или, если угодно, ложной, памяти. Появление воспоминаний о событиях, которые в реальности не произошли. То есть, опять-таки, это может быть просто обострение прогностических способностей на базе глубокого изучения истории в Академии. И почти с той же долей вероятности я могу вообразить, что это информация из некоего параллельного мира. Да что значит — некоего?! Мы же в нем еще полдня находились!

— Сложно, Вадим Петрович. Возможно, потому, что примешивается действие еще одного, вполне материального фактора.

— ?

Розенцвейг щелкнул пальцем по почти пустой бутылке.

— А-а... Тут спора нет. И правильное всего и нам тоже ложиться спать, в надежде на правоту известной русской поговорки. Я сейчас пойду. Только не пытайтесь меня убедить, что вы такой наивный и неподготовленный. Ни за что не поверю, что специалист вашего уровня за тот срок, что прошел после изъятия Маштакова, не изучил все факты, теории и гипотезы, научные и псевдонаучные.

Так что не считите за обиду... В лучшем случае в вас говорит известная привычка: умеешь считать до десяти — остановись на семи. В худшем...

— Что же в худшем? Интересно бы услышать, что вы сейчас считаете худшим?

«Ну, сказать ему или не стоит? Что докажешь? Что сам даже и на десяти останавливаться не умеешь? А с другой стороны... Он вряд ли поверит, что, зная названный принцип, я тут же его нарушу, не будучи при этом в стельку пьяным. Так что же сказать, раз уж заболтался, одновременно правдоподобное и настолько глупое, чтобы снять вдруг возникшую у него тревогу? Значит, он боится, что я могу узнать правду? А какую?»

— Что вы знаете, как нам вернуться домой прямо сейчас, но почему-то это скрываете...

Розенцвейг рассмеялся самым искренним образом.

— Интересно, зачем бы мне это? Знаете, Вадим, вы еще над этой темой подумайте, а завтра мне выдадите очередной веер гипотез. У нас впереди, к сожалению, довольно много пустого времени. Надо же его чем-нибудь занимать...

Свет в окне их квартиры был уже погашен. Ляхов опять удивился, как быстро бежит время. На часы он не смотрел, но по положению луны догадался, что, пока он сидел с Тархановым и Розенцвейгом, прошло еще не меньше двух часов.

Ну и ну! Опять, наверное, флюктуации.

Он словно и забыл, что ровно так же бывало и в юности, когда только сядешь с друзьями за преферанс или начнешь обниматься с девушкой — и почти тут же за окнами светает...

Вадим вошел, начал раздеваться в прихожей. Услышал шлепки босых ног по деревянному полу.

Несмотря на почти полную темноту, совсем чуть-чуть рассеиваемую лунным светом из окна, фигура Майи на пороге комнаты обозначилась вполне отчетливо.

— Здорово напился? — без всяких эмоций, словно осведомляясь о погоде на улице, спросила она.

— Совсем нет. Без меня успели. А в одиночку я догонять не люблю...

— Тогда пойдем.

И тут же потащила Ляхова за руку в глубину квартиры, где ею уже была застелена свежим бельем широкая хозяйская постель.

Он давно уже знал, что для его подруги это дело было универсальным средством снятия стрессов и перевода в латентное состояние надоедливых проблем обыденной жизни.

На этот раз для восстановления душевного равновесия Майе потребовалось совсем немного времени, причем без всяких фантазий и изысков.

Скользнув под одеяло, она сильной рукой заставила его лечь рядом. Коснулась губами его щеки и уха.

— Я — никакая. Делай что хочешь...

И откинулась на спину, будто действительно совершенно обессилев. Станным образом это раззадорило Ляхова сильнее, чем эпизоды в прошлом, когда Майя, что называется, лезла на стенку от страсти.

Разумеется, совсем уж пассивной она не была, в момент кульминации и повскрикивала, и постонала, как водится, но негромко, не теряя головы.

Отдышавшись, поцеловала мягкими губами. И сразу отвернулась, отодвинулась к стене.

Прошептала: «Все хорошо, милый. Теперь — спать».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Поскольку и здесь холодильники потекли примерно в те же сроки, что и на прошлой заставе, позавтракали теми неподвластными изменениям температуры продуктами, что нашлись на складе и кухне офицерского собрания.

Получилось чисто по-американски: яичница с беконом, консервированный хлеб, различные соки, кофе. За едой обсудили план ближайших действий.

Раз обстановка определенным образом нормализовалась, теперь можно смотреть в будущее с гораздо большей уверенностью, чем еще вчерашним утром. И готовиться к глубокому рейду к Москве всерьез.

Тарханову с Ляховым предстояло заняться подготовкой подходящего для дальней дороги транспорта, Розенцвейгу — определиться с оружием и прочими техническими припасами, девушкам — посмотреть, что здесь можно найти из продовольствия, одежды, спальных принадлежностей, всего другого, без чего нельзя обойтись в первое время.

— По идее, мы сможем снабжаться по всему маршруту, но все же лучше сразу обеспечить максимальную автономность. Подвернется в дороге что-нибудь подходящее, прихватим, а вот оказаться в критической ситуации без жизненно необходимого — чревато печальными последствиями, — подвел итог совещания Тарханов.

— Конкретно, — уточнил Ляхов, — если мы не найдем здесь достойного нас ассортимента фруктовых соков и кондитерских изделий, это, скорее всего, поправимо, а вот если я не укомплектую соответствующим образом походную аптечку, то, упаси, конечно, бог, до стационара можно и не успеть доехать. То же касается и некоторых запчастей для машин. Так что вперед, со вниманием и тщанием.

Предложение Розенцвейга все же заехать в Хайфу, раз уж они вернулись в «нормальное время», было дружно отклонено. Без каких-либо рациональных объяснений.

Просто не хотелось им делать это, и все. Тарханов, правда, неуверенно сослался, что это будет крюк и еще неизвестно, не попадает ли город в ту самую зону «чу-

жого прошлого», но и ему, и другим было понятно, что причина отказа кроется в чем-то другом. А и Ляхов, и Майя исповедовали лишенную лицемерия теорию, что если делать чего-то не хочется, так лучше и не делать.

Во избежание...

Вадим с Тархановым вдвоем шли по бетонированной дорожке, ведущей к автобронепарку. База эта была приграничная и, значит, не очень большая. Батальонного уровня, причем какого-то чужого, не их бывшей бригады подчинения.

— По-моему, это вообще учебный центр чисто израильский, у нас он в дислокации не значился, а если наши тут жили, так только инструкторами, — говорил Тарханов. — Да вот посмотри... — при этом он раздраженно хлестал себя по высокому ботинку сломанным по дороге прутиком.

Они вошли в складское помещение, даже и не запертое, так, прикрытое на засов. Конечно, днем, при нормально поставленной службе здесь поблизости все время крутился фельдфебель-завскладом, и замок вешать было незачем.

— Вот, гляди, форма вся ихняя.

Да, форма была памятная им по временам службы. Из хорошей хлопчатобумажной ткани, камуфляжный рисунок смешанный, пригодный для пустыни и городских газонов — на желто-буром фоне пятна то серо-черные, то в виде зеленых лапок и листьев. Карманов много. Но никак не подходит для российской зимы, которая их ждет впереди с холодным интересом. Мол, доедете, орелики, тогда и поговорим.

Однако выбирать особо не из чего. Со времен Салтыкова-Щедрина известно — за неимением гербовой бумаги пишем на клозетной. Поэтому комплектов по пять на брата взять стоит.

Ляхов думал точно так же. Если предстоит дорога в шесть тысяч километров по совершенно незнакомой

местности и в непонятных условиях — лучше военной одежды ничего не придумаешь. Здесь сейчас теплая зима, поскольку средиземноморский январь. По пути на север будет и февраль, и март, апрель тоже, и погоды там бывают разные. Иногда — ужасно неуютные.

На следующих полках, в столь же правильном порядке, по ростам и размерам — комплекты и трикотажных солдатских, и шелковых офицерских кальсон и рубашек. И целые тюки носков.

— Нет, полковник, даже и это уже неплохо. Лучше сейчас взять лишних двадцать килограммов шмоток, чем потом искать, где и как стирать. Выкинул — и порядок. А холодно станет — по себе знаю — три пары белья под форму, и отлично.

— Да что ж мы, курток или шуб там не отыщем?

— Видно будет. Носки бери, тоже пар по десять. Теперь ботинки. Вообще-то даже одной пары на год хватит, но давай по две возьмем. О, а вот — класс, это специально для Африки, на тройной подошве с металлической вставкой. Тоже берем...

Ляхов сдержал очередную эмоцию. По себе знал характер командира, которому вдруг представилась возможность бесконтрольного самоснабжения перед дальним походом, а то и войной.

Кажется, что надо взять все, особенно потому, что в следующий момент шанс может исчезнуть. И это, и это, и вот это тоже... Шинели, лопаты, штыки, запасные траки для БТРов, патроны, сапожный крем и еще сотня позиций арматурной ведомости.

Он и сам был такой, просто у него вопросы вещевого снабжения решал опытный фельдфебель, а его заботы и границы компетентности были четко очерчены должностью и правилом этапности медицинской помощи.

Заведомо известно, что на полковом уровне полагается обеспечить сбор и эвакуацию раненых с поля боя,

первичную сортировку и затем оказание помощи тем, кому она может быть оказана силами ПМП¹, так отсюда и расчет потребного снабжения известен.

Носилок, конечно, и транспортеров переднего края желательно побольше, а так все рассчитано.

Заранее подготовлены комплекты А-1, Б-1, Б-2 и так далее. В одном перевязочный материал на научно рассчитанное количество раненых, в другом медикаменты, в третьем хирургический инструмент, в четвертом предметы ухода и средства гигиены.

Поэтому суетиться, думать там, где думать не о чем, — не нужно. Мозги и способности полностью свободны для исполнения творческой работы, каковой и является военная медицина. Гражданская, кстати, тоже.

Хотя кто его знает, при всех его здравых мыслях, вот придет он сейчас в расположение здешней медчасти, тоже начнет жадничать.

— Слушай, а что мы со всем этим будем делать? — недоуменно спросил Сергей, глядя на стопки обмундирования.

— Точно, не с того конца мы начали, надо сначала с транспортом разобраться, а потом уже грузиться...

И они направились в парк.

Техники здесь хватало на любой вкус.

Тарханов, кроме всяких других полезных умений, получил в училище и профессию инженера по эксплуатации автобронетехники и мог выбирать машины со знанием дела.

— Ты водишь, я тоже, — рассуждал полковник, — Розенцвейг — просто великолепно. Видел бы ты, как он нас из-под обстрела на приморском шоссе выдернул. Я и то поразился. А Майя? Умеет ездить?

¹ ПМП — полковой медицинский пункт, учреждение оказания доврачебной и первой врачебной помощи. Квалифицированная оказывается в медсанбатах, специализированная — в госпиталях.

— Легковую водит неплохо, грузовые вряд ли.

— Татьяна никакую не умеет. Значит, поедем максимум на четырех.

— Не много ли будет? — усомнился Ляхов. — Может, и двух хватит? За рулем меняться будем, темп выдерживать легче...

— Как раз спешить нам некуда, — не согласился Тарханов. — А груза много взять придется. Припасы, оружие, горючее, запчасти, по твоей, медицинской, части опять же несколько ящиков. Палатку, само собой, со всем оборудованием. Одну машину под жилье оборудовать надо или вон тот штабной автобус взять. Ну и что-нибудь легкое, маневренное, наш «Волк», а лучше «Татру», — он указал на стоящую чуть в сторонке от основной площадки пятнистую трехосную машину, повоенному угловатую и одновременно в чем-то неуловимо изящную.

— Девчат в нее и посадим, для разведки и связи.

Ляхов ходил по площадкам почти скучающе, ему Серегины заботы были малоинтересны. Он был уверен, что нормальная строевая машина несколько тысяч километров проедет в любом случае, если в нее подливать бензин или солярку, время от времени смотреть на масляный щуп и датчик температуры.

Тарханов придерживался почти противоположного мнения. Горький ли опыт его научил, или просто такой характер, но он считал, что любая машина без постоянного и тщательного обслуживания вообще ни на что не годится.

Был у Ляхова подобный знакомый, зампотех бригады подполковник Пономаренко. Тот вообще родился с мыслью, что офицеры, желающие кататься на отведенных им по штату автомобилях, — скрытые или явные вредители. Хорошо еще, что он с большим уважением относился к медицинскому спирту, над которым полковой доктор был полный царь и бог. А также любил иног-

да по понедельникам не выходить на службу после вчерашнего. Тут тоже, кроме возмутительно молодого и независимого капитана, никто ему помочь не мог.

Поэтому раздрыганный вездеход Ляхова всегда выезжал за КПП беспрепятственно, снабженный всеми необходимыми путевыми листами и карточкой с заветной надписью: «Проезд и заправка — везде».

А вот Тарханов, дорвавшись до бесплатного, облазил почти каждую из более чем трех десятков стоящих в парке и боксах, абсолютно готовых к маршу машин.

Он был придирчив.

В одних его не устраивала малая грузоподъемность, в других — слишком большая, те модели отличались низкой надежностью, эти — большим расходом топлива.

В конце концов он остановил внимание на взводе отдельно стоявших пятитонных дизельных «Опель Блиц», с высокими, почти до плеча ему, рубчатыми колесами, тентованными кузовами и просторными кабинами.

Наверное, это были все же гражданские машины, по случаю мобилизованные в войска, поскольку позади водительских сидений там находились откидные спальные места. Вряд ли хуже, чем в купе спальных вагонов.

— Пойдет, — удовлетворенно сказал Тарханов, что вызвало у Вадима даже некоторое удивление. Он приготовился терпеть придирчивость друга еще несколько часов.

— Я их хорошо знаю. Движок двести сил, запас хода на одной заправке шестьсот км, довольно надежные. Не хуже наших «Зубров».

Ляхов было решил, что главное дело сделано, но оказалось, все только начинается. Тарханов определился только с типом машин, а теперь пришло время выбирать конкретные экземпляры.

— Ты не дергайся, не дергайся. Спешить, как договорились, нам некуда. Полгода впереди, так? Ошибаться же крайне нежелательно. Чиниться в пути — последнее дело. Лучше мы сейчас с тобой каждую гайку проверим, попутно я тебе объяснять и рассказывать буду, чтобы машину, в которой за руль сядешь, узнал лучше, чем свою бабу знаешь.

Сказал, посмотрел искоса на Вадима, не обидится ли вдруг за сорвавшуюся фривольность?

Нет, не обиделся, проскочило, как в нормальном солдатском разговоре.

Еще одну бестактность Тарханов допустил, спросив Ляхова:

— Небось, кроме как куда ключ совать и куда бензин лить, другими познаниями не располагаешь?

— Чего это вдруг? — усмехнулся Вадим, не желая спорить, унижаться, доказывая, что с детства гонял на таких машинах, что Сергею и не снились. Куда проще ответить. — Какая педаль для чего — знаю, когда капот следует открыть и на мотор посмотреть, когда сапогом по баллонам постучать...

— Тогда да, тогда конечно. В общем, вот это моя будет, эта твоя. Пробег, судя по счетчику, небольшой, резина хорошая, а что внутри — сейчас разберемся. Рулевое проверим, подвеску, трансмиссию, движки, про водку — все проверим. Для себя работаем, не для дяди...

Часа через два, перемазанные маслом и пылью, кое-как отмыв руки бензином, они вывели первые две машины из парка.

— Теперь «Татрой» займемся, и что б нам еще такое для Львовича подобрать?..

После размышлений, сопровождавшихся пространными комментариями, Тарханов решил посадить Розенцвейга за руль восьмитонной наливной цистерны, тоже на базе «Опеля», чтобы, значит, сократить номенклатуру потребных запчастей.

— Зальем солярки, и до самой Москвы — никаких проблем.

— Да какие теперь проблемы, сколько по пути городов, нефтебаз, заправок...

— А ты в этом стопроцентно уверен? Я — нет. Пока что перед нами — терра инкогнита. Что там дальше, за чертой горизонта, не знаю, гадать не хочу. За два дня убедился, никакой жизненный опыт к происходящему отношения не имеет. Гарантируешь, что дальше ничего неожиданного не случится?

Разумеется, гарантировать этого Ляхов не мог.

— А если снова влетим в неевклидово пространство? — продолжал рассуждать Тарханов. — Я, знаешь ли, принимать решения приучен, исходя из достоверного знания обстановки. Пока такового нет — рассчитывать следует на самый неблагоприятный вариант развития событий. Я вот, пока возились, все время думал, и вчера ночью тоже.

Ляхов и сам обратил внимание на непривычную задумчивость друга. То есть он, конечно, легкомыслием никогда не отличался, но работа мозга на его лице особенно не отражалась. Наверное, потому, что до сих пор мыслить ему приходилось в привычных категориях, решать задачи в принципе стандартные, в них только нужно было вовремя подставлять нужные значения.

А сейчас, конечно, дело совсем другое, вот и мучается командир, привыкший все знать и уметь лучше своих подчиненных, а также полностью отвечать за правильность и последствия своих решений.

— И что придумал? — с некоторой излишней веселостью поинтересовался Ляхов. Ему после возвращения в родное пространство-время обстановка представлялась скорее увлекательной, таинственной, загадочной, но не слишком опасной.

— Что можем мы вообще никуда не добраться. Вариант, что опять провалимся в другое или в третье время,

я сейчас не беру. А вот если так получится — как нас выкинуло на полгода назад, так эта разница и сохранится?

— В смысле?

— В том смысле, что, пока мы будем до Москвы добираться, наш мир ровно на столько же времени сдвинется в будущее. Как было между нами полгода, так и останется.

Перспектива показалась Ляхову пугающей. Именно потому, что выглядела достаточно логично. Но тут же нашелся и контрдовод.

— Мы пока ехали, с Розеном тоже болтали. Не совсем о том, что ты сказал, а практически в ту же струю.

Вадим кратко пересказал суть своей гипотезы и завершил очередным силлогизмом:

— Значит, если миры расстыкованы и друг на друга не влияют, мы вполне автономно доберемся до Москвы и отыграем все назад.

Видя, что Тарханов убежден не до конца, привел еще один убойный, на его взгляд, довод.

— Когда мы сюда выскочили, время здесь тоже как бы на месте стояло. У нас уже август, а здесь по-прежнему январь. Значит, пока мы тут крутиться будем, там — постоит...

— Хорошо, — согласился Сергей, хотя на самом деле не понял почти ничего из слов Ляхова. — Раз нам все равно ничего другого не остается, будем считать, что так все и складывается.

— И ладненько. Нельзя же, в самом деле, полгода к цели пробираться, не веря, что она существует. Как капитан Амундсен к Южному полюсу. Доедем, тогда и посмотрим. Каждая задача должна решаться по мере поступления, никак не раньше.

Что же касается транспортных планов Тарханова, их пришлось корректировать немедленно по возвращении к дому.

Майя категорически заявила, что никаких машин она водить не собирается. Не ее это профессия, и вообще она умеет ездить только на своей, по гладкому асфальту и не более часа подряд. Потом ей надоедает нажимать педали и дергать рычаг скоростей.

— Вы взялись, вы нас и возите. А я буду рядом сидеть и в окошко смотреть.

Таким образом, роль водителя «Татры» принял на себя Розенцвейг, а вместо собственного бензовоза решили ограничиться парой бочек неприкосновенного запаса, пополняя основные баки на каждой встреченной заправке или нефтебазе.

Окончательно погрузку закончили уже в сумерках.

Пожалуй, оснащенности отряда позавидовал бы теперь сам Робинзон Крузо, с таким вкусом перечислявший все, что ему удалось переправить на остров с потерпевшего крушение корабля.

Пропитания взяли с запасом, из расчета на двести дней, то есть ровно тысячу коробок усиленных суточных рационов. Рассчитанных лучшими диетологами для полноценного питания солдат десантных подразделений в тылу врага. При энергетической ценности в пять тысяч калорий в комплект входили банки с саморазогревающимися супами, разнообразными мясными консервами с гарниром, чаем, кофе и соками, хлеб и галеты в вакуумной упаковке, тонизирующий шоколад, поливитамины и даже салфетки и туалетная бумага защитного цвета.

Конечно, такая пища может и поднадоесть при постоянном употреблении, но тут уж выбирать не приходится.

Майя, правда, ужаснулась, прочитав на крышке коробки информацию о составе и калорийности предлагаемого меню.

— Если все это съедать, так меня килограммов до восьмидесяти разнесет!

— Не бойся, — успокоил ее Тарханов, — если будешь работать соответственно, так еще и добавки запросишь.

— Что значит — соответственно?

— Соответственно — то есть как положено, — пояснил Ляхов. — В наряды ходить, в караулы, в разведку. Помогать колеса перемонтировать, дрова заготавливать, за водой с канистрами бегать. И так далее. В израильской армии, вон Львович скажет, девушки, за исключением трех дней в месяц, пашут совершенно на равных с мужиками. И никаких профсоюзов...

— Дождетесь, — фыркнула Майя. — Я пока ни в израильской, ни в русской армии не служу. Ты меня на пикник пригласил, вот пока не доставишь, где взял, я считаю, он продолжается.

— Ну-ну, — неопределенно отвечивал Вадим.

Кроме продовольствия, в кузов тархановской машины забросили тюки с десятком верблюжьих одеял, верхней одеждой и нижним бельем, сапогами и ботинками, надувными матрасами, шанцевый инструмент в ассортименте, несколько бухт веревок разного диаметра. Мало ли с чем придется столкнуться в пути. Например, переправу наводить.

Естественно, запаслись и напитками, правда, выбор в офицерском буфете был невелик. В основном баночное пиво и не слишком хорошее вино. Но уж что-что, а бар или ресторан по дороге явно встретится. Там и пополним коллекцию. Как на Руси говорится, дорвемся до бесплатного. То же и с табаком. Курить армейские израильские сигареты, конечно, можно, но только от безысходности.

Оружия взяли не так уж много, исходя из того, что окружающий мир все-таки пуст и безлюден.

Но они не были бы военными людьми, если бы принимали существующее положение дел за константу. По-

этому, кроме автоматов, прихватили два пулемета «МГ», пять снайперских винтовок, по ящику патронов на каждый ствол и еще четыре ящика осколочных гранат. А также две сотни парашютных ракет и сотню фальшфейеров. Вдруг потребуется освещать местность там, где никаких источников, кроме автомобильных фар, не окажется.

Ляхов действительно, оказавшись на складе медицинского имущества, отоварился по полной программе. Рассчитывая на худшее, взял родную, то есть российского производства, палатку «УСБ», в которой не только медпункт развернуть можно, но и жить достаточно комфортно, поскольку к ней в комплекте прилагалась чугунная походная печка, работающая на солярке.

При температуре «за бортом» до минус тридцати даже в одном исподнем не холодно. Те самые стандартные ящики с инструментарием и медикаментами, о которых думал, пусть и маркированы они были не русскими, а еврейскими буквами, но внутри — совершенно то же самое.

В общем, машины оказались загружены под завязку, и, если бы пришло в голову взять с собой что-нибудь еще, положить это было бы и некуда.

Когда завечерело, вновь запустили здешний дизель-генератор, дороги и аллеи осветились яркими фонарями.

— Теперь, как на флоте говорят, команде разрешается песни петь и веселиться. Только сначала отмыться, конечно, — распорядился Тарханов. — Спать ляжем пораньше: выезжаем с рассветом.

...По сторонам дороги расстился все тот же пейзаж северной Палестины, увидеть который Ляхов, после известных событий, в обозримой перспективе не надеял-

ся. А вот, поди ж ты, как оно повернулось. И увидел, и при обстоятельствах более чем странных.

Мотор, несмотря на высокогорье, тянул хорошо, ровно, через приопущенное стекло задувал бодрящий ветерок, все же январь месяц на дворе, хоть и субтропики.

Реквизированный в универсальной лавке портативный катушечный магнитофон «Эриксон», подключенный к бортовой электросети, негромко воспроизводил Сибелиуса. «Туонельский лебедь». Чем-то эта холодная и мрачная музыка подходила сейчас к настроению Вадима. Вообще запас катушек с записями и классической, и легкой музыки в провинциальной гарнизонной лавке оказался на удивление богатым, и Вадим рассчитывал, что скучать за рулем не будет.

Хотя ему было немного жалко, что не успели они запастись радиоаппаратурой из мельком явившейся им реальности. Думали, и дальше она же будет, и гораздо лучший выбор представится в специализированных больших магазинах ближайшего города. И плоские, как книжка, магнитофоны с маленькими кассетками и узенькой пленочкой внутри, и те самые проигрыватели под зеркальные диски.

Увы, ничего этого не осталось, только одни короткие и тяжелые автоматы, под которые девятимиллиметровые патроны есть и здесь. Смешно сказать, что объединяет две совершенно разные цивилизации, — бог знает кем придуманный латунный патрончик с тупо срезанной пулей.

Ну, что ушло, то ушло. Зато мир снова стал знакомым и понятным. И шанс вернуться домой возрос неизмеримо.

Если бы сейчас придавить педаль до пола и гнать, как в кинофильме «Адские водители», через неделю можно приехать в Москву.

Только делать в Москве сейчас совершенно нечего, да и рисковать на незнакомых дорогах просто глупость. И так доедем, потихоньку-полегоньку.

Что ни говори, путешествие обещает быть по-своему увлекательным. Словно по чужой планете движется исследовательский отряд, и за каждым поворотом ждет неведомое.

Утомленная вчерашним трудами и не слишком отдохнув ночью, Майя привалилась головой к стенке кабины и задремала, подложив под ухо свернутую камуфляжную куртку.

Вадим надеялся, что за время дороги, чем-то сравнимой с движением на запад американских пионеров, приобщившись к простой и суровой походной жизни, девушка окончательно раскроется. Покажет свою истинную сущность, до сих пор настолько замаскированную образом жизни и родом занятий, что так у него и не получается понять, какая же она, Майя, на самом деле. А понять это Вадиму хотелось без всяких «верископов» и психосканов.

Чтобы, значит, если связывать с ней жизнь, то по собственному свободному выбору.

С Еленой вот не сложилось, хотя до последнего казалось — получится. И красива, и в постели более чем нежна и хороша, и общие воспоминания их связывали, и уже нынешние приключения. Да и сама себя она убеждала, что все эти годы помнила его и мечтала о встрече, чтобы исправить ошибку молодости.

Оказалось же — никакой ошибки и не было. Просто случился с ней кризис после пяти лет жизни с мужем, и вообразила она, что лучший выход — все поломать и начать сначала. А вот случился шок — и сбежала она от него с облегчением, хотя разве можно в таком вот случае говорить об облегчении? Смерть мужа и все такое...

И тем не менее, наверное, можно.

Другое дело, что, пережив случившееся, успокоившись, задумавшись, как быть дальше, может, и пожалеет еще о своем импульсивном решении, захочет в очередной раз отыграть назад.

И, значит, ему самому надо поскорее определяться.

Ляхов вытащил из коробки между сиденьями бутылку пива, скovyрнул специально устроенным под приборной панелью ключом пробку, с удовольствием сделал два длинных глотка.

Хорошее пиво, в меру прохладное, в меру горьковатое. Научились израильтяне у баварцев пиво варить.

Жаль только, что скоро придется на консервированное переходить. Холодильники теперь нигде не работают, и свежее бутылочное пиво элементарным образом прокиснет.

Впрочем, когда через Турцию поедem и дальше, через Кавказ и Черноземье, похолодает так, что не до пива будет, там другие напитки в ходу. (Впрочем, они еще не решили, как именно ехать, этим путем или через Босфорский мост и Европу.)

А все же не рано ли он своими матримониальными планами озаботился? Рассуждает так, будто только и проблем в жизни осталось — жену себе подобрать. «Ты сначала доживи», — как любил осаживать не в меру фантазирувавших о будущей жизни на гражданке бойцов ротный фельдфебель Зудин.

«Глядишь, и доживем, — подумал Ляхов с веселым куражом. — Если б нас впереди нечто хреновое ждало, глядишь, завозился бы где-нибудь червячок, предупредил. Как тогда в лесу или на пароходе. Да и что может случиться на пустой планете? Разве стихийное бедствие какое...»

Он и автомат свой засунул в нишу за изголовьем спальной полки, чтобы не путался под руками в кабине,

а карабин с оптическим прицелом вообще остался в кузове, зачехленный.

Только розенцвейговский «адлер» висел на привычном месте в плечевой кобуре да рукоятка двустольной ракетницы системы «вери» высывалась из кармана на дверце. Но это именно для экстренной подачи сигналов отставшей или слишком вырвавшейся вперед машине.

Ляхов еще приложился к бутылке, начал насвистывать в такт музыке.

Дорога после нескольких крутых поворотов выпрямилась, потянулся длинный и пологий подъем к перевалу с отметкой 1700 метров, на котором намечен был первый привал. Ноги размять, посмотреть, как ведет себя незнакомая пока техника. Тормоза проверить, поскольку дальше начнется затяжной спуск до самого перевала у Кабб-Эльяс, откуда еще более крутое, но зато бетонированное шоссе выведет прямо к Бейруту. А там автострадой, без проблем, до самой Турции.

Где уже и будем решать, куда сворачивать — на Ангору или на Стамбул. Кроме того, с перевала должно было открыться море. Вадиму же вид моря, даже очень далекого, всегда как-то поднимал настроение. В отличие от гор.

В любом случае скоро их ждут более-менее цивилизованные края, с хорошими дорогами и инфраструктурой, где можно будет пополнить припасы чем-то лучшим, нежели спартанское армейское довольствие.

Что ни говори, передвигаются они с большим комфортом, чем знаменитые путешественники середины прошлого века, Ганзелка и Зикмунд, которые почти год пробирались на своей «Татре-87» от Касабланки до Кейптауна. Правда, там все же вокруг были люди, пусть и не всегда доброжелательные.

Неизвестно почему, прижимая педаль газа и небреж-

но придерживая одной рукою тонкий руль «Опеля», покрытый мягкой зеленой пластмассой, Ляхов вдруг вспомнил фразу из рассказа совершенно забытого писателя.

У его отца, главного инспектора кораблестроения, для простоты всеми воспринимаемого вице-адмиралом, поскольку погоны и форму он носил такую же, за исключением некоторых отличий в цвете шитья погон, опущек и пуговиц, была великолепная библиотека. В том числе — масса подшивок никому теперь не известных журналов.

Так вот, в одной из них, года приблизительно двадцатого прошлого века, Вадим прочитал рассказ этого самого Исаака Бабеля. Впечатления особого писатель на него не произвел, поскольку писал о жизни одесских бандитов, совершенно чуждой сыну высокопоставленного флотского чиновника. Однако некоторые фразы в памяти застряли. Такое бывает, и даже нередко.

В упомянутом рассказе говорилось: «Есть люди, умеющие пить водку, и есть люди, не умеющие пить водку, но все же пьющие ее. И вот первые получают удовольствие, а вторые страдают...»

Эту сентенцию, в принципе правильную, Ляхов слегка интерпретировал, поскольку совершенно непроизвольно коснулся при этом левой рукой полированной ореховой рукоятки ракетницы.

И произнес вслух: «Есть люди, умеющие стрелять, и есть люди, не умеющие этого делать...»

Почему, зачем это пришло ему в голову, объяснить невозможно. Но, наверное, какое-то основание было.

Договорить Вадим не успел.

Машина Розенцвейга, четко двигавшаяся впереди по условной осевой линии узкого горного грейдера, вдруг отчаянно замигала задними фонарями и метнулась вправо. Козлом запрыгала через кювет, через выгоревшие и

почерневшие пучки жесткой травы, чудом удержалась на рыжем глинистом откосе и застыла, накренившись под опасным углом.

Выяснить, что там случилось с начальником авангарда, было некогда. Метнулась было мысль, что рулевое вышло из строя, но ее тут же стерла аккуратная дырочка с короткими трещинами вокруг, образовавшаяся на ладонь правее головы Ляхова.

Стекло было триплекс, иначе бы оно просто разлетелось мелкими брызгами.

А так — уцелело, сыграв тем самым крайне полезную роль.

Дырка в стекле — это ведь еще и простейший визир. Если не трогать руля — так прямая линия, соединяющая стрелка и цель.

А раз другого оружия, кроме старого доброго «вери», у него под руками не было, а рефлекс оставался, он и пальнул навскидку, дулетом, с левой, но по направлению очень точно.

Зеленая и красная ракеты с шипением помчались в буерак, откуда и пришла чужая пуля.

Тут и показал в очередной раз свою реакцию Тарханов. Пусть в тире он и уступал Вадиму, но не на поле реального боя. И за обстановкой он наблюдал, и ракетный залп понял правильно, как целеуказание.

Автомат, в отличие от Ляхова, Сергей все время держал под рукою, три или четыре трассирующие очереди выпустил с ходу, потом тормознул с разворотом. И добавил еще.

Даже прошлый раз, тогда, в горах, Вадим не имел возможности увидеть, как работают профессионалы в критической ситуации. Другая была обстановка. Вдвоем, подготовившись, они вели уже почти правильный бой. И о том, что делал Тарханов в захваченной бандитами гостинице, знал только понаслышке.

А сейчас — прямо как в учебном фильме. Сергей, оказывается, едучи на сотню метров сзади, и за дорогой лучше Ляхова наблюдал, среагировал практически одновременно, направление сумел засечь и открыл огонь настолько правильно... Еще до того, как сам Ляхов успел выдернуть из кобуры пистолет и Майя проснуться.

Озираясь по сторонам, цепляясь ботинками за мертвую шуршащую, подернутую инеем траву, все время ожидая новых выстрелов сбоку, сзади, Ляхов с Тархановым пробежали нужное расстояние и увидели того, кто в них стрелял. В мире, где, кроме них, не могло, не должно было быть никого.

Но вот один-единственный нашелся. Или не единственный?

Чужой в этом мире человек, неизвестно что здесь делавший, неизвестно для чего державший в руках автоматическую винтовку нездешней конструкции, получил, из всех выпущенных полковником пуль, свою. Она вошла выше левой ключицы, в плечо, которое при прицеливании поднялось над бруствером. И куда, насколько проникла — бог ее знает... Могла и до копчика.

Но пока он был жив и даже в сознании.

Высокий (точнее, сейчас просто длинный) мужик крепкого сложения, с суровым, рубленным лицом, давно небритый и немытый. Попахивало от него основательно. Маскировочный, желто-зелено-бурый комбинезон затаскан по горам, на локтях и коленях протерт и порван. Дышит прерывисто, с хрипом и посвистами.

— Вытяни его, вытяни, — требовал Тарханов, — что хочешь делай, но вытяни...

Вот теперь — тихо. Иди отсюда. Татьяна, — обернулся он к подбежавшей вслед за Тархановым, далеко опередившей Майю и Розенцвейга девушке. — Ты в институте на медсестру училась?

— Конечно. Только практики восемь лет не было...

— Неважно. Бегом, санитарную сумку из кабины, будешь ассистировать. Остальные — свободны. Полковник, организуй оборону, чтобы в нас хоть полчаса не стреляли.

...Он вогнал раненому сразу тюбик промедола, еще один — кордиамина. Нашел в сумке препарат, резко усиливавший свертываемость крови. Если даже у него там все кишки и не слишком крупные сосуды порваны, от потери крови сразу не помрет.

Оскал давно не чищенных, покрытых зеленоватым налетом и окрашенных кровью зубов был неприятным. Значит, левое легкое пробито точно, если кровь во рту.

Но ты у меня, сволочь, еще поживешь!

— Видал? А ты мне говорил, что здесь ничья земля...— Тарханов не спешил уходить, держал автомат на сгибе левой руки, поигрывал на спуске пальцем, и видно было, что очередной раз стрельнуть он не зазеваается.

— Иди, я сказал! — В чине они были равны, и Тарханов вроде как командир экспедиции, но Вадим привык, что при исполнении своих обязанностей, будучи еще совсем молодым военврачом, он без сомнений грубил даже и генерал-лейтенанту Попову, командующему вторым армейским корпусом.

— Если еще один такой же найдется хоть на той го-рушке, тебя лечить будет уже некому.

Тарханов наконец понял мысль Ляхова и махнул рукой Розенцвейгу, показывая, какую позицию тому следует занять.

И тут же сообразил, что допросить пленного без помощи израильянина он не сможет.

— Львович, отставить. Идите сюда. По-арабски понимаете?

— Почти свободно.

— Начинайте допрос...

Но пленник, которому от промедола здорово по-

★
легчало, посаженный спиной к камню, отчего и кровь в брюшной и плевральной полостях оттекла вниз, и легкие немного очистились, вдруг ответил на приличном русском языке:

— Арабский — не нужно. Мы с тобой, капитан, земляки. Я тебя в бинокль видел, на перевале. Хорошо воевали. Помнишь, я кричал — не стреляй, не наша война, дома разберемся?

Ляхов этого не помнил. Мало ли кто чего в том бою кричал.

— Ты — кто?

— Чеченец, конечно. Девять лет уже воюю. Вы нас из наших гор выбили, мы сюда пришли. Чечня все равно будет свободной.

Было мужику на вид лет тридцать пять. Значит, по его словам, та война длится почти всю его сознательную жизнь.

Но последние пятьдесят лет в чеченских горах и вообще на Кавказе серьезных боестолкновений не случилось. Что-то подобное было в конце сороковых годов, но не выходящее за рамки обычных туземных беспорядков, даже в учебники по тактике не вошло самостоятельным разделом.

— Парень, ты бредишь? Какая Чечня? Какие девять лет? Я тебе помогу, сейчас в машину погрузим, в госпиталь поедем.

— Не надо, командир. Не гони пургу. Какой госпиталь, откуда? Я еще в Советской армии служил, старшим сержантом дембельнулся. Потом с вами воевал, у Дудаева, у Масхадова. Немножко не получилось. Задурили нас, что Союз развалился, Россия тоже, генерал Дудаев свободу даст. Там воевал, сюда, на Израиль, воевать приехал...

Теперь за деньги, честно скажу. Слушай, еще укол сделай или покурить дай...

Ляхов не понимал, о чем ведет речь умирающий боевик, а что он умирал, сомнений не было. Но потянуть его еще минут двадцать он мог.

— Курить не стоит. А легче сейчас станет. Так говори...

— Командир, не понимаю, да. Ты молодец, похож на моего ротного, тот тоже хороший мужик был, все равно ему, чеченец, русский, мордовец. Нормально жили, служили. Пять значков получил. Тебе скажу...

Домой приехал, пожил немного, жениться хотел, не успел. Потом плохо стало. Война, война... Надоело, мы убиваем, нас убивают. Приехали два месяца назад в Трабзон, из Иордании. По две штуки баксов получили, задание простое: сопроводить караван с оружием до Израиля, потом еще пять штук получить, и иди куда хочешь.

Дыхание у раненого ускорялось, становилось сбивчивым, вот-вот перейдет в чейн-стоксовское¹.

Но он еще говорил и старался сказать как можно больше, правда, не того, что интересовало Ляхова, а волновало лично его.

— Не повезло, на перевале на вас наткнулись. У меня хорошая память, капитан, я тебя в бинокль увидел и запомнил, когда ты в нас стрелял... Я в тебя тоже стрелял, не попал, правда. А ты в меня почти попал.

Ляхов не успевал понять и осмыслить торопливые, горячечные слова пленника. Как-то они стыковались, совпадали с тем, что удалось увидеть на погранзаставе другой реальности.

Было здорово интересно — получается, они пересекались с чеченцем именно там. Тот его видел, запомнил.

¹ Дыхание Чейна — Стокса — волнообразное чередование быстрого, поверхностного и медленного, глубокого, обычно считается предвестником скорой смерти.

А Ляхов его — нет. Но переспрашивать — времени не было. Пусть успеет сказать, что хочет. А уж там...

Господи, хоть бы час еще он пожил! Была бы «автоперевязка»¹ здесь и фельдшер Капустин...

Стоп, а это откуда? Какой Капустин?

— Таня, в сумке, адреналин, ампула, набери в шприц. Ноль один.

Раненый продолжал говорить, все время его тянуло подняться. Он отталкивался руками от земли, старался сесть повыше. Словно насекомое, влекомое инстинктом геотропизма².

Кашлял, выплевывая черные сгустки крови.

— Я, когда увидел, что на русских вышли, не захотел... Всех вперед гнали, я не пошел. Ну вас, подумал. Сами ловите. Я — уже! Старого муллу охранять стал. Спокойнее. Показалось, снова сам с собой воевать должен. В одной армии служили. Комсомольское вспомнил, Атаги... Наших тысяча погибла, я еле ушел.

Тут рвануло что-то. Ох, сильно рвануло! Полдня я в себя приходил. Нас двенадцать человек живых осталось. Куда остальные делись — не понял. Пошли — никого вокруг нет. Пустая земля. Долго по горам ходили. Нашли аул — тоже нет людей.

Страшно стало, брат. В ад попали, слушай. Поссо-рились. Я — чеченец, почти русский, те все — не знаю, арабы, курды. Их язык почти не понимал. Думал — ну вас всех. Домой пойду. Не так далеко. Деньги были, из Трабзона в Батуми доехать хватило бы. Один черкес еще с нами был, земляк, из Зеленчукской, вместе хотели — пропал...

¹ «Автоперевязка» — армейская санитарная машина, оборудованная для проведения хирургических операций первой врачебной, иногда — специализированной медицинской помощи.

² Геотропизм — стремление живых существ принимать определенное положение по отношению к центру Земли. Положительный — вниз, отрицательный — вверх.

— Таня, шприц! Адреналин!

Язык у раненого начал заплетаться, щеки серели прямо на глазах, руками он совершал странные для не посвященного в тонкости медицины движения, словно собирал с груди и живота невидимых остальным насекомых.

Ляхов понимал, что пациент «уходит». Капельницу бы поставить, с протившоковой, кровь перелить, не меньше литра — так не успеть распаковать ящики. Удерживать его, пусть солидной дозой адреналина — последний шанс. Хоть минут еще на десять. Успеть понять, о чем речь.

А говорил он совершенно странные вещи.

— Парень, тебя звать как? Сейчас в госпиталь поедем. Вылечим. Ничего страшного.

— Не вылечишь. Умру сейчас. Зовут — Руслан. Фамилия — Гериев, двоюродный брат того Гериева. Должен знать. Из Урус-Мартана. Мы не знаем куда попали. Тут всего много, а потом появляются эти...

— Кто — эти?

— Не знаю. Такие, страшные. На людей похожи, не люди. Арабы говорили — джин, ифрит, иблис... «Черти» по-нашему. Я в них много раз стрелял. Три обоймы. Из «Эм-16» — им не нравится. Из пистолета — не берет. Они тоже стреляли...

Татьяна подала шприц. Вадим воткнул иглу в левое плечо Гериева выше локтя. Ну, должен, должен протянуть еще хоть полчаса. Так быстро не умирают.

Раненый захрипел. При каждом выдохе выдувались на губах кровавые пузыри.

Чеченец приподнялся на локтях.

— Командир, зря мы с вами воевали. Здесь — хуже. Если бы вместе...

— В нас-то стрелял зачем?

— Ошибся, понимаешь... Гранатомет возьми. «Муха», хорошо будет...

Попытался поднять руку к лицу и сразу уронил.

Неизвестно, какая часть его мозга сохраняла активность, но свои последние слова Руслан выговорил, вспомнив, наверное, что-то совсем уж из ранней молодости:

— «Автобус Грозный — Минводы, сейчас поедет... Билет девять рублей, в кассе нету. Шофер, как брата прошу, десять возьми, посади солдата, из отпуска опаздываю». Потом несколько неразборчивых слов по-чеченски.

И умер.

Так не вовремя!

Но — почему? Не должен был так быстро, по всем признакам не должен.

Наверное, пуля дошла до ворот печени. Если бы в аорту — умер бы сразу, если в кишки — часа три протянул бы в сознании, а то и больше.

А ведь это был человек «оттуда».

«Советская армия», «старший сержант», «генерал Дудаев» и девять лет новой чеченской войны. Такого и в бреду не придумаешь.

И он видел Ляхова в бою. Запомнил. Такие люди, с почти первобытным интеллектом, не ошибаются. Аллюзии и ассоциации им чужды. Видел — видел, нет — значит, нет.

И получается, что он, Вадим Ляхов, в своем физическом облике существовал и там, где не унтер-офицеры, а сержанты служат в Советской армии, распадается какой-то другой «Союз» и даже Россия, чеченцы воюют на стороне какого-то нового Шамиля — «генерала Дудаева» и опять эту войну проигрывают...

Тут и умом повредиться недолго.

И снова всплыли слова Тарханова: «Это солнце не моего мира». А их мир — где?

— Вадим, о чем это он? — спросила Татьяна, о существовании которой Ляхов почти забыл. Она сидела рядом на корточках, бледная, не то чтобы напуганная, а просто выглядящая как человек, впервые в жизни в деталях увидевшая, как непонятно, страшно и в то же время удивительно просто умирает другой человек.

Для многих — непереносимое зрелище. Она же — вытерпела, пусть и с трудом.

— О чем? Ты же сама со мной об этом говорила. Параллельная земля, параллельное время. Побывали там, выскочили сюда. Тебе-то что?

— А про тебя, про Сергея что он говорил?

— Откуда я знаю? Умиравший бредил. Похожим на его ротного я ему показался.

— Но ведь так все и было? На перевале.

— Приблизительно, — неохотно ответил Вадим. — Только нас на ЕГО перевале быть не могло.

Подшли Тарханов с Розенцвейгом, за ними Майя, все это время остававшаяся возле машин, сжимая в руке пистолет.

Очень коротко Ляхов пересказал им смысл последних слов Гериева, сосредоточив внимание на том, что здесь поблизости бродит еще минимум десять человек таких же, даже хуже, поскольку являются вообще не владеющими ситуацией кадровыми бандитами.

И еще — существуют некие «чужие», которых пистолетная пуля не берет, а винтовочная — то ли да, то ли нет, но им не нравится.

— Он еще сказал — «гранатомет, «Муха», хорошо...». Непонятно, тип гранатомета он имел в виду или...

— Не знаю такого. Может, он просто кличку своего напарника вспомнил? Муха — Мухаммед? Или — Мухаммедов. Хотя у черкесов таких фамилий нет. Хотел бы я сам его послушать... — с досадой произнес Тарха-

нов, — это, пожалуй, самое важное было, а ты не выяснил. Надо было...

— Что — надо было? Не в госпитале даже, в батальонном медпункте я б его наверняка вытянул, допрашивай — не хочу, а так — уж извини.

Вадим терпеть не мог, когда непонимающие люди подвергали сомнению его компетентность.

Тут вдруг Татьяна вмешалась, совершенно неожиданно, со словами, которых Ляхов именно от нее не ждал:

— Нет, Вадим, ты себя неправильно вел. Надо было не слушать его болтовню, а самому спрашивать, четко и по делу. И колоть ему не промедол. Поддерживающее что-нибудь надо было. Я не врач, конечно, но, по-моему, от него он и бредить начал...

Вот оно как!

Умная, значит!

Перед Сергеем выпендривается или на самом деле вообразила, что может старому «додиду»¹ советы давать.

Ляхов едва-едва не сорвался.

Кто они такие, чтобы его учить? Выросший в окрестностях доков Гельсингфорса, он знал такие слова и обороты, которые кадровый боцман постигает только к пятому году службы. И очень ему захотелось их употребить в полном наборе.

Но все же последующее воспитание пересилило генетическую память. Сумел Вадим Петрович остаться в границах приличия.

— Да кто ж вам мешал, таким умным? Реаниматоры, мать вашу! Ну, покажи, мне, недоумку, что ты в этой сумке «поддерживающего» найдешь?! Сразу и занялись бы, специалисты, допросили, на дыбу можно, шомполами по ребрам...

¹ «Д о д и к» — военный врач, уважаемый личным составом (арм. жаргон).

— Не заводись, Вадим, никто тебя не обвиняет. И ты, Таня, молчи, не лезь не в свои дела...

Тарханов сообразил, что ситуация выходит из-под контроля. Да и Розенцвейг, поджав губы, покачивал головой осуждающе, пусть и непонятно, в чей адрес.

— Как случилось, так и случилось, — сурово произнес Сергей. — Хотя одно ясно. Теперь у нас не «пустая земля», а сразу две разновидности врагов.

«Как ты и предполагал, — подумал Ляхов. — Молодец, командир! Вот уж действительно — не знаю, что там за горизонтом!»

— Одни, так сказать, «свои», вроде этого вот, другие — «чужие». Демоны, бя. Если уж для такого вояки они «страшные»... Приказываю — автоматы отставить. Всем взять винтовки.

Сергей нагнулся, поднял с земли оружие покойного Гериева. Как он ее назвал — «Эм-16»?

Интересная конструкция. Созданная по той же технологии, вернее — на базе того же способа мышления, что и взятые на заставе параллельного мира автоматы. Придумывали и делали их люди, которым, кажется, совершенно наплевать на удобство обслуживания, экономии материалов и трудовых затрат в производстве.

Если трехлинейную винтовку или автомат «ППД» можно разобрать-собрать с завязанными глазами, стрелять, вытащив из болота, лишь бы сил хватило передернуть забитый грязью затвор, с этой так не получится.

Похоже, в том мире солдаты жили в стерильно-чистом окружении и воевали в крытых спортзалах.

А на вид винтовка неплохая.

Тарханов отщелкнул магазин. Он был почти полный. Раза три успел выстрелить Гериев. Патроны тоже странные. Если тамошние автоматы использовали девятимиллиметровые парабеллумные, то эти — ни в какие

ворота. Калибр совершенно детский, «пять и шесть», похоже, но гильза почти стандартных размеров, а пули — гораздо длиннее нормальных.

Сергей припомнил основы внешней баллистики. Слишком длинные пули, чтобы быть дальнобойными и устойчивыми в полете.

Вот этим, пожалуй, они «демонов» и отпугивают. При малейшем препятствии переворачиваются и идут поперек. Грубо говоря, превращаются в маленький пропеллер. И тогда калибр уже не 5,6, а...

Сколько тут длина? Два сантиметра? Вот уже и выходит почти скорострельная зенитная пушка.

Такое не всякому демону понравится.

— Хорошо, возьмем для пробы, — он подкинул винтовку на руке, протянул Ляхову. — Ты у нас спец. Только до конца обойму не расстреливай. Домой вернемся, интересная коллекция получится...

— Зачем до конца? Сбережем. — Вадим выщелкнул из магазина два патрона, сунул их в нагрудный карман камуфляжа.

— Правильно. А для дела и своими обойдемся. Семь шестьдесят два понадежнее будет. Приказываю всем взять карабины, перезарядить утяжеленными трассирующими. Я поеду первым. Вы, Григорий Львович, садитесь со мной. Ваша «Татра» совсем грохнулась?

Розенцвейг развел руками:

— Подремонтировать можно, конечно...

— Некогда. Будете наблюдать по всем азимутам и стрелять не задумываясь во что угодно, поскольку информацией, как «чужие» выглядят, доктор нас не обеспечил. Вы, девушки, к Вадиму. Наблюдать вправо-влево. Чуть что — стреляйте. Хоть на испуг. В Бейрут заезжать не будем, ищем ближайшую воинскую часть, пересаживаемся на бронетехнику.

— Эх, черт! — ударил он кулаком по раскрытой ла-

дони. — Ну хоть бы пару слов, какие они, на кого похожи...

— Они — страшные, — вставила Татьяна.

— Тоже не критерий. Кому-то тигр страшный, кому-то — мышь. Но все-таки, если крутому вояке они показались страшными, нам тоже храбриться не след... Найдем броневи́к с тяжелым пулеметом или автоматической пушкой, шансы наши подрастут. А теперь — по машинам.

— Подожди, Сергей. Этого — похоронить бы надо. Все же русским солдатом был, как ни крути, — пытаюсь помочь Гериеву, разговаривая с ним и приняв, как в старину выражались, «последнее дыхание», Вадим не мог оставить его тело просто так, хоть и не было здесь птиц или шакалов.

Тарханов поколебался совсем немного.

— Давай. Неси лопатки.

Перед тем как забросать умершего боевика землей со склона (могилу рыть они точно не собирались), Сергей проверил его карманы и валявшуюся неподалеку полевую офицерскую сумку, тоже русского образца.

Кроме обычного скудного имущества одинокого бродяги нашлись там две интересные вещи. Подтвердившие, что Гериев не бредил, умирая.

Пачечка банкнот, судя по обозначениям и надписям — двадцатидолларового достоинства, но странного, зеленовато-черного окраса, с портретом ничем себя не прославившего американского президента, и спрятанные во внутренний карман куртки, заколотый ржавой булавкой, документы.

Паспорт не существующего в природе королевства Иордания, однако выполненный на хорошем полиграфическом уровне, с цветной фотографией (!), свернутый вчетверо лист плотной бумаги, тоже, очевидно, документ, украшенный изображением волка и исписанный

словами пусть и на кириллице, но абсолютно непронизносимыми. Надо понимать — чеченскими.

И самое главное — красная замусоленная книжица с пятиконечной звездой на обложке, озаглавленная «Военный билет».

На многих ее страницах, голубоватых, со сложным рисунком и неперемнной красной звездой, подтверждалось все, что говорил владелец документа, Гериев Руслан Лом-Алиевич.

Одна тысяча девятьсот шестьдесят девятого года рождения. Призванный в Советскую армию в одна тысяча восемьдесят седьмом году Урус-Мартановским райвоенкоматом (районный военный комиссар майор Криворучко), проходивший действительную военную службу в в/ч 44922, военно-учетная специальность такая-то, в 1988 году присвоено звание сержант, в 1989-м — старший сержант. Уволен в запас в декабре 1989 года. Награжден знаками «Отличник Советской армии», «Специалист третьего, второго, первого классов», «Воин-спортсмен»...

Многое друзья успели увидеть и перечувствовать за последние восемь месяцев этого в чем-то рокового, а в чем-то и судьбоносного для них года, но все-таки эта вот книжечка их потрясла.

Тарханова заставила вновь вспомнить свои мысли, возникшие после разговора с Маштаковым в ночном автобусе, Ляхова — он даже не мог сейчас передать своих ощущений.

Может быть, чем-то похожих на те, что можно испытать, узнав лет в двадцать, что любимые родители, которых помнишь с младенчества, с которыми связана вся твоя жизнь, — не родные тебе. А сам ты — подкидыш.

— Ладно, поехали. — Тарханов сунул военный билет в карман. — Салюта отдавать не будем. Уже...

ГЛАВА
СЕМНАДЦАТАЯ

...Получив приказ Олега Константиновича — обеспечить прорыв в «боковое время», Чекменев принялся размышлять и готовиться к его выполнению. Технически, а главное — психологически и идеологически.

Сама по себе идея его тоже увлекла. Военные и политические перспективы открывались поистине безграничные.

Если бы только это оказалось возможным!

Весь его жизненный опыт и здравый смысл против подобного протестовали. Он охотнее принял бы практическую возможность «обыкновенных» путешествий по времени.

С времен Марка Твена и Герберта Уэллса тема тщательно отработана. За исключением некоторых, тоже подробно описанных в научной и художественной литературе парадоксов, которые, впрочем, фантасты наловчились мастерски обходить или игнорировать. Полученный в результате «сухой остаток» был легко доступен воображению.

А как же иначе?

Прошлое реально и абсолютно неоспоримо.

Он сам в нем жил. И другие люди тоже. Оставили после себя ощутимые материальные следы. Дома, книги, фотографии, целые музеи. Не так уж сложно представить себя в окружении реально существовавших предметов и людей, пусть теперь уже исчезнувших и умерших.

С будущим еще проще — имеется формула ускорения времени Лоренца, специальная теория относительности и все такое. Улетел со скоростью света сегодня, вернулся через тысячу лет. Значит, есть куда возвращаться.

А вот идея «бокового времени» вгоняла его в недоумение и интеллектуальный ступор. Слишком много возникало вопросов, ответить на которые не мог и сам первооткрыватель Маштаков.

— Я вам в очередной раз повторяю, — тоном учителя из школы для умственно отсталых говорил профессор, — теория разработана, генератор построен, прямой эксперимент хотя и сорвался по независящим причинам, но косвенные данные говорят, что так все и есть на самом деле. И ваш полковник где-то все-таки побывал...

— Что меня и настораживает. — Чекменев по обычной своей привычке то ходил по кабинету от окна до двери и обратно, то опускался в кресло и принимался стимулировать мозг никотином. — Именно что где-то. Из ваших слов следует, что ему надлежало оказаться в нынешней реальности, только лишенной человеческого населения, увидел же он нечто совсем другое.

Генерал хлопнул ладонью по нескольким листкам бумаги, на которых были зафиксированы воспоминания Тарханова с комментариями Ляхова.

— Это никак не напоминает наш мир, это воплощенная или вымышленная параллельная историческая линия. «КПСС», «Ленинский комсомол», «Строители коммунизма». Я бы предпочел, чтобы Тарханов галлюцинировал, нежели иметь под боком то, о чем здесь сказано.

Совершенно отдельная цивилизация, созданная нашими врагами. Отделенная от нас отнюдь не китайской стеной. Один щелчок тумблера — и пожалуйста!

А где гарантии, что в один, не самый прекрасный, момент это самое сделают «они»? Тамошние большевики-коммунисты? Предварительно хорошо подготовившись к вторжению. Это что же будет? Новая гражданская война? Межвременная? В опасные игры играете, Виктор Вениаминович...

Последние слова можно было расценить как шутку, только взгляд Чекменева мешал это сделать.

Да и не стал бы он свое драгоценное время тратить, если бы не воспринял ситуацию как заслуживающую внимания и обсуждения.

— Короче, так, уважаемый. Вы устраиваете в моем присутствии убедительную демонстрацию чего угодно, первого варианта, второго, третьего, я не знаю, или закрываем тему. Вот так, и не иначе. Со всеми вытекающими...

Маштаков задумался. В своей правоте он был уверен абсолютно, как настоящий гений, приносящий в жертву собственной идее все, вплоть до жизни. И не только своей.

Восстановленный и даже значительно усовершенствованный генератор наличествовал в соседней комнате. Управляющий модуль ему тоже вернули, только позволяли работать с ним под строгим надзором. Чтобы не учинил чего-нибудь непоправимого. Раз опасаются, значит, все-таки верят. Пусть и не до конца.

— Первый вариант... Что вы под ним понимаете? — он начал тянуть время. Все ж таки к столь резкому переходу к стадии практических действий профессор был не совсем готов.

Поговорить бы еще несколько дней на более-менее общие темы, подискутировать, глядишь, что-нибудь прояснится для него самого. Генерал — крайний рационалист, умеет ставить задачи и добиваться их выполнения, так вот пусть и формулирует...

— Что-то вы непонятливым стали, — с неприятной жесткостью в голосе ответил Чекменев. — Первый вариант — без взрыва, разрушений, опасности для наших людей открыть путь отсюда в аналогичный или этот же самый, но безлюдный мир. С гарантированным возвращением... — он загнул на левой руке мизинец. — Второй вариант — на тех же условиях проникнуть на тер-

риторию «большевиков», разобраться, что там у них творится, — загнул безмянный и потряс ладонью перед лицом Маштакова. — И, наконец, третий — убедительно доказать, что ни то ни другое в настоящее время невозможно. Будет хоть какая-то определенность.

Направленная в сторону Маштакова рука с торчащим вперед указательным и вверх — большим пальцем неприятным образом напомнила пистолет с взведенным курком.

— Кстати, третье — самое трудное, — осмелился возразить Маштаков. — И десять, и сто неудачных экспериментов не гарантируют, что одиннадцатый или сто первый не окажется успешным...

— Не занимайтесь демагогией. Вам все понятно?

— Чего же тут не понять. Дайте мне дня три, я хоть схему опытов продумаю.

— Время — до завтра. Суток, чтобы сообразить, под силу вам это или нет, должно хватить. А потом посмотрим. Что касается помощников, средств и оборудования — только заявку представьте, все решим.

Ночь Маштаков провел в размышлениях, вычислениях на предоставленной в его распоряжение большой электронной машине, созерцании полной луны, которая, в свою очередь, взирала с уже по-осеннему темно-го небосвода, равнодушная к его проблемам.

Истребив полторы пачки папирос и литр кофе, Маштаков догадался, что решение найдено. Столь же простое и гениальное, как все его прошлые озарения и открытия.

Всего-то и требовалось, что ввести в конструкцию генератора своеобразный демпфер, замедляющий скорость распространения хронопольа и позволяющий варьировать его напряженность. Проще говоря, не проламывать межвременную границу, а постепенно про-

давить ее или, что, пожалуй, точнее, просочиться, как вода постепенно просачивается сквозь плотину.

Остальное — вопрос техники.

Изготовить еще один стационарный и один переносный вариант генератора, перебросить специально подготовленную группу в нужное место, установить там базовую станцию, открыть два встречных портала, входной и выходной. Переносный же аппарат использовать как спасательный парашют, или «хроноланг», вот хорошее название заодно подвернулось.

После чего проблему можно считать решенной раз и навсегда. И под это дело выторговать себе право жить по преимуществу там, за временным барьером, в личном уединенном замке, приюте мудрости и новых технологий, окружив себя гаремом верных ассистенток.

Существование без сотни молодых и красивых девушек вокруг, умеющих одновременно подхватывать на лету его идеи и замыслы и правильно вести себя в минуты отдыха, он уже не представлял.

Так он и доложил в урочное время Чекину.

— Вот видите! — генерал выглядел довольным. — С вами, учеными, только так и надо. А пошел бы я у вас на поводу, вы бы еще месяц или год мне голову морочили, ссылаясь на отсутствие вдохновения.

А насчет прочего мы посмотрим. В буквальном смысле. Посмотрим, что у вас получится, потом и решим. И по делу, и все остальное. Одна девушка у вас есть? Вот пока и хватит. А то весь пар уйдет в свисток.

Вполне технический термин из времен парового транспорта, морского и наземного, сейчас прозвучал несколько двусмысленно.

Чекин действительно, зная о некоторой сексуальной озабоченности профессора, нашел возможность обеспечить его регулярно приходящей подругой. И столь же регулярно уходящей.

Особую пикантность ситуации придавало то, что эту роль он предоставил известной Владе, бывшей девушке Тарханова, в которую тот чуть было не влюбился всерьез. Но, по счастью, раздумал.

Влада действительно была сотрудницей, направленной на этот нелегкий фронт службой Чекменева, о чем новоиспеченный полковник в разгар их дружеских отношений, в общем-то, догадался, но имеющая неплохую подготовку девушка сумела его разубедить. Впрочем, дальнейшие отношения все равно разладились, как бы и сами собой.

А теперь ей приходилось улаживать и заодно, точнее, по преимуществу присматривать за Маштаковым.

Ничего сверх того, что не захотелось бы ей самой, она гению не позволяла, чем заводила его еще сильнее. И получала почти без усилий всю необходимую информацию.

Шехерезада наоборот. Лишенный привычных утех шах болтал, она слушала. И мотала на ус. А также — на магнитную ленту.

Особого умысла Чекменева здесь не было. Просто так вышло, почти само собой.

Сначала Тарханов из аккуратно подведенных к нему шести девушек выбрал именно Владу, и свою функцию, не только шпионки, но и утешительницы, она выполняла, в нужный момент отойдя в сторону, нерасшифрованная.

Потом временно осталась без задания, отдыхала, проживала полученные от Сергея деньги. А тут у генерала возникла необходимость создать комфортное окружение пленному профессору. Последние десять лет тот привык удовлетворять свои потребности с девушками не ниже третьих курсов естественно-научных факультетов, поскольку высшую математику и физику начинал преподавать именно там.

А Влада по большинству параметров излюбленному типу Маштакова не только соответствовала, она его превосходила.

От этого генерал и отталкивался, и только потом ему показалась интересной сама коллизия. Кто знает, вдруг в будущем и это как-нибудь пригодится?

Специального плана он пока не имел, но интуитивно здесь ощущалась возможность дополнительной интриги. Пусть пока и неизвестно, какой именно. Просто Чекменев не любил упускать даже весьма туманных шансов.

...Спорить Маштаков не стал, тем более что генерал был по-своему прав.

— Ваши люди обеспечат в ближайшие дни изготовление необходимой аппаратуры? По имеющимся образцам и под моим шеф-контролем это труда не составит. Только...

— Что — только? — Чекменев опять насторожился. Если сейчас профессор начнет изобретать дополнительные сложности и объективные причины...

— Нет-нет, ничего такого. Просто мне необходимо снять определенный спектр характеристик вашего полковника... Неверова. Мы с ним, кстати, об этом сразу после Пятигорска говорили. И заодно его коллеги, который тоже причастен. Посмотреть, подвергнуть аналогичным тестам, сравнить психохронокарты... Раз они там вместе были, могут выявиться интересные закономерности. И в любом случае аппаратуру для первого перехода придется настраивать индивидуально под них. А уж потом...

Чекменев задумался. Вроде как все логично. Оба там были, причем один перенес экссесс в шоке, второй в сознании.

Тарханова Маштаков непонятным образом вычислил

самостоятельно. Возможно, исследование мозгов Ляхова действительно даст какой-то научный результат.

И, что показательно, просьба Маштакова совпадает с замыслом князя. Он ведь тоже сразу распорядился готовить к походу именно Тарханова с Ляховым. Такая у него интуиция, или просто мысль двинулась по линии наименьшего сопротивления.

«Ты там уже был, тебе и снова идти».

И то и другое, наверное. Князь хоть и доктор наук, но генерал-лейтенант прежде всего, на одном из высших в стране постов, а генеральский стиль мышления Чекменев изучил еще в те времена, когда носил на погонах один просвет.

С другой стороны — опыт и даже инстинкт разведчика против этого предложения протестовал. Нельзя без специальной контрразработки делать то, о чем просит объект акции, нельзя сводить вместе фигурантов незавершенного дела, вообще нельзя класть все яйца в одну корзину.

Однако и прямой угрозы тоже не видно. Все ведь под контролем. Чекменев тут же решил и дополнительно подстраховаться.

Он кашлянул значительно.

— Подумаем, порешаем. А что вам нужно для данного... опыта?

Чекменев уже решил для себя, что в Кремле, в лаборатории Маштакова, где он неизвестно что мог изготовить и неизвестно где спрятать, экспериментировать не позволит. В другом месте, внезапно, под контролем собственных инженеров и с заранее проверенной аппаратурой — может быть.

Так он в итоге и сделал. Заехал с утра к Маштакову, расставил у дверей и окон своих офицеров, позволил взять только то, что являлось совершенно необходимым

и не внушающим подозрений, погрузил в машину под собственным присмотром и велел ехать на свою дачу.

И только когда первый этап операции завершился благополучно, позвонил по спецсвязи Тарханову.

...В последний раз, так и не избавившись от непонятной тревоги, когда все уже было установлено и Ляхов с Тархановым ехали по вызову, Чекменев спросил:

— Что все-таки мы сейчас будем изображать или наблюдать?

Как всегда важный и сосредоточенный перед опытом, Маштаков ответил с определенным пренебрежением к непосвященному:

— Сейчас я воссоздам поле абсолютно той же характеристики, которое имело место в Пятигорске в момент налета ваших... э-э... рейнджеров. Под контролем ЭВМ и осциллографа понаблюдаю за реакцией на него полковника Неверова. Запишу все то же самое у господина... э-э... Половцева. Наложу кривые друг на друга, вычислю, так сказать, результирующие, после чего сделаю некоторые выводы. В усредненном виде они, возможно, позволят создать общий алгоритм взаимодействия специально подготовленных, а также и нейтральных личностей с нашим хронополем.

Чекменев вопросительно посмотрел на одного из прикрепленных к Маштакову инженеров.

Тот пожал плечами. Мол, вроде так, а вроде и хрен его знает.

Инженеры соображали в «железе», но никаким образом в заумных теориях профессора, которые так же расходились с их научными убеждениями, как взгляды хотя бы Уатта с создателями современных парогазовых турбин.

А брать на себя ответственность все равно приходилось Чекменеву, что он и сделал, с не слишком легким сердцем.

...Когда Маштаков повернул очередной верньер, Чекменев из-за его плеча наблюдал за пляшущими по овальному экрану зелеными и розовыми синусоидами. По ту сторону стола Тарханов демонстрировал полную непринужденность и даже скуку, мол, поскорее бы все закончить и уехать по своим делам. Ляхов выглядел гораздо более заинтересованным, покусывал губу и как будто порывался продолжить прежний, неприятно-агрессивный разговор. Розенцвейг, в эксперименте якобы не участвующий, бросал специфические взгляды по всем трем азимутам. Интересно ему было и что делает Маштаков, и как держатся испытуемые, и сам Чекменев не оставался без внимания.

В общем, все при деле.

Ослепительно черное пламя плеснуло в глаза генерала, и он, отшатнувшись, машинально вскинул руку к лицу.

Секунда, две. Переморгнувшись, он снова обрел способность видеть. Но смотреть уже было нечего. То есть — некого. Стены, обстановка, пейзаж за окном — все было на месте, кроме только что сидевших напротив людей.

Только Маштаков, втянув голову в плечи, растерянно вертел ручки и тыкал пальцами в кнопки торчавшего перед ним пульта.

Ярость похуже той, что Чекменев испытал, прослушивая звукозапись допроса Тархановым американского разведчика, из которой узнал о предательстве многих сотрудников, которым он доверял, как себе, захлестнула Чекменева.

Развернув за воротник профессора в его вертящемся кресле, генерал, не контролируя себя, от души дал ему в зубы. По старой, почти инстинктивной гвардейской привычке. Замахнулся еще раз и, скрипнув зубами, убрал руки за спину.

Много чести.

— Что ты сделал, сволочь, что? Где они? Убью, мерзавец! Крути назад...

Как будто обрыв киноленты случился.

Утирая рукавом кровь из разбитых губ и розовые сопли, Маштаков зачастил, ожидая гораздо худшего:

— Господин генерал, подождите. Я сам ничего не понимаю, Христом Богом клянусь. Да вы же сами все видели. Я только настройку делал. Ничего другого. Параметры начал совмещать. И вдруг пробой! Никак такого выйти не могло. Я сейчас, сейчас, у меня все установки записаны, сейчас...

Через час суетливой возни с аппаратурой, которая со стороны очень напоминала Чекменеву действия реаниматоров у стола с безусловно умершим уже пациентом, Маштаков бессильно уронил руки, опустился на стул.

С удивлением Игорь Викторович увидел, что по щеке его покатилась слеза. Из одного только глаза.

«Неужели за себя так испугался, думает, я его сейчас к стенке потащу?»

— Ладно, без истерик. Хотя что-нибудь вы сообразить сумели? Где люди?

— Господин генерал! Хронофизика же! Наука новая. Да ее, по сути, и нет еще, науки. Сплошная эмпирика...

— Ну и что? Ни хрена себе эмпирика, пять человек, как корова языком... Думайте, господин Маштаков, думайте, а то если я вам начну помогать... — Чекменев хрустнул пальцами.

Нельзя распускаться.

— А я, по-вашему, что делаю? — Профессор понял, что ни бить больше, ни расстреливать немедленно его не будут, и приободрился.

— Тут дело, по-моему, вот в чем. Господа Неверов с Половцевым теперь сами себе хроногенераторы. Я ведь действительно его не включал сегодня. Хотя каких экс-

пертов вызывайте, вот он стоит, под нагрузкой не был, вам любой скажет. Да вот же господа инженеры, они все видели...

— Ну и что?

— Да то, что сброс произошел, когда совместились и, соответственно, усилились две зеленые синусоиды. Как-то все это связано — включенная ЭВМ, осциллографы, энцефалограф... Значит... значит, для перехода в иное время мой генератор даже и не обязателен. Вернее, обязателен только для первичной настройки, а потом...

Господин генерал, это более чем гениально! Это такой переворот! Внутренний посыл, концентрация воли — и человек становится хозяином времен...

— Остыньте, профессор, — прервал его горячую речь Чекменев. — Мне сейчас ваши домыслы ни к чему. Найдите моих людей, потом поговорим о прочем. Да, а как же?... Неверов, Половцев, допустим, они подготовлены. Но как вместе с ними исчезли женщины и Розен... Господин Розанов? — Генерал даже в этой ситуации не позволил себе проговориться, назвать подлинную фамилию сотрудника. — Они-то вообще никакому воздействию не подвергались. Майор сидел вот здесь, а те вообще на улице.

— Сейчас, сейчас. — Маштаков пошарил по карманам, извлек палочку мела. По старой привычке он больше любил вычислять на доске, нежели на бумаге.

Отметил на полу положение каждого из исчезнувших, провел линии азимутов от своих приборов в сторону окна.

Чекменев сплюнул в сердцах и отвернулся.

Связался с психом, так сам и виноват, что ж теперь поделешь?

— Пожалуй, у нас хорошие шансы, — без всякой связи с тем, чем он сейчас занимался, сообщил Маштаков. — Если напряженность собственного поля у Неве-

рова или Половцева (я пока не знаю, кто из них истинный лидер) такова, что позволила прихватить с собой еще трех человек, оно должно излучать очень сильно. Это излучение вполне может засечь мой генератор. Не сам, конечно, подключенные к нему контрольные приборы. Значит, всего и надо, что все-таки открыть переход, перебраться на ту сторону и там искать...

Больше выносить его болтовню у Чекменева не было сил. Да и делом надо заняться, в том смысле, как он сам его понимал.

— Присматривайте за ним, я скоро вернусь, — приказал Чекменев инженеру, сохранявшему на общем фоне изумительную выдержку. Наверное, в душе считал происходящее ловким фокусом, неизвестно для чего устроенным.

Князю Чекменев решил пока ничего не говорить. Сами разберемся, а у Олега Константиновича и других забот хватит.

Зато он велел немедленно доставить сюда доктора Максима Бубнова с его «верископом».

— Вам, доктор, предлагается обследовать данного господина на предмет соответствия его слов и поведения. Три часа назад имел место некий неприятный инцидент. Вас, кстати, тоже касающийся. Либо вы подтвердите, что господин Маштаков совершил... техническую ошибку, либо...

Заодно хотелось бы выяснить, действительно ли он считает, что в состоянии свою ошибку исправить, или просто задницу надеется прикрыть. Надежда тщетная, скажу сразу. Справитесь?

— Сформулируйте, пожалуйста, свои вопросы так, как считаете нужным. Я в этих делах ничего не понимаю, да оно и к лучшему. Никакого постороннего влия-

ния на результат. О чем спросите, на то и ответ получите.

— Хорошо, — ответил Чекменев. Максим виделся с ним всего три раза и составил впечатление как о человеке весьма суровом. Но справедливом и умном. На несколько секунд включенный «верископ» это впечатление подтвердил. Так что опасаться его не приходилось, и держался поэтому доктор уверенно и с достоинством.

— Через десять минут я буду готов. Вы тоже. Разумеется, о степени секретности нашего мероприятия я предупреждать не буду.

— Разумеется, господин генерал.

— Для вас я и сейчас и всегда — Игорь Викторович. Запомнили?

— Так точно. Разрешите работать?

— Только это от вас и требуется.

Допрос занял не больше получаса. Включать генератор боли не потребовалось, Максим ориентировался только по психофизиологическим характеристикам пациента. Они с Ляховым давно уже начали составлять специальную картотеку на каждого человека, который вольно или невольно попадал в зону действия их аппаратуры. Впрок. Маштаков тоже имел свою ячейку в памяти машины. Вопросы, которые задавал Чекменев, и ответы профессора вполне корректно ложились на готовую матрицу.

Максим, сам человек очень неординарный и технически талантливый, что признавал за собой без ложной скромности, моментами восхищался мощью интеллекта Маштакова. Похоже, границ у него не было вообще. Равно как абсолютным имморализмом его же. О нравственности, за пределами некоторых общепринятых норм поведения, говорить с ним было просто бессмысленно. Как с папуасом о методике и эстетике горнолыжного спорта. Зато о другом — вполне свободно.

Максим из вопросов Чекменева составил себе довольно полное представление о случившемся и видел, что профессор не врет, ни в словах, ни в мыслях. Все так и было. Он хотел перед началом главного предприятия убедиться, что возможности перемещения в «пространствах Кантора — Эверетта» как-то зависят от устройства мозга испытуемых. А что это так — подтверждалось теорией, найти противоречий в которой Максим не мог. Образование на мехмате давалось блестящее, лучшее в мире, да доктор его еще и углубил индивидуальными занятиями.

Конечно, кое-каких воспарений мысли Маштакова Максим постичь был не в силах, но, если правильны исходные посылки и соблюдается алгоритм, отчего же выводы будут неправильны?

— Игорь Викторович, все соответствует. Я бы и сам не смог держаться лучше. Если вы собираетесь работать с Виктором Вениаминовичем и дальше, делайте это спокойно. Он по крайней мере совершенно убежден, что найти ребят сможет. Да ведь и я в этом заинтересован. Вадим Ляхов — мой единственный друг... Того уровня, о котором стоит говорить.

— А если... — Чекменев жестом пригласил Максима выйти в соседнюю комнату, оставив Маштакова под присмотром охраны.

— Вы хотели спросить, если он полностью сумасшедший? Я еще и психиатр, я понимаю ход вашей мысли.

Чекменев, внезапно пришедший в хорошее расположение духа, протянул доктору портсигар из кожи крокодила, лично убитого в верховьях Нила двадцать лет назад, когда они странствовали там с князем, еще не ставшим Местоблюстителем.

Папиросы были особые, толстые и длинные, набитые специальной смесью табаков, какую не купишь ни в одном магазине.

— Ваши слова расценивать как намек? Что ход моей мысли может понять только психиатр?

— Не совсем так. Просто каждый человек занимает определенное место на шкале между крайними видами патологии. Есть заболевание, есть акцентуации. Вы — почти посередине. С легким уклоном в истероидность.

— Это — плохо? — вроде бы встревожился Чекменев.

— На мой вкус, шизоидность хуже. Но у вас — норма, я же сказал. Остальное требует слишком долгого разговора. Если же Маштаков — сумасшедший, то это такая степень маниакальности, которой можно только позавидовать. Обычно маниакальность сочетается с депрессивностью, почему и говорится — маниакально-депрессивный психоз.

У этого же — ни намек на депрессию. Это про таких сказано: «Он не страдал манией величия, он ею упивался!» Работайте с ним спокойно. А вот как Вадима с компанией вытаскивать будем...

— Исходя из ваших рекомендаций. Если что — на ту сторону пойдете?

Чекменев сам не понял, зачем задал этот вопрос. Максима он посылать за рубеж времен не собирался. Он нужен был здесь. Для реализации совсем другого плана. Для которого и Ляхов был очень нужен — но не необходим. А вот спросил и подумал, что ведь да, пожалуй, придется направить туда именно этого парня, в котором он прирожденным нюхом улавливал нужную силу и способности.

— Пойду, — пожал плечами Максим. — Чего же не сходить? Интересно.

— Надо будет — пойдете, — удовлетворенно кивнул Чекменев. — А пока вместе с Виктором Вениаминовичем сделаете то, что он надумал. Под вашим контролем.

...Оказалось, что собрать нужный комплект аппаратов не так уж трудно. Техзадание соответствующим мастерским было выдано еще три дня назад, а из опыта известно, что при соответствующем стимулировании даже новый образец самолета можно изготовить за неделю, практически с нуля.

А здесь, по готовому образцу и из существующих в промышленности деталей — делать нечего.

Весь процесс Максим отследил лично и, за исключением некоторых теоретических предпосылок, понять которые так и не сумел, разбирался в конструкции и «хронолангов», и приводного маяка вполне профессионально. И управлять мог, и разборку-сборку провести, правда, не с завязанными глазами, и неисправности устранить.

Довольный собой и своими помощниками Маштаков предъявил Чекменеву полный набор оборудования.

— От вас, господин генерал, требуется следующее. Четыре человека, хоть немного сведущие в электронике. Готовые на некоторый риск. Еще два инженера в помощь мне здесь. Да вот и все, пожалуй. И начнем.

— Максим, вы готовы?

— К чему?

— К чему хотите. Я предпочел бы, чтобы вы работали здесь. Но ведь и там потребуется специалист...

— Тогда я лучше — туда! — Доктору и вправду было интересно лично шагнуть за пределы известного. Тут давно уже скучно. С Ляховым они придумали кое-что забавное, а раз Ляхов пропал, так без него вряд ли что получится. Работать просто оператором под чужие команды — увольте, почтеннейшие.

— Пусть так. Я дам вам надежных офицеров-штурм-гвардейцев, подполковник, и инженера по вашему выбору. Вы — старший в операции.

— Я — военврач, Игорь Викторович.

— Начальство не ошибается, подполковник. Пора взрослеть. Пойдемте, нас ждут.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тронув машину с места и заставив себя на время отвлечься от вещей трансцендентных, сиречь, по Канту, объективных, но недоступных сознанию, Ляхов переключился на реалии текущей жизни. Опыту и осмыслению подвластные.

Конкретно — на поведение Татьяны. Злился на нее Вадим страшно. И очень рад был, что в кабину «Опеля» сел один. Так как-то вышло, что Майя предпочла оказаться вместе с подругой в машине Тарханова, а Розенцвейг с ручным пулеметом устроился в кузове его машины.

Иначе наговорил бы он много чего еще. И невинным, и виноватым.

Надо же, умница какая!

Змея подколодная!

Вот так закладывать человека, с которым еще вчера утром разговаривала как с хорошим другом.

Делилась сомнениями и страхами, будто бы намекала, что в некоторых вещах доверяет ему больше, чем даже Сергею.

И на тебе! Добро бы, если такая умная, вовремя подсказать, что и как спрашивать, а то ведь и даже медсестрой себя никак не проявила. Жалась за спиной, только и сумела, что шприц подать... Стоп.

Что-то было не так.

Ну, Вадим, приказал он себе. Напряги память! Что ты такое интересное отметил?

Тархановский грузовик ушел вперед, а Вадим через

пятьдесят метров остановился. Как раз напротив ложбинки, где только что закопали Гериева.

А ну-ка, если проверить кое-что? В суматохе боя и связанных с ним последствий он вроде упустил некоторые медицинские тонкости. В гражданской больнице такой промашки не допустил бы. Да и в другом месте. А тут вдруг...

— Я сейчас! — крикнул он Розенцвейгу в кузов. Повод придумал, будто Тарас Бульба. — Трубку обронил.

Вместо трубки он нашарил между пучками травы осколки ампулы. Старательно раздавленный ногой. Однако ничего не исчезает бесследно. Вот и на кусочке стекла он сумел прочесть синие циферки. Присвистнул тихонько. Маленькое такое различие. Не «0,1%», а «1,0%». Для пациента оказавшееся очень существенным.

Он выпрямился, помахал над головой заблаговременно зажатой в кулаке трубкой. Нашел, мол, все в порядке. И, вернувшись к машине, тут же зачерпнул табака из кيسета.

— Поехали, Львович... Держитесь крепче.

Следующей записью на катушке оказался «Первый концерт Чайковского». Тоже неплохо.

Придерживая руль одной рукой, другой он подтянул к себе медицинскую сумку, открыл отделение препаратов для инъекций.

Ошибиться, конечно, возможно, но трудно. На коробке с однопроцентным гидрохлоридом адреналина красная полоса.

Вообще непонятно, для чего он оказался в этой сумке. В полевых условиях достаточно иметь обычный, 0,1-процентный раствор. Впрочем, гадать о целях и намерениях неизвестного израильского врача сейчас бессмысленно. А вот ошиблась ли Татьяна или наполнила шприц из смертоносной ампулы намеренно — подумать стоит.

Он ведь сказал четко, совершенно машинально: «Адреналин, ноль один, один кубик». Неужто не поняла?

Но если поняла и сделала по-своему? Для чего? Чтобы не позволить Гериеву сказать нечто важное? Нет, это уже бред. Паранойя. Зачем ей это? В детективе такое, конечно, объяснить легко. Если предположить, что Татьяна — агент. Неважно чей. Допустим — террористов...

Дорога легко наматывалась на колеса, трубочный табак был крепок и ароматен, пиво тоже ничего. И ду-малось легко. Раскованно так. За рулем Ляхову всегда нравилось фантазировать на самые разные темы.

Выступила сейчас Татьяна против него, без всякого видимого смысла. Разве что желая вбить клин между ним и Сергеем? Оно конечно, девочка хочет своему другу понравиться. Изобразить из себя верную подругу и хранительницу очага. Винить ее за это нельзя. Однако, как писал известный поэт прошлого века, «и все же, все же, все же...»¹.

Если не сдерживать воображения, раз уж такая версия пришла ему в голову, вполне даже гладко получается. Очень уж неслучайно Татьяна подошла к Тарханову накануне пятигорской операции. Узнала, почти в темноте, в сильно изменившемся человеке своего давнего приятеля. Тут же сумела его очаровать. Здесь просматривается интересная параллель с его встречей с Еленой. Не то чтобы параллель, а почти прямо аналогичная схема.

Затем Татьяна оказывается в гостинице в момент захвата ее боевиками. Сама удачно избегает попадания в заложницы, но, образно выражаясь, «берет в заложники» Сергея.

Довольно неожиданно, после десяти лет разлуки, на второй день нового знакомства убеждает его взять с собой в Москву. Зачем, для чего? Неужели действитель-

¹ А. Твардовский.

но она показалась суровому полковнику столь неотразимой и необходимой? Или использовала «приворотное зелье»?

За время пребывания в Москве вела себя очень скромно и неприметно, но опять сумела оказаться в нужное время в нужном месте. И, кажется, когда позвонил Чекменев, она сказала, что если начальство требует, то возражать не надо. Сказала опять как бы в пику ему, Ляхову. Хотела, чтобы они непременно оказались там и тогда?

Попав во «временную щель», повела себя с большим самообладанием. Словно не впервой ей такое.

И — последний штрих. Поняв, что умирающий чеченец скажет сейчас что-то такое, чего Ляхову слышать не нужно, мгновенно сориентировалась и подала шприц с тем именно препаратом, от которого пациент умер быстро и гарантированно.

Очень удачно все факты и подозрения выстроились. На зависть Агате Кристи и Конан Дойлю.

Естественно, всю эту конструкцию можно в две секунды развалить столь же четкими контрдоводами. Только — зачем? Пусть существует как образчик продукта чистого разума. А если вдруг что — пригодится. По крайней мере, не придется реагировать на вновь возникшую ситуацию с нуля.

Жаль, что Майя сейчас в другой машине. Можно бы с ней было обсудить текущее положение. Или лучше, что она сейчас как раз там. Поговорят девушки по-своему, обменяются мыслями. Он же получит уже итог, экстракт, в том объеме, что Майя захочет ему передать.

Очередную военную базу они нашли всего через двадцать километров. У подножия горы Саннин, с отметкой уже 2628 метров. Воздух стал довольно разреженным, дышалось тяжело. Зато, выйдя из машин, они увидели великолепную, обустроенную позицию.

Бетонные капониры, врезанные в склоны горы жилые помещения, склады боеприпасов.

Шесть тяжелых гаубиц-пушек 152-миллиметрового калибра, российского, кстати, производства, установленных на тумбах кругового обстрела, могли держать под прицелом территорию от пригородов Бейрута почти до середины Триполитанского шоссе и подступов к Баальбеку.

Еще несколько аналогичных фортов, расположенных в пределах огневой досягаемости друг друга, позволяли, в случае вторжения с севера и северо-востока, неограниченно долго блокировать вражеские коммуникации и обеспечивать маневр собственных войск по всей протяженности сирийской границы.

И, само собой, контролировать значительный участок прибрежной полосы.

— Хорошее место. И позиция грамотная. Но нам ни к чему. Если бы оставаться тут жить — тогда да, — сказал, походив по редутам и веркам крепости, Тарханов. — А вот это — подойдет.

Он имел в виду рядом выстроившиеся неподалеку от огневых позиций бронированные тягачи-транспортёры «Тайга». Весьма удачная продукция Челябинского завода. Широкие гусеницы, плоский силуэт, пятнадцатимиллиметровая броня, лобовой пулемет калибра 7,62 и еще один, 14,5-мм — в башне. Дизель 700 л.с., разгоняющий транспортер до 90 км в час, боевое отделение, в котором можно перевозить две тонны снарядов или два отделения пехоты с вооружением.

Мечта, а не машина, тем более что Ляхов умел ею управлять, хотя и получил на командирской подготовке по вождению всего лишь тройку. Так там и задачи ставились такие...

А по ровной дороге он проведет «Тайгу» как по шнурочку.

— Отлично. Перегружаем имущество в две машины, потом обедаем, час отдыха, и — вперед, за орденами, — приказал заметно повеселевший Тарханов.

— Не согласен, — вдруг возразил Вадим, буквально только что с удовольствием осматривавший машины.

— Почему? — Тарханов удивился совершенно искренне. Не ждал он возражений именно от него.

— Элементарно. Ради неизвестной, возможно, вообще не существующей опасности колотиться в этих коробках? Сколько? Сутки, двое, неделю? Да у меня после трех часов упражнений потом голова два дня гудела. И от движка прилично воняет, если даже с открытыми люками ехать. Нет, увольте, не война. Если бы километров двести-триста, еще куда ни шло. Я ездил, знаю. Через каждые пятьдесят придется останавливаться, пальцы вбивать, один раз прозеваешь, гусеницу рассыплешь, черта с два потом натянешь.

А перегружаться? Опять втроем десять тонн ящиков и бочек вверх-вниз таскать? Причем все наше барахло в боевом отделении не поместится, да и вообще...

Лучше на машинах, на скорости угрожаемую зону проскочим, и все. Подумаешь, десяток одичавших бандитов. Они небось давно вниз спустились, города грабить...

— Это что, бунт на корабле? — вроде бы в шутку спросил Тарханов.

— Мнение в рамках общих прав и обязанностей, — тоже якобы шутливо, с улыбкой ответил Вадим, который уступать не собирался.

Тарханов помолчал, гоняя носком ботинка камешек по площадке. Наверное, тоже вспоминал, каково экипажу на марше под броней.

— А, черт с ним! И не по-твоему, и не по-моему. Промежуточный вариант. Я на бронике впереди, вы сле-

дом. Рванем до Триполи, а там, в натуре, нормальный асфальт... Транспортер бросим — и на колесах.

Короче, всем привести себя в порядок, подготовиться к маршу. До моря остановок не будет. Кто со мной, на пулемет?

— Давай я, — тут же вызвалась Татьяна. — Покажешь, где нажимать, что крутить, целиться я умею...

«Эх, непроста девка, — снова подумал Ляхов. — За тяжелый пулемет сесть готова. А хоть слышала, каково на нем работать? Впрочем, стрелять как раз не слишком трудно, просто шумно очень, и вряд ли коробку с лентой поднимешь, если перезаряжать. Да мое ли дело? Зато вместе будут, пусть просто для разговоров с глазу на глаз...»

Зато и ему тоже лучше. Розенцвейг в другом грузовике, они с Майей тоже сядут вдвоем, и можно будет беседовать, не напрягая голос.

После короткого инструктажа и пробной короткой очереди по соседней скале завели моторы и поехали.

«Тайга» в авангарде, «Опель» Розенцвейга в центре колонны, они с Майей замыкающие. Стекло опущено, у девушки на коленях автомат, рядом плавно покачивается на крючке ремень с шестью подсумками. В случае чего она сможет открыть из своего окна хотя бы отвлекающий огонь. Не жалея патронов.

...Тарханов вел транспортер виртуозно, и медленнее пятидесяти они не ехали даже по не слишком благоустроенной горной дороге. Зато под колеса его мателотам¹ можно было почти не смотреть, все возможные препятствия, опасные для покрышек крупные и острые камни сметались и прикатывались широкими гусеницами пятнадцатитонной броневой машины.

¹ Мателот — следующий в строю корабль.

Даже гипотетических мин Вадиму не следовало опасаться.

Сидишь в удобной кабине за рулем, как в преферансе на последней руке.

Едешь себе и едешь, незнакомые пейзажи разматываются перед широким стеклом, не слишком пока жизнерадостные, зато экзотические. Симпатичная, к тому же остроумная девушка рядом. Пива хватает. Чего ж не ехать?

Все свои сомнения по поводу Татьяны Ляхов высказал на первых же километрах маршрута.

Майя его не поддержала.

— Брось ты эту ерунду. Так у тебя выйдет, что она сама поспособница бандитов. Подумаешь, не ту ампулу подала. Ей что, большая разница — ноль—один процента или один—ноль? Гораздо страннее выглядело бы, чтобы она в какие-то секунды сообразила, что умирающий бандит сейчас скажет не то, догадалась, как его заставить замолчать, и подсунула тебе единственно подходящий яд в сумке. Слишком уж лихо.

— Адреналин — не яд, — машинально поправил ее Вадим.

— Тем более. Это еще быстрее сообразить нужно было...

— А остальной набор «случайностей»?

— Слушай, не смей меня больше, а? Какой Хенкин¹ выискался. Абсолютно любую жизненную ситуацию при должном настрое можно выдать за набор злонамеренных, тщательно продуманных мероприятий. На, держи: вас с Тархановым в горах завербовали боевики, оставили в живых там, где выжить невозможно, перебрали в Москву, тебя внедрили в Академию, Борис

¹ Хенкин Михаил — модный в конце XX века юморист и актер Московского Театра оперетты.

привел тебя на вечеринку, где ты расчетливо привлёк мое внимание, чтобы втереться в доверие к прокурору. Твои же люди организовали нашу прогулку на «Утехе», Герасимов тоже ваш сообщник, сначала ты его подставил, чтобы окончательно убедить нас в своей лояльности и верности, потом заманил меня сюда... — Она задумалась лишь на мгновение. — Вот! Чтобы за время путешествия поставить меня в безвыходное положение. Понял, о чем я? Тогда уже и отец никуда не денется. Годится?

— Годится, — не мог не признать ее правоты Ляхов. Особенно же понравился ход ее мысли. Вот уж действительно, кто о чем, а вшивый о бане. — Вообще все верно. Человек живет спокойно и нормально до тех пор, пока воспринимает жизнь как данность. «Ведь в мире бытия нет блага выше жизни. Как проведешь ее, так и пройдет она».

Если же выискивать в ней высший смысл или, упаси бог, всяческие подвохи, она плавно перейдет в патологию. «Здравствуй, паранойя, я твой тонкий колосок».

— Она, конечно, девушка озабоченная, — продолжала тем временем Майя, снова о Татьяне. — Мы все такие. Я меньше, она больше. Так у нее и жизнь — бр-р!

Провинция, скучные родители без положения и перспектив, да и у самой какие были перспективы? То, что она Сергея встретила, — выигрыш миллиона по трамвайному билету...

— Такой уж выигрыш? — деликатно усомнился Ляхов.

— А ты — не выигрыш! — тут же парировала девушка. — Все вы...

Другое дело, что без вас тоже никуда. Вообще-то я предпочла бы нечто более приличное, спокойное и предсказуемое...

— Вроде графа Салтыкова? — съязвил Вадим.

— Хотя бы. Очень славный молодой человек. Кстати, куда деликатнее и воспитаннее другого моего знакомого. Если б он не был такой безнадежный дурак, я бы о нем непременно подумала...

О перспективах путешествия, тем более о том, что они будут делать, если вернуться не получится, не говорили. Да и зачем?

Правда, Майя мечтательным тоном произнесла, что идеальным вариантом было бы найти в ближайшем порту подходящий пароход или яхту и отправиться домой морем. И безопасно, и приятно.

— Насчет приятности согласен, — кивнул Ляхов, который кое-какое понятие о морских прогулках имел. — Только самая примитивная мореходная яхта предполагает человек пять-шесть хорошо подготовленной команды. И куда идти? До Питера или до Новороссийска? А там все равно снова — сухим путем. Пароход же или теплоход требует еще больше людей и специфических знаний. Которых я, при всем стремлении к получению бесполезной информации, приобрести не удосужился. Даже на шкипера маломерных судов два года учат, и преимущественно практически.

— Жаль. Ты только и умеешь, что девушек разочаровывать. А я вот читала, что даже в шестьдесят лет люди в одиночку вокруг света плавали...

— Ага. Чичестер, Уиллис, русский Конюхов, кажется. Так то ж таланты! Миллион рублей свободных денег и несколько лет на подготовку. У нас ни того ни другого нет...

— Скучный ты мужик, Ляхов. Я еще сто раз подумаю, перед тем как за тебя замуж пойти.

Вот как оно повернулось, оказывается!

В приятной светской беседе они провели целый час, пока Тарханов, как Вадим и предсказывал, не остановил транспортер, чтобы подбить скрепляющие траки длин-

ные железные пальцы. Такое у гусеничной техники свойство, что полуметровые болты выползают наружу с доводящей до злобы регулярностью. И никто отчего-то не придумал для них надежной фиксации по месту.

Привели в порядок ходовую часть, покурили, как водится, прикинули, заночевать ли в одном из отелей Триполи или в начале асфальта бросить транспортер и гнать на колесах прямо в Латакию. Там русская маневренная военно-морская база, до ночи можно успеть. А уже там и для отдыха, для размышлений и пополнения запасов использовать отечественный крейсер или эсминец.

Чем плохо? Стоят они на бочке в полукилометре от берега. Поднимись на палубу, убери трап и спи спокойно под защитой брони и мощной артиллерии. Кроме того, сухопутные офицеры всегда завидовали морякам, придумавшим себе такую великолепную штуку, как кают-компания.

Это же, кто понимает, сказка!

Представьте себе — на погонах у вас одинаково звездочек, и воюете вы за одно и то же Отечество. И война одна на всех. Только один — месяцами в пропотевшей гимнастерке, прелые портянки удастся постирать в ручейке и высушить на солнышке — уже счастье и блаженство. Другой — после вахты принимает душ, переодевается в белый китель, ужинает за столом с подогретыми тарелками, потом музицирует на рояле фирмы «Юлиус Блютнер», играет, к примеру, по просьбе товарищей «Заклинание огня» Вагнера.

Менее утонченные натуры режутся в бильярд или триктрак¹.

¹ Т р и к т р а к — флотская игра, аналог нардов. Существовала поговорка: «Мы в триктрак японскую войну (1904—1905 гг.) проиграли».

В буфете — любые напитки, и только старший офицер время от времени легким движением пальца указывает, кому на сегодня — хватит.

А потом расходятся спать по каютам на крахмальных простынях.

Иные говорят: «Но ведь когда корабль гибнет, страшно умирать в ледяной воде или наглухо запертых отсеках!» А я спрошу — получив пулю в живот, умирать в жидкой грязи на дне окопа веселее?

Однако эти мысли промелькнули только в голове Ляхова, знавшего о флоте чуть больше остальных.

Всех прочих идея совершенно особым образом вдохновила. Поскольку известно, что промежуточный финиш часто манит сильнее окончательного.

Ехать оставалось примерно около часа, как вдруг Майя не то удивленно, не то испуганно охнула и прижала ладонь к губам.

Вадим, не поняв, что случилось, машинально нажал педаль тормоза. Вдруг укачало девушку и затошнило.

Но нет.

Последние полчаса она развлекалась, рассматривая картинки в журналах из другого мира.

Еще в артиллерийском форте, пока мужчины занимались техническими вопросами, Майя с Татьяной забрели во врезанный в скалу жилой бункер. Обитали в нем, оказалось, около десяти еврейских женщин, проходивших службу в офицерских и сержантских чинах.

Наконец-то наши девушки получили возможность обеспечить себя необходимыми предметами личной гигиены и кое-чем сверх того. В количествах, достаточных на весь срок путешествия, которое обещало быть долгим.

А заодно Майя тоже нахватала со столов и из тумбочек солидную пачку глянцевого, ориентированных именно на женское восприятие журналов.

Да, на иврите, но яркие фотографии показа мод, интерьеров квартир, чего-то кулинарного были ей интересны и без текстов.

Они с Татьяной обменялись добычей. Та поделилась с ней частью прессы с первой погранзаставы, Майя щедро отдалась здешними экземплярами.

Вначале ей было интересно, но через полчаса надоело.

Какие-то люди делают неизвестно что, неизвестно зачем.

Совсем собравшись оставить это дело, Майя машинально перелистнула очередную страницу. А там лежала сложенная пополам газета на русском языке.

Девушка сначала даже не поняла, в чем дело, наткнувшись глазами на неожиданно понятный текст.

Начала читать.

Ничего интересного, как ей показалось поначалу. На одной стороне даже не газеты, а не слишком ровно оторванного газетного листа, под рубрикой «Еврейская жизнь», статья какого-то Арье Бараца по проблемам библейской истории. Ей это было совершенно неинтересно.

По верхнему краю страницы название газеты и дата «Вести-2», 4 января 2004 года». Старье годичной давности. Но все же родной язык. Она перевернула лист.

Что-то о предстоящей войне с Ираком (где это?), об угрозах США Северной Корее, о российско-израильских экономических проектах, о предстоящем визите в Тель-Авив президента Путина, об успехе на выборах партии «Исраэль-ба-Алия», получившей 12 мест в Кнессете.

Ну, словно вести с Марса.

И в самом низу — подчеркнутая широкой розовой полосой, чем-то вроде воскового мелка, заметка.

«По сообщению нашего специального корреспондента с места событий.

На участке израильско-сирийской границы, контролируемом российским контингентом миротворческих сил ООН, в первый день Нового года (по европейскому календарю) произошло столкновение русского патруля с крупными силами террористов, предположительно из отрядов «Хесболлах» или «Ас Саика», проникших на нашу территорию.

В ходе боя уничтожено более пятидесяти террористов. Потери российской стороны — один раненый. Два офицера — майор С. Тарханов и капитан медицинской службы В. Ляхов — пропали без вести.

Их тела на поле боя не обнаружены, допрос пленных о судьбе исчезнувших пока результата не дал. Источники, близкие к информированным кругам, предполагают, что русские офицеры захвачены в плен отступившей в глубину сирийской территории частью террористов и в ближайшее время может последовать предложение об их выкупе. Спекулятивные версии о переходе майора и капитана на сторону противника мы пока рассматривать не будем. Прежде всего по причине полной бессмысленности такого поступка».

— Что такое? — Вадим сначала аккуратно съехал на обочину, помахал рукой Розенцвейгу: «Все в порядке, продолжай движение, у нас остановка по требованию», а потом только обратил внимание на слишком уж необычное лицо и взгляд подруги.

— Что с тобой?

— Смотри... — она протянула ему газету.

Ляхов прочитал заметку. Один раз — по диагонали, второй — медленно и внимательно.

Забавно. Очень забавно. Какие-то русские офицеры сил ООН с похожими фамилиями воевали и пропа-

ли почти в тех же местах на год раньше, им тоже пришлось пострелять по каким-то боевикам, террористам или бойцам за очередную независимость неизвестно от кого и, главное, для чего.

Как все интересно складывается.

Будто бы некая разумная сила, пресловутый «режиссер», о котором Вадиму уже приходилось думать, старательно и последовательно подводит к мысли...

А к какой, собственно, мысли?

Параллельный мир, увиденный Тархановым.

Тот же самый или несколько иной, куда их было закинуло. В котором израильтяне пишут на иврите, а бывшие сержанты Советской армии ведут против России очередную чеченскую войну.

И в котором служили в войсках ООН майор С. Тарханов и капитан медслужбы В. Ляхов.

Ну и что из этого следует?

В теорию множественности обитаемых миров лично он, Ляхов, верил всегда.

Со времен Джордано Бруно, можно сказать.

О том, что некоторые из них могут до неразличимости походить друг на друга, достаточно доходчиво рассказал Маштаков, ссылаясь на пресловутые теории еще более, чем он сам, невменяемых гениев. Дополнительных доказательств как бы и не требовалось.

Нет же, кому-то потребовалось так аккуратно, так изящно подставить Руслана Гериева, в последние секунды жизни не забывшего сообщить, что своими глазами видел именно их или, в крайнем случае, офицеров, неразлично на них похожих, в бою на перевале.

А на случай, если бы умирающий чеченец не успел этого сказать, подсунули страничку из русскоязычной газетки. Именно в тот журнал, который прихватила с собой Татьяна, именно ту страницу, где они прямо названы по фамилиям и званиям.

Совпадение? Не многовато ли совпадений?

Кстати, ход этот уже использовался в их новейшей истории.

Совершенно так случилось, когда, гуляя по Буэнос-Айресу, Елена вдруг (!) увидела в уличном ларьке единственный в мире (в этом мире!) тунисский журнал, который опубликовал сообщение о схватке на перевале, с его, Ляхова, фотографией на обложке.

Где ты, теория вероятностей? И Смок Белью со своим разошедшимся колесом рулетки?

Мысли эти заняли у Вадима едва ли больше нескольких секунд.

Он аккуратно свернул газету, засунул ее в нагрудный карман куртки.

— Никому ничего пока говорить и показывать не будем. Поехали, а то командир волноваться станет.

Майя не поняла, почему Ляхов не хочет, чтобы об этом потрясающем совпадении узнал его друг. Интересно же как!

— Ничего особенно интересного не вижу. Только голову забивать. Мы с тобой прочитали — и ладно. Зачем людям мозги засорять? Сергей человек обстоятельный, реалист и рационалист. Начнет задумываться, в меланхолию впадет... Пользы ему от подобной информации все равно никакой, а вред быть может.

Пусть даже и правда все это. Ты посуди сама. Ну, жили в том мире наши двойники, с теми же фамилиями, теми же званиями и профессиями, служили в том же самом месте, ввязались в один и тот же бой. Потом пропали без вести. Я бы согласен допустить даже, что это именно мы пропали там и появились здесь.

Только возникает вопрос — что и где мы делали целый год? Были похищены инопланетянами, проходили курс спецподготовки и приспособления к новой реальности?

— А что, если наоборот, если они эту реальность к вашему приходу приспособляли? — с замирающим

от сладкого ужаса сердцем предположила Майя. — Представляешь, как здорово! Ровно год им потребовался, чтобы кропотливейшим образом создать ваши новые биографии, внедрить в память сотен людей все необходимые сведения о встречах с вами, все задокументировать, изготовить фотографии, письма...

— Здорово, — согласился Ляхов. — Только зачем? — При этом сама идея показалась ему достаточно безумной, чтобы претендовать на истинность.

— Как это зачем? Чтобы с вашей помощью захватить власть над Землей!

— Не сходится, — с сожалением вздохнул Вадим.

Сама по себе игра ему нравилась. И Майя как раз подходящий партнер для интеллектуальных упражнений.

— Сложно очень и бессмысленно. Если они в состоянии таким образом замотивировать появление в мире двух новых персонажей, то с гораздо меньшими затратами могли бы перепрограммировать любое количество коренных жителей... А если вот так — мы с Сергеем на самом деле не более чем аналоги тех Тарханова и Ляхова. Как уж это объяснить, не суть сейчас важно. Возможно, там и твоя копия есть, и многих других тоже. И в силу невероятного совпадения в какой-то момент они и мы оказались в одной точке пространства. Случилось нечто вроде короткого замыкания, которое все остальные восприняли как взрыв. А может быть, взрыв на самом деле был. Аннигиляция. Те ребята испарились, а мы выжили.

И этим взрывом миры вновь разнесло в стороны. Не только в пространстве, но и во времени. Отсюда и разница в целый год... — он похлопал пальцем по карману, где лежало единственное материальное подтверждение этой гипотезы.

— Возможно, — кивнула Майя. — Только моя версия интереснее. И отчего, в таком случае, ровно через

год, по времени этого мира, не нашего, вы снова оказались в том же самом месте? На целый день попали в предыдущую реальность...

Ответы возникали в голове Вадима практически мгновенно. Да такие убедительные, почти непротиворечивые.

— А эти миры, они — как теннисные мячики. Ударился, отскочил, снова вернулся в ту же точку, но уже с несколько меньшей энергией и амплитудой. Отсюда и некоторая разница, не точно в первое января мы попали, а недели на две позже...

— Значит, следующее столкновение произойдет в будущем году, но уже в феврале, марте и так далее?

— Вот это — не могу знать. Сюда б Максима или Маштакова, они бы в два счета амплитуду вычислили. Но главное — не размах амплитуды, главное — совсем другое, — продолжал импровизировать Ляхов. И в какой-то момент ему показалось, что не шутливой болтовней с подругой он занимается, а делает нечто очень важное.

Может быть, именно то, ради чего все и было затеяно неведомо кем.

Какой-то философ позапрошлого века писал: «Человеческий разум есть инструмент, с помощью которого материя познает самое себя». Так или приблизительно так.

— Знаешь, Май, я что подумал? Инопланетяне, конечно, скорее всего, ерунда. Но...

Если мы, совершенно неподготовленные люди, так здорово вдруг начали разбираться в тайнах мироздания, буквально за несколько дней, располагая только обрывками фактов, так кто-то же ведь наверняка занимается тем же профессионально, не один год и, может быть, не один век. В нашем мире, в другом или в третьем. Имея теорию, чертову уйму экспериментального материала...

— И сейчас он экспериментирует над нами? — догадалась девушка.

— Над нами или над судьбами вселенных, а мы так, песчинки, попавшие в часовой механизм, или...

— Или дрожжевые грибки — в молоко!

— Это зверски тонко, — похвалил Ляхов Майю совершенно искренне. Очень четко придуманный ею образ ложился на общую картину случившегося.

Случайно они с Тархановым оказались втянуты в историю или некая сила сознательно избрала их для особой миссии, но вполне очевидно — с того момента, как прозвучал первый выстрел на перевале, «молоко» начало превращаться в какой-то другой продукт.

До самого привала с помощью Майи Вадим восстанавливал и выстраивал заново всю цепочку событий в свете приоткрывшейся им истины. Как дети, выкладывающие мозаику, они веселились и радовались, если удавалось приспособить к месту вроде бы незначительный с виду факт, найти аналогию между событиями, якобы только что не имевшими между собой никакой связи.

И попутно они начали, тоже вроде бы в шутку, придумывать характер и облик того, кто руководил их судьбами и событиями мировой истории все последнее время.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

К походу за грань времен готовились долго и основательно.

Правда, в процессе этой подготовки Максим Бубнов, неожиданно ставший подполковником (да и не так уж неожиданно, если разобраться), не очень понимал, что от него хочет генерал: научного сопровождения проекта или чисто армейской работы.

Вначале Игорь Викторович лично убедился, что доктор-механик полностью освоил изготовленную аппаратуру и может обращаться с ней, как фельдфебель учебной команды с пулеметом системы «ДШК»¹.

Затем они отработали схему первого эксперимента, с выходом в иное время, кратковременное там пребывание и возврат. Одновременно следовало изучить возможность и степень воздействия «хрононавтов» на материальные объекты этого мира. Причем так, чтобы и результат получить, и не создать необратимых парадоксов.

По словам Чекменева, то есть по задаваемым им вопросам и высказываемым гипотезам, Бубнов сделал вывод, что у того имеется еще какой-то источник информации. Да и странно было бы...

Не тот человек генерал Чекменев. Наверняка нашел по своим каналам, в дебрях академических институтов или среди вольно практикующих физиков, фигуру если и не равновеликую Маштакову по степени таланта и безумия, то близко к ней стоящую.

Ну и тем лучше, не придется, в случае чего, принимать всю ответственность на себя.

Разумеется, последние три дня Максим выхода за пределы базы не имел и ни с кем не контактировал, кроме Чекменева, инженера Генриха, фамилия которого оставалась для него так же неизвестна, как его собственная до определенного времени — Ляхову, и выделенного в помощь техника-оператора. Только ли в помощь или для дополнительного надзора — Бубнов вникать не собирался.

Стиль заведения, знаете ли. Ни одного лишнего бита информации на сторону, за исключением абсолютного необходимого минимума.

¹ ДШК — Дегтярева — Шпагина крупнокалиберный (12,7 мм).

На той же самой учебной базе Чекменев проводил последний инструктаж.

— Ну-с, Виктор Вениаминович, изобразите окончательный канал перехода, — холодным командирским голосом сказал генерал. — В рабочем варианте.

Максим и еще шестеро офицеров, отобранных для операции, были снаряжены отнюдь не как научная группа. Куда больше они напоминали отряд спецназа, отправляющийся для десантной выброски в район, откуда скоро возврата не ожидается.

Осенние камуфляжные костюмы, перетянутые ремнями, на которых с трудом помещались пистолетные кобуры, подсумки с патронами и гранатами, ножи, фляжки, за спинами ранцы со скатками плащ-палаток поверх, двое имели вдобавок полевые радиостанции, и все — новейшие штурмовые автоматы.

Одному Бубнову, по непонятной причине, выдали «ППД», зато с тремя круглыми дисками.

Может быть, и правильно. Если вдруг придется стрелять, во что Максим совершенно не верил, диска на дольше хватит. Все же семьдесят два патрона, а не тридцать.

Только инженер Генрих, которому поручено было контролировать процесс «изнутри», был одет в синий рабочий халат, из карманов которого торчали всякие пробники и тестеры. Максим на мгновение ему позавидовал. И тут же прогнал это недостойное чувство.

Совсем немного, и он увидит то, что недавно и представить было невозможно. Куда там поход на Южный полюс или к верховьям Амазонки, о которых маленький Максим мечтал в детстве, начитавшись книжек из тридцатитомной серии «Путешествия, открытия, исследования»!

— Пожалуйста. Сейчас сбоя не будет. Мамой клянусь! — Прожив полжизни на Кавказе, профессор в минуты волнения иногда срывался на принятый там стиль.

Маштаков в последний раз подкрутил верньеры, убедился, что известные стрелки циферблатов пришли в нужное положение, нажал стартовую кнопку.

— Вуаля! — провозгласил он, отчего-то по-французски. Наверное, для пущего эффекта.

Своим генератором профессор сейчас повторил то, что велел сделать в конце XVIII века художник Венецианов, первый русский реалист. Живописуя трудовой процесс, происходящий внутри крестьянского гумна¹, он распорядился спилить его торцовую бревенчатую стену, чтобы не мешала видеть все так, как есть на самом деле, в режиме реального времени, в должной пропорции и перспективе.

Порядочный кусок стены дома исчез и здесь, но возникшая за проемом панорама ничуть не отличалась от той, что была видна за широким окном слегка правее.

Те же ели, то же голубое небо, на которое с запада наплывали сулящие дождь облака. С одним отличием — справа пейзаж отделялся от наблюдателей оконными стеклами, слева же пространство сливалось с интерьером комнаты непосредственно.

— Ну и?.. — скептически наклонил голову Чекмев.

— Можно входить. Это точно здесь.

— Здесь — это где?

— Да здесь, здесь, прямо на вашей даче, но одновременно и там. Пусть ребята войдут, сразу же установят станцию, пока мы их видим, и начинают искать товарившей...

Как только вот эта лампочка загорится, значит, двухсторонняя связь окончательная и постоянная. Как линия метро. Отсюда мы ее закроем, по некоторым причинам, но оттуда в любой момент можно открыть.

¹ Г у м н о — крытый ток, место для сушки и молотбы хлебных снопов.

— Вот и покажи.

Чекменев отдал приказ своим штурмгвардейцам малоприметным движением бровей, но этого было достаточно.

Один шагнул за границу прохода, отбежал метров на десять, занял позицию для стрельбы с колена. Двое помогли оператору вынести туда аппарат, похожий на дивизионную радиостанцию большой мощности, и другой, поменьше, собственно маяк, пятый показал стволом автомата — «на выход» — Маштакову.

Максим восхитился, насколько четко генерал выстраивает мизансцены.

— Никаких вопросов. Только вот это — уберите. — Профессор отодвинул автомат безгловым жестом.

Решительно перешел на ту сторону, присел возле своей машины, включил что надо.

Левый вырез в стене исчез. Осталось лишь окно.

Настоящее. Лужайка сквозь него виднелась та же самая, но ни Маштакова, ни бойцов, ни аппаратуры на ней не было.

Инженер Генрих смотрел на круглый зеленоватый экран, где красные синусоиды слабо подрагивали между жирными синими осями абсцисс и ординат. Такой вот цветовой контраст, для пущей наглядности.

— Они уже там. Пока процесс идет нормально.

Второй проем снова возник сам собой, на том же месте. Маштаков, стоя по колено в высокой траве, улыбаясь во весь рот, развел руками, демонстрируя эффект и полную надежность системы управления, после чего неспешным, даже подчеркнуто ленивым шагом вернулся в комнату.

— Я же говорил, господин генерал. Можете и вы прогуляться.

— А что я там увижу? — желчно спросил Чекменев. — Если все так, как задумано, ребята и без меня

разберутся. А почему, кстати, проход нельзя держать открытым постоянно? Было бы гораздо удобнее...

Маштаков усмехнулся снисходительно. Как на вопрос трехлетнего ребенка.

— Игорь Викторович, неужели неясно — пока проход открыт, той реальности не существует. Вернее, она существует, но только в радиусе двенадцати с половиной метров вокруг генератора. А дальше нечувствительно сливается с исходной. По принципу кольца Мёбиуса. Куда пойдешь, оттуда и придешь.

Насчет кольца Мёбиуса Чекменев слышал. И даже сам на уроке математики в гимназии клеивал. Но куда при этом деваается вторая сторона, не понимал как тогда, так и сейчас.

Но, блюдя достоинство чина и должности, сделал вид, что объяснение его вполне устроило.

— А радио туда тоже не достает? Ведь, по вашим словам, пространство все-таки одно и то же, а радиоволна вроде бы материальна и при этом живым существом не является...

Чекменев угодил в самую точку. Вопрос с проходимостью, точнее, с шириной распространения радиоволн занимал не только теоретиков, но и непосредственно заинтересованных в этом людей. Тарханова и Ляхова — на Ближнем Востоке, генерала — сейчас и здесь.

Маштаков об этом задумывался на своем уровне.

— Насчет материальности или нематериальности радиоволн можно дискутировать долго и безуспешно. Я, например, окончательного ответа не знаю. Волна, частица или то и другое сразу — никто не доказал.

В качестве гипотезы могу заявить, что дело, очевидно, в определенном физическом (или мистическом) сродстве электромагнитного и хроноквантового полей. Видимо, каким-то образом первые гасятся при взаимодействии со вторыми.

Чекменев опять взглянул на Максима.

— А если — наоборот? Радиоволнами можно гасить хроноквантовые?

Бубнову на это ответить было нечего. Разве что популярным в России жестом развести руками. Темна, мол, вода во облацех...

— Ну, коли так — вперед. Обойдемся и без связи. Вот, держите, — Игорь Викторович протянул доктору запечатанный конверт. — Вы, подполковник, осуществляете общее руководство, военное и научное. Надеюсь, наши друзья не могли уйти далеко. На их месте я бы вообще ждал помощи где-то здесь.

— Посмотрим. Поищем следы, а там разберемся... — это ответил уже не Максим, а подтянутый поручик лет двадцати пяти, возможно, не отягощенный знанием математики и физики, но отлично разбирающийся во всем остальном.

Чекменев не озаботился даже тем, чтобы участники операции познакомились друг с другом заранее. Фамилий и имен напарников Максим до сих пор не знал.

А может быть, это и правильно по их специальным обычаям и инструкциям?

Парни крепкие, наверняка опытные, дисциплине обученные, ну и хватит пока. Кого зря Чекменев на такое дело не пошлет.

— В общем, желаю удачи. Пакет вскрыть, когда останетесь одни.

Вышли на лужайку, и проход за спиной закрылся со скоростью, почти неуловимой глазом, но все же не мгновенно.

— Присядем, господа офицеры, — указал Максим на порядочный кусок бревна, покрытый лаком и установленный на двух чурбачках покороче. На манер скамейки.

Выложенный из дикого камня мангал и толстый слой

золы показывал, что здесь в урочный час развлекались шашлыками.

Доктор приставил к бревну автомат, предварительно взглянув, стоит ли он на предохранителе (кто-то ему рассказывал, что дегтяревские машинки иногда имеют свойство стрелять сами собой, по причине особой силы пружин, способных сдвинуть с места шептало), сбросил с плеч ранец, расстегнул ремни.

— Короче, вольно. Можно закурить. Будем знакомиться, — не приказал, а скорее предложил он. — Вы, я так понимаю, командир десанта? — спросил он у того офицера, который держался заметно свободнее других и не стеснялся перебивать генерала.

— Так точно. Поручик Щитников, — невольно поднялся тот.

— Сиди. Звать как?

— Владимир.

— Хорошо. Насколько я понимаю, в своей должности ты самостоятелен и несешь полную ответственность за личный состав, собственные решения, вытекающие из общей задачи, и их воплощение.

Мне же только что приказано осуществлять общее руководство, военное и научное. Значит, приняв какое-то решение, ты можешь обратиться ко мне за советом или санкцией. Если проблема существенная, так и делай. Во внутренние отношения в подразделении я не вмешиваюсь. При этом мои приказы обязательны для всех и обсуждению не подлежат.

Сказано было жестко, без явной угрозы, но с намеком, для посвященных весьма прозрачным.

Максим только со стороны казался «затруханным интеллигентом». А если иногда и соответствовал данному определению, так только в специальных обстоятельствах и в обществе себе подобных, например — Ляхова.

Это вообще распространенная в народе ошибка или, вернее, предрассудок, неизвестно откуда проистекающий. Обыкновенные, так сказать, люди отчего-то

воображают, что инженеры, агрономы, государственные чиновники, вообще представители «реальных» профессий не в пример практичнее и приспособленнее к жизни, чем «доктора». Станным образом считается, что человек с медицинским дипломом должен быть кем-то вроде карикатурного чеховского персонажа.

Беспреданно рефлексирующим, слабохарактерным, почти беспомощным в жизни, протекающей за пределами его кабинета, клистиров и написанных неразборчивым почерком рецептов.

И, даже сталкиваясь с конкретными, резкими и циничными мужиками, хирургами или патологоанатомами (и уж тем более — врачами «Скорой помощи»), лихо выпивающими и умеющими бестрепетно набить морду кому угодно, люди склонны, делая исключение именно вот для этого парня, сохранять общее, мировоззренческое заблуждение.

Это, наверное, как с евреями. Практически тот же стереотип. Можно жить в окружении одесских биндюжников, завтракающих «фунтом сала, жменей маслин и полубутылкой водки», и сохранять в неприкосновенности миф о хитрых и хилых аптекарях, корчмарях и бухгалтерях.

Достав полевой блокнот, Максим приступил к делу.

— Так. Щитников Владимир. Поручик. Командир боевой группы. Далее, — обратился он к штурмгвардейцам.

— Подпоручик Колосов Александр. Подпоручик Мамаев Константин. Подпоручик Тарасов Николай. Прапорщик¹ Шаумян Левон, — по очереди представились офицеры.

¹ Прапорщик — в русской армии первый офицерский чин, обозначается одной звездочкой на одном просвете погон, присваивается после окончания специальной одногодичной школы или выпускникам высших гражданских учебных заведений по сдаче соответствующего экзамена.

Нормальные ребята, внешне разные, но неуловимо похожие друг на друга. Взглядами, плотностью мышц, пружинистой моторикой. Положиться на них, разумеется, можно. Никакого «верископа» не нужно.

Отчества и прочие детали биографии Максиму были ни к чему.

Оператора он узнал еще в процессе подготовки. Старший воентехник¹ Фрязинов Василий. Служил начальником станции радиоразведки и защиты информации. Выбран на нынешнюю должность лично Чекомневым. Неизвестно по каким критериям. Исходя из степени допуска, личной преданности или...

Но и на нынешней должности проявил неплохие способности. В области, в которой специалистов быть не могло до ее возникновения.

Что, впрочем, неудивительно. Как только появлялись в нашей цивилизации изобретения, пусть самые дикие, никем не ожидаемые и не предсказанные, специалисты для их обслуживания и совершенствования находились тут же.

К примеру, авиация. В 1902 году никто не верил в возможность существования аппаратов тяжелее воздуха, а уже в 1909-м талантливых пилотов и авиамехаников было больше, чем самолетов.

А дальновизоры! Нормальному человеку внутрь его коробки и заглянуть страшно, а дядя Миша с соседнего двора, с семьей классами не самой престижной школы, уже открывает в своем полуподвале мастерскую, где легко переделывает за скромную плату черно-белые приемники в цветные. Хоть бы и самому Зворыкину!

— Моя фамилия — Бубнов. Вне строя — Максим Николаевич. Чин, как слышали, — подполковник. О характере выводы сделаете сами. А теперь я считаю возможным ознакомиться с приказом.

¹ Воентехник — чин, приравненный к поручику армии.

Да, кстати, поручик, посмотрите, что творится в доме и окрестностях...

Максим вскрыл плотный конверт. Содержание подписанного Чекменевым приказа его удивило.

Пунктом третьим запрещалось как раз то, что он поручил сделать Щитникову. «В главный корпус и иные помещения базы не входить, никаких предметов не изымать и не перемещать, костров на территории не разводить, палатки не разбивать. Лагерь развернуть за пределами ограды на свободном месте в лесу. Перед возвращением следы пребывания ликвидировать. Вообще руководствоваться правилами поведения разведгруппы на вражеской территории».

А он как раз рассчитывал разместить отряд в комнатах и на веранде виллы, раз там все равно пусто. И они ведь хотели посмотреть, отразятся ли их действия на обстановке в «основном мире».

Но — приказ есть приказ.

— Поручик, вернитесь!

Щитников, уже подошедший к двери, изобразил обтянутой камуфляжем спиной недоумение, но послушно спустился вниз по ступенькам. Максим объяснил, в чем дело.

— Сделаем. Колосов, сходи посмотри в лесу чего-нибудь подходящее. Не слишком далеко. — Обернулся к Бубнову. — И что там еще нам предписывается?

— Обследовать местность вокруг базы на предмет поиска следов пропавших... В случае обнаружения людей немедленно переправить обратно известным способом.

«Дурацкое, между нами говоря, задание, — подумал Максим. — Что же еще мы с ними должны делать?»

— А вот касающееся лично вас.

«Поручику Щитникову в сопровождении трех человек по его выбору совершить марш-бросок до точки 43-13 на имеющейся у него карте. С собой взять маяк от

генератора. На марше соблюдать те же правила. По прибытии на место вскрыть пакет № 2. Фрязинов и один офицер остаются на месте в распоряжении подполковника Бубнова».

Максим протянул Владимиру находившийся в конверте еще один, поменьше.

— Ну-ка, где этот квадрат?

Поручик выразил некоторое сомнение. Карта, выданная ему, является секретной, и о степени допуска господина подполковника ему неизвестно.

— Забыли, что я являюсь здесь и сейчас вашим непосредственным начальником? Пакет, адресованный лично вам, меня не интересует, а карту извольте...

Означенный квадрат находился на расстоянии более ста километров к юго-западу от их нынешнего местонахождения.

— Если исключительно бегом, за сутки можно добраться. Без напряжения — за двое. Темп движения не указан, — в раздумье сказал Щитников. — Про использование попутного транспорта тоже ничего...

— Очевидно, на ваше усмотрение. Но простите! — спохватился Максим. — В приказе говорится: «Никаких предметов не изымать и не перемещать». Значит, так и поступим. Сначала разбиваем лагерь, вы полным составом проводите поиск полковника Половцева и его людей или следов их пребывания. В радиусе... Ну, я думаю, километра хватит. Не найдете здесь — дальше тем более бессмысленно. После чего выходите на маршрут. А мы вдвоем останемся ждать вас или нового приказа.

...На удобно расположенной полянке, окруженной великолепными соснами, между которыми вклинивались рошчицы молодых берез, с севера граничащей с глубоким оврагом, по дну которого с тихим плеском текла мелкая и прозрачная речка, поставили четырехмест-

ную палатку. Рядом с ней под тентом — генератор со вторым маяком.

Саперными лопатками срубили дерн и выкопали неглубокую яму для костра.

Исходя из запаса продовольствия, здесь можно было спокойно просидеть неделю.

— Позиция хорошая, — обойдя окрестности, сообщил Щитников. — Еще тент поверху натянуть можно. От дождя и прочего. Пересидите спокойно. — На смуглом лице поручика Бубнов уловил нечто вроде иронии.

Мол, нам-то бежать с полной выкладкой неизвестно куда, а вы устроились.

— Это уж не ваш вопрос, юноша, спокойно мы пересидим или как, — хотел ответить Максим, но воздержался. Много чести.

Предпочел не услышать дерзости и обратился к оператору:

— Ты, Василий, главное, наблюдай за аккумуляторами. Один комплект рабочий, держит накал, второй поставь на подхват, чтобы в секунду мог зажимы перебросить. Электреты¹, в случае чего, минут пять питание подержат?

— Зависимо от нагрузки. Могут и полчаса держать...

— Значит, больше чем на десять минут от генератора не отходишь. Или меня на подмену зови. Установок приборов без крайней необходимости не трогать.

— Да все понятно, господин подполковник. Вы б мне еще сказали, что на подводной лодке люк без команды открывать нельзя...

— Пришлось бы, и сказал. Но, желательно, ощущай себя так же. Со мной остается — кто?

Это уже вопрос к Щитникову.

¹ Электрет — электрический аналог постоянного магнита, применяется как источник постоянного электрического тока, вместо батарей или аккумуляторов.

— Кто? — поручик начал соображать. С одной стороны, с собой в дальнюю дорогу следует взять самых лучших и надежных. Но ведь и здесь кого ни попадя не оставишь! Обычная проблема для хорошего командира.

Пусть так.

— Колосов, остаешься здесь. За тобой всё.

— Господин поручик! — в голосе офицера послышалась тоска. Нормальная, в общем-то, реакция человека, который не знает, где и что его ждет, но привычно не желает отрываться от своего отделения или взвода. Там-то все понятно, а здесь...

— Я что сказал? Вся боевая часть — на тебе. И кончили разговоры! Людей здесь, кроме наших, по определению быть не может, и тем не менее...

Бубнов отозвал Щитникова в сторонку.

Офицер он явно грамотный. С подчиненными разговаривать умеет, службу знает. Да другого на такое дело Чекменев бы и не направил.

Но он сейчас уйдет, а Максим — останется.

Присели на пеньке.

— Так что, командир, что думаешь на самом деле? — спросил доктор штурмгвардейца.

Щитников закурил. Посмотрел на Максима с сомнением.

— Вы что имеете в виду?

— То самое. Пойдешь сейчас с группой. Куда пойдешь? Зачем?

— Не понимаю, господин подполковник. Есть же приказ. Какие вопросы?

— Совсем дурак или приказано прикидываться? Мы где сидим? Рядом с базой, а там удобные помещения, сухо, тепло и все есть. В любой дом зайди — койки, холодильник, бар, сам все видел. Зачем бы им отсюда уходить? Ложись на диван, ешь, пей, скучно станет — гуляй

по лужайке. Жди помощи. Всего четыре дня прошло — и мы здесь. Открыли окошко и — вуаля, как сказал Маштак. Половцев с Неверовым не глупее нас. Если бы даже вздумали, черт знает зачем, удалиться с этого места, записку бы непременно оставили. Хоть углем на заборе...

— Я вас, кажется, понял. Их здесь нет и не было. Искать незачем. Тогда к чему все остальное?

— Вот и объясни мне сам. Как ощущаешь. Ты постарайся уловить, Володя, мы сейчас вроде и рядом с домом, и в то же время дальше от него, чем полковник Степан Супрун на Луне. И мы с тобой сейчас сами себе командиры. Другие то ли будут, то ли нет.

В чем смысл твоего специального задания? Угадай. Поскольку иначе все действительно превращается в полный бред.

Вопрос в принципе был рискованный. Если на самом деле Чекменев затеял очередную свою игру и поручик был в курсе, то на что Бубнов мог рассчитывать? Однако он не ошибся.

Образования хватало, чтобы увидеть искренность молодого офицера.

— Извините, господин подполковник, а как же это вы перед началом операции господину генералу уточняющих вопросов не задали? Мне казалось, у вас все спланировано и оговорено.

Если бы так! Максим сейчас и сам недоумевал. Бывают такие состояния, когда подчиняешься логике текущего момента, вроде бы в здравом уме выполняешь команды, да не только команды, а предложения и советы, и лишь потом, когда вдруг и поздно бывает, приходишь в себя.

Некоторые так в карты имения проигрывали, стрелялись из-за совершенно никчемных женщин, прыга-

ли из окон небоскребов, узнав неблагоприятную котировку акций.

А задумайся на десять-двадцать минут, что потеря некоторой суммы денег и даже измена любовницы никак не стоят разбрызганных по стене или асфальту мозгов. И что без денег и бабы жить можно, и подчас не хуже, а лучше.

Вот и он, увлеченный технической проблемой, беспокоясь о судьбе друга, как-то совершенно бездумно подчинился напору Чекменева.

«— Пойдешь в другое время? — Пойду.

— Найдешь Ляхова? — Найду.

— За командой присматривать будешь? — Буду».

Вопросов же — «зачем?», «почему?», «как?» — поймавшись на темп, задать человеку, который формально даже не был ему начальником, Максим не удосужился.

Зато теперь времени навалом. Больше, чем вечность. Две вечности.

— Видишь, поручик, какая ерунда моментами получается. Два отличных полковника, мои друзья, бойцы и герои, то ли случайно, то ли нет попали в такую вот дырку. Во времени.

Я очень хотел их выручить. Я так подумал, что, если не сам этим всем займусь, грош мне цена, и как человеку, и как ученому. Видишь, занялся... Сажу и сам себе думаю, а не дурак ли я?

Тебе-то проще, ты человек подневольный, послали — пошел, тем более риска здесь никакого нет и не будет. Так что пробегись, как приказано. С маячком за плечами. Сдается мне, что ради этого все и затеяно. Пройти заранее намеченный не нами маршрут, выйти в условную точку и подать сигнал. Так, похоже, в твоём конверте и написано. Возможно, наши друзья залетели именно туда и там ждут...

— Уверены?

— Если бы. Так, прогнозирую... Для чего-то же генерал это придумал. Но в любом случае ты приказ получил. Я — тоже. Рассуждать — не наше дело. Начальство на много сотен рублей нас умнее. Во-вторых — жизнь наша и так сплошная неопределенность, а уж теперь тем более. По той же формуле Кантора. Так что пилите, Шура, пилите...

— Не понял, — эти слова поручика относились к последней фразе.

— А! Книжку одну вспомнил.

Делиться возникшей внезапно мыслью с поручиком не хотелось. Не оформилась она еще, да и незачем просто. Такие вещи коллегиально не решаются.

— Ты, Владимир, главное вот что... Генерал правильно написал — вести себя как в глубоком тылу врага. По возможности — ничего не трогать, из козлиного копытца не пить. Ну, это тоже сказка такая...

— Что ж я, не помню? — обиделся поручик.

В отличие от «Золотого тельца», «Гусей-лебедей» ему еще бабушка наизусть пересказывала, и почти с теми же, что нынешний подполковник, намеками.

Максим мельком позавидовал его наивности и непосредственности чувств. Лет в семнадцать взяли парня на службу и тренировали на штурмгвардейца, хорошо муштровали, через восемь лет получился из него бравый поручик, а все равно кое-что из корневой натуры осталось.

Кстати, может, именно поэтому и послал искушенный Чекменев на странное дело именно его. Неплохо бы потом, если все обойдется, поработать с парнем плотнее. По своей линии.

— Ты думаешь, почему генерал не велел нам на базе оставаться?

— Чтобы, пользуясь возможностями «бокового времени», мы там чего-то лишнего не увидели? — предположил поручик и тут же посмотрел на Бубнова совер-

шенно бесхитростными, доверчивыми глазами: — А вы, Максим Николаевич, на самом деле считаете, что такое время существует? Нет, честно?

Похож он стал сейчас на ребенка, который получил от чужого дяди пустой фантик, свернутый в виде настоящей конфеты, и до последнего не желает поверить, что его так жестоко обманули.

— Скорее всего, и даже — почти наверняка, — согласился Бубнов. — Здесь нам и все его ящики столов, и вычислители, и сейфы доступны.

Но главное, по-моему, другое. Он опасается, чтобы мы отсюда как-то на тамошнюю (то есть настоящую) реальность не повлияли. Черт его знает, как самое невинное вмешательство там отразиться может. Поэтому — в принципе правильно. Так что сбегайте, куда сказано, а там посмотрим. А мы тут за это время каждый метр обшарим. Если хоть один след найдем...

За два часа до захода солнца поручик поднял своих людей. Разделили на троих груз — рюкзаки с походным снаряжением, пятнадцатикилограммовый маяк с аккумуляторами, автоматы, боеприпасы. Еще он прикрепил к плечевому ремню ротную рацию «Р-126». На ходу можно переговариваться километров на двадцать, а если остановиться и антенну на высокое дерево забросить — как раз на весь радиус поиска достанет.

— Давайте прощаться, господин подполковник. Контрольная связь каждые три часа с данного момента. Сверим часы...

Хороший русский обычай — перед каждым опасным делом сверять часы. Не всегда приносит ощутимую пользу, но нервы обычно успокаивает. Опять мистика загадочной славянской души.

— А вы что же, и ночью собираетесь идти? — с недоумением непривычного к таким делам человека спросил доктор.

— По обстановке, все по обстановке, командир. До темноты мы проскочим километров двадцать, сделаем привал, свяжемся с вами. Дальше будем исходить из рельефа местности, освещенности и прочих факторов.

Группа разведчиков бесшумно растворилась в лесу.

Закончили работы по обустройству лагеря, и Максим принялся распоряжаться:

— Ты, Александр, можешь спать до двадцати двух ноль-ноль. Потом сменишь Фрязинова. Василий, следишь за аппаратурой и обстановкой. А я прогуляюсь по окрестностям, посмотрю кое-что. Потом супчик вам сварю. Из расположения удаляться только по нужде и не далее чем на двадцать метров.

Несмотря на сгущающиеся сумерки, закинув на плечо ремень не слишком нужного здесь, как ему казалось, автомата, доктор, насвистывая кавалерийский марш, двинулся обратно к ограде базы.

Но пусть воевать не с кем и бояться некого, даже завалящий волк не выскочит из кустов, а все ж таки с оружием спокойнее.

Конечно, хорошая собака рядом — куда приятнее. И опасность издалека учует, и поговорить можно, но на худой конец — пусть автомат. Ночь уж больно быстро накатывается, и тучи по небу летят, прямо как у Пушкина в одном из стихов.

Он был человеком интеллигентным, книжной, так, сказать, культуры, поэтому пейзажи, «включенные и обрамляющие», действовали на него сильнее, чем на простых солдат. И одиночество для коренного горожанина — дело малопривычное.

Палец сам собой лег на спусковой крючок.

Говорить-то он говорил Щитникову, что приказ выполнять нужно беспрекословно, но он, подполковник (звучит все-таки!) Бубнов, теперь здесь царь, бог и воин-

ский начальник, несет полную ответственность за результат поиска и вверенный личный состав. Соответственно, имеет право исходить из ситуации.

А она такова, что в стандартные схемы не укладывается. И проверить кое-какие свои предположения, касающиеся базы и всего на ней происходящего, не мешает.

Попутно он думал примерно о том же, о чем сейчас (или полгода назад?) размышляли и спорили потерявшиеся друзья.

О сущности происходящего. Теоретическая подготовка у него была лучше, но особых преимуществ Максиму не давала, поскольку исходная посылка все равно оставалась сомнительной.

Он знал, что Ляхов, Тарханов и еще три человека исчезли из той самой комнаты, откуда отправился в экспедицию он сам.

Трое исчезли из дома, две девушки — из стоявшей под окнами машины. Саму машину потом отогнали на стоянку возле «синего дома», обшарили по сантиметру, ничего не нашли, естественно. Она и сейчас там стоит.

Маштаков, как его ни допрашивал Чекменев, а потом и сам Максим, клялся, что пространственное перемещение исключается. Мол, и на перевале все оставалось в пределах географических координат, и в Пятигорске полковник Неверов вышел из времени, но оставался на том же самом месте. Это все бесспорно. Но здесь вышло как-то иначе?

Дематериализовались его друзья вследствие ошибки в настройке, превратились в мезонное облачко (о таком варианте даже думать не хотелось) или, вопреки теории, переместились не по времени, а по месту? Конкретно, в загадочный «лагерь пионеров». Отчего-то же вынесло в первый раз Неверова именно туда?

Правда, тогда он географически находился в конгруэнтной¹ точке.

Максим разочарованно щелкнул языком.

Жаль, что у него нет с собой расчетов, которые демонстрировал ему Маштаков. Была там, кажется, одна не совсем ясная формула. Он напряг память. Интегралы — это ладно. А вот со знаками...

Тогда он внимания не обратил, а сейчас вдруг, возможно, оттого, что мозги стали удивительно свободны от многодневного напряжения, что-то такое забрезжило.

Обстановка ведь и вправду удивительно благоприятная. Тишина: ни муха не зажужжит, ни птица не чирикнет. А уж об индустриальных шумах и речи нет.

Через ворота базы, ранее плотно охранявшиеся, а сейчас сиротливо приоткрытые, он прошел внутрь.

Странной и даже страшной была темнота во всех окнах домов и корпуса учебного центра.

Значит, и здесь аналогичность миров, пространства и времени не полная. Здания те же, а электричество в них не поступает. По той же причине, что радиоволны не проходят?

Заходить внутрь домика, где должен был сидеть сейчас дежурный инженер, наблюдающий с той стороны за работой генератора, было не велено. Но очень хотелось.

Там ведь все маштаковские документы, расчеты, графики экспериментов.

Одним бы глазом в них заглянуть, казалось Максиму, и все станет ясно.

Входная дверь заперта, но проникнуть в дом, в общем, не проблема.

¹ Конгруэнтный — совпадающий, совмещающийся при наложении (лат.).

А что он скажет Чекменеву, если станет известно о нарушении им приказа?

Придумаем что-нибудь, какой-то совершенно непробиваемый довод.

Сейчас доктор оказался один в один в ситуации мифологической Пандоры или жены Синей Бороды. Запрещено входить в запертую комнату, но уж очень хочется!

Оттягивая момент принятия рокового решения, он обошел почти всю территорию базы. Прислушивался, заглядывал в окна.

Наконец вернулся к притягивавшему его крыльцу. Присел на ступеньки, продолжая размышлять. Похоже, постепенно выкристаллизовывается новая теория.

Никакое это не боковое время. Не сбоку от собственной реальности мы оказались, а сзади. На те же самые пять-десять минут. Тогда все отлично складывается. И объясняется.

Никаких проблем. Ты приходишь в театр через пять минут после того, как из него ушел последний актер и служитель.

Погасили фонари и свечи. Буфетчик убрал недоеденные бутерброды в ледник. Остались на крючках гардероба невостребованные пальто и шубы. И декорации к «Сретенским воротам» не разобраны рабочими сцены, оставлены до завтрашнего спектакля.

Вот и гуляй в этом придуманном кем-то мире, только что, совсем недавно, бывшим не в пример интереснее, чем настоящий. Никто же не платит десять рублей, чтобы посмотреть из третьего ряда партера, как реальный сосед бьет морду жене или другому соседу. А здесь смотрим, затаив дыхание, аплодируем, бросаем цветы на сцену.

Вот и он сейчас гуляет по фойе и за кулисами, будто всего-навсего заснул после второго антракта в укомном

★
уголке, приняв лишнего в буфете, а сейчас проснулся и бродит по опустевшему зданию, тупо соображая, что и как с ним случилось.

Придуманное сравнение Максиму понравилось.

Он потянулся в карман за...

Чем бы лучше подхлестнуть пошедший творческий процесс — глотком из обтянутой кожей фляжки виски или сначала сигаретой?

Но очень ему вдруг не понравилось странное движение темных, гораздо более темных, чем окружающая темнота, сгустков пространства, размерами различных человеческим фигурам.

Глаза у Максима привыкли к безлунной ночи, и данный феномен он отнюдь не счел галлюцинацией.

Психиатр знает, что подобные ошибки в оценке окружающей действительности плохо кончаются. Причем галлюцинация, похожая на реальность, обычно безвреднее, чем наоборот. Но тоже не наверняка.

Что никого, кроме их группы и Ляхова с товарищами, в этом мире быть не может, он знал теоретически и успел убедиться на практике. Однако же чем черт не шутит?

Если это просто природный феномен, своеобразная иллюзия — одно, а если нечто материальное?

Кстати, такие же сгустки тьмы, только с коричневыми огоньками по краям, описывал один фантаст в поведении про планету железной звезды.

— Стой, кто идет! — по-уставному крикнул он. — Стой, стрелять буду!

Ответа из темноты он не получил, но артефакты¹ — тенями их назвать не получалось из-за ощутимой даже на расстоянии плотности — несколько приблизились. Отчетливо различались четыре,двигающиеся бесшум-

¹ Артефакт — объект искусственного происхождения, но неизвестного назначения (лат.).

но, медленно, но упорно, а в отдалении, кажется, мельтешили и еще.

Внезапно Максим ощутил какой-то даже нечеловеческий ужас. Поскольку совершенно иррациональный. Нечто похожее случается с новобранцами, заступающими на свой первый боевой пост ночью и на отшибе от товарищей. И мерещится черт знает что, и по неожиданно вздохнувшей в кустах заблудившейся корове открывают истерическую стрельбу.

Только у Бубнова основания были куда более реальные. А вернее сказать, не «реальные», а очевидные.

Как лежал автомат у него на коленях, так он из него и ударил веером перед собой. Сначала очередью патронов на двадцать, потом добавил еще две по пять, почти прицельно, и рванул длинной перебежкой до самой ограды.

...Вот сейчас кто-нибудь наверняка скажет, что автор то ли идеализирует огнестрельное оружие, как универсальный способ решения всех и всяческих проблем, нравственных, мировоззренческих и мистических, то ли воображает, что без его постоянного и повсеместного использования сюжет много проигрывает. А ведь нет.

Все это — лишь горькое понимание текущей реальности. Если не ошибаюсь, последние шестьсот лет иным способом кардинальные человеческие проблемы на самом деле отчего-то не решаются. Аль Капоне, кажется, сказал, что добрым словом можно сделать меньше, чем добрым словом и пистолетом...

По крайней мере, указанные артефакты под веером пуль (мельхиоровых со стальным сердечником) как-то растерялись. Не исчезли совсем, но несколько потеряли конкретность и компактность. И, кажется, остановились. Впрочем, судить уверенно об этом Максим не

★ мог: от ярких оранжевых сполохов у переднего среза ствольного кожуха он почти ослеп на несколько секунд.

«И расточатся враги его!» — вспомнил неожиданно неверующий Максим слова молитвы. Зажмурился, пальнул еще несколько раз наугад и побежал, спотыкаясь, к лагерю, выставив перед собой автомат. Там он, по крайности, будет не один.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

★ — Стой, кто идет? — теми же словами встретил Максима Колосов из темноты леса.

Лязга затвора, обычно сопровождавшего этот, часто риторический, но смертельно опасный вопрос, он не услышал. Подпоручик успел сделать это раньше и бесшумно.

Имея в виду стрелковую подготовку штурмгвардейцев, доктор заблаговременно перешел на шаг, приближаясь к лагерю.

— Здесь Бубнов! Пароля не знаю, — попытался сострить он, чувствуя, что нервы приходят в норму.

— Кто стрелял?

— Я. Не знаю в кого, но оно мне показалось того заслуживающим.

Он как можно короче рассказал об инциденте.

— Василий, брось мне новый диск, он где-то там, к ранцу приторочен... — попросил Максим оператора, нашаривая в кармане сигареты. Там он так и не успел закурить. А сейчас очень хотелось.

— Тени, говорите? — на полном серьезе, отнюдь не посчитав слова и поступки командира плодами некомпетентности и испуга, переспросил Колосов. — И после ваших выстрелов — ни звука? И никто не упал? И не ответил?

— Пока стрелял — звуков не слышал. Упал или нет — не разобрал, своими вспышками ослепило. Но что вслед не стреляли — точно. И, кажется, не гнались...

— Ладно, проверим. Не зря же генерал приказал полный боекомплект брать. Знал или догадывался? — Подпоручик, собранный и бесшумный, как давешние «объекты», скользнул к палатке, где у порога была сложена амуниция. В строгом, раз навсегда усвоенном порядке, чтобы любую вещь найти мгновенно и на ощупь.

— Вы, господин полковник, вот тут прилягте, за пеньком, ствол вдоль тропки направьте. А я прогуляюсь, недалеко. Возвращаться буду — не подстрелите. Фрязинов, — обратился он к оператору, подошедшему с запасным диском, — ты машинку-то свою переставь, за дерево или в ямку. Вон там, под корнями, — Колосов указал на комель вывернутого давней бурей трехобхватного бука. — Не ровен час, шальной пулей заденет...

«Только вот начались события, и младший по званию небрежно, без обсуждений и согласований, принял на себя командование группой, — подумал Максим. — Да и правильно, наверное. Дело темное, в буквальном и переносном смыслах, специалист ориентируется в подобных ситуациях на уровне инстинктов, а мне каждый раз подумать надо, и нет гарантии, что думать я буду безошибочно».

Но все же положение штаб-офицера и начальника требовало соблюдать субординацию.

Максим сначала вщелкнул на место приятно тяжелый диск, оттянул ручку затвора, только после этого спросил:

— Что делать собрался?

— Да ничего такого. Пройду вперед, не далеко, до опушки. Если все тихо, пару растяжек поставлю. И будем посмотреть, как говорят в Одессе. Живое там что копошится или привиделось вам...

— Я пока еще за себя отвечаю, — ужесточив тон, ответил Максим, сообразив, что подпоручик имеет в виду то, что он и сам думал несколько минут назад.

— Не в этом смысле, господин полковник. Может быть, явление какое-нибудь физическое. Вроде огней святого Эльма или призраков острова Пасхи.

— А что, были и такие?

— Могли быть, — убежденно ответил Колосов.

— Тогда действуй, поручик, родина тебя не забудет...

Тот ушел легким индейским шагом, сразу забирая в сторону от тропы.

Максим рукой показал оператору, что следует вернуться в расположение.

— Колосов правильно сказал, отнеси аппаратуру в укрытие. Не дай бог, прямо здесь стрельба начнется. Канал держится стабильно?

— Что ему сделается. Лампочка мигает, как сказано, параметры тоже в норме. А что, думаете, пора смазываться?

Оно бы лучше всего, хотел ответить доктор, да разве можно? Ребята пошли в рейд, Половцев с Неверовым не обнаружены, а им спастись? Однако в случае острой необходимости он ведь имеет право выйти на связь, доложить обстановку, попросить помощи или хотя бы новых инструкций.

— Бой покажет. Что у нас есть?

— Мой автомат, ваш, патронов некоторое количество. Диск я вам отдал предпоследний. Значит, на сто сорок выстрелов можете рассчитывать, — и этот счел нужным поучить командира. — Гранаты. Все. Ах, еще пистолеты. Теперь точно все. Может, окопчики отрыть?

— Не спеши...

Вдалеке треснуло несколько совсем коротких очередей, на три-четыре патрона каждая. Грамотная стрель-

ба, но если она все-таки имеет место, значит, Максиму не померещилось.

— Не совсем в пустое место мы попали, Максим Николаевич...

— Да уж. А ты чего хотел? Пустых мест, наверное, вообще не бывает.

Раздался тихий свист, потом голос Колосова, совсем не оттуда, куда он уходил.

— Мужики, порядок, это я. Присядем, подождем...

Подпоручик возник из-за кустов, не слишком отличаясь от тех образований тьмы, которые напугали Бубнова.

— Ты прав, командир, — заговорил Колосов, не замечая, что обращается на «ты» к штаб-офицеру. Видать, в реальной боевой обстановке штурмгвардейцы таким пустякам значения не придают. — Совсем не иллюзия. Натуральные объекты. У меня тут был с собой заветный магазинчик, всеми конвенциями запрещенные пули «дум-дум». — Одновременно он глубоко и резко затягивался, пряча сигарету в кулак левой руки.

— Я тоже на территорию проник. Там виднее все-таки. Дождался, рассмотрел. Люди это. Только ходят вроде как в скафандрах. Медленно и вразвалку. Может — роботы? — спросил он сам себя. — Так их не бывает. Шли они следом за вами, командир, — слегка освежив мозги, подпоручик вспомнил, кто есть кто. — Причем, что интересно, не по дорожке шли, по азимуту. словно в темноте видят или по-собачьему, верховым чутьем...

Первому я вмазал. Когда не знаешь, кто перед тобой, лучше всего стрелять в грудь.

— Я врач, мне объяснять не надо, — перебил Максим.

— И я о том же. Дал я ему хорошо. Чуть в заднее сальто он не ушел. И еще одного подвалил. Больше риско-

вать не стал. Патронов мало. Если испугались — хорошо. Если нет — подождем минуток пять.

— Ты говоришь — видят в темноте или чувствуют, — отметил несообразность в словах Колосова Максим, — а что ж тогда тебя не увидели, прямо под выстрелы подставились?

— А и верно, — тоже удивился подпоручик. — Более того — метров за пятьдесят «оно» направление изменило, в мою сторону двинуло...

— Значит, не человек, механизм какой-то, — решил Бубнов. — Тепло, или масса, или запах его привлекает, на стрельбу не реагирует...

— Господин полковник, — напомнил Фрязинов, — сейчас первая связь со Щитниковым.

— Давай.

Доклад поручика был предельно кратким. Идем по маршруту, все по плану. Привал пятнадцать минут. Все. Следующая связь по схеме.

— Володя, не все. У нас проблемы. Нас окружают неизвестные существа. Выглядят черными фигурами размером между человеком и медведем. Двигаются не очень быстро. Имели огневой контакт. Пока успешный. Лучше всего — остановись. Найди удобную позицию и жди до света. Мы пока разберемся...

— Держитесь, — даже сквозь потрескивание эфира Максиму показалось, что всерьез он к его словам не отнесся. Дескать, что взять с кабинетного офицера. — У меня ничего подобного. Луна светит, поля просторные. Дождик чуть брызгает, но это нормально. Думаю сделать еще бросок на столько же.

Что ему скажешь? Своих эмоций не передашь, да и на самом деле! Человек ведет группу, ему это нравится, уверен он в себе, как молодой жеребец.

— Смотри, поручик. Если так — рекомендую идти, имея по флангам по полсотни метров открытой местнос-

ти. Оружие «на товсь». Если попадутся, стреляйте, продолжайте движение в максимальном темпе. Интервал связи сократим до часа.

— Понял, выполняем.

Связь прекратилась.

— Что делать будем? — спросил Максим подпоручика, вспомнив вопрос Фрязинова и свои мысли. — Может, и вправду — обратно выскочить? Доложить, подкрепление вызвать?

— Вы командир, — дипломатически ответил Колосов. По его лицу было видно, что сам он готов принять любое решение, однако больше его занимает результат собственного поиска.

А чего ждать от двадцатитрехлетнего офицера, которому наконец довелось применить свои полученные в изнурительных тренировках навыки на практике?

Метрах в трехстах звучно рвануло.

— Моя, — удовлетворенно сказал Колосов, как раз успевший докурить сигаретку. — Первая. Сразу за воротами. Еще одну я выставил, где колючие кусты, с тропинки не свернешь... Третью еще похитрее. Пойдут, нет? — в его голосе звучал искренний интерес. Подпоручик напрягся, подобно молодому сеттеру, которого хозяин выводит на перепелиную охоту.

— Я схожу, взгляну?

На ремне справа и слева у него висели шесть полных магазинов, десантный тесак у бедра, гранатная сумка, наполовину опустошенная, сдвинута назад к позвоночнику.

Такого только пусти, он там устроит «хрустальную ночь длинных ножей».

А все ж таки молодец! В его возрасте азартностью Максим мало отличался от Колосова, только подготовка, увы, была не та. Надо же, только десять лет разницы, а он себя чувствует уже старым, отяжелевшим, почти

★

неспособным на лихие, но и профессионально грамотные поступки.

— Вместе пойдем. Фонарь есть?

Колосов молча показал длинный, похожий на полицейскую дубинку электретенный фонарь, способный без подзарядки светить почти сутки.

— Пошли.

Гораздо ближе бахнул еще один взрыв.

— Ты гляди, бесстрашные. Или — непуганые, — сквозь зубы процедил Колосов.

И третий раз грохнуло.

— Все. Мои рубежи кончились. А ловушки были мощные. Не человека, быка порвали бы. Теперь что?

— Гранат сколько имеешь? — Теперь уже Максим испытывал желание повоевать, хотя бы и до решительного конца.

— Четыре. Из них две противотанковые. Василий, приготовься к отходу. Похоже, придется. Но мы таки сходим посмотреть. Если возникнет бой, а потом стрельба вдруг прекратится близко от тебя — срывайся. Только не паникуй. Пару минут выжди.

— Дело ваше, командир, а лучше бы вместе отойти и утром вернуться с батальоном. Танковым... — В голосе Фрязинова прозвучали мечтательные нотки.

— Вернемся, Вася, нужно будет — с дивизией. А пока — не мандражь... — это уже Колосов сказал, начиная движение.

Мысль о том, что можно поставить вокруг поляны еще несколько растяжек и, забравшись, скажем, на деревья, дожидаться утра, ни одному из них странным образом не пришла в голову.

Да ведь если бы всем и всегда вовремя приходили в голову оптимальные и гомеостатически¹ безупречные

¹ Гомеостатический — направленный на устранение или максимальное ограничение вредных воздействий окружающей среды (греч.).

решения, и Древний Египет существовал бы по сей день, и Карфаген, и Рим, соответственно.

Вот и пошли — Колосов впереди, подсвечивая фонарем по сторонам и под ноги, Бубнов на десять шагов сзади, поводя стволом по жутко темнеющему справа и слева лесу. Вот как выскочит оттуда это самое...

— Стой, командир, — поднял руку Колосов. — До последней растяжки — двадцать метров. А ну, давай! — Упал на колено и первым начал стрелять. Прямо перед собой и по бокам, в метре над землей. Максим поддерживал, благо патронов у него в диске было аж семьдесят два.

Так же резко подпоручик прекратил огонь.

Никакого в лесу шевеления их шквальная стрельба не вызвала. Только долго шуршали, осыпаясь на землю, срубленные пулями сучья и ветки.

Еще бросок вперед. И через секунды — сдавленный вскрик Колосова:

— Ну, бля! Командир, сюда! Вы же врач? Ну, смотрите!

И отступил вбок, удерживая пятно света на том, что так его удивило.

Бубнов подошел, перекинул автомат в левую руку, опустил вниз стволом. Взял из рук подпоручика фонарь, и тот с готовностью его отдал, сам шагнув в темноту.

Да, интересная картинка. Неудивительно, что простодушный юный офицерик давится за кустом, сдерживая рвотные спазмы.

Выбитая взрывом связанных вместе наступательной и противотанковой гранат воронка рядом с тропинкой. Обожженные тротильным огнем листья.

И без всякой хирургической и даже мясницкой культуры разделанный труп. Ноги, перебитые не по суставам, а где придется. Почти наизнанку вывернутый торс. Грудная клетка раскрыта, как книжка. Багрово-

черные кишки, спутанные, будто в чану на колбасной фабрике. Что-то вроде головы валяется поблизости.

Как почти всегда бывает с жертвами близких взрывов, одежды на фрагментах трупа практически не осталось.

Вообще — ничего особенного. Разве что с размерами заряда Колосов перестарался. Если бы он тирано-завра здесь ждал...

А так, типичная минно-взрывная травма. Малосовместимая с жизнью.

За небольшим исключением.

Жизнью тут и не пахло.

Вернее — не пахло свежей смертью. То, что рассматривал Максим, представляло собой предмет интереса даже не нормального патологоанатома, а лишь судмедэксперта, привыкшего к эксгумациям.

Покойнику была минимум неделя. В буквальном смысле. Он в таких вещах разбирался. Непонятнее и страшнее того было, что процесс распада тканей продолжался на глазах. В сугубо ускоренном темпе. Как на киноплёнке при съёмке «рапид».

— Ты, Колосов, сюда не смотри. Лучше наблюдай за местностью...

Когда фрагменты трупа превратились в кости, покрытые мумифицирующимися лохмотьями мышц и лоскутами кожи, Максим отвернулся.

Еще более странным, чем этот процесс ураганного гниения, было почти полное отсутствие соответствующего запаха.

В норме тут сейчас стояло бы такое амбре... Но, очевидно, молекулы кадаверина, путресцина, индола и скатола улетучивались с соответствующей процессу скоростью и рассеивались в окружающей атмосфере, не успевая оставить свой мерзкий след на обонятельных клетках Бубнова.

Хоть какая-то польза...

— Возьми, Саша, глотни для осадки. — Доктор протянул подпоручику фляжку. — Тут натуральное выдержанное виски. Полезная штука. И не бери в голову. Я, как в восемнадцать лет на медфак поступил, столько такого насмотрелся.

Как нас, помню, первый раз привели в анатомичку... Там таких ребят на столах и в ваннах с формалином штук десять сразу лежало. И ничего, как видишь...

— Не, такое не для меня. Лучше в дворники...

— Полегчало? Тогда пойдем вперед, поглядим, что ты еще наработал, — предложил Максим.

На второй растяжке подорвавшийся труп пострадал меньше. В смысле анатомической сохранности, исключительно, так как в замогильное, нет, как раз в могильное состояние он тоже перешел аналогично. Скелет с остатками гниющих тканей, вложенный в лопнувший по всем швам черный костюм.

И третий, у ворот учебного центра, выглядел почти так же. Но одет он был в парадную военную форму, изрядно пострадавшую, однако золотые полковничьи погоны, пуговицы, аксельбанты, шевроны за выслугу лет на рукавах сохранились отлично.

Колосов, слегка приобвыкнув (да и выдержанное виски способствует повышению самообладания), наклонился над останками.

— Тва-аю мать! — и добавил еще несколько распространенных в войсках оборотов, знаменующих крайнюю степень удивления. — Господин подполковник, так это же полковник Головнев, отставник, он тут жил неподалеку. На прошлой неделе умер, точно пятнадцатого или шестнадцатого. И кладбище за поселком, километра три отсюда.

От нас взвод отражали, салют производить. Вот, смотрите, я почти рядом стоял, я помню — аксельбант с зе-

леним шнуром и волосы... Он совсем седой был, а шевелюра как у молодого!

Точно. На черепе сохранились клочья густых седых волос.

Бубнов взял подпоручика за локоть. Как бы с парнем истерика не случилась.

Чтобы слегка отвлечь, да и о собственной безопасности заботясь, спросил:

— Больше растяжек не ставил? Точно три? А то смотри у меня!

— Господин полковник! Мне хоть и не по себе сейчас, но не до такой же степени...

— Ладно, ладно...

Колосов, безусловно, говорил правду, но правда эта была настолько дикой!

И вместе с тем получалась на ее базе некоторая система, пища для мысли, как ни неприятно это звучит в данном контексте.

Не снимая пальца со спускового крючка, Максим осмотрелся и прислушался.

Кроме шелеста листьев над головой, более никаких звуков и шевеления вокруг не наблюдалось.

— Возвращаемся, камрад.

До самого лагеря, где ждал их, охваченный тревогой, Фрязинов, они шли молча.

Ничего пока не говоря оператору о своем открытии, просто сообщив, что в настоящий момент опасности не существует, Бубнов приказал разжечь костер и готовить ужин.

Почему он ощутил уверенность, что опасности больше нет?

Чисто интуитивно, еще не осмыслив до конца случившееся.

Но схема выстраивалась.

Отставной полковник Головнев похоронен на прошлой неделе на местном кладбище. Остальные двое,

скорее всего, днем раньше, днем позже. Состояние трупов на момент подрыва на растяжке этому сроку примерно соответствует. Считать это сроком их «жизненной» активности?

За неделю на маленьком поселковом кладбище вряд ли хоронят больше двух-трех человек. Скорее всего — меньше.

Он непосредственно видел четыре тени. Одного-двух отпугнул или перевел в состояние «окончательной смерти». В кого-то стрелял Колосов. Трое подорвались на растяжках.

Если неделю-две считать критическим сроком, следовательно, других восставших из могил покойников здесь просто не должно быть.

Иначе бы они, при великолепном презрении к смерти, продолжили свой марш в сторону живых.

Таким образом, непосредственной опасности действительно нет.

Самое же удивительное, отмечал Максим не участвующей в построении силлогизма частью сознания, его будто не задает исходная абсурдность ситуации — он сразу принял происходящее как данность и мыслит исключительно в рамках логики происходящего.

Между тем мрачно молчащий Колосов порезал хлеб (предварительно с особым тщанием вымыл руки), разогрел две полукилограммовые банки консервов «Свинина постная с гречневой кашей», несколько превысив этим пайковую норму. Фрязинов подвесил над огнем на треножнике котелок с водой, предназначенной для чая.

Максим разрешил также раскупорить к ужину пластиковую бутылку «Спирта питьевого» и развести его положенным образом.

Теперь они, безусловно, оказались в боевых условиях, и указанное действие было прямо прописано в уставе. В армии положено выдавать сто пятьдесят граммов

сорокаградусного столового вина одновременно, на флоте — два раза по сто, к обеду и к ужину. Дополнительная порция в качестве поощрения после выполнения тяжелых и опасных работ тоже разрешалась, по усмотрению начальства, но не более ста граммов.

— Так, может, все же скажете, братцы, что вы там обнаружили, — выпив, крикнув, понюхав ломоть хлеба и закусив ложкой каши, наконец проявил любопытство Фрязинов. — А то вид у вас больно похоронный...

— В самую точку, — хмыкнул Колосов.

Молчать оснований не было, и Максим рассказал с некоторыми, пришедшими ему в голову только сейчас комментариями.

— Ну и ну, — сказал Фрязинов, причем довольно спокойно. Он тоже относился к тем людям, которые не имели привычки рефлексировать, если что уже случилось.

Сиди дома, коли не готов служить там, куда пошлют. А если послали...

Помнится, один писатель о подобном уже упоминал.

«Когда, вместе со своим легионом, легат прибыл в Одессу и увидел улицы, освещенные электрическими фонарями, он нисколько не удивился. В персидском походе он видел и не такие чудеса. Скорее его удивили буфеты искусственных минеральных вод. Вот этого он не видел даже в своих восточных походах»¹.

— Значит, покойник, каким-то образом существующий, умереть еще раз вполне способен?

— И даже очень быстро, — подтвердил Бубнов.

— А тогда для чего он вообще здесь «живет»? — Вопрос прозвучал странно и в то же время крайне уместно.

Да, для чего или все-таки — почему?

¹ Ильф И. Записные книжки. М., 1961.

— Я так думаю, — сказал Максим, — что это просто свойство здешнего пространства-времени. Вас же учили...

— Меня — нет, — быстро и словно испуганно ответил Колосов.

— А меня — да, — возразил Фрязинов, — и все равно вы меня ни в чем не убедите. При любом раскладе ожившие покойники к физике никакого отношения не имеют. Попа бы сюда позвать... — в голосе воентехника прозвучала надежда.

— Заткнитесь, мужики, — устало произнес Бубнов. — Сказки про покойников очень здорово идут по ночам в палатке скаутского лагеря. Настрой есть — продолжайте. А пока так. Гранат у нас осталось всего восемь штук, да и было бы впятеро больше, весь лагерь сплошным минным забором не обнесешь. Согласны?

Кроме того, ни при одном мертвеце оружия не обнаружилось, и вообще вопрос об их опасности остается открытым.

Ну чем, в конце концов, может быть опасен для крепких вооруженных парней совершенно мертвый труп? При всей его агрессивности, если таковая и обнаружится? Какая в нем сила? Уже сам факт, что он по той или иной причине умер, говорит не в его пользу. Может быть, просто мы живые и теплые, вот их к нам и тянет?

Резко сменив тему, Максим, чтобы отвлечь молодежь от мрачных мыслей, начал пересказывать студенческие и врачебные анекдоты на ту же тему, стараясь навязать им привычный ему самому стереотип, что в смерти ничего сакрального нет, а есть только скучная рутина профессии.

Его профессии.

Как говорил третьекурсникам ассистент-патологоанатом Кожарский, преферансист и циник:

— Вы, коллеги, покойников не бойтесь, они вам ничего не сделают, вы живых бойтесь...

Кажется, получилось.

— Тогда, ребята, разрешаю поспать. Но с оружием в руках и полной готовностью. Вдруг они никого не убивают, а просто забирают с собой...

После такой вводной ему самому спать можно было совершенно спокойно.

Он не стал заползать в палатку, предпочел устроиться неподалеку от костра на свежем воздухе. Между двумя гребнями корней толстого ясеня, вполне заменяющими полуметровый бруствер, Максим устроил себе лежбище из ранца и вчетверо сложенной плащ-накидки. Под ней — слой опавших листьев. Тепло, мягко, надежно. Ствол дерева в два обхвата защищает сзади, корни — с боков. Впереди трепещет языками пламени догорающий костер. Под рукой — автомат. Возле другой — фляжка и сигареты.

Только спать он совсем не собирался. Слишком много в голове мыслей и гипотез.

Факт присутствия движущихся, но одновременно способных умирать второй раз, и уже окончательно (а так ли?), покойников заставлял в очередной раз пересмотреть картину мира.

Нет, не пятиминутное прошлое окружает его. Маштаков что-то такое уловил очень правильно. И из ничемной теории того же Кантора сумел сделать совершенно технологические выводы. Воплощенные в желе-зо, работающее, кстати.

Но — покойники! Это способно свести с ума. Если он прост и догматичен.

Максим себя догматиком не считал. Жалел лишь о том, что рядом нет сейчас коллеги, доктора Ляхова. Как бы с ним хорошо было сейчас обсудить происшедшее!

«Пир» Платона, а то еще и более интересный диалог мог бы случиться.

«Мы трезвы сейчас?» — спросил себя Максим и с убежденностью признал, что да, безусловно. И биохимически, и психически. Что такое, после пережитого,

неполный стакан водки? Следовательно, необходимо рассуждать в тех же, материалистических и объективно реальных категориях. Все действительно разумно, и наоборот, соответственно.

Где могут существовать мертвые рядом с нормальными людьми? В раю, аду, чистилище — вряд ли. Мы, живые, туда доступа не имеем.

Значит — здесь. В этом самом странном боковом времени. А ведь неплохо!

Максим даже подскочил. Подбросил пару поленьев в костер.

Боковое, говорите? Живого здесь нет, а все материальное, но не живое существует. Тогда покойник является тем же самым. Переставая быть живым, он становится тем, что тут существовать может.

Уже интересно.

Кой-какая система вырисовывалась.

Покойники по этому миру бродят, зачем, пока непонятно, но бродят и к живому тянутся. Убиты могут быть достаточным механическим воздействием. И — что?

А вот то, что для них этот мир — родной. Мы думали, куда они деваются? Зачем греки придумывали мифы про царство Аида, где слоняются тоскующие тени героев? Этот, как его, Харон с его вельботом, перевозивший покойников (за плату, заметьте) на тот берег.

Вполне реальный берег, получается, раз Орфей ходил туда за Эвридикой, только обернулся не вовремя. И еще были прецеденты.

Так, может, все это правда?

В нашем мире несчастный покойник жил, потом умер.

Думал, что насовсем, а попал совершенно неожиданно в места, где странная некрожизнь продолжается. Чем он тут занимался — пока неясно. Но увидел вдруг неподалеку совершенно живого человека. Вздумал по-

дойти, спросить, без всяких задних мыслей и агрессивных намерений, не слышал ли бывший земляк, что происходит и как быть дальше?

Вместо этого наравлся сначала на автоматную очередь, потом на мину. И умер повторно и окончательно.

Подтверждением этой теории служит факт стремительного разложения.

Так. Значит, есть смерть там, вторая жизнь здесь и, соответственно, вторая смерть тоже.

Как сказано в теории Эверетта? Нас окружает множество Вселенных, в том числе те, что отличаются друг от друга незначительным, но постоянно увеличивающимся разбросом вначале исторических фактов, а потом и физических законов.

Ну а вот здесь мы имеем пока единственное, эмпирически установленное различие — покойники какое-то время сохраняют двигательную активность. И какие-то остатки интеллекта. После третьего взрыва остальные сообразили наличие «смертельной» опасности и удалились от греха...

Он вскинулся, внутренним таймером почувствовав, что пришло время связи со Щитниковым.

Включил рацию, мельком посетовав, что не придуман еще способ постоянного автоматического вызова.

— Полковник, я Щитников. Идем по маршруту. Проблем нет. Что у вас?

— Порядок. Объекты исследованы, прямой опасности вроде не представляют. Но лучше вам с ними вплотную не контактировать. Просто не советую по некоторым причинам. Если что — против них оружие — гранаты. Тем более — темп. Двигаются они медленно. Да, вот еще, — пришло в голову Бубнову, — старайтесь подальше обходить населенные пункты, тем более — кладбища со свежими могилами...

— Не понял!

— Повторяю — кладбища со свежими могилами. Возможно, все оттуда и появляется.

— Командир, Гоголя я тоже читал. Привидения, что ли?

Несмотря на низкое качество звука в головных телефонах, ирония в голосе поручика передалась отчетливо.

— Не привидения. Достаточно материальные структуры. А так, конечно, Гоголь — это близко. Вот и руководствуйся, за неимением лучшего. Хома Брут и так далее. Только меловой круг и молитвы не помогут.

Вдруг подполковник вспомнил. Он же и им по-прежнему командир. Он за них отвечает, и они обязаны подчиниться. Если, конечно, Чекменев Щитникову не дал каких-то иных распоряжений.

— Поручик! Приказываю — остановиться. Занять позицию, желательно на возвышенности, удаленную от дорог и населенных пунктов. Пригодную для обороны вашими силами. До утра с места не двигаться. Дальнейшая связь по той же схеме.

— Понял, командир. Выполняю. Да и поспать, оно не вредно...

Голос в головных телефонах угас несколько по-другому, чем если бы поручик просто отпустил танкету.

Батареи радиостанции, совершенно неожиданным образом, садились стремительно. Полукилограммовая «Искра» обычно могла непрерывно работать на передачу часов десять, только на прием — двадцать. Сейчас же амперметр показывал, что тока почти уже и нет. А запасных комплектов с собой не взяли. Просто не было такой необходимости.

Бубнов тут же решил проверить, как ведет себя питание хроногенератора. Если аккумуляторы тоже теряют заряд, надо немедленно эвакуироваться.

Нет, с ними все было в порядке.

Видно, просто батарея попалась бракованная. Бывает. «Итак, — продолжал он занятие, к которому был приспособлен более всего, то есть построение гипотез с немедленным их опровержением, если обнаруживалась внутренняя противоречивость силлогизмов или разногласия с практикой, — ни с чем не сообразная разрядка батарей вполне встраивается в общую схему.

В самом факте механической активности якобы мертвых тел ничего экстраординарного нет. Известен феномен так называемых «Големов» — магическим образом оживленных глиняных статуй. Или «Зомби» — не тех отравленных неким алкалоидом, но все же живых людей, лишенных воли, которых фабриковали рабовладельцы на Гаити, а «настоящих». То ли особым образом воскрешенных человеческих трупов, то ли действующих макетов человека.

Факты, подтверждающие их существование, имеются.

Сюда же хорошо укладываются многочисленные легенды, бытующие не только у славян, но и у всех других более-менее культурных народов. Особенно у пражских евреев. Это же там появилась легенда о рабби, создавшем глиняного человека?

Они вполне могут объясняться взаимным проникновением живых людей из нашего мира в этот и наоборот, естественно.

Почти у всех народов принято считать, что до сорока дней после кончины покойники обретаются где-то поблизости, способны воспринимать слова и мысли близких. Так не здесь ли они и тянут этот срок? В течение которого действительно каким-то образом видят, слышат и сохраняют активность?»

Бубнов был убежденным атеистом и материалистом, но происходящее никакого отношения к религиям не имело.

Непознанные всего лишь свойства и закономерности природы.

Почему он предостерег Щитникова от приближения к кладбищам? Просто потому, что захотел избавить неподготовленных людей от нервного потрясения? Или все же предполагает в них некоторую опасность, о которой почти в шутку предупредил Фрязинова с Колосовым?

Вдруг действительно «живые мертвецы» способны чем-то навредить просто живым?

Разве случайно во всех без исключения сказках и легендах такая встреча изображается как нечто невообразимо ужасное?

А если поручик с отрядом выскочит в район кладбища, где ежедневно хоронят по сотне человек?

Максим Бубнов вдруг почувствовал себя плохо.

Слабость неожиданно навалилась, тошнота не тошнота, но что-то вроде, и тоска...

Впрочем, тоска — это как раз понятно, следствие массированных выбросов адреналина в кровь.

После переживаний текущего дня, нервной и физической нагрузки, ломки всей привычной картины мира, происходящей не только в сознании, но и гораздо глубже, ему бы заснуть без задних ног...

Но если все-таки бодрствовать и размышлять, так не здесь, а перед камином на третьем этаже каменного коттеджа, а еще лучше — английского или шотландского замка с мощными стенами, крепкими воротами и поднятым мостом, гарантирующим от вторжения врагов.

Эта пристально вглядывающаяся со всех сторон темнота...

Сколько можно требовать от человека, привыкшего совсем к другой жизни?

За спиной хрустнул сучок, и доктор вскочил, вскинул перед собой автомат.

— Спокойно, командир, это я, Колосов. Присядьте. Вот смешно, я ведь тоже второй час идеи обдумываю. А если бы нам, вернувшись домой, раскопать могилу дважды мертвого полковника? Что мы там увидим?

— Так если бы я знал, Саша! — Появление Александра его обрадовало. Вдвоем намного спокойнее, и разговор вслух позволяет выпустить пар, в то время как внутренний монолог или диалог только повышает давление. — Я б тебе немедленно все объяснил. Увы, некромантия — не моя специальность. Ничего, скоро мы услышим столько теорий и гипотез... А пофантазировать, конечно, можно. Время веселее побежит. Вот, к примеру, предположим, что акт захоронения на самом деле является обеспечением мистического процесса перехода в «лучший мир».

Могилы, как аналог портала.

Считается же, что незахороненный покойник не может попасть в рай, что душа его скитается поблизости от тела и творит живым всякие пакости...

Кстати, свободно можно предположить, что методики обращения с трупами у представителей языческих вероисповеданий и культур учитывают пока непонятный нам процесс. Славянское, скандинавское, индийское сожжение — это способ избавить своих покойников от того, что происходит здесь и сейчас?

Тело исчезает в огне, а «душа» воспаряет непосредственно в «горние выси»?

А древнеегипетское бальзамирование? Труп тщательно потрошат, пропитывают смолами и, главное, тутонатуго пеленают и погребают под тоннами камня. И захочешь — не вылезешь. А вот еще есть тибетская «Книга мертвых», там тоже свое радио присутствует. А зороастрийцы складывают покойников в специальные башни, где их расклеивают хищные птицы...

— Ну и много ж вы знаете, господин полковник, — с завистью вздохнул Колосов. — Нас в училище такому не учили...

— Книжки нужно читать, а не только футбол по дальновизору смотреть, — наставительно сказал Максим.

— Так футбол же интереснее! Нет, я книжки тоже читаю, только больше, конечно, развлекательные. От научных у меня сразу в голове шуметь начинает и строчки путаются...

— Тяжелый случай. Боюсь, придется тебе в отставку штабс-капитаном выходить.

— Так, это еще когда будет, — легкомысленно махнул рукой подпоручик.

— Гораздо скорее, чем тебе сейчас кажется. Ладно, Саша, извини, чего-то спать мне захотелось. Прилягу. Поднимешь по-штатному.

Разбудил его Фрязинов через целых три часа.

— Господин полковник, последний раз Щитников на связь не вышел. В два я с ним разговаривал, они отдыхали, все было нормально. В три сеанс не состоялся.

Доктор взглянул на яркие фосфорные стрелки часов. Тринадцать.

— Что ж ты сразу...

— Решил подождать. Вдруг у них обстоятельства.

— И дальше что?

— Оставил рацию на приеме. Может, еще выйдут.

— Да ты что? Батарея и так практически сдохла.

— Я запасной аккумулятор подключил. Через преобразователь. У меня в запасе был. Но вообще-то... — замялся воентехник. — Мы тут посоветовались... Может, лучше все-таки открыть проход обратно? Пусть генерал решает. Послать дозор на машинах — через полчаса все станет ясно. Может, ребятам срочная помощь требуется.

— Правильно, — подтвердил подошедший Колосов. — У нас приказа не было здесь до упора сидеть. Тем более обстоятельства чрезвычайные.

Максим был совершенно согласен с товарищами.

Поплескав в лицо водой из фляжки, сделав несколько спортивных упражнений, способствующих обретению бодрости, закулив, наконец, он был готов к принятию решений.

Сейчас он даже не понимал, почему не выскочил отсюда, как ныряльщик с глубины, сразу же, как только увидел первого мертвеца?

Магия нечетко отданного приказа? Соображение о том, что начальству виднее, а его задача — прежде всего обеспечить выполнение миссии Щитникова?

Зачем-то его ведь послали с отдельным пакетом за сотню километров отсюда? Вдруг на самом деле имеет место стратегический замысел, мудрость которого не дано постигнуть нестроевому капитану, пусть и возведенному в целые подполковники?

А, гори все огнем! Его назначили главным за операцию, вот он и принял решение.

— Давай, Василий, включай на выход. Разбудим начальство — не беда! Тем более я еще тут кое-что придумал. Боюсь, что генералу нашему будет очень интересно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Чекменев выслушал доклад и счел решение Бубно-ва возвратиться совершенно правильным.

— Видите, вы легко вжились в роль командира-единоначальника. Ибо еще Петр любил говорить: «Не держись приказа, яко слепой — стенки». Хотя, с другой стороны, в большинстве случаев приказ все-таки следует выполнять с возможной полнотой и точностью, поскольку

ку замысел вышестоящего как раз и может содержать в себе смысл, недоступный обычной логике. Например, если вам поручено осуществлять отвлекающий или дезинформирующий противника маневр... Впрочем, вы в академиях не обучались. В данный же момент, повторяю, поступили единственно верным образом.

Закончив воспитательный момент, генерал перешел к сути:

— Ну-ка, еще раз, давайте вернемся к вашим покойникам. Вы, кажется, сказали...

— Вот именно, господин генерал. Я осмелился предположить, что в боковом или, точнее сказать, широкополосном времени имеет место нечто вроде отстойника для новопреставленных. Или того же «чистилища», но не в религиозном, в чисто материальном плане. В нашем временном коридорчике человек уже мертв (для нас и в нашем восприятии), а там, — Максим развел руки, как рыбак, показывающий размеры добычи, — вроде как еще и нет. Возможно, это определенным образом зависит от причины и способа смерти.

Ну, вроде как смерть клиническая и биологическая. Конечно, все это тоже требует исследований и подтверждений. Думаю, следует попытаться взять «языка» из них и там же, на месте, прояснить некоторые вопросы. Интересная может диссертация получиться, я давно о докторской подумываю...

Чекменев сделал отстраняющий жест.

— В вашем сообщении для меня пока что ценным является сам факт наблюдения данного феномена. Правильно оценить его, увы, ни я, ни вы не в состоянии. Будем искать специалистов.

Максим позволил себе ухмыльнуться.

— Зря, зря иронизируете, — на полном серьезе ответил Чекменев, хотя доктор ничего не сказал. — Мой немалый опыт подсказывает, что, если какое-то событие случается и не является иллюзией или заблуждени-

ем наблюдателя, в девяноста девяти процентах случаев найдется некто, занимающийся этой проблемой давно и профессионально.

— Так точно! Именно этой проблемой на протяжении многих веков занимается огромное количество «специалистов»...

— Что и требовалось доказать, — не поддался на провокацию Чекменев. — Соответственно, ими наверняка накоплен огромный массив фактов и объяснений к ним. Наша задача — выбрать максимально непротиворечивые и близкие к нашему случаю. Впрочем, это уже не ваша забота. Вы же, помнится, упомянули о желании немедленно переговорить с нашим уважаемым Виктором Вениаминовичем. О чем, если не секрет?

— Так, все больше о математике. А от вас какие ж секреты? Поприсутствуете — сами все услышите.

— Пригласите, — без дополнительных вопросов приказал Чекменев адъютанту.

Очевидно, он был готов к тому, что Маштаков потребуется для консультаций или для другой какой-то цели, и держал его под рукой, в рабочем состоянии, несмотря на ранний час.

— С возвращением, Максим Николаевич! Теперь вы убедились, все функционирует с точностью швейцарского хронометра. Ушли, вернулись благополучно. Никаких сбоев? — профессор радостно улыбался, шел навстречу, издавелека протягивая руку.

Максим ее пожал, но выражение его лица Маштакова насторожило. Улыбка погасла.

— Что, отметили какие-то неполадки? Говорите же...

Растягивая удовольствие, Бубнов сначала сел на диван, попросил у Чекменева разрешения закурить, глубоко затянулся. Генерал наблюдал за его действиями со спокойным интересом, Маштаков — с нарастающей тревогой. Все ж таки перед ним сидели офицеры, а он

по-прежнему осознавал себя заключенным, находящимся в их полной власти.

— ...Дурак ты, Виктор Вениаминович, — наконец произнес Максим со вкусом. — И теория твоя дурацкая, и практика. Надо же, развел ахиною! Кантор, Эверетт, параллельные вселенные, точка «Алеф», откуда можно увидеть все настоящее, прошлое и будущее мира! Тот хоть с ума сошел, поняв свою глупость, а ты... Нет, ну и я хорош, — теперь Бубнов обращался уже к Чекменеву. — Какой из меня, на хер, математик?! Поддался террору среды. Ах, думаю, десять лет над темой работает, вычисления у него, электронные машины использует! Профессор опять же. А сейчас, пока вас ждал, меня словно стукнуло. По темечку. Сел с обычным блокнотом, на коленке расчеты проверил — и тут же ошибку нашел. Теперь знаю, куда он ребят забросил...

— Какую ошибку, где? — взвился Маштаков. На грубость и издевательский тон коллеги он не обратил никакого внимания. Пустяк по сравнению со всем остальным.

— Вот ошибка, вот... — он сунул профессору блокнот и ткнул пальцем в середину длинного столбца цифр и математических символов.

— Так куда? — спросил Чекменев, пока Маштаков вникал.

— Я сразу понял, что наших на базе вообще не было, о чем и сообщил Щитникову. Он, как следопыт, со мной согласился. Потом, после инцидента, мне пришло в голову — вдруг их сразу же, в момент перехода, захватили и куда-то уволокли покойники? Довольно естественная мысль в моем тогдашнем состоянии. Но что-то не сходилось. Мысль подспудная меня томила. Будто вот знаю, а вспомнить не могу...

Однако есть у меня некоторые мнемонические приемы, и я себя вспомнить заставил. Все сходилось так,

что напортачил в очередной раз наш непризнанный гений.

Вернулся сюда, пока дежурный вас разыскивал и вызывал, я еще раз просмотрел его расчеты...

— А где же вы их взяли? — удивился Чекменев. — Они ведь в сейфе и под грифом. А ключ... — Он машинально коснулся брючного кармана.

— Виноват, Игорь Викторович. Оригинал, разумеется, в сейфе, и я даже не знаю, где этот сейф. А вот здесь и копия, и вспомогательные материалы, — Максим указал на шкаф вычислительной машины, стоящий у стены. — Мы же с ними работали...

— Работали, — кивнул генерал, — а потом все распечатали и из памяти стерли. Я же видел...

— В этой штуке совсем стереть нельзя. Кое-где информация все равно остается. Просто уметь надо...

— Так! — тон Чекменева не предвещал ничего хорошего. — Это получается — несанкционированный доступ?

— Простите, Игорь Викторович, никаких документов, запрещающих мне работать с ЭВМ, я не подписывал. О неразглашении да, было, так я ведь никому и ничего не разгласил. Даже вам. А техника... Ну, это просто такая техника.

— Хорошо, об этом — позже. Продолжайте по делу.

— Продолжаю. Короче, я убедился, что господин профессор допустил вполне школярскую ошибку при переходе из левой части уравнения в правую. Ну и пошло. Вот — смотрите... — теперь он протянул блокнот Чекменеву, но тот смотреть не стал. Не генеральское это дело, притом что последний раз он имел дело с математикой еще в старших классах гимназии. С тех пор — обходился без и даже забыл, что такое — пресловутый бином Ньютона.

— Одним словом, можно предположить, что ребята

сейчас находятся где-то поблизости от места, где попали под удар «Аллаха». То есть на Ближнем Востоке.

Дело в том, что при пересчете по моей методике поле предстает не изохронобарическим¹, а, грубо говоря, напоминая воронку, образующуюся над сливом ванны. И без специальной энергетической поддержки любой материальный объект из нашего мира (!) непременно в эту воронку засасывается...

— А как же вы? Пошли и вернулись, никуда не «скользнув»? — проявил сообразительность Чекменев.

— Так в том и дело. Тут профессор случайно оказался прав. При постоянной работе генератора напряженность остается стабильной, а при прошлой попытке, видимо, произошел скачок напряженности, в результате — пробой и срыв...

Все это время Маштаков торопливо проверял вычисления Максима. Убедился в его правоте и отвернулся к окну, кусая губы.

— Ну и каков же практический вывод? — это интересовало генерала гораздо больше, чем добротность теории.

— Вывод один — слетать и посмотреть. Тем более что я по-прежнему уверен: «маяк», точнее, два «маяка», разнесенные на энное расстояние, могут сработать как пеленгатор...

Если Виктор Вениаминович не против, мы можем с ним этим заняться вдвоем. Чтобы не допускать впредь обидных ошибок... — Максим, покуражившись немного, все же признал, что по большому счету не ставит под вопрос несомненные заслуги Маштакова и даже определенное его над собой превосходство.

— Против, не против... Кто тут его спрашивать будет. Сегодня же и приступайте. Он пусть приступает, а вы

¹ *Изохронобарический* — имеющий равную напряженность «давления времени» во всех своих точках (лат.).

★ присоединитесь позже, — тут же поправил себя Чекменев. — С Щитниковым еще нужно разобраться. Я за него, честно сказать, не слишком беспокоюсь. Уж если вы отбились, так тем парням — раз плюнуть, — он словно не заметил несколько уничижительного для Максима оттенка фразы. — Но связь-то все равно пропала. Надо искать, и без вас не обойтись. Опять туда идти придется. Как, не слишком устали? В силах себя чувствуете?

— Да во мне ли дело? Сейчас бензедрина проглочу, и на сутки я снова как огурчик. А связи нет уже больше трех часов. Прикажите машины подготовить, что ли...

— Зачем на машинах? Можно и на вертолетах. Быстрее будет. Хотя бы четырехместный «Си-16» через ваш портал пройдет?

— Любой пройдет. Это не проблема, — вмешался Маштаков. Он снова оказывался в центре событий, а за допущенные ошибки никто с него, кажется, взыскивать не собирался.

— Давайте ваш вертолет, а я проход для него подготавливаю...

— А вертолет далеко? — поинтересовался Бубнов.

— Да прямо здесь, на базе, в ангаре. Кстати, вон и Кедров бежит, — указал Чекменев на приближающегося коренастого офицера в пехотном кителе, но с черными флотскими погонами.

— Капитан второго ранга Кедров, ближайший помощник полковника Неверова. Возглавит поиск. Подполковник Бубнов пойдет вашим заместителем и научным консультантом, — представил их друг другу генерал.

Офицеры обменялись рукопожатиями и короткими оценивающими взглядами.

— Кстати, Максим Николаевич — специалист по покойникам, — неизвестно зачем добавил Чекменев.

— Врач, что ли? Или снайпер? — не понял Кедров. О случившемся на «той стороне» он пока не знал.

— Да больше, конечно, врач. Детали он по дороге расскажет.

Еще раз переглянулись, поскольку в присутствии высшего руководства заводить отдельный разговор не принято. Бубнову новый соратник скорее понравился. Понравился ли он сам напарнику — пока не понял.

Пусть они и в равных чинах, но Максим носит свой третий день, а коллега, похоже, лет пять. Отсюда естественная разница в поведении и восприятии жизни.

— Техника сейчас будет готова, — доложил Кедров генералу.

— Пусть готовятся, — сказал Максим и движением головы предложил Чекменеву отойти в сторонку. Побывав «по ту сторону добра и зла», он несколько утратил навык строго придерживаться субординации в отношениях с высоким начальством.

«Пока что я им нужнее, чем они мне», — думал доктор и был прав, поскольку сейчас в распоряжении генерала почти не осталось надежных и одновременно квалифицированных сотрудников. Ну, сам Бубнов, ну, инженер Генрих, тот же Кедров, однако при всей его надежности образование он имеет чисто военно-морское, с пехотным оттенком. Других еще искать надо, привозить сюда и морально готовить.

— Вы что-то имеете предложить?

— Скорее спросить. Зачем нам тащить вертолет отсюда, если он уже есть там? Вернее, тут. Тьфу, черт, совсем запутался.

— Что? Ах да, конечно, — сообразил Чекменев.

— Вы же сами именно поэтому не велели нам что-нибудь трогать на базе и даже входить в дома?

— Да, Маштаков подчеркнул, что одновременно использование одних и тех же предметов там и тут может вызвать последствия.

— Может вызвать, а может и нет. Давайте, пользу-

ясь случаем, эксперимент проведем. Пилот попробует взлететь на вертолете, который там...

Чекменев не возражал, но предпочел проконсультроваться по поводу предложения Максима еще и с Маштаковым.

Профессор фыркнул.

— Пробуйте, я не против. Только...

— Что — только?

— Скорее всего — ничего. В буквальном смысле. Но давайте попробуем. Практический эксперимент всегда интереснее мысленного.

Когда Кедров вернулся вместе с пилотом, у Маштакова все было готово.

Понемногу уже рассветало, в сером полусвете вырисовывались коттеджи, здание учебного центра, ангар, из которого техники выкатывали двухвинтовой четырехместный вертолет с почти полностью остекленным каплеобразным фюзеляжем.

Генератор тоже был готов к работе в нужном режиме.

— Итак... — Маштаков гостеприимным жестом предложил всем желающим пройти через невидимый портал. И обрисовал рукой, где именно он находится.

— А разве не нужно сначала вернуться в дом, к аппарату? — удивился Чекменев.

— Какая разница? Хронополе распространяется через любые преграды, кирпичная стена для него — тьфу, — он натуральным образом сплюнул на покрытую росой траву.

Все, включая генерала, сделали несколько шагов в указанном направлении.

— И что дальше? — спросил Чекменев.

— Ровно ничего, — ответил Маштаков, продолжая упиваться собственной исключительностью. — Ничего в общепринятом смысле. Мы с вами уже, можно сказать, там. И одновременно остаемся здесь. В качестве аналога вообразите спуск в кабине скоростного лифта с со-

того этажа небоскреба. Объективно — падаем, пролетая много десятков метров в секунду. Одновременно — в полном покое смотрим на мелькающие цифры этажей на табло.

До тех пор пока поле включено, разницы для нас нет. Вот ваш ангар, поле, дома. Чем-нибудь они отличаются? Нет. И я о том же. Можно сейчас поднять в воздух вертолет, полетать над базой. И не увидеть ровно никакой разницы.

— И группу Щитникова мы не найдем?

— Скорее всего, нет. В данном варианте она сейчас несколько более «там», чем мы. Как бы — за чертой горизонта, который непременно будет удаляться. Или как в том анекдоте, где на двери магазина вечно висит табличка «Откроемся завтра».

— Издеваетесь? — холодно спросил Чекменев. — Имейте в виду, что мое терпение имеет пределы, и не стоит его испытывать вашим популяризаторским зудом. Перельмана¹ я прочитал в начальной школе. Второго мне не надо.

— Ни в коем случае, ваше превосходительство! — по неизбывной страсти к актерству, Маштаков снова прижал руки к груди. — Просто-напросто нужно опять отключить хронополе. Оставшись по эту сторону. И тогда — лететь куда угодно.

— А что случится с этой машиной?

— Вот и посмотрим. Кто-то из нас вернется в «исходный мир». Кто останется здесь, увидит летящий вертолет. Не более.

— Значит, не будем тянуть. Кедров — займите место в машине. Пилот, вы, два бойца. Подниметесь в воздух. Если все пройдет удачно, Бубнов с отделением взлетают

¹ Я. П е р е л ь м а н — известнейший автор популярно-просветительских книг 1910—1940 годов по вопросам математики, физики, астрономии и т.д., рассчитанных на читателей примерно с семиклассным образованием.

следом. Задача — поиски группы Щитникова. Направление и место знаете.

Ну а мы с вами, профессор, сыграем роль очень заинтересованных зрителей.

Зрелище и в самом деле оказалось весьма поучительным, главное — снимающим большую часть вопросов.

После того как зона перехода была закрыта с этой стороны, Чекменев лично взобрался в кабину оставшегося вертолета, повернул ключ зажигания.

Ничего не произошло. Не загорелась ни одна лампочка на приборном щитке, не дрогнула ни одна стрелка. Такое впечатление, что в машине вообще отсутствовал аккумулятор.

Генерал покачал ручку управления. Она двигалась свободно, педали тоже ходили в положенном диапазоне, но и только. Но на оси и лопасти винтов команда не передавалась.

— Все так и должно быть, Игорь Викторович, — с удовлетворением сообщил Маштаков, с земли наблюдавший за его действиями. — Это у вас сейчас не живая машина, а просто макет в натуральную величину...

— Почему так?

В который уже раз за сегодня профессор развел руками с одновременным пожатием плечами.

— Вы от меня требуете слишком многого. Я просто путем рассуждений пришел к выводу, что один и тот же предмет не может одновременно использоваться и здесь и там. Поскольку он ведь не удваивается, остается самим собой. Таким образом природа защищается от парадоксов. Если поезд едет в Одессу, он не едет в Киев, и наоборот, соответственно. А объяснить, почему и как этот принцип соблюдается, — увольте. Демокрит додумался до существования атома две тысячи лет назад, экспериментально же его догадка подтвердилась намного позже...

— Предлагаєте ждати две тысячi лет? — спросил Чекменев, прыгивая на землю.

— Это уж как получится. Но «там» летать можно спокойно, это, я думаю, для вас главное.

Да, для генерала это было важно. Однако гораздо важнее было другое. Уже сегодня можно доложить князю, что эксперимент убедительно подтвердил самые смелые их надежды. И даже кое в чем превзошел.

Путь в параллельное время открыт, в нем можно жить и маневрировать. Захватив, к примеру, на «той стороне» танковый полк, перебросить его в нужное место, будучи уверенным, что здесь ни одна машина не сдвинется с места. Мало, что такой маневр как бы автоматически удваивает наши силы в материальном отношении, так ведь и психологический фактор!

Каково вражескому командованию будет узнать, что в решительный момент вся его боевая техника вышла из строя по неизвестной причине и ремонту не поддается!

...Через пять минут после взлета пилот указал Максиму на поблескивающий в лучах утреннего солнца вертолет Кедрова, очевидно, завершавший по широкому кругу облет окрестностей базы.

Связь между машинами действовала хорошо, однако даже с высоты в полкилометра ни на одном диапазоне не улавливалась работа радиостанции Щитникова. Бубнов подумал, что, скорее всего, у поручика тоже разрядилась батарея. Если она из той же партии, так ничего странного. А преобразователя, позволяющего подключиться к питанию маяка, у них, естественно, не имеется.

Так он и сказал Кедрову.

— Максимум через полчаса все выясним, — кавторанг к долгим разговорам не был расположен.

Или просто мешал гул двигателя.

Максим летел на боевом вертолете впервые в жизни,

и этот мало с чем сравнимый рев и грохот ему крайне не понравился. Из-за него пропадало всякое желание любоваться красотами ранней подмосковной осени, а кроме того, он не мог избавиться от страха, что в следующий момент трясущийся мотор просто развалится на куски и вертолет рухнет вниз вместе со всем своим экипажем. А парашютов им не выдали. Впрочем, если бы они и были, пользоваться этим спасательным средством доктор все равно не умел.

Лишь абсолютное спокойствие бойцов и пилотов подсказывало ему, что непосредственной опасности, скорее всего, нет.

Бывает, конечно, падают и самолеты, и вертолеты, но не каждый же день.

Догадываясь о чувствах новичка, определенного им в командир, второй пилот широко улыбнулся Максиму, показал ему поднятый большой палец и сделал успокаивающий жест открытой ладонью.

Бубнов тоже кивнул. Все в порядке, мол. Но про себя подумал, что впредь будет всячески уклоняться от такого рода забав.

Впрочем, постепенно он освоился, рев двигателя стал будто бы потише.

«Слуховой нерв начинает атрофироваться. Не зря же летуны и на земле так кричат. Ничего, за полчаса не оглохну», — успокоил он себя.

По команде Кедрова поднялись до высоты 800 и разошлись на расстояние около километра.

— Если что, они нас снизу раньше заметят, чем мы их, — пояснил Максиму по переговорному устройству смысл маневра пилот.

Он и сам так думал. Различить несколько человеческих фигурок, одетых в маскировочные костюмы, с такой высоты, да еще под пологом только начавшего желтеть и краснеть, но не сбросившего листву леса, казалось

доктору, без привычки, делом совершенно безнадежным.

В планшете у него лежала выданная Чекменевым копия карты, полученной накануне Щитниковым с нанесенным красным карандашом маршрутом.

Путь группы был проложен так, что старательно обходил все более-менее заметные населенные пункты, лишь в одном, достаточно пустынном месте пересекал шоссе на Калугу и заканчивался на берегу реки Угра, неподалеку от поселка Полотняный Завод.

Местность была лесистая и сильно пересеченная. Максим подумал, что правильно сделал, приказав Щитникову ночевать, а не двигаться. Четверо мужиков с хорошим вооружением в гораздо большей безопасности должны оказаться на подготовленной позиции, чем во время марш-броска по лесам и перелескам этого совсем не столь безопасного, как представлялось, мира.

Скорее всего, даже занятая конкретным врагом территория, но на своей земле, сулит меньше неожиданностей.

Жаль только, что он не сообразил, по отсутствию общевойсковой подготовки, спросить у поручика координаты последней стоянки.

Но в любом случае, просто по расчету времени, это должно быть где-то здесь. Плюс-минус пять километров.

Так он и сообщил Кедрову.

Вертолеты, еще больше разомкнувшись вправо и влево, начали описывать встречные спирали над квадратом между селами Львово — Рогово — Алферово — Богоявление. Площадь территории — около ста квадратов, а центр — примерно там, куда мог выйти Щитников после «крайнего» сеанса связи.

Увидев масштаб зоны поиска, Максим испытал чувство безнадежности. Кого и за сколько времени можно здесь найти, если даже один квадратный километр — невообразимая путаница оврагов, ложбин, полянок, де-

филе ручьев и речек. И все вперемежку поросло редколесьем, разбросанными тут и там островками кондовых сосен, бурьяном вроде чертополоха и колючим кустарником.

В похожие места ему приходилось забредать с компанией в походах за грибами, и не дай бог, увлекшись, уйти за пределы прямой видимости. Голос сорвешь, призывая вот только что мелькавшего неподалеку товарища.

Однако командир вертолета отнюдь не терял куража. Для него, повоевавшего даже и в ангольских джунглях и саваннах, сегодняшнее задание представлялось пустяком.

— Если хоть кто-то здесь — найдем, — заверил он Бубнова.

И, будто в подтверждение его слов, прямо из середины буро-оранжевой рощицы, примостившейся на краю косогора, взвились в небо две цепочки ракет. Сначала — ярко-зеленых, потом — черных дымовых.

— Наши! — закричал в ларингофон пилот. — Крайняя опасность! — И свалил машину в крутой вираж. У Максима сердце, желудок и кишки подбросило прямо к горлу.

Он еще успел вчуже поразиться, как четко сидевший у него за спиной боец, не обратив внимания на маневр и перегрузку, отщелкнул дверцу, ушедшую на роликах вбок и назад, вывернул за борт турельный пулемет и почти повис на ремнях над бездной, выискивая подходящую цель.

Навстречу, только сотней метров ниже, заходил на эту же точку вертолет Кедрова.

— Вон, вон, вижу, — раздался в наушниках чей-то вскрик.

Сам доктор не видел ничего, кроме стремительно летящих в глаза древесных крон.

А сзади уже загредел пулемет. Из подвешного пилон второго вертолета сорвался и ушел вниз НУРС¹. Короткий прочерк трассера, и между кустов вспух шар разрыва.

Теперь и Максим увидел.

По склонам высоты карабкались, то редкими цепочками, то сбиваясь в группы, десятки человеческих фигур. Сверху это напоминало тактические ротные учения по теме «Атака на опорный пункт противника». Некоторые падали и оставались лежать, другие тут же поднимались и продолжали медленное, но неостановимое движение к вершине.

— Твою мать, что же это такое? — охнул пилот. — Их тут сотни!

Максим знал что, но объяснять времени не было.

— На бреющий и фланговый огонь из всех стволов, — командовал Кедров. — Целься аккуратней, своих не посеки... Второй, — это уже конкретно их вертолету, — высадка десанта с зависания на вершину. В точку сигнала.

Вертолет, дрожа, остановился в воздухе над небольшой прогалиной, воздушный поток от винтов нещадно трепал верхушки деревьев.

«Как же тут высаживаться? — подумал Бубнов. — Высоко ведь!»

Машина еще чуть просела, и в распахнутую дверь левого борта один за другим посыпались бойцы, уверенно приземляясь на полусогнутые ноги и мгновенно исчезая между деревьями. Максим не знал, что при прыжке с четырехметровой высоты удар о землю даже слабее, чем испытывает обычный парашютист.

В вертолете остались только пилоты, доктор и пулеметчик, который, пользуясь паузой, менял перегретый ствол.

¹ НУРС — неуправляемый реактивный снаряд.

Боевая машина снова поднялась и скользнула вдоль склона в сторону атакующих, едва не касаясь колесами деревьев.

На долю секунды перед глазами Максима возникла слитно бегущая навстречу толпа из двух примерно десятков фигур, и в нее с направляющих ушли сразу четыре ракеты.

Разрывов увидеть он не успел.

Нет, такая война не для него, реакции и навыков не хватает даже для того, чтобы уследить за происходящим, а не то чтобы принимать осмысленные решения.

Рев моторов, стрельба и грохот взрывов стихли как-то разом.

Вертолет стоял на земле. Лопасты винтов крутнулись несколько раз и замерли, безвольно обвиснув.

Цепляясь за край дверцы и стойку шасси, доктор выбрался наружу. Ноги дрожали, по спине и из-под шлема на щеки стекали капли пота. Но автомат он привычно взял на изготовку.

Пулеметчик сноровисто сдернул свою пятнадцатикилограммовую машинку с турели и помчался вниз по склону, где еще потрескивали редкие выстрелы.

Не успел Максим вытащить подрагивающими пальцами сигаретную пачку, как увидел, что, раздвигая плечами кусты, к нему направляется Щитников, выглядящий далеко не так браво, как вчера вечером.

Лицо в пыли, грязи и пороховой копоти, камуфляж кое-где порван, берет потерялся, волосы спутанные и слипшиеся. В руке автомат без магазина.

О присутствии в составе спасательного отряда кавторанга Кедрова он еще не знал и начал докладывать Максиму, как непосредственному начальнику. Так оно, впрочем, и было. Для Щитникова приказ генерала никто не отменял.

Хотел подкинуть руку к виску, вспомнил, что голова не покрыта, остановил жест на полпути.

— Господин подполковник. Как вы и предупреждали... Около трех часов дозорный подпоручик Мамаев обнаружил приближение неизвестных к расположению. Действовал по Уставу. Запросил, кто идет, произвел предупредительный выстрел. Открыть огонь на поражение, очевидно, не успел. Дальнейших выстрелов не последовало, на наши крики не отвечал. Искать его в темноте я счел нецелесообразным. Тем более весь лес наполнился этими... тенями. Приказал занять круговую оборону. На дереве, — как показалось Бубнову, он несколько смутился, указав на невысокий, но коренастый раскидистый дуб у края поляны. Вроде как неприлично боевому офицеру на дереве прятаться. Бросив внизу товарища.

— Совершенно правильное решение, — успокоил его Максим. — И что дальше?

— Отстреливались, до гранат несколько раз доходило. А эти все прибывали и прибывали. Патроны кончаться стали. С той стороны тоже стреляли, очевидно, из автомата Мамаева, но неприцельно. Да у него с собой всего один рожок и был.

С рассветом я принял решение идти на прорыв. Наметил путь отхода, бросили последние гранаты, пошли. С той стороны почти отвесный обрыв и далеко выступающий мысок. А внизу снова эти... Много. Учуяли нас и стали карабкаться.

Поручик судорожно вздохнул:

— Похоже, как будто огненные муравьи в Африке...

Щитников там бывал, с муравьями встречался, и они оставили у него незабываемые, крайне неприятные впечатления.

— Я все-таки решил катиться вниз и это... штыком и прикладом! Но тут услышали вертолеты. Пустили ракеты и приняли последний бой. На перешейке. Те, которых мы распугали, опомнились, сзади атаковали. Тара-

сов погиб... Пять минут буквально продержаться оставалось.

— Как погиб, застрелили?

Щитников помотал головой.

До этого он держался и докладывал так, словно вышел из обычного, пусть и тяжелого боя. С нормальным противником. А сейчас, оказавшись среди своих и заново восстановив происшедшее, как будто сломался.

Лицо у него резко побледнело, в глазах блеснуло нечто вроде безумия.

Максим сунул ему в руки спасительную фляжку.

— До дна! И присядь.

Поручик выпил, вытер губы рукавом, чисто машинально, потому что высосал он виски разом, не уронив ни капли.

— Не застрелили Кольку. У него патроны кончились, он за пистолет схватился, а вытащить не успел. Двое на него навалились. Одному Левон в упор череп разнес, второго я... Только Николай уже мертвый был.

— То есть? Его что, задушили или ножом?

— Нет, — поручика передернуло. — Просто умер. Испустил дух, как говорится... — со странной интонацией произнес он.

Позади хрустнула ветка. Максим обернулся, чересчур резко. За спиной стоял первый пилот и слушал доклад поручика с полным недоумением на лице.

— Капитан, дайте человеку еще чуток противошокового. У вас наверняка есть, — средним между приказом и просьбой тоном обратился к летчику Бубнов. — А я сейчас.

— Володя, где Тарасов?

Щитников рукой указал направление.

— Да я с вами пойду... Там еще Шаумян где-то. У него патроны еще остались, он к десанту присоединился, а у меня вот...

Как последнее оправдание, он протянул разряженный автомат.

— Сиди, сиди, хватит с тебя. Сам найду.

У него еще оставалась надежда, что поручик ошибся и Николай жив. Просто впал в ступор.

Увы, нет!

Картинка, увиденная на рубеже последнего боя, практически не отличалась от вчерашней, разве что своей масштабностью. Трупов разной степени сохранности по поляне и окрестным кустам было разбросано больше на порядок.

И при солнечном свете выглядело все это гораздо неприятнее.

Как и говорил Щитников, на узком перешейке — метра три всего шириной — ничком лежал единственный здесь «нормальный человек», в знакомой камуфляжной униформе. По бокам от него — сильнее обычного поврежденные скелеты.

Ну да, патроны же у поручика кончились, и он, похоже, охваченный яростью и отчаянием, увидев, как его товарища схватили мертвецы, крушил и автоматом, как дубиной, и подкованными ботинками бил с силой лошадиных копыт.

А Тарасов был мертв, безусловно и абсолютно. Хотя и не имел на теле видимых повреждений. Только выглядел ничуть не похоже на того коренастого, крепко сбитого офицера, с которым совсем недавно простился Бубнов.

Сейчас он скорее напоминал скончавшегося от холеры или от рака с обширными метастазами.

Крайняя степень истощения, кахексия.

Примерно об этом Максим начал догадываться еще ночью.

Вот зачем ходячие покойники гонятся за людьми, настойчиво и неостановимо. Скорее всего — бессознательно.

Им просто нужна жизненная энергия.

Догнали живого, схватили и «разрядили». Как законченный аккумулятор. Зная или инстинктивно чувствуя, что это поможет им продлить свое здешнее существование, а то и вернуться обратно.

Воскреснуть, грубо говоря.

Да только не успели воспользоваться полученным: Щитников с Шамяном разнесли их буквально в клочья.

Понимая, что мысли его — циничные и неправильные, доктор все-таки пожалел, что офицеры сработали слишком грубо.

Как бы было интересно увидеть эффект еще неизвестного науке процесса...

Немедленно устыдившись, даже оглянувшись машинально (вдруг кто-нибудь способен был подслушать), Максим сделал единственное, что мог, — выругался в свой собственный адрес и, цепляясь за пружинящие ветки, обрушился вниз по двадцатиметровому глинисто-песчаному склону. Падая, снова подсакивая, уклоняясь от нацеленных в лицо и грудь сучьев.

На плоскости еще постреливали, но уже недружно. Там очередь, другая, где-то дальше — гранатный разрыв.

Максим мчался на шум боя, как кабан в камышах, надеясь, что никому из штурмгвардейцев не вздумает брать «языков» голыми руками.

Добежать, предупредить!

Чем угодно — веревками, жердями, да хоть чехлами вертолетов — можно их накрыть, спутать и обездвигить, но не прикасаться руками!

Как в тюрьме нельзя прикоснуться рукой к «опущенному». Пусть и по другой причине. А может быть, именно по этой же. Пробой негативной энергии.

К сожалению, Бубнов не успел. Ребята — вздумали.

Уж больно профессиональные и азартные бойцы служили в подразделении Кедрова.

В горячке боя не уstraшились даже немислимого.

То еть пока трупы еше двигались, они не слишкоm отличались от живых, но все равно от них исходила некая эманация ужаса. Поэтому бойцы стреляли и швыряли гранаты без каких-то сомнений, обязательных в любом другом случае. Противник ведь был безоружен, одет по преимуществу в гражданскую одежду!

А многие — просто в белье, а еше некоторые вообще были совершенно голые. В том числе и женщины. Да, здесь были и женщины, по преимуществу старые, конечно, но попадались и молодые.

Что и позволило Максиму догадаться, как он был не прав в своих ночных рассуждениях.

С чего он вообразил, что мертвец оживает здесь только после похорон?

Это его Колосов сбил с панталыку. Хоронили, мол, отставного полковника в парадной форме, я рядом с гробом стоял.

Вот и перемкнуло.

На самом же деле — все происходит именно в момент смерти, как же иначе?

А дед просто умер в мундире. Сфотографироваться собрался напоследок, при всех регалиях, или на встречу боевых друзей шел. Вот его в любимой форме в гроб и положили.

Остальные, собравшиеся на вита-излучение группы Щитникова, тоже одеты так, как в свой последний миг. Кто в постели умер, кто на операционном столе, кто под колесами автомобиля или — на поле боя!

Значит, если Половцев с Неверовым оказались в зоне боев минувшей арабо-израильской войны, им грозит опасность столкнуться с сотнями свеженьких, вооруженных штатным оружием трупов!

Все это промелькнуло в голове Максима за те секунды, которые он бежал по жутко выглядевшему полю на-

★ встречу Кедрову. Чистый ремейк малоизвестной картины Васнецова «После битвы русских с половцами».

В принципе кавторанг был в курсе дела, Бубнов изложил ему свое открытие довольно подробно, но слова, которым можно верить и одновременно не верить, — одно, а прямое столкновение с батальоном покойников — совсем, совсем другое.

Инстинктивно они оба смещались на бегу в сторону от центра уже завершившегося боя и остановились на буторке в приличном отдалении от гниющих (точнее, стремительно сгнивающих) тел.

— Что же ты нас не предупредил? — яростно бросил в лицо Максиму кавторанг, держа на отлете ручной пулемет «РПД» с дымящимися от бешеного огня деревянными ствольными накладками.

— О чем? — догадываясь, о чем именно, все же спросил доктор.

— Что прикасаться к ним нельзя! Ребята одного схватили...

— И?..

— Затрясло их, побелели сразу и упали. Умерли! Как от удара током в десять киловольт!

— А покойник?

— Стряхнул их руки и как припустил! Остальные еле двигались, а этот как на сотку стартанул!

— И?.. — снова спросил Максим. Других слов у него сейчас не было.

— Размолотили! Из пяти стволов. Больше в плен никого брать не стали...

Кедров безнадежно махнул рукой. Сел по-турецки на желтеющую траву.

— Куда ты нас завел...

— Знать бы, — опустил Бубнов на корточки рядом. — В мир бабушкиных сказок, — вспомнились ему слова Колосова. — Гуси-лебеди...

— Какие лебеди? — кавторанг посмотрел на доктора странно. Не повредился ли товарищ в рассудке?

— Сказка, сказка такая, — повторил Максим. — Баба-яга, костяная нога, то есть обычный скелет, слегка эвфемизированный¹, козлиное копытце, тридесатое царство — «тот свет», если угодно. Привыкай, ваше высокоблагородие. Тебя, кстати, как зовут? — спохватился Бубнов, который не любил обращаться к людям исключительно по чинам и фамилиям.

— Виталий. Так что, пойдем?

— Куда?

— Людей соберем, за службу поблагодарим. Потери посчитаем. И — домой. Лично я тут ни одной лишней минуты оставаться не собираюсь. С меня хватит...

Кавторанг выглядел нехорошо, говорил тусклым голосом, держался, как понимал Максим, на последних ресурсах характера и офицерской гордости.

В том духе, как любил говорить фельдмаршал Суворов, когда и ему становилось страшно: «Что, дрожишь, проклятый скелет (имея в виду собственный)? Ты еще не так задрожешь, когда узнаешь, куда я тебя сейчас поведу!»

И водил его, к примеру, на штурм Измаила или на Чертов мост.

К сожалению, у доктора сейчас не было ничего, чтобы должным образом взбодрить Кедрова, а ведь известно, что опоздание в этом деле чревато нехорошими последствиями. стакан водки и покурить (сейчас же) — в девяноста процентах случаев полезнее, чем месяц лечения в клинике для уже поехавших крышей. Любой фронтовик вам это скажет, даже и без медицинского образования, поскольку чувствует инстинктивно, что главное — не дать возникнуть в мозгу очагу застойного возбуждения.

¹ Э в ф е м и з м — более мягкое слово или выражение вместо грубого или слишком прямого (греч.).

...Беликий князь выслушал рапорт Чекменева о славном рейде, в очередной раз подтвердившем, что Гвардии доступно все, и впал в глубокое раздумье.

Успех налицо, и успех небывалый. Еще точнее — немыслимый. Победа — очевидна. Еще не начавшаяся война с Каверзневым выиграна. Причем бескровно.

Олег Константинович более всего на свете боялся, что в борьбе за власть прольется кровь русских людей. И не только русских, естественно, но все же и петроградские, и московские войска, тем более — их командный состав состоял по преимуществу из русских или считавших себя таковыми.

Теперь же можно обойтись вообще без вооруженных столкновений...

Достаточно только конфиденциально намекнуть премьеру о новом раскладе. Он человек умный, поймет все, и правильно. Желая жить и оставаться в когорте избранных, согласится на приемлемые для всех условия.

Но вот как теперь жить вообще? С этим знанием?

К Патриарху, что ли, поехать? Посоветоваться, обсудить, может быть, покаяться?

А в чем?

Вот Игорь сказал, что капитан второго ранга Кедров, исполнив свой долг безупречно, вдруг решил уйти в монастырь!

А казался сильным человеком. Уже был заготовлен приказ о его производстве в следующий чин. Теперь что? Игуменом станет? Или схиму примет?

— Ваше Императорское Высочество, — осмелился прервать великокняжеские мысли Чекменев, — как распорядитесь? Надо ведь за Тархановым и Ляховым с их людьми помощь посылать. Маштаков утверждает, что с самолета дальней радиолокационной разведки какие-то сигналы перехватил. Без гарантии, что там именно наши парни, но других излучений, исходящих от живых людей, в мертвом мире якобы просто не может быть...

— Ах да! Конечно, конечно. Посылайте немедленно. Два транспортных «Святогора» с вертолетами на борту и не меньше роты десанта.

— Если позволите, Ваше Высочество, я бы хотел сам возглавить. Обязан просто, — произнес Чекменев чуть дрогнувшим голосом.

Князь внимательно посмотрел на помощника и друга.

Игорь нужен ему здесь и сейчас. Как никогда нужен.

Но ведь и отказать тоже невозможно.

Честь, долг и все такое...

— Не возражаю. Только ты уж... того. Постарайся вернуться. Обязательно. Иначе буду вынужден наказывать. Невзирая на прошлые заслуги...

Тем более получается, что и в загробном мире тебя теперь достать будет можно.

Пятигорск, Ставрополь

1976, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	24
Глава третья	59
Глава четвертая	103
Глава пятая	115
Глава шестая	157
Глава седьмая	184
Глава восьмая	204
Глава девятая	229
Глава десятая	248
Глава одиннадцатая	260
Глава двенадцатая	278
Глава тринадцатая	295
Глава четырнадцатая	314
Глава пятнадцатая	338
Глава шестнадцатая	369
Глава семнадцатая	401
Глава восемнадцатая	418
Глава девятнадцатая	436
Глава двадцатая	460
Глава двадцать первая	482

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич

БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА

Ответственный редактор *В. Мельник*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

Корректор *М. Смирнова*

В оформлении переплета использована работа художника *Лео Хао*

ООО «Издательство «Эксмо».

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет

весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:

Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий
ассортимент книг издательства «Эксмо».

Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»

в Нижнем Новгороде и Челябинске:

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.

ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.07.2003.

Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 22,3.

Тираж 20 100 экз. Заказ 394

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

НОВЫЙ РОМАН

Василия ЗВЯГИНЦЕВА

в новой серии «Русская фантастика»

**«Билет на ладью Харона» –
еще одна альтернативная история**

*Василий Звягинцев – писатель-фантаст,
лауреат престижных литературных
премий «Интерпресскон» и «Аэлита»,
премии им. А.Р.Беляева и специальной
международной премии «Еврокон»
за роман «Одиссей покидает Итаку».*

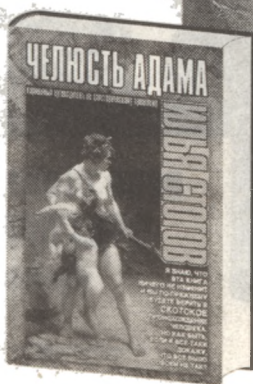

КУЛЬТОВЫЙ автор "ЭКСМО"

ОСТРОУМНЫЙ ИЛЬЯ СТОГОВ

В СЕРИИ
"КАРМАННЫЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ"

"Я знаю, что эта книга ничего не изменит и вы по-прежнему будете верить в скотское происхождение человека. Но как быть, если я сумею доказать, что все было совсем не так?"

ИЛЬЯ СТОГОВ, он же
СТОГОFF, в роли
антрополога!

"ЧЕЛЮСТЬ АДАМА"

КУЛЬТОВЫЙ автор "ЭКСМО"

ВСЕЗНАЮЩИЙ ИЛЬЯ СТОГОВ

В СЕРИИ
"КАРМАННЫЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ"

"Вселенная
возникла 15
миллиардов лет
назад и погибнет
еще не скоро. До
тех пор вы
можете
спокойно читать
эту книгу".

ИЛЬЯ СТОГОВ, он же
СТОГОFF, в роли
прорицателя!

"ПРЕЖДЕ ЧЕМ МИР ВЗОРВЕТСЯ"

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА

Ответ «черного интернационала» на захват Сергеем Тархановым изобретателя «Гнева Аллаха» профессора Маштакова не заставил себя ждать. Полномасштабная войсковая операция в Пятигорске подтвердила: отныне игры со временем и научные эксперименты переходят в фазу создания супероружия, что приведет к войне за мировое господство. Победит в ней тот, кто первым рискнет шагнуть за грань. Куда? В прошлое? В будущее? В чужую реальность, однажды увиденную Тархановым и почему-то показавшуюся странно знакомой?.. Однако не обернется ли это еще большей бедой как для самих участников «похода за пределы», так и для мира в целом?

